

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В. Н. ТАТИЩЕВА»

На правах рукописи

МАРКЕЛОВ Константин Алексеевич

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНЕ БОЛЬШОГО КАСПИЯ

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора политических наук

Специальность: 5.5.4 – Международные отношения,
глобальные и региональные исследования

Научный консультант:
доктор философских наук,
профессор
Карабущенко Павел Леонидович

Астрахань – 2023

Содержание

Введение	4
Глава 1. Каспийский регион как самостоятельная пространственно-геополитическая единица:	
теоретические основания и концептуальная динамика	30
1.1. Большой Каспий в контексте современных геополитических процессов: к новой познавательной парадигме	30
1.2. Цивилизационный фактор в современной геополитике	63
1.3. Большой Каспий: от западного триумфализма к «сырьевому воображению» и «ресурсному национализму» новых независимых государств региона.....	96
Глава 2. Геополитика нефте- и газопроводов как ключевая характеристика Большого Каспия: к пониманию дезинтеграционного потенциала новых региональных политических интересов	112
2.1. Появление каспийской трубопроводной политики: нефте- и газопроводные проекты как инструменты реализации глобальных и региональных интересов и попыток перекройки региона	112
2.2. Локализованная геополитика «транзитных войн» в регионе Большого Каспия.....	121
2.3. От «ресурсного национализма» к «новому энергетическому порядку»: страны Каспийского региона в контексте меняющихся энергетических приоритетов в мире	130
Глава 3. Инструментализация ресурсного фактора и формирование моделей внешней политики стран Прикаспия	146
3.1. Прикаспийский регион в контексте правового статуса Каспийского моря: политический аспект анализа.....	146
3.2. Транспортные узлы на Каспии и кластерная экономика как геоэкономические инструменты прикаспийской интеграции	158

3.3. Региональная безопасность как условие стабилизации отношений и сотрудничества государств Прикаспия на Евразийском континенте	176
Глава 4. Большой Каспий в геополитических стратегиях глобальных и региональных центров силы	196
4.1. Современные интеграционные процессы и политика межгосударственного сотрудничества в Каспийском регионе: от геополитики к геоэкономике транспортных систем на Евразийском пространстве	196
4.2. Каспий и каспийские страны в рамках реализации китайского инфраструктурного суперпроекта «Один пояс – один путь»	213
4.3. Каспийские проблемы в рамках концепции Евразийского пространства	221
4.4. Современная Центральноазиатская зона как евразийская геополитическая дуга нестабильности на пространстве Большого Каспия	245
4.5. Актуальные проблемы современной российской геополитики: каспийский вектор	268
Заключение	279
Список использованных источников и литературы	289
Приложения	386

Введение

Актуальность данной темы объясняется тем, что сразу после распада СССР регион Каспийского бассейна стал важным геополитическим перекрестком Евразии. Обнаруженные в различных секторах шельфа Каспия богатые месторождения нефти и газа стали основной причиной повышенного интереса к этому региону со стороны глобальных, национальных и региональных политических субъектов. Действительно, Каспийский бассейн превратился в ареал соперничества за обладание углеводородными ресурсами и маршрутами их транспортировки на мировые рынки, что повлекло за собой актуализацию старых и активизацию новых геополитических процессов в регионе. В свою очередь, для новых независимых государств Прикаспия контроль над прибрежным нефтегазовым сырьем и маршрутами его транспортировки превратилась в одно из ключевых условий строительства собственной государственности и укрепления суверенитета, что вывело их на новый уровень геополитической конкуренции.

Свою роль в повышении актуальности проблемы Каспия сыграли события осени 2001 г., связанные с началом оккупации Афганистана войсками международной коалиции. Важным результатом данных процессов можно считать еще большее увеличение геополитической значимости ареала Большого Каспия в связи с тем, что большой интерес к данному региону как дополнительной кладовой углеводородных ресурсов и многообещающему военно-стратегическому плацдарму стал демонстрировать не только коллективный Запад, но и Китай, и Турция.

Признавая справедливой данную констатацию, полагаем, что следует все же считать устаревшим весьма распространенный вывод о том, что Каспийский регион оказался предметом борьбы больших и малых политических интересов только лишь из-за того, что стал восприниматься как новый нефтегазовый регион Северной Евразии [120, с. 44]. Современный Каспийский регион благодаря мегапроектам в транспортно-инфраструктурной, транзитно-коммуникативной

сферах подвержен сильной трансформации. Одним из таких масштабных проектов-трансформаторов больших пространств является мегапроект современного Китая «Один пояс – один путь» [347, с. 353]. Проводимая Россией СВО на Украине также актуализирует проблему транспортных коридоров и геополитического противоречия, влияния и управления геополитическими процессами в Каспийском регионе.

Вторая карабахская война осени 2020 г. и ее итоги критически изменили геополитическую ситуацию в регионе южного Кавказа и Каспийского бассейна. По сути дела, вывели процесс формирования Большого Каспия как новой геополитической единицы, имеющей самостоятельное энергетическое, торгово-транспортное и военно-стратегическое значение, на новый уровень. Важной частью данной региональной трансформации является геополитическое закрепление России в регионе после ряда впечатляющих военно-политических шагов: признания Южной Осетии и Абхазии в 2008 г. (сегодня в обеих республиках работают посольства РФ и находятся семь тысяч российских военнослужащих), усиления Каспийской флотилии после начала сирийской кампании, закрепления в Закавказье в качестве ведущей миротворческой силы после окончания карабахской войны. Доминирование Москвы в ареале Большого Каспия становится безоговорочным, и сегодня вряд ли у кого возникают сомнения в том, кто является ключевым геополитическим игроком в регионе. Таким образом, вторая карабахская война и ее последствия не только закрепили геополитические перемены в Закавказье, но стали символом давно назревших геополитических тенденций в ареале Большого Каспия, что, в свою очередь, несомненно, актуализирует проблему нашего диссертационного исследования.

Посткарабахская мирная пауза создала новую транспортно-коммуникационную (и более широко – геополитическую) реальность в данном регионе. По результатам московской встречи 11 января 2021 г. лидеров России, Азербайджана и Армении – В. Путина, И. Алиева, Н. Пашиняна – было подписано заявление о восстановлении экономических и транспортных связей в регионе. Разблокирование коммуникаций между Азербайджаном, Арменией и Турцией

также предусмотрено трехсторонним заявлением лидеров России, Азербайджана и Армении о прекращении огня в Нагорном Карабахе, вступившим в силу 10 ноября 2020 г. По сути дела, это означает не только новый импульс развития транспортно-транзитной системы, но и может стать толчком к экономической интеграции региона, что, несомненно, изменит не только его геоэкономический, но и вообще геополитический статус.

Актуальность методологической составляющей работы связана с операционализацией как понятия, так и определения параметров такого феномена, как «Большой Каспий». Отметим, что зачастую как исследователями, так и экспертами использовались и используются для определения понятия или метафоры, а не логически выверенные структуры (евразийские Балканы, Большой Ближний Восток, нефтегазовая кладовая Евразии) [346, с. 350], или идеи исключительных возможностей транзитного коридора [345, с. 192–203].

Таким образом, Большой Каспий – регион самообновляющейся актуальности: здесь постоянно попеременно идут процессы от центробежных к центростремительным и наоборот; происходят то интеграционные, то дезинтеграционные процессы, накладывающие свои отпечатки на политическую, социальную, экономическую, духовно-культурную действительность.

С учетом перечисленных и других аспектов проблемы данная тема представляется актуальной для научного исследования как в теоретическом, так и практико-политическом аспектах.

Степень научной разработанности проблемы. Культурно-цивилизационная парадигма в геополитике представлена трудами таких известных исследователей, как Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, Л.Н. Гумилев, А. Тойнби, С.А. Панарин, А.Г. Дугин и др. [160; 166; 194; 449; 643]. В последние годы появились работы, которые развивают этот цивилизационный контент в рамках таких проблем, как глобализм (А.Н. Чумаков), модернизм (М.А. Шепелев), цивилизационная идентичность (Т.А. Сенюшкина, А.А. Ирхин, А.В. Швецова), коммуникация, информатизация, цифровизация [524; 623; 632; 636].

В современной научной литературе, близкой к геополитической проблематике, весьма активно обсуждается тема имперского наследия России и перспективы ее дальнейшего развития (В.И. Спиридонова, Е.В. Скребец, П.Л. Карабущенко и др.) [278; 532; 630]. Эта тема возникла не случайно в связи с обвинениями некоторых западных политиков и аналитиков (Х. Клинтон, З. Бжезинский) [77; 294] в усилении «российского реваншизма» и в попытках Кремля восстановить советскую империю. Реакция Кремля была на кризис однополярного мироустройства и возникновение тенденций перехода к многополярному миропорядку.

В настоящее время как теоретиками, так и практиками большое внимание уделяется тематике пространственного развития Каспия в системе координат «Восток – Запад», «Север – Юг». Несмотря на отсутствие четкого толкования понятия «Каспийский регион», наблюдаются попытки встраивания его в такие конструкты, как Черноморско-Каспийский, Средиземноморско-Каспийский, Кавказско-Каспийский регионы (А.З. Адиев, Ш.М. Алиев, Р. Асмус, А.В. Вотинов, Г.В. Горелова, П. Дарабади, В.А. Колосов, Г.В. Косов, А.И. Магомедова, Р.Ф. Патеев, М.Д. Розин, В.Н. Рябцев) [43; 48, с. 50–57; 54; 114; 123; 148; 154; 168; 277, с. 17–22; 305; 495]. Анализ современной литературы позволил нам говорить об одновременном использовании в научном дискурсе, кроме этих терминов, еще и таких, как Прикаспийский регион и Большой Каспий (К.Г. Ланда, Н.Н. Миллер, А. Нурша, С.А. Проскурин, В.Н. Сченснович, И.Б. Эжиев [269; 324; 342; 385; 426; 456; 482, с. 192; 556; 646]). Объясняется это и разными подходами к районированию, и разными методологическими школами, и борьбой акторов мировой политики в ситуации переформатирования старого и конструирования нового мирового порядка в ситуации глобальных геополитических трансформаций.

Выход Каспия на арену мировой энергетической геополитики привел к тому, что регион тут же стал объектом многочисленных исследований, многие из которых были продиктованы срочными политическими интересами.

В последующие годы изучение каспийской политики приобрело солидный размах, что было обусловлено интенсивностью и разнонаправленностью проводимой работы по этой тематике как в России, так и за границей. Появились специализированные издания, аналитические центры и исследовательские институты, которые целенаправленно стали заниматься каспийской тематикой. Наибольшей активностью отличаются такие издания, как «Каспийский баррель», академический журнал «Центральная Азия и Кавказ» (Швеция), электронное издание «Кавказский аналитический дайджест» (США) и др. В России центром каспийских исследований заслуженно является Астраханский госуниверситет. В числе его достижений можно считать создание и успешное функционирование «Центра стратегических исследований Евразии» под руководством профессора П. Карабущенко.

Значение Каспия как уникальной энергетической и геополитической единицы и ее роль как одного из центров постсоветских международных отношений исследовано довольно подробно [430, с. 12–14; 167; 229]. Постсоветские тенденции трансформации Центральной Азии и Кавказа как нового мезорегиона Северной Евразии рассматриваются в работах В. Максименко и К. Гаджиева [119; 353]. Проблемы, связанные с нефте- и газопроводной политикой, строительством инфраструктурных систем по транспортировке каспийских энергоресурсов, анализируются в работах Т. Голца, С. Круассан, А. Магомедова [712; 737, с. 67–87; 344].

Вопросам политизации нефтегазовых ресурсов Каспия национальными, региональными и локальными субъектами посвящены работы В. Бабак и А. Куртова [61, с. 9–18; 319]. Милитаризация Каспия и военно-политический аспект борьбы за доминирование в регионе рассматриваются А. Иштаевым, Р. Бурнашевым, С. Бланком [259, с. 80–88; 9, с. 71–79; 692, с. 11–13; 694, с. 64–66]. М. Чумалов анализирует проблему каспийской нефти в контексте межнациональных отношений в регионе [626].

Исследовательским аспектам, связанным с международно-правовым статусом Каспийского моря, посвящены работы З. Габиева, Ю. Барсегова,

В. Гусейнова [70; 116; 163]. Военно-транспортное значение Каспийского региона в контексте исторических событий представлено в работах А. Басова, А. Магомедова и Ю. Голуб [71, с. 88–96; 144, с. 24–31; 344].

В исследовании Л. Рубан, а также в коллективной монографии таких авторов, как С. Жильцов, А. Ушков, И. Зонн представлено многостороннее рассмотрение имеющихся проблем в регионе. В фокусе данных работ – трансформация геополитической ситуации на Каспии, связанная с военно-политическим строительством [211; 212; 504; 505] и вопросами трубопроводной стратегии на Каспии [505].

Другое важное направление каспийских исследований – вопросы геополитической безопасности Прикаспийского ареала в контексте процессов нарастающей глобализации и регионализации. Они проанализированы в трудах В. Аваткова, Г. Войтоловского, А. Ирхина, Л. Йонсон, Н. Косолапова, Д. Малышевой, Г. Чуфрина, Ю. Федорова [38, с. 90–100; 112; 249, с. 91–107; 357; 358; 588; 701; 758; 823].

Одним из наиболее актуальных направлений каспийских исследований долгое время оставалось изучение международно-правового статуса Каспийского моря. Однако важно обратить внимание на такое редкое, но весьма ценное и интересное направление каспийских исследований, как рассмотрение этнонациональных проблем в регионе в контексте транспортировки «большой» каспийской нефти. Зависимость остроты межнациональных отношений на Кавказе от каспийского ресурсного фактора анализируется в книге М. Чумалова [626].

Среди других крупных достижений в сфере каспийских исследований особо стоит выделить такую монографию, как «Геополитика Каспийского региона. Взгляд из России», подготовленную астраханскими учеными П. Карабущенко и Р. Усмановым [184].

Важным направлением каспийских исследований стали международные отношения, формирование и эволюция политических и дипломатических альянсов в регионе. Международно-политические и стратегические аспекты активности в Каспийском бассейне таких крупных игроков мировой политики,

как США, Евросоюза, России и КНР, осмыслены в работах А. Белого и Э. Ремакля, А. Бурка, В.Д. Писарева, О.Н. Барабанова, Е. Бавриной и Н. Федоренко [67; 75; 90; 218; 229; 461, с. 72–94; 587].

В особую группу работ по Каспию необходимо выделить ряд диссертационных работ. Речь идет об исследованиях, в которых ставятся самые разные вопросы постсоветской трансформации в регионе: от эволюции региональных политических режимов до лоббистских усилий ведущих игроков глобального энергетического рынка, от формирования каспийской энергетической сцены до выстраивания российских национальных интересов в быстро меняющемся регионе Каспия. Эти аспекты раскрыты в исследованиях Н. Миллера, С. Жильцова, Ю. Зюзина, А. Абакарова, К. Ланда, С. Притчина [385; 213; 234; 482]. Для нашего исследования чрезвычайно важен представленный в этих работах анализ процесса формирования контуров геополитических отношений на Каспии в контексте выработки российской военно-политической и дипломатической стратегии в регионе.

Нельзя не оставить без внимания такой любопытный факт каспийских исследований, как монографии российских специалистов А. Магомедова и Р. Никерова [343; 346]. Важной частью их интеллектуальных усилий является рассмотрение в качестве центральной проблемы анализ углеводородного и в целом ресурсного фактора каспийской политики. Для решения задач исследования авторы используют многоуровневый подход – рассматривают борьбу за каспийские энергоресурсы сквозь призму глобальных, национальных, региональных и локальных интересов. Как выясняется, каждый уровень каспийской политики представлен собственными политическими и экономическими интересами. Проблемы, поднимаемые и освещаемые авторами с позиций «многоярусного» подхода, помогают нам сформулировать новые ракурсы каспийской политики.

Рассмотрение имеющегося корпуса исследований по каспийской проблематике свидетельствует о том, что ученые добросовестно изучили многие аспекты каспийской политики. Большинство из этих проблем стали предметом

многочисленных дискуссий, что объясняется использованием различной методологии в работе над каспийской проблематикой.

Таким образом, проведенный анализ научной литературы показывает, что за постсоветские десятилетия сформировалась солидная исследовательская основа для понимания процессов, проходящих в Прикаспийском регионе. Однако, несмотря на значительный объем и впечатляющие результаты названных работ, следует отметить, что в целом подлинное значение энергетического и коммуникационного фактора в становлении Каспия как влиятельной геополитической единицы евразийского континента остается до конца не исследованным. Данная работа призвана восполнить этот пробел.

Объектом исследования является геополитическое пространство Большого Каспия.

Предметом исследования выступают геополитические процессы, протекающие в Большом Каспии.

Цель исследования: выявление причин, акторов, векторов развития геополитических процессов в Большом Каспии.

Для достижения данной цели автор предлагает следующие исследовательские задачи:

- провести концептуализацию таких понятий, как геополитические процессы, Большой Каспий, геополитический проект, сформулировать концептуальные модели, объясняющие появление Каспия как новой пространственно-географической единицы в постсоветский период;
- сформулировать основные черты политического развития Каспия в постсоветский период;
- доказать, что сырьевое воображение и ресурсный национализм выступили в качестве дезинтеграционного фактора в рамках Большого Каспия и способствовали появлению такого феномена, как региональный эгоизм;
- доказать, что нефте- и газопроводные проекты в Большом Каспии выступали инструментами реализации глобальных и региональных геополитических интересов и попыток геополитической трансформации региона;

- выявить логику «локализованной» геополитики транзитных войн в Большом Каспии и обосновать логику политико-экономического тренда в регионе от «ресурсного национализма» к «новому энергетическому порядку» как идеологическому фундаменту геополитических процессов в нем;
- обосновать трансформацию стран Каспийского региона от объекта внешнеполитического воздействия в субъект активных внешнеполитических процессов в евразийском пространстве;
- определить логику и причины эволюции интеграционных процессов и политики межгосударственного сотрудничества в Каспийском регионе от геополитики к геоэкономике транспортных систем как инструменту реализации геополитических интересов / устремлений региональных и внерегиональных акторов на евразийском пространстве;
- доказать, что основными геополитическими инструментами прикаспийской интеграции являются геоэкономические инструменты, а фактором стабильности и сотрудничества в Большом Каспии в ситуации геополитического противостояния / трансформации является стремление к обеспечению коллективной безопасности;
- выявить риски и возможности для интеграционного процесса в Большом Каспии инфраструктурного проекта «Один пояс – один путь»;
- доказать, что Центральноазиатская зона вследствие геополитического противостояния региональных и глобальных акторов приобретает статус евразийской геополитической дуги нестабильности на пространстве Большого Каспия;
- выявить основные проблемы современной российской геополитики в регионе Большого Каспия и предложить варианты по минимизации их влияния на национальную безопасность РФ.

Хронологические рамки исследования – период постсоветских десятилетий (1991–2022). Особый упор в этой хронологии делается

на геополитические процессы, связанные с наиболее острыми стадиями борьбы за энерготранспортные ресурсы Большого Каспия.

Основная гипотеза исследования. В рамках диссертационного исследования была выдвинута гипотеза о том, что геополитический проект каспийской интеграции «Большой Каспий» является ответом на американские проекты «Большой Ближний Восток», «Большая Средняя Азия» и т.д. В его основе лежит российская инициатива по созданию развитой интеграционной системы, направленной на повышение её политического статуса и экономической мощи. Эволюция Большого Каспия связана с формированием не иерархических, а сетевых структурных механизмов архитектуры международных отношений, что предполагает наличие не одного, а множества центров принятия решений. Эти центры обладают различным объемом компетенций, разной ресурсной базой.

Теоретико-методологическая база исследования определяется сложным и многомерным характером базовых параметров диссертации – целью и задачами, объектом и предметом исследования, спецификой авторского подхода, предложенной методологией и корпусом применяемых источников. В выборе методологии анализа мы руководствуемся собственным восприятием специфики изучаемой проблемы и наиболее приемлемыми методами достижения искомых теоретических и практических результатов исследования.

В исследовании используется субъектно-деятельностный подход. Потенциал данной методологии позволяет раскрыть мотивацию и основные формы взаимодействия основных игроков каспийской политики, а также выявить и проанализировать базовые противоречия государств Каспийского региона по поводу раздела каспийских территорий и ресурсов. Данный подход также позволяет приблизиться к лучшему пониманию феномена «ресурсного накопления» в исследуемом регионе. Последний понимается в работе как процесс публичной манифестации актуальных политических интересов властей прибрежных государств в отношении базовых ресурсов Каспийского региона – нефтегазового сырья, инфраструктурных систем, морских границ и т.д.

Большую ценность для решения задач исследования представляет проблемно-ориентированный подход. Он дает возможность определить ключевую проблему процессов, происходящих в Каспийском регионе: ресурсно-экономический аргумент как основной организующий принцип актуального политического поведения ведущих акторов каспийской политики.

Автор в своих исследованиях, отталкиваясь от идей экономического детерминизма в геополитике [95; 177; 179; 209; 309; 452], пришел к пониманию причин и последствий геоэкономического противоборства глобальных центров силы в контексте борьбы за ресурсы и новую мировую логистику.

Теоретическую и методологическую базу данного исследования составили также работы зарубежных и российских исследователей. Известный российский учёный К.С. Гаджиев провёл фундаментальные исследования политических изменений на постсоветском пространстве, выделил исследовательское поле понятия «Геополитика Кавказа» и обозначил её трансформационное измерение [120]. Ценным фактором в русле этих исследований стало осмысление глобализационных процессов. Попытки внести ясность в феномен «ресурсного национализма» предпринял видный учёный и практик Ю.К. Шафраник [630]. Немецкий исследователь Б. Тешке [568] зафиксировал на понятийном уровне природу геополитических изменений в истории и тем самым внёс свои интеллектуальные коррективы в понимание ресурсных эгоизмов субъектов каспийской политики. Свои коррективы в сферу изучения постсоветских трансформаций с точки зрения формирования региональных геополитических единиц внёс японский специалист О. Иеда [749]. Идеи этих учёных послужили дополнительным стимулом для данного исследования и теоретической реинтерпретации политических процессов в Каспийском регионе.

В работе используется термин «мезорегион» в качестве теоретической основы для анализа избранной проблемы. Он несет в себе значительный научный потенциал для исследования и понимания новых территориальных единиц, порожденных геополитическими потрясениями распада СССР. Пространственный ареал Прикаспия в его ресурсном измерении стал именно

одним из таких мезорегионов. Следует подчеркнуть, что закономерность формирования таких территориально-политических единиц проходила в рамках двух разнонаправленных тенденций. Первая тенденция была обусловлена фрагментацией всего коммунистического блока. Второй тренд диктовался глобализационными процессами 1990-х гг., которые стимулировали интеграцию мезорегионов в мировую экономику и политику.

Обозначенные процессы дают возможность вести речь о появлении такой тенденции, как «перемещение / движение регионов», которые в конечном итоге формируют новые политико-географические единицы и ведут к складыванию новой географической конфигурации на просторах посткоммунистической Северной Евразии. Одной из таких политико-географических единиц выступает Каспийский регион.

Думается, что разработка данного концепта внесет большую ясность в понимание быстро меняющихся территориальных реалий постсоветской Евразии. Мезорегиональный уровень порожден логикой столкновения сил глобализации и антиглобализации, взаимодействия мировых и локальных процессов. Применяя мезорегиональные критерии в исследовании территориально-пространственных изменений, легче понять особенности каспийской политики, которой свойственны указанные характеристики. В частности, с помощью концепта «мезорегион» можно выйти за пределы узко понимаемого национально-государственного подхода в оценке стремительно меняющихся постсоветских каспийских реалий. Все вышесказанное свидетельствует о том, что концепт «мезорегион» обладает впечатляющим познавательным потенциалом применительно к каспийской проблематике.

Важным теоретическим основанием работы стал тезис и о том, что торгово-транспортные коммуникации (в нашем случае нефте- и газопроводы) являются способами распространения политического контроля наряду с миссией транспортировки товаров и освоения географического пространства. По мнению отечественного философа С. Королёва, «дорога может стать стержнем (сердцевиной) пространства власти, каналом властных импульсов» [303, с. 73–87].

Данный тезис показывает, что транспортная инфраструктура может выступать региональным инструментом мобилизации публично-политических ресурсов.

В основе диссертационного исследования лежат геополитические методы, разработанные такими классиками, как: Ф. Ратцель, Р. Челлен, К. Хаусхофер, Х.Дж. Маккиндер, А. Мэхен, З. Бжезинский, С. Хантингтон, Г. Киссинджер, А.Е. Вандам, П.Н. Савицкий, А.С. Панарин, Е.М. Примаков и др. [366, с. 15–21]. В рамках классической геополитики использованы три основных закона: (1) закон фундаментального дуализма; (2) закон усиления фактора пространства в человеческой истории и (3) закон синтеза суши и моря.

Важным исследовательским методом работы является сравнительный анализ. Он дал возможность проследить синхронность энергосиловой дипломатии Чечни и Абхазии в середине 1990-х гг. Другим познавательным методом стал способ анализа конкретных случаев (case-study), который позволил определить специфику военно-политического поведения и дипломатические стимулы политических элит кавказских регионов в контексте движения каспийской нефти к черноморским и средиземноморским терминалам.

Эмпирическая основа исследования состоит из нескольких источниковых корпусов: 1) правовые документы правительственного уровня государств Прикаспия, затрагивающие проблемы разделения и контроля углеводородных ресурсов Каспийского моря и строительства нефте- и газопроводов; 2) данные государственных статистических органов стран Прикаспия, текущие статистические и экономические отчеты национальных и международных нефтегазовых корпораций, работающих в Каспийском регионе; 3) материалы аналитических дискуссий, выступлений на «круглых столах» и иных международных и региональных форумах, посвященных геополитическим изменениям в регионе Каспийского моря (на русском, английском, китайском, казахском, азербайджанском, китайском языках и фарси); 4) специализированные информационно-аналитические доклады, статьи в международных и российских печатных и электронных медиа; 5) авторский архив, связанный с многолетней работой в органах законодательной и исполнительной власти.

Приводимые в работе источники были тщательно отобраны и систематизированы по следующим критериям: 1) по их ведомственной и отраслевой принадлежности; 2) по интенсивности презентации каспийских проблем самого разного толка: от ресурсных до пограничных, от международно-политических до инженерно-технических; 3) по характеру и формам публичной манифестации вопросов регионального развития ведущими игроками каспийской политической сцены.

Использованная в работе бюджетная, хозяйственная, торговая и нефтегазовая статистика государств Прикаспия обеспечила основательную доказательную базу и корректную квантификацию выводов диссертации.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

1. Проведена концептуализация понятия «геополитические процессы». Обоснована мысль о том, что геополитические процессы – это «не причины и следствия», а совокупность специфических, упорядоченных в рамках реализации того или иного геополитического проекта действий, направленных на приобретение, удержание и использование метавласти (термин У. Бека) в современном мире. Геополитические процессы начинаются с выработки национальной политической элитой основных параметров геополитического проекта, то есть артикуляции «большой идеи». К геополитическим инструментам и технологиям можно отнести все разновидности войн (классические, информационные, экономические, торговые, транзитные); манипуляцию процессами политизации неополитических факторов (манипуляции миграционными процессами, манипуляции процессом политизации религии, культуры, демографии и т.д.); коммуникационные проекты, детерминированные геополитическими характеристиками: трубопроводы, железные дороги, транспортные хабы, проект «Север – Юг», «Шелковый путь» и т.п.

2. Впервые обоснован тезис, что не все, а только некоторые государства имеют геополитические проекты, большая же часть государств обходится геополитическими ориентирами и представлениями. Именно великие державы (в прошлом, настоящем) обладают имперским геополитическим кодом или

имперскими традициями, что, несомненно, влияет на их геополитическую роль и геополитическое поведение. В Каспийском регионе таких держав две: современная Россия и Исламская Республика Иран. И первая, и вторая, обладая сформулированным в истории Российской и Персидской империй геополитическим кодом, в настоящее время стремятся актуализировать свое видение геополитических проектов и реализовать их. Геополитические проекты могут быть нескольких уровней: продолжающиеся геополитические проекты (РахАмерика); геополитический проект через возрождение существовавших ранее проектов (Великий Туран, Арабский халифат, Исламский мир как проект глобализации), через конструирование проекта большого пространства в ситуации глобальных геополитических трансформаций (Большое Средиземноморье как проект Италии времен Б. Муссолини, Большой Ближний Восток, Большой Кавказ, Большая Центральные Азия).

3. Доказано, что в отличие от либерально-демократического и секуляризованного Запада Евразия традиционно является центром глубинных полирелигиозных отношений. В отличие от западной цивилизации, где сильны традиции военно-политических религиозных конфликтов, евразийские цивилизации традиционно нацелены на межконфессиональный диалог, в котором действуют естественные (а не формальные, как на Западе) политкорректность, толерантность и веротерпимость. Обоснована мысль о том, что еще одной характерной чертой цивилизационной геополитической парадигмы является постоянное обращение к истории и крайне деликатное отношение к историческому наследию.

4. Выявлена логика современной геополитической трансформации мира. Точкой отсчета этого процесса стал распад Советского Союза. Эволюция вхождения РФ в пул акторов большой современной геополитической трансформации прослеживается в изменениях Концепций внешней политики и национальной безопасности. Доказано, что факторами геополитических трансформаций современного мира являются формулирование и закрепление государствами и группами государств новых ролей на международной арене;

борьба за ресурсы; приобретение статуса актора мировой политики, акторов вне суверенитета; нарастание в геостратегических точках потенциала нестабильности, политической бифуркации, региональных и глобальных противоречий и конфликтного потенциала.

5. Установлено, что в странах Каспийского региона отчетливо проявляется такой фактор геополитических трансформаций, как рост нестабильности, внутривполитических и внешнеполитических противоречий. Анализ процессов в странах Каспийского бассейна конца 90-х гг. XX в. – начала 2000-х гг. показывает, что у правящей элиты появляются ощущения угроз внутренней и внешней составляющих своей безопасности. Эйфория национализма в постсоветских странах Прикаспия и шанс реализовать цивилизационную миссию у Ирана натолкнулись на политические, экономические и геополитические реалии. Доказано, что вызовы их устойчивому развитию наблюдались в следующих плоскостях: территориальная дезинтеграция; политический транзит с разными условиями входа, разным набором транзитных условий и факторов; вмешательство во внутренние дела международных акторов; рост внутривполитической нестабильности вследствие противостояния элитных группировок, экономической дезинтеграции и т.д.; политизация этничности и религии; становление и функционирование структур международного терроризма.

6. Доказано, что возрастание значимости Каспийского региона обосновывается следующими факторами: повышением коммуникационного и энергетического значения региона, что приводит к его «пробуждению», к появлению его «самосознания», к переформатированию и борьбе внутри региона; появлением «нового» интереса к региону со стороны мировых держав. Обосновывается мысль о том, что «Большой Каспий» является международным проектом «союза равноправных» как интеграционный проект суверенных партнеров. Вклад автора заключается в обосновании, описании и прогнозировании развития данного проекта.

7. Политические режимы в Каспийском регионе похожи тем, что опасения угрозы внутренней и внешней стабильности присутствуют как в общественном

мнении, так и в сознании политических элит. Отсюда стремление к защищенности, безопасности, которое в итоге берет верх над ресурсным эгоизмом 90-х гг. XX в. и подталкивает режимы и элиты к формированию механизма региональной безопасности под «зонтиком» России.

8. Получила дальнейшее развитие идея о том, что условием/следствием формирования региональной системы безопасности и реального конструкта Большой Каспий может быть появление особого рода идентичности – геополитической идентичности, которая представляет особый вид идентичности, являющийся необходимым элементом конструирования геополитического пространства, в основе которого лежит не культурно-историческая, религиозно-цивилизационная общность, не принадлежность к одному конкретному государству, а географический фактор; диспропорции мирового экономического пространства и социального развития при желании как политических, так и экономических элит ряда сопредельных территорий их изменить; стремление элит к построению «суверенных» политических режимов и поддержанию их функционирования, несмотря на общемировые тренды, связанные с процессами модернизации и глобального гражданского общества; желание политических элит обеспечить региональную безопасность и стать одним из центров силы в новой глобальной реальности.

9. Доказано, что формирование циклических моделей «многомерных пространств» Большой Евразии осуществляется на принципах однородности сопряжения соответствующих государств, их экономик и культурно-мировоззренческой специфики. В этих условиях актуализируются вопросы расширения гуманитарного сотрудничества, которые являются приоритетными во взаимодействии государств СНГ, где 2023 г. объявлен Годом русского языка как языка межнационального общения и ведется активная работа по созданию международной организации под эгидой СНГ по продвижению русского языка.

Положения, выносимые на защиту:

1. Для политической культуры стран Большого Каспийского региона национальная история является важнейшим источником формирования

идентичности и выработки стратегии поведения на международной арене. Поэтому наряду с культурой и религией история является важнейшей составной частью цивилизационной парадигмы, отвечающей за формирование мировоззренческих установок конкретного общества и государства. Евразийские страны имеют глубокую историческую память, связывающую прошлое их цивилизаций с настоящим этих стран. И, как показывает политическая история, у многих из них актуализированы воспоминания о негативном опыте взаимоотношений с западными колониальными державами, что влияет на уровень доверия к их словам и проектам. Историческую память определяет культурно-религиозное пространство, одной из ведущих категорий которого является дихотомия «угрозы – безопасность». В основе этой дихотомии лежат воспоминания о войнах и иных видах насилия (особенно колониального гнета), нарушающих понимание справедливости и чести. Исторические обиды подобного характера оказывают существенное влияние на политические предпочтения и выбор вектора развития многих современных стран. У политических элит Большого Каспийского региона выбор определяется как их собственными цивилизационными традициями, так и логикой развития интеграционных отношений, направленных на поддержание диалогового характера общения их стран. Этот выбор определяет их как самостоятельных геополитических игроков, признающих равноправие всех цивилизаций, в том числе и откровенно им враждебных. В этом плане они пытаются построить такую систему безопасности, которая была бы не против Запада, а без Запада.

2. В работе сформулирован новый исследовательский подход к пониманию и изучению «Большого Каспия». Суть нашего анализа состоит в следующем: чтобы лучше понять каспийские проблемы, их нужно поместить в широкий контекст международных отношений. Для этого необходимо, прежде всего, учесть ту огромную роль, которую начали играть в постсоветский период следующие факторы: нефть, газ и торгово-транспортные маршруты Каспия как фундамент новой идентичности постсоветских государств региона, а также «ресурсный национализм», создание трубопроводной системы по направлениям

«Запад» и «Восток» от Каспия, формирование новых политических и экономических стимулов в регионе, создание новой портово-транспортной системы и инфраструктуры. На Каспии его участниками формируется система открытого развития, нацеленная на стратегическое сотрудничество с другими странами, которые стремятся ускорить ресурсные приобретения в регионе. Под термином «Большой Каспий» можно понимать и политический процесс, характеризующийся «интеграцией ресурсов», а также тесным международным взаимодействием по каспийским вопросам. Сюда также входит процесс сближения государств Каспийского региона с другими странами, а также посильная кооперация стран Каспия между собой по вопросам, касающимся экономических интересов и военно-политической безопасности. Таким образом, ресурсный фактор и строительство транспортных систем, усилия по строительству транспортно-логистических коридоров становятся ключевыми факторами и фундаментом «Большого Каспия». Эти системы и факторы дают толчок для развития каспийской энерготранспортной сети в плане превращения ее в важный центр евразийской транспортной системы. Для успешной реализации таких проектов страны Прикаспия придерживаются модели открытого развития. Именно такая стратегия позволяет Прикаспийским государствам трансформироваться из региональных игроков в субъектов евразийской политики, что в конечном итоге определяет возможность говорить о Большом Каспии как мезорегионе.

3. Геополитические потрясения, связанные с крушением Советского Союза, изменили контуры и внутреннее наполнение, логистические связи и зависимости в евразийском регионе, автономной частью которого стал Каспийский регион, выделяющийся из окружающего пространства нефтяными и газовыми запасами и возможностями транспортно-логистического геополитического хаба в будущем, геополитического узла, соединяющего Восток и Запад. С момента распада СССР регион стал превращаться в арену силового противостояния ведущих стран мира (Россия, США, Европейский Союз, Китай), детерминированного национальными интересами, связанными с контролем за углеводородные ресурсы и логистическую /

трубопроводную систему и со стремлением к региональному доминированию со стороны Ирана и Турции, причем Российская Федерация в этой ситуации выступает и как региональный, и как глобальный актер.

4. После распада СССР Прикаспийские государства стали самостоятельными политическими субъектами, чьи амбиции и претензии подпитывались новой каспийской идентичностью и борьбой за нефтегазовый суперресурс¹. Ресурсный фактор и неожиданно открывшийся сырьевой потенциал морских и прибрежных территорий обусловил сдвиг Каспийского региона в центр мировых геополитических и геоэкономических процессов. В результате именно ресурсный фактор определил систему политических стимулов и экономических ожиданий властвующих элит Азербайджана, Казахстана, Туркменистана. В таких условиях не только обладание вновь открывшимися сырьевыми ресурсами и торгово-транспортной инфраструктурой, но и возможность заявить о себе как о новых игроках международной публичной политики стали важными геополитическими инструментами в руках властвующих элит этих государств. Углеводородные ресурсы превратились в один из ключевых аргументов геополитической идентичности Прикаспийских государств СНГ, потому что они стали восприниматься как единственный механизм, с помощью которого может быть обеспечено их стремление к независимости и экономическому процветанию. Энергетическая дипломатия и инфраструктурные проекты стали рассматриваться как ключевой инструмент реализации внешней политики этих государств.

5. Большой Каспий как мезорегион является единственным проектом «большого пространства», созданным и реализуемым не «коллективным Западом», а региональными игроками, причем региональные игроки имеют разные цели, рассматривают друг друга как «попутчика», но на данный момент времени этот проект – жизнеспособная структура, которая имеет все шансы не распасться, а благополучно эволюционировать. В самом общем виде «Большой

---

¹ Под термином «суперресурс» применительно к каспийской политике мы понимаем нефть, газ, стратегические трубопроводы. Они имеют ключевую ценность для государств Каспийского региона, с точки зрения обеспечения их политической субъектности и устойчивости политических институтов.

Каспий» можно обозначить как расширение Каспийского бассейна применительно к ситуации, возникшей после распада Советского Союза и окончания «холодной войны». Если идти к уточнению данной формулы, то главным содержанием этой географической и политической трансформации региона стал энерготранзитный фактор. Открытие больших месторождений нефти и газа в азербайджанском (Азери – Чираг – Гюнешли), казахском (Тенгиз, Кашаган, Карачаганак) и туркменском (Южный Илотань – Осман и Довлетабад) секторах Каспия превратили регион в притягательную энергетическую единицу. Последующее строительство нефтегазовой инфраструктуры, пролегающей по территории Южного Кавказа и Турции (а затем по Центральной Азии в сторону Китая) не только вывели нефть и газ региона на внешние рынки, но и раздвинули границы восприятия Каспийского бассейна. Таким образом, нефте- и газопроводы привели к стратегическому расширению прежнего Каспия в двух направлениях: на Запад и на Восток, в сторону Южной Европы и Китая соответственно.

6. Большой Каспий как ресурсное и логистическое пространство не мог не стать объектом внешних, причем не столько экономических, а военно-силовых экспансионистских устремлений. Важной особенностью Большого Каспия является быстрое становление и эволюция политико-силовой составляющей. Данная эволюция детерминирована глубокой геоэкономической и геополитической трансформацией этого региона, ломкой его традиционных структур и постепенной минимизацией роли Российской Федерации в нем. Специфика Большого Каспия как мезорегиона связана с отсутствием выраженного ведущего регионального субъекта, а также с тем, что силовая, экономическая, демографическая и ресурсная составляющие находятся у разных региональных игроков, рассредоточены по региональным центрам влияния, а главная цель его существования как единого геополитического пространства / проекта – противостояние гегемонии «коллективного» Запада, обеспечение региональной безопасности и посредством приобретения статуса логистически-транспортного региона влияние на мировые экономические и политические процессы [375, с. 30].

7. Стремительное приближение китайского проекта «Один пояс – один путь» к берегам Каспийского моря закрепило геополитическое единство Центральной Азии и Кавказа, соединенных бассейном Каспийского моря. Строительство портовой инфраструктуры в таких странах, как Азербайджан, Казахстан, Туркменистан, для того, чтобы стать частью знаменитого китайского проекта «Один пояс – один путь», становится дополнительным аргументом для выделения понятия «Большой Каспий» (через объединение кавказского и центральноазиатского направлений) в отдельную единицу стратегической географии. Таким образом, Большой Каспий как мезорегион (помимо самой каспийской пятерки) включает в свой геополитический ареал Южный Кавказ (с выходом на Ближний Восток) и Центральную Азию. Данная конструкция основана на принципах строительства энергетических коммуникаций и торгово-транзитных коридоров.

8. Формирование Большого Каспия как самостоятельного региона – это процесс, связанный с усилением роли политических элит стран Каспийского региона. Следует признать, что в настоящий момент внутренняя энергетика стран Прикаспия еще недостаточно сильна. Элиты этих стран еще не научились коллективно использовать ресурсный фактор в своих целях. Поэтому они ищут внешние опоры (ЕС, США, КНР и т.д.) и не верят в собственные силы и возможности. Каспийский регион будет находиться в тени Большого Востока до тех пор, пока каспийские углеводородные богатства не станут главным фактором на рынке энергетических ресурсов, что может произойти в случае крупномасштабного конфликта вокруг борьбы за нефть и газ зоны Персидского залива. Дестабилизация этого региона может привести к усилению энергетической роли государств Прикаспия. Многое будет зависеть от способности политических элит этих стран вести конструктивный диалог по самым острым проблемам и не выходить за рамки существующих здесь много столетий традиций добрососедства и взаимопонимания.

9. Каспийский регион демонстрирует всему миру принципы многовекторности и многополярности. Действовать дипломатическим службам

каспийской пятерки приходится именно в контексте многовекторности и многозадачности внешней политики. В настоящее время начинается новый этап развития интеграционных процессов и реализации энергетических мегапроектов, что меняет геополитический статус Прикаспийского региона. Степень интеграции и роль региона на международной арене в будущем будут связаны с ростом экономического потенциала не только входящих в регион стран, но и всего Каспийского региона в целом; с формированием и оптимизацией транспортно-логистической структуры и встраиванием ее в глобальные проекты или наоборот, встраиванием глобальных проектов в региональные транспортно-логистические структуры; более активным позиционированием Прикаспийских стран на международной арене; выстраиванием деловых отношений с соседними странами и регионами, на территории которых разворачиваются конфликты и споры; с нахождением точек соприкосновения и сотрудничества с глобальными заинтересованными как государственного уровня, так и акторами вне суверенитета; со степенью развития межгосударственных отношений в социальной и культурной сферах, межгосударственного взаимодействия с образовательной, информационной и научной сферами.

10. В настоящее время на пространстве Центральной Азии в зоне прямого политического и экономического воздействия «противостоят» интересы России, Турции, Китая и инициированные ими региональные международные организации. Центральнаяазиатская дуга макронапряженности и неустойчивости приобретает важнейшую геостратегическую значимость, в ареале которой формируется южная буферная зона безопасности в развитии нового мирохозяйственного уклада. С одной стороны, это широтная граница современного мироустройства. Потеря РФ лидерства и союзников на приоритетных территориальных и политико-экономических южных пространствах (Грузия, Молдова, Болгария, Украина) стимулирует поиски новых и укрепление имеющихся «пространственных факторов» от Китая до Сирии и Египта по линии сопряжения мусульманского и русского миров. Близкая культурно-цивилизационная основа и геополитические условия формирования

современного миропорядка сближают эти миры (мусульманский и русский), объединяя совместные усилия в достижении «нового интегрального мирохозяйственного уклада» (С.Ю. Глазьев). С другой стороны, российская политическая реальность детерминирует поиск и укрепление союзов с ведущими игроками на этом направлении, в первую очередь, с КНР, Турцией, Ираном, Афганистаном и Пакистаном.

11. С одной стороны, в пространстве Большого Каспийского региона интересы игроков «нового миропорядка» (Россия, Китай, Иран, Турция) находятся в остром противоречии с заинтересованностью коллективного Запада (США, ЕС и др.) в сохранении своего глобального доминирования, с другой стороны, наблюдается процесс геополитического сжатия российского пространства Большого Каспия, которое осуществляется под влиянием стран международных региональных организаций (ШОС; СНГ; ЕАЭС; ОТГ) и процесса «широтного разлома»: а) восточный вектор – центр КНР и экономически взаимозависимые от него страны Центральной Азии; б) западный вектор – центр Турция и зависимые государства Закавказья и Центральной Азии тюркской идентичности.

12. Как осевой регион Евразии Большой Каспийский регион выступает в роли некой геополитической платформы, на которой отрабатываются различные концептуальные модели интеграции и культурного взаимодействия. И в этом плане формирование единого научно-образовательного Евразийского пространства станет еще одной интеграционной скрепой этих стран. Развитие интеграционных процессов целесообразно связывать с модернизацией научно-образовательной системы, повышением человеческого и интеллектуального капитала. На евразийском пространстве реализуются инновационные образовательные проекты (Сетевой университет СНГ, Сетевой университет БРИКС, Университет ШОС, Евразийский сетевой университет). В современных условиях евразийское научно-образовательное пространство необходимо рассматривать как совокупность партнерских консорциумов, функционирующих и развивающихся как по горизонтали, так и по вертикали. До настоящего времени

отсутствуют координационные начала между сетевыми университетами по приоритетным направлениям международного научно-исследовательского и гуманитарного сотрудничества. Накопились многочисленные проблемы подготовки инженерных кадров и IT-специалистов, научно-исследовательских и научно-педагогических кадров. Указанные и иные приоритетные направления формирования единого евразийского научно-образовательного пространства целесообразно предусмотреть в разрабатываемой комплексной стратегии развития Большого евразийского партнерства.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется совокупностью выявленных тенденций, которые формировали отдельную геополитическую единицу «Большой Каспий». Теоретическая значимость заключается также в авторском осмыслении, систематизации и оценке геополитических рисков, которые сопровождают драматический процесс формирования Каспийского мезорегиона в самом центре Евразийского континента в течение постсоветских десятилетий. Выводы и основные положения диссертации могут послужить теоретической и эмпирической основой для выявления характера эгоистических интересов политических режимов государств Каспийского региона, опирающихся на ресурсные аргументы в процессе реализации своей геополитической субъектности. В диссертации используется понятие «ресурсный национализм» для концептуализации характера геополитических интересов участников каспийской политики в контексте современной хаотизации международных и региональных процессов.

Практическая значимость диссертационного исследования обусловлена тем, что многие выводы и оценки автора направлены на оптимизацию каспийской политики России в направлении реализации более активного курса по закреплению отечественных интересов в регионе. Осуществление этого курса возможно в рамках как более четкой формулировки ключевых целей российской каспийской политики, так и с помощью адекватного учета текущих стимулов основных участников каспийских геополитических процессов. Кроме того, практическое и методологическое значение, а также широкий потенциал

для дальнейших исследований имеет авторское применение и полученные результаты сравнительного анализа основных усилий правительств государств Каспийского региона в деле строительства надежной каспийской идентичности.

Степень достоверности результатов исследования. Достоверность результатов проведенного исследования обеспечена корректным использованием совокупности разнообразных источников по теме диссертации и адекватных методов их анализа, отвечающих цели и поставленным аналитическим задачам, логикой исследовательской структуры, уровнем эмпирической и теоретической аргументированности и обоснованности сделанных выводов, обобщений и предложений.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертационной работы были апробированы более чем на 20 международных и всероссийских научных конференциях и семинарах, проходивших как в Российской Федерации, так и за рубежом (Казахстан, Азербайджан, Италия, Индия). По итогам некоторых из них издавались сборники материалов, в которых были опубликованы статьи и тезисы диссертанта, частично указанные в списке использованной литературы. Результаты диссертационного исследования были отражены в 54 опубликованных работах, в том числе в 21 научной статье в рецензируемых периодических изданиях, рекомендованных ВАК Российской Федерации, в 12 статьях в журналах, индексируемых в базах Scopus и Web of Science, в 3 монографиях.

Структура диссертационной работы. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, состоящего из 870 наименований, приложения. Общий объем работы составляет 385 страниц.

Глава 1. Каспийский регион как самостоятельная пространственно-геополитическая единица: теоретические основания и концептуальная динамика

1.1. Большой Каспий в контексте современных геополитических процессов: к новой познавательной парадигме

Термин «геополитические процессы», как и «геополитические интересы» достаточно распространен в отечественной политической науке. Но ни первый, ни второй термины не получили должной операционализации. Зачастую, говоря о геополитических интересах, авторы совершают подмену понятия, делая акцент именно на национальных интересах, а между понятиями геополитические процессы и территориально-политические процессы ставят знак тождества.

Термин «геополитический процесс» зачастую используют без его операционализации как само собой разумеющееся. Лишь немногие в своих работах пытаются раскрыть его смысл. Так, Б.А. Исаев, А.Н. Баранов отмечают, что «геополитические процессы – это те, что являются причиной и следствием взаимоотношений больших географических пространств, больших культурных миров, носят континентальный или всемирный характер» [66; 589]. Но, на наш взгляд, данное определение нарушает ряд правил определения, сформулированных в логике как разделе философии. Считаем, что геополитические процессы – это «не причины и следствия», а совокупность специфических, упорядоченных в рамках реализации того или иного геополитического проекта действий, направленных на приобретение, удержание и использование метавласти в современном мире. Согласимся с авторами в том, что геополитические процессы – это те процессы, которые «ведут в конечном счете к перекройке мира, ... к переделу его структуры, к переносу государственных границ и разделу сфер влияния между наиболее сильными и приспособленными государственными организмами – великими державами».

Б.А. Исаев и Н.А. Баранов отмечали, что геополитические процессы начинаются с изменений в культурной сфере [66; 589]. Позволим себе не согласиться с мнением этих авторитетных исследователей. Считаем, что по крайней мере не все и не всегда геополитические процессы начинаются с изменений в культурной сфере. Более того, изменения в культурной сфере являются инструментом, механизмом, фактором геополитических процессов, геополитических трансформаций. Считаем, что девальвация культурно-духовной сферы государства создает условия для успешной реализации того или иного геополитического проекта территории донора на территории реципиента. В этих условиях технологии информационного противостояния и информационной войны выступают инструментом реализации современных геополитических проектов и являются технологиями геополитических процессов. Считаем, что геополитические процессы начинаются с выработки национальной политической элитой основных параметров геополитического проекта, то есть артикуляции «большой идеи».

К геополитическим процессам можно отнести процессы колонизации, деколонизации, неоконинизации; процессы интеграции, дезинтеграции, реинтеграции, регионализации, глобализации, глокализации. А к геополитическим инструментам и технологиям, в свою очередь, относятся все разновидности войн (классические, информационные, экономические, торговые, транзитные); манипуляция процессами политизации неполитических факторов (манипуляции миграционными процессами, манипуляции процессом политизации религии, культуры, демографии и т.д.); коммуникационные проекты, детерминированные геополитическими характеристиками: трубопроводы, железные дороги, транспортные хабы, проекты «Север – Юг», «Шелковый путь» и т.п.

Итак, геополитический процесс есть динамика изменений геополитических показателей, являющихся причиной и следствием взаимоотношений больших географических пространств разных культурных миров, носящих мировой характер. К геополитическим процессам относятся освоение новых территорий (колонизация), война, рост и закат имперских проектов. Это те процессы, которые ведут к перекройке мира, к эволюции теоретических представлений о нем, к переделу его структуры, к изменению государственных границ и разделу сфер

влияния между великими державами. Геополитические процессы представляют собой рост конструктивной / деструктивной сложности духовной и материальной культуры в рамках международных отношений. Геополитические процессы иллюстрируют закон усиления фактора пространства в истории человечества, когда контроль территории приносит власть и мировое могущество. Именно за это мировое могущество и идет современная борьба между ведущими мировыми державами.

Существует множество публикаций, в которых дается анализ того, что такое Каспийский регион как географическая единица и какие страны следует отнести к этому геостратегическому ареалу. Значительная дискуссия развернулась по поводу того, состоит ли данный ареал только из прибрежных государств или это более обширная геополитическая единица. События принимают новые и неожиданные повороты. Если в первые постсоветские десятилетия регион был объявлен чуть ли не нефтегазовой кладовой Евразии, то в последнее десятилетие ареал становится потенциальным коридором для транзита и торговли. Особенно в свете китайских торгово-транспортных мегапроектов и перспектив транспортной разблокировки Южного Кавказа после окончания второй карабахской войны.

Исходя из географических канонов районирования, мы можем говорить о том, что Каспийский бассейн есть структура, состоящая из пяти стран, окольцовывающих Каспийское море. Но ряд специалистов, занимающихся исследованием геополитических процессов в этом регионе, говорят о Каспийском регионе как совокупности территорий Центральной Азии и Кавказа [865, р. 116; 66, р. 504]. Третий пул экспертов – вообще до Ближнего Востока [826]. Эту позицию разделяет известный турецкий специалист Мустафа Айдын [682, р. 3].

Пять государств разделяют побережье Каспийского моря: Азербайджан, Иран, Казахстан, Россия и Туркмения. Но сам по себе этот географический факт не может свидетельствовать о совместном строительстве этого региона. Например, для России каспийское направление – только одно из многих жизненно важных направлений с точки зрения национальных интересов, которое довольно долгое время было далеко не главным. Иран, благодаря своей уникальной истории и расположению в Каспийском регионе и на Ближнем Востоке,

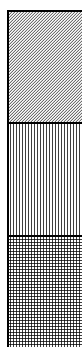
значительно отличается от других стран региона. Для трех государств – Азербайджана, Казахстана и Туркменистана – углеводородные запасы Каспия являются центральной темой их внешней и внутренней политики. Можно сказать, что эти государства выступают в качестве «ядра» Каспийского бассейна. Грузия и Узбекистан, играющие важную роль в транспортировке нефти и газа на Запад и Восток, формируют ближнюю периферию (ближний круг) Большого Каспия. Армения, Кыргызстан, Таджикистан и Афганистан составляют дальнюю периферию Большого Каспия. При этом для всех названных стран общая советская история остается важным фактором их посткоммунистической идентичности.

Россия играет уникальную роль в Каспийском ареале. Она является одновременно частью его регионального ядра и частью ближней периферии, через которую проходят нефтепроводы и транспортные коридоры. Самое главное заключается в том, что Россия выступает на Каспии в качестве доминирующей военно-политической силы. Затяжной конфликт в Афганистане является главным источником нестабильности на периферии Каспийского региона.

Таблица 1 проясняет особенности, которые отличают большинство постсоветских государств, отнесенных нами в категорию «Большого Каспия», от других стран, с которыми они делят границы: России, Китая, Афганистана, Ирана и Турции. Постсоветские государства Прикаспия имеют много общих черт, в то время как их более сильные соседи являются частями других ареалов. Россия обладает большинством из вышеуказанных идентификационных признаков, но при этом имеет много других региональных идентичностей, кроме каспийской. Две страны наилучшим образом вписываются в концепцию Каспийского региона – Азербайджан и Туркменистан, поскольку обладают всеми перечисленными в таблице признаками. Вслед за ними можно расположить Казахстан. Остальные государства в наименьшей степени подходят для членства в регионе. Хотя если взять такие страны, как, например, Грузия и Армения, то они не являются тюркскими и мусульманскими. Они также не входят в число стран-производителей нефти и газа. С другой стороны, Грузия важна с транзитно-коммуникационной точки зрения как страна, через которую каспийская нефть идет на мировые рынки.

**Таблица 1. Региональная матрица постсоветского Каспия.
Экономические, географические и социокультурные характеристики
Большого Каспия**

Признаки	Казахстан	Узбекистан	Туркменистан	Кыргызстан	Таджикистан	Азербайджан	Грузия	Армения	РФ	Иран	Афганистан	Турция	КНР
Постсоветский													
Русский язык № 2 или № 1													
Маленькое население													
Нет ясности относительно принадлежности к другому региону													
Каспийское побережье													
Территориальная закрытость													
Экспорт или транзит нефти или газа													
Мусульмане													
Тюрки													

— страна входит в категорию

— страна частично входит

— некоторое соответствие

Считаем, что имеет смысл включать Грузию не столько в Большой Каспий, сколько в качестве контекста / заинтересанта / инструмента каспийского регионального анализа. Обретение статуса государства – регионального игрока произошло благодаря ресурсам, в том числе и углеводородным, потенциальным геополитическим преимуществам и возможности влиять на конфликты у соседей по региону. Именно это позволяет ряду экспертов говорить о Большом Каспии, вокруг которого располагаются такие значимые в международных процессах регионы, как Ближний Восток, Западная и Восточная Европа, Азия [347, с. 353].

Сделаем первое предположение в ходе своего поиска ответов на вопросы: что есть Большой Каспий и что ведет к формированию Большого Каспия? Так, в первом приближении можно утверждать, что факторами появления Большого Каспия являются формирование системы взаимоотношений и взаимозависимости между территориями Каспия и Прикаспия с целью обеспечения региональной безопасности, политической, экономической, ресурсной выгоды в ситуации деградации ресурсов в мире, роста напряженности из-за стремления ведущих стран перераспределить оставшиеся. Кроме этого, несомненно, желание переформатировать существующий мировой порядок.

После распада Советского Союза факт наличия огромного количества углеводородных ресурсов и расположение в центре евразийского континента изменили геостратегическое значение Каспийского региона и обеспечили политическую и экономическую конкуренцию между мировыми державами: Россией, США и Китаем. Это соперничество вышло на новый уровень после террористической атаки 11 сентября 2001 г. С тех пор США усиливали свое военное присутствие в Каспийском регионе и начали военное сотрудничество с новыми независимыми государствами этого региона [774, р. 29].

Отметим, что мы рассматриваем пространственное развитие как фактор коммуникационной связанности территорий (международных пространств). В постсоветский период произошли масштабные перемены вокруг Каспийского моря, которое быстро превратилось в геополитический объект глобального значения

и по поводу которого началась геоэкономическая борьба больших, средних и малых интересов за контроль над сырьевыми и транспортными ресурсами региона.

Особенность направлений развития пространственно-временных концепций состоит в придании им процессов «общественной эволюции». Всесторонний анализ и программирование жизнедеятельности человека, рассматриваемые с точки зрения территориальной организации общества, приобретают особую актуальность в настоящее время, когда «активировались противоречивые процессы глобализации и регионализации, пространственной интеграции и дифференциации, демократизации и монополизации».

Структура территориальной общественной системы, формирующая многомерное пространство, определяет:

- среду жизни людей, включая совокупность таких подсистем, как экономическая, природная, социальная, духовная, рекреационная;
- инфраструктурные компоненты подсистем: производственная, рыночная, экологическая, социальная, духовная, рекреационная, военная, институциональная и др.

Согласно многочисленным исследованиям, понятие экономического пространства рассматривается в рамках двух подходов: как реальное (физическое) пространство и как абстрактное (концептуальное). При этом отдельные ученые полагают, что экономическое пространство представляет собой как сосредоточение социально-экономической инфраструктуры, так и экономических отношений, т.е. допускают существование как реального, так и концептуального пространств.

Очевидно, что в контексте поставленной авторской задачи – формирования концепта «Большого Каспия» – указанная тематика нуждается в более углубленных исследованиях с учетом современных геополитических и геоэкономических процессов на макроэкономическом уровне.

Согласно концептуальным представлениям о мегарегионе, который, помимо экономических (производственно-ресурсных), отличается «социоэкономическими» характеристиками, о Юго-Азиатской зоне можно говорить как о макрорегионе,

об агломерациях и о различного рода союзах. Поэтому «экономическое пространство мегарегиона находится между мировым и национальным хозяйствами.

Е.И. Иншакова предлагает рассматривать мегарегионы как институциональные и организационные варианты преобразования глобальной политико-экономической структуры. Однако данное определение дает весьма абстрактную характеристику понятия, поскольку не сформулирован предмет указанных функций, а попытка объединения стран в международные региональные союзы вряд ли может выступать подобным критерием, особенно если он «формируется и развивается под влиянием ... национального характера» [245].

Аналитические исследования понятия «мегарегион» позволили сгруппировать совокупность их характерных признаков [246]: потенциал развития системы «мегарегион» формируется широким спектром факторов, призванных обеспечить устойчивое развитие регионального хозяйства; мегарегионы представляют собой «локомотивы» устойчивого экономического развития своих стран на основе интеграционно-сбалансированного взаимодействия; институциональное содержание мегарегиона представляет собой установленные нормы политического и экономико-правового поведения, обусловленные как внешними факторами, так и внутренними, главным образом, лежащими в основе функционирования той или иной территории; предполагает наличие крупных центров притяжения; внутри мегарегиона появляются богатые регионы, элиты, которые не хотят делиться ни экономически, ни властью, «они не хотят делиться и культурно»; не предполагает обязательного существования административной столицы; изменяет принципы глобальной кооперации в направлении движения от парадигмы мирового либерального доминирования ключевых государств мира к парадигме устойчивого развития всего человеческого сообщества.

Согласно исследованиям Н.В. Горбачевой, энергетика выступает важным фактором обеспечения устойчивости и развития мегарегионов [528, с. 167–181]: энергетическая безопасность, обеспечивающая достаточность энергетических ресурсов для устойчивого развития; энергетическая независимость, определяемая

импортно-экспортной зависимостью и надежностью указанных потоков; экологические вызовы, сопровождаемые изменениями климата, и возрастающее воздействие на окружающую среду.

В данных условиях выделяют важнейшие факторы развития стратегических перспектив мегарегиона, которые можно достигнуть с помощью строительства институциональной системы с большим аттрактивным потенциалом:

- развитие инвестиционной значимости региона за счет создания системы понятных правил игры для всех участников каспийской экономической сцены инновационного потенциала и повышение инвестиционной активности;
- рост институциональной аттрактивности, инновационных перспектив и увеличение роли экономики знаний;
- развитие правил конкурентной экономики и увеличение роли такого фактора, как соревновательная стабильность мегарегиона.

Термин «Прикаспий» впервые появляется в географических трактатах XVIII в. Это был собирательный историко-географический образ территорий, выходящих к Каспийскому морю.

В СССР термин «Прикаспий» был лишен политической окраски и рассматривался как сугубо географический термин. Под Прикаспием в этом случае понимали территорию с близкой геополитической структурой, на которой располагалась, кроме выходящих к Каспийскому морю территорий СССР и Ирана, также и Узбекская Советская Социалистическая Республика. А. Нурша считает, что термин «Прикаспийский регион» появился в научном обороте после распада Советского Союза, когда на территории, прилегающей к Каспийскому морю, появились совершенно новые государства. «Прикаспий» по своему значению фактически был совмещен с термином «Прикаспийский регион» [427]. Этот термин обозначал появление новой территории, на которой началась активная борьба новых государств за утверждение своего суверенитета в ситуации общих морских границ, неразведанных и неосвоенных энергетических ресурсов [427]. Да и само море представляло из себя неподделанный

и недооцененный ранее ресурс. Можно говорить, что это был период становления ресурсного национализма [375, с. 232].

Говоря условно, до 1991 г. не существовало единого Каспийского (Прикаспийского) геополитического пространства (разряжено нами – К.М.), так как Каспийское море являлось своеобразной линией разлома на уровне «север» и «юг». «Север» при этом находился под геополитическим давлением и контролем Советского Союза, «юг» находился под влиянием одного из центров региональной безопасности на Ближнем Востоке – Ирана. Появление на этой территории в 90-х гг. XX в. новых, стремящихся найти свое место в мировом раскладе сил государств, изменение роли России и потеря ею статуса глобального игрока, появление интереса в этом регионе внерегиональных акторов (США, ЕС) привело к тому, что в этом регионе возникает переформатированное геополитическое пространство, уже без четкого деления по оси «Север» – «Юг» по Каспийскому морю, пространство, объединяющееся вокруг этого водоема, пространство, стабильность которого связана с поиском точек идентичности, с общим пониманием того, что регион в свете геоэкономических процессов приобретает статус геостратегического, регион оптимальных транзитных коммуникационных коридоров, регион с достаточно большими запасами углеводородов и иных стратегических ресурсов¹. Именно это и позволило ряду исследователей говорить уже не о Прикаспийском регионе, а именно о К а с п и й с к о м р е г и о н е (разряжено нами – К.М.) как о некоем едином геополитическом пространстве, потенциально объединенном транспортными коридорами «суша – вода» и нефтегазовым фактором [375, с. 235].

Н.Н. Миллер считает, что стратегическим центром Каспийского региона являются постсоветские государства юга России и их территории [385].

---

¹Галкыныш (туркм. Galkynyş) – зона супергигантского газонефтяного месторождения Туркмении, расположенная в Марыйском велаяте (площадь данного месторождения составляет более 4000 квадратных км., эксплуатация началась летом 2013 г.). По оценке компании Gaffney, Cline & Associates (Великобритания), начальные запасы природного газа составляют 21,2 трлн куб. м. Запасы нефти составляют 300 млн т. «Галкыныш» оказался вторым месторождением по запасам газа в мире после «Южного/Северного Парса» в Иране и Катаре, что выводит Туркменистан на первое место в мире по объемам запасов газа – 50 трлн куб. м.

Это не только те государства, что имеют выход к Каспийскому морю, но и Таджикистан, Киргизия, Армения, Грузия. По его мнению, такое расширение связано со стремлением внерегиональных и региональных акторов снизить влияние РФ в этом регионе, что в итоге привело в начале 90-х годов при попустительстве России к конструированию Каспийского региона как «региона – транспортного коридора».

На наш взгляд, появление в первые постсоветские годы Каспийского региона по сути стало политическим (геополитическим) проектом (разряжено нами – К.М.), служившим прикрытием / инструментом экономической и политической экспансии, как правило, европейских стран и США, на стратегически важном и ресурсозначимом направлении, где только что сформировались «новые» государства, не обладающие совсем или имеющие слабые институты стратегического планирования, развития, обеспечения безопасности и контроля, раздираемые внутриэлитными противоречиями, негативно относящиеся к России и совместному с Россией прошлому.

Мы видим, что происходит расширение количества стран-участников, входящих в так называемый Каспийский регион. Это вхождение обосновывается не только степенью владения / выхода к Каспийскому морю, но и иными факторами: стремлением максимально дистанцироваться от России как «старшей сестры», вписаться в западноконструируемый вектор мирового развития, придать статусность за счет встраивания в глобальные транспортно-логистические и иные экономические проекты посредством использования геостратегического потенциала Каспия. Хотя при этом многие американские аналитики отмечали, что сам по себе Каспийский регион для решения внешнеполитических задач на постсоветском пространстве не является ключевым. Еще в 2004 г. Ж. Дейвис и М. Свини в своем исследовании «Роль Центральной Азии в стратегической политике США» отмечали, что Каспий, во-первых, не является главным местом для безопасности всей Евразии, во-вторых, местные углеводороды не являются ни конкурентами, ни альтернативой арабским нефти и газу. Именно поэтому не стоит заикливаться только на Каспии, а необходимо иррадиировать

проектные импульсы на другие территории, что в итоге и привело к появлению таких конструкторов, как Черноморско-Каспийский, Средиземноморско-Каспийский, Кавказско-Каспийский и т.п. регионы. То есть можно говорить о том, что в сознании западных аналитиков постепенно формировался проект «*Большой Каспий*», хотя самого названия и четкого оформления западного варианта проекта нет до сих пор, но попытки под разными предлогами обосновать расширение Каспийского региона были и раньше, и есть в современной аналитической и научной литературе [375, с. 236].

Отметим, что идея Большого Каспия как западного проекта ни в 90-е гг. XX в., ни в начале 2000-х не была до конца оформлена. Даже в работе 2019 г. «*Большой Каспийский регион: конкуренция и сотрудничество*» [745] нет четкого понимания, что есть Большой Каспий. Этот термин используется как метафора. Так, Р. Хогленд пишет, что это один из «центров растущего стратегического значения», «тихий фоновый гул». При этом он, вероятно, формирует теоретическую базу для нового американского проекта очередного большого пространства. Он вновь возвращается к идее того, что эта территория – «один из крупнейших центров углеводородного депозита мира», что этот большой регион имеет «растущий интерес и стратегическое значение во всем мире», за влияние которого борются ведущие мировые центры силы [745].

В геоэкономическом словаре-справочнике «*Большой Каспий*» определяется как геополитический регион, возникший в Евразии в результате распада Советского Союза. К Каспийскому региону относят прибрежные государства, чьи сухопутные территории выходят к водоему. Это такие страны, как Азербайджан, Казахстан, Туркменистан, Иран и Россия [175, с. 15].

Исследователь каспийских проблем А.К. Магомедов в аналогичных терминах придерживается «расширенного использования Каспийского региона, анализируя его в виде «*Большого Каспия*». Последний, на его взгляд, включает в свой геополитический ареал Южный Кавказ, Северный Кавказ, а также Центральную Азию. Указанные территории являются частью «*Большого Каспия*»

согласно принципу строительства энергетических коммуникаций и торгово-транзитных коридоров [344, с. 11].

Более широкое толкование предложено профессором П.Л. Карабущенко. Он предположил, что геополитическая составляющая Каспия не должна ограничиваться вышеуказанными пятью прибрежными странами. Автор предлагает добавить к так называемой «каспийской пятерке» группу стран «околокаспийской десятки», состоящей из государств, лежащих по обе стороны Каспия и составляющих его периферию. К этому массиву так или иначе связанных с Каспийским регионом государств исследователь присоединил еще одну геополитическую группу заинтересованных государств в лице как старых (США, ЕС), так и новых (КНР) игроков [279, с. 17]. Подобный расширенный взгляд на каспийскую геополитическую динамику дает возможность комплексного рассмотрения всех изменений, связанных с регионом [279, с. 17].

П.Л. Карабущенко в своем понимании «великого геополитического Каспийского региона» основывался на логике рассуждений английского ученого-геополитика Х.Д. Маккиндера о «сердцевине географического мира» (Heartland) и «осевой зоне» (Pivot Area). По его мнению, Центрально-азиатское пространство действительно приобретает значение «Хартленда» из классической немецкой геополитики. Здесь смыкаются силовые линии цивилизационных и конфессиональных, этнических и политических разломов, отягощаемых жесткой борьбой за природные ресурсы и жизненное пространство [423, с. 331].

Многообразие взглядов и оценок позволяет констатировать, что определение Большого Каспия содержит некоторую историческую геополитическую характеристику, а по содержанию – совокупность геополитических проектов «энергетического и экономического влияния» и, в первую очередь, против возрастающей роли Китая и России в формировании нового миропорядка.

Используя технологии пространственного конструирования / переконструирования регионов, «коллективный» Запад предпринимает попытки включить Каспийский регион в более объемные геополитические проекты. Это объясняется стремлением недопустить / размыть потенциально возможное

формирование той или иной степени региональной идентичности, региональной системы безопасности, региональных политических и экономических институтов. Так, например, определённая часть американского научного и политического истеблишмента рассматривала Прикаспийский регион как продолжение нефтяных полей Ирана и Ближнего Востока, что привело к появлению концепции «стратегического энергетического эллипса» Дж. Кемпа. Суть ее состоит в попытке осмыслить некий искусственно конструируемый большой регион, объединяющий Каспийское море и Арабский залив, приобрести статус стратегической геополитической конструкции [344; 349, с. 36–50; 346].

Появление таких в большей степени теоретических конструктов, как Черноморско-Каспийский, Средиземноморско-Каспийский, Кавказско-Каспийский регионы, связано, во-первых, со стремлением стран Центральной Азии получить альтернативные выходы к мировым коммуникационным магистралям и иметь возможность использовать не только сухопутные транспортные коридоры (для государств Центральной Азии), зачастую проходящие по территории России; во-вторых, со стремлением стран Южного Кавказа максимально использовать преимущества своего транзитного положения, соединяя через Черное и, как вариант, Средиземное моря транспортные коридоры по линиям Восток – Запад, Юг – Север; в-третьих, со стремлением США и ЕС к максимальному влиянию и контролю как над новыми государствами Южного Кавказа и Прикаспия, так и транспортно-коммуникационными коридорами, и, как следствие, к ослаблению доминирования в этом регионе России; в-четвертых, позиционированием Китаем себя как второй экономики мира¹, со стремлением получить возможность влиять на геополитические опорные точки и в регионе, и в мире в целом, стать архитекторами нового экономического / транспортно-логистического мирового порядка.

Так, в резолюции Европарламента «Стратегия Европейского Союза в отношении Черного моря» [115] регион оценивается как перспективный мост,

---

¹ В настоящее время, к 2030 г. – первое место, его доля по мировому ВВП (ППС) прогнозируется экспертами в 33,4%, а США – 15,1%.

перекинутый от богатых ресурсами каспийских государств к европейским странам. Цель такого стратегического решения – обеспечение контроля над транспортно-коммуникационными путями, логистикой в сфере разведки, добычи и транспортировки углеводородов, с целью торгового и военного доминирования. Черноморско-Каспийский регион в данном случае является фундаментом международного транспортно-коммуникационного каркаса, обеспечивающего, в первую очередь, доминирование и превосходство в военно-экономической сфере коллективного Запада.

Кавказско-Каспийский регион с Азербайджаном как символическим центром-коридором, соединяющим Каспий и Кавказ, Каспий и Черное море, Европу и Азию, воспринимается аналитиками и практиками [231; 308, с. 19–33; 675; 198, с. 2–14] как плацдарм, позволяющий контролировать и военно-стратегическую ситуацию в регионе, и транспортно-коммуникационные потоки как с Севера на Юг, так и с Запада на Восток с прилегающими территориями, богатыми не только углеводородными ресурсами.

Параллельно с конструктами Черноморско-Каспийский, Средиземноморско-Каспийский, Кавказско-Каспийский регионы с начала 90-х гг. XX в. стали появляться конструкты с прилагательным «большой». В очередной раз это касалось пространств, так или иначе связанных с Советским Союзом, с территориями его влияния. Так, можно говорить о попытках переконструировать привычные для конца 80-х гг. XX в. геополитические конструкты: не страны Прибалтики, а страны Балтии, не страны Закавказья, а страны Южного Кавказа и даже более того: страны Большого Кавказа [454; 198, с. 2–14]. Не Средняя Азия, а страны Центральной Азии, регион Большая Центральная Азия [354, с. 71–80]. Кроме этого в научный оборот были введены понятия «Большой Ближний Восток» [628; 202, с. 620–828; 163], «Большой Черноморский регион» [155]. На наш взгляд, конструирование новых «больших» пространств в начале 90-х гг. XX в. было не чем иным, как инструментом влияния, идеологическим / теоретическим обоснованием геополитического передела мира, дающим право условно «большому» Западу осуществлять

ресурсно-территориальную экспансию, реализовывать идеи нового империализма, выводить ряд территорий традиционно российского влияния из-под этого.

Основными элементами технологии создания «больших» пространств, по нашему мнению, являлись искусственное расширение / размытие региона и попытка связать эти новые «большие» пространства новыми коридорами: транспортными, коммуникационными, даже не всегда рентабельными экономически, но действенными политически. Главная цель – оторвать, отдалить регион от России, снизить степень ее влияния на этом новом «большом» пространстве, облегчить для себя проведение в данном «большом» регионе своей внешней политики.

Необходимо отметить, что используемый нами термин «Большой Каспий» перекликается с рядом других уже существующих понятий, которые описывают модели соседних регионов, включающих в свою сферу и регион Каспийского моря (например, такие термины, как «Большой Кавказ», «Большая Центральная Азия», «Большой Китай» [77, с. 223]).

Для прояснения позиции по «Большому Каспию» рассмотрим и уточним теоретические конструкции вышеуказанных категорий, по отношению к которым категория «Большой Каспий» может играть роль стягивающего центра.

По мнению П.Л. Карабущенко, А.А. Вартумяна и Т.А. Шебзуховой, «геополитический регион Большой Кавказ представляет собой некую гантелевидную сущность, в который страны непосредственно самого Кавказа выполняют роль «ручки», по бокам которой «приделаны» две полусферы – с Запада регион Черного моря, с Востока – регион Каспийского моря. «Ручка» и «полусферы» составляют единое геополитическое пространство, соединенное множеством зримых и незримых нитей и скрепов. Большой Кавказ всегда был в эпицентре внимания ведущих геополитических игроков, во все века стремившихся сюда проникнуть и закрепиться на его территории» [275, с. 10]. Мы согласны с мнением этих авторов, которые указывают на то, что борьба за Кавказ была составной частью большой геополитической игры англосаксов

с Россией и фактически представляла собой борьбу за мировую гегемонию и могущество.

Е.М. Примаков главными игроками на Ближневосточной карте мира выделял США и СССР / Россию. Но не все всегда зависело от них и их союзников. Участникам конфликта приходилось учитывать мнение таких ведущих стран, как Индия и Китай [478, с. 67–72]. При этом именно США, по мнению Е.М. Примакова, активно и постоянно разыгрывали китайскую и индийскую «карты», спекулируя на существующих между ними противоречиях. При этом все американские администрации устойчиво демонстрировали политику разговора с мировыми партнерами с «позиции силы».

Геополитическое пространство Большого Кавказа неоднородно. «Внутри Большого Кавказа мы можем обнаружить существование двух геополитических треугольников: «большой» (Россия – Турция – Иран) и «малый» (Грузия – Армения – Азербайджан). Первый отвечает за внешний контур международных отношений, второй измеряет общее состояние политического климата внутри этого региона. Вмешательство в эти устоявшиеся отношения «третьей силы» («седьмого игрока») вносит дополнительный хаос и нестабильность в эту международную систему. Речь идет о США и их сателлитах» [275, с. 10]. И чаще всего таким «игроком» являются США, через раздувание конфликтов утверждающие свою мировую гегемонию.

В этот регион с трех сторон идут основные вызовы и угрозы: 1) с Запада – НАТО и раскручивающаяся на Украине волна национализма; 2) с Востока – Афганистан (Талибан, волны миграции, спровоцированные приходом к власти Талибана после ухода из Афганистана США) и Китай с его экономической экспансией; 3) с Юга потенциальный конфликт по линии Иран – Саудовская Аравия, шииты – сунниты, вмешательство США, которые стремятся реализовать там свой ближневосточный вектор национальных интересов. Часть этих угроз напрямую затрагивает национальные интересы России, часть бьет по ней косвенно. Но России приходится учитывать все эти факторы, чтобы проводить свою многовекторную внешнюю политику.

Акцентируем внимание на том, что Евразия – это сложное геополитическое пространство от Лиссабона до Токио. Ещё в 1990-е гг. З. Бжезинский в этой связи отмечал, что «Франция, Германия, Россия, Китай и Индия являются крупными и активными фигурами, в то время как Великобритания, Япония и Индонезия (по общему признанию, очень важные страны) не подпадают под эту квалификацию. Украина, Азербайджан, Южная Корея, Турция и Иран играют роль принципиально важных геополитических центров, хотя и Турция, и Иран являются в какой-то мере – в пределах своих более лимитированных возможностей – также геостратегически активными странами» [77, с. 55–56]. На западе Евразии Франция и Германия являются основными геостратегическими акторами. Именно франко-германский альянс является, по мнению американского стратега, надежным союзником США в деле утверждения их мировой гегемонии.

В последнее десятилетие XX в. для описания обстановки в Евразии З. Бжезинский использовал термин «Евразийские Балканы», под которыми в первую очередь подразумевал бывшие республики Советского Союза [77, с. 151–152].

Еще один подход можно определить как концепцию «Центральной Кавказии». Ее авторы (Э. Исмаилов, В. Папава) исходят из того, что сами географические основы Евразии и геополитические особенности этого континента указывают на существование Центральной Евразии, которая определяется ими как единство Центральной Европы, Центральной Азии и связывающего их региона – Центрального Кавказа. В то же время единство Центрального Кавказа и Центральной Азии определяется как Центральная Кавказия. На основе такого переосмысления геополитики возможны и новые взгляды на «старые» проблемы [258].

На далеко идущие планы США в свое время указывал один из ведущих американских исследователей Большой Центральной Азии С.-Ф. Старр, который отмечал, что «мало кто из американских политиков отдает себе отчет в том, что недавние успехи в Афганистане открывают огромные возможности – не только для самого Афганистана, но и для всей Центральной Азии. Соединенные Штаты

имеют ныне шанс способствовать тому, чтобы Афганистан и регион в целом превратились в безопасную зону суверенных государств, сделавших выбор в пользу эффективной рыночной экономики, отличающихся светскими и открытыми системами государственного управления и поддерживающих позитивные отношения с Вашингтоном» [547]. Именно это непонимание текущего политического момента и особенностей евразийского региона стоило американской элите потери геополитической инициативы. Время 2000–2010-х гг. стало для них временем упущенных возможностей.

В Большую Центральную Азию Ф. Старр включает наряду с пятью бывшими советскими среднеазиатскими государствами (Туркменистаном, Таджикистаном, Узбекистаном, Кыргызстаном и Казахстаном) также Афганистан, Пакистан, Восточный Иран и западную часть Китая (Синьцзян) [547; 548]. По мнению другого американского политолога Майкла Мандельбаума, в этот регион должны быть также включены еще части Кашмира и Монголия [721, с. 83–103]. «Центральная Азия находится в самом центре Евразии и является узлом всевозможных коммуникаций... Регион, который многие упорно рассматривают как периферийный и отсталый, был в течение многих веков центром политики и экономики, центром науки, философии и научной жизни Евразии» [552, с. 34, 493]. Именно фрагментарность геополитических представлений об этом регионе американских политических элит помешали США проводить здесь более эффективную внешнюю политику, что позволило другим игрокам (прежде всего России и Китаю) закрепиться здесь [550, с. 80–92].

Напомним, что еще в 1990-е гг. при Ельцине и Цзян Цзэмине наметилось российско-китайское сближение, которое началось с урегулирования пограничных спорных отношений [478, с. 234]. Решение этого вопроса заложило прочный фундамент под стратегическое партнерство Москвы и Пекина.

В отношении Большого Каспия у Китая есть свой геополитический проект, получивший название «Новый Шёлковый путь» (Евразийский сухопутный мост) – концепция новой панъевразийской (в перспективе – межконтинентальной) транспортной системы, продвигаемой Китаем, в сотрудничестве с Казахстаном,

Россией и другими странами, для перемещения грузов и пассажиров по суше из Китая в страны Европы [565].

Еще в 2013 г. во время своего официального визита в Казахстан и Индонезию Си Цзиньпин озвучил основные идеи проекта «Один пояс – один путь», в котором были объединены такие проекты, как «Экономический пояс Шёлкового пути» и «Морской Шёлковый путь XXI века» (кратчайший сухопутный путь из Азиатско-Тихоокеанского региона через Евразию в Европу должен сократить 50% расстояния и гарантировать большую надежность по сравнению с морским) [512, с. 12–18]. Следует отметить, что товарооборот между Китаем и Европой в 2014 г. уже достигал 700 млрд. долларов и к 2020 г. планировалось превысить 1 трлн. [648]. Проект «Один пояс – один путь» должен был стать торговым мостом между Китаем и Европой [276, с. 106]. Китайский проект «Один пояс – один путь» носит не только экономический, но и геополитический характер и направлен на диверсификацию международной логистической системы, в настоящее время полностью зависящую от таких глобальных игроков, как США и Великобритания.

Итак, проект Большая Центральная Азия включает в себя Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Пакистан и Афганистан (позиция Ф. Старра [549, с. 72–87]), хотя в начале 90-х гг. этот проект включал в себя территории Центральной, Юго-Западной и Южной Азии [700, р. 875–887]. По мнению ряда аналитиков [576], главная цель данного политического проекта – под видом обеспечения региональной безопасности, при помощи ряда экономических проектов, в том числе и проекта CASA-1000 (Central Asia – South Asia), связанного с созданием трансрегиональной электромагистрали (ЛЭП), экономически и инфраструктурно оторвать страны этого региона от ИРИ, КНР и Российской Федерации. По сути, это мы находим и в аналитическом документе ««Партнерство Большой Центральной Азии» для Афганистана и его соседей», в котором говорится о том, что основной задачей данного Проекта является создание политических систем, нацеленных на развитие перспективных взаимоотношений с Америкой [581].

Р. Асмус в своей работе «Евро-атлантическое Причерноморье» [54] говорит о том, что в основе проекта «Большой Черноморский регион» лежат политические

и геоэкономические мотивы, связанные, во-первых, с переформатированием политического климата на Украине, в Закавказье и Турции (череда «цветных» революций в первых двух и желание Запада повлиять на изменение политического режима в Турции), во-вторых, идеей расширения НАТО и ЕС посредством реализации принципов «демократической интеграции и коллективной безопасности» [54], в-третьих, с идеей «транзитного коридора», соединяющего Большой Ближний Восток с основной частью Европы, и, наконец, стремлением к обеспечению энергетической безопасности, реализацией принципов диверсификации поставок энергоресурсов и ослаблением российского фактора в европейской энергонезависимости. По мнению этого исследователя, запуск нефтепровода БТД показал возможности западных государств с помощью коллективных усилий наладить сотрудничество с каспийскими и прикаспийскими странами. Цель такого сотрудничества – создание режима энергетической безопасности в Прикаспийском регионе за счет разработки большого количества трубопроводных направлений [54].

Геополитический план под условным названием «Большой Кавказ» возник как реакция на российское деление Кавказа на Северный Кавказ и Закавказье. Чтобы показать безосновательность претензий России как минимум на половину Кавказа (Северный Кавказ), Э. Исмаилов предложил включить в состав Большого Кавказского региона северо-восточные территории Республики Турция и северо-западные районы Ирана. Исходя из подобного районирования, мы видим наличие трех составных Большого Кавказа: Северный Кавказ (часть территории России), Южный Кавказ (часть территорий Ирана и Турции), Центральный Кавказ (Армения, Грузия, Азербайджан) [257]. Номинально роль и значение России в этом геополитическом пространстве принижается. Территория постепенно выводится из-под влияния России. Кроме этого создается почва для дестабилизации ситуации на Севере Ирана, где проживают этнические азербайджанцы, с целью давления на ИРИ. «Скрепками» нового большого образования, как и в других ему подобных, являются общие транспортные, логистически-коммуникационные проекты. Например, транспортный коридор Баку – Тбилиси – Карс, соединяющий железнодорожную транспортную сеть трех государств.

Большой Ближний Восток – это «новый геополитический феномен, порождённый окончанием Холодной войны и распадом СССР. Это обусловило интерес со стороны ведущих акторов мировой и региональной политики, которые начали соперничество за обладание «советским наследством», запустив процессы кардинальной перекомпоновки данного регионального пространства», как отмечают Т.А. Ганиев и В.В. Карякин [127, с. 15–28]. К наиболее активным акторам-соперникам, претендующим на переконфигурацию региона и доминирование на Большом Ближнем Востоке, относились США, Турецкая Республика, КНР, Исламская Республика Иран и Королевство Саудовская Аравия. Смысл начатой США перекомпоновки сводился к разрушению одного из полюсов региональной безопасности (Ирака) с целью дестабилизации региона как отправной точки построения новой системы региональной безопасности под протекторатом Соединенных Штатов. Территориально Большой Ближний Восток включал в себя территории, прилегающие к Восточному Средиземноморью и Аравийскому полуострову, к Черному и Каспийскому морям, то есть включал в себя Центральную и Малую Азию, Южный Кавказ.

Проект оказался неудачным вследствие глубинных различий военно-политических и экономических целей США, КНР и РФ, непримиримых целей Турции, ИРИ и КСА в религиозно-идеологической сфере. Кроме этого, проект оказался нереализованным вследствие увеличения числа акторов геополитической трансформации, причем как глобальных (в процессы встроилась Россия), так и региональных (появились достаточно активные новые региональные игроки: Казахстан, Азербайджан, Узбекистан). Нестабильности этому образованию придало и наличие нескольких мегапроектов, которые не способствовали сплочению региона, а атомизировали его. К таким проектам можно отнести большой транспортный коридор «Север – Юг», связывающий Индию, Иран, Казахстан, Азербайджан и Россию.

С одной стороны, игра новых национальных политических элит с идеей независимости в «новых» государствах, ставка политических элит в установлении и поддержании суверенитета над той или иной территорией на ресурсный национализм приводит к тому, что срабатывают разрушающие региональное единство и дестабилизирующие региональную безопасность центробежные

механизмы. Отметим, что общим для всех стран дестабилизирующегося на конец 1990 – начало 2000-х гг. Прикаспийского региона были политическая нестабильность, политизация этничности и религии, идеологический вакуум, геополитическая инверсия, кризис / крах национальной экономики и стремление встроиться в логику мировой политики и экономики. С другой стороны, во-первых, вероятность / возможность того, что внерегиональные геополитические центры будут контролировать и региональные, и трансрегиональные коммуникации на этой территории, во-вторых, стремление к контролю за политическими процессами на территориях как «новых», так и «старых» государств в Каспийском (Кавказско-Каспийском) регионе и Центральной Азии вызывает серьезную озабоченность государств, соприкасающихся с ним, ряда государств Большого Каспия. Главным образом мы говорим здесь о таких странах, как Россия, Иран, Китай, Турция, Индия (основных инициаторах проекта Большой Каспий).

Данные процессы заставляют региональные государства искать механизмы поддержания политической, военно-политической, экономической и экологической стабильности, обеспечивать безопасность в геополитическом Каспийском регионе и баланс военно-политических и экономических интересов в регионе Большого Каспия.

О том, что для Каспийского региона большое значение имеет и особенно будет иметь проблема безопасности, писал в своей работе «Великая шахматная доска» З. Бжезинский. По аналогии с Балканами, как пороховой бочкой Европы, Бжезинский говорит о Евразийских Балканах, ядром которых выступает именно Каспийский регион [77, с. 124]. По мнению З. Бжезинского, Каспийский регион может выступить в роли пороховой бочки Евразии вследствие высокой степени вероятности обострения внутриэлитных, межэтнических и иного рода конфликтов, вследствие политизации ряда неполитических факторов, вследствие слабости новых государств. Отметим, что Бжезинский понимает Каспийский регион достаточно расширенно, приближая его, по сути, к Большому Каспию.

Проект *«Большой Каспий»* создан и существует под влиянием назревших обстоятельств, а вовсе не под влиянием так называемого «коллективного Запада». Страны, входящие в Каспийский регион в ранние постсоветские годы, были

своего рода объектами геополитического воздействия и манипуляции со стороны «коллективного» Запада. Стремление региональных игроков перейти в ранг акторов геополитического воздействия или, возможно, в ранг коллективного субъекта, возникшее вслед за трагическими событиями 11 сентября 2001 г., привело к тому, что появился единственный проект с определением «большой», инициированный не коллективным Западом, а региональными игроками, – это проект Большой Каспий [375, с. 236].

Расширенное толкование Каспийского региона заложило, с одной стороны, понимание сущности Большого Каспия, а с другой – определило появление нового геополитического проекта «Большой Каспий», проекта без явно выраженного ведущего регионального субъекта, проекта, в котором силовая, экономическая, демографическая и ресурсная составляющие находятся у разных региональных игроков проекта, рассредоточены по региональным центрам влияния, а главная цель его существования как единого геополитического пространства / проекта – противостояние гегемонии «коллективного» Запада, обеспечение региональной безопасности и посредством приобретения статуса логистически-транспортного региона влияние на мировые экономические и политические процессы [375, с. 236].

Большой Каспий как геополитический проект является единственным проектом «большого пространства», созданным и реализуемым не «коллективным Западом», а региональными игроками. Причем региональные игроки имеют разные цели, рассматривают друг друга как «попутчика», но на данный момент времени этот проект – жизнеспособная структура, которая имеет все шансы не распасться (что тоже возможно), а благополучно эволюционировать.

Отметим, что поиску баланса интересов в регионе Большого Каспия мешали разные позиции России, КНР, ИРИ и Индии по вопросу степени открытости региона и опасения активизации в регионе традиционных соперников РФ (Великобритания, США). Россия, обладая военной мощью, стремится стать региональным центром силы и «закрыть» Каспийский регион от влияния внерегиональных игроков, гарантировать как общую региональную безопасность, так и устойчивость политических режимов в государствах Прикаспия. При этом ни Иран, ни Китай, ни Индия не могут противопоставить глобальным игрокам

и ведущим геополитическим центрам свою военную мощь, что в итоге приводит, с одной стороны, к стремлению реализовать в масштабах Большого Каспия принципы «открытости региона», «открытых дверей», «равных возможностей», а с другой – к поискам реперных точек будущего сотрудничества с Россией по противодействию расширению влияния в регионе Большого Каспия европейских стран, США, Турецкой Республики и Исламской Республики Пакистан [375, с. 236].

В проекте Большой Каспий играет Турция, которая, с одной стороны, являясь частью американского проекта Большой Кавказ, реализуя свои национальные интересы, встраивается в реализацию сухопутных и морских новых транспортных потоков и коммуникаций с выходом и в Средиземноморье, и Европу и, с другой стороны, стремится реализовать проект Великого Турана. Реализовать доктрину пантюркизма [769] планируется через так называемый тюркский фактор, через общность тюркоговорящих азербайджанцев, туркмен, казахов, кумыков, татар, ногайцев, карачаевцев и балкарцев, которые живут и в Азербайджане, и в Иране, и Казахстане, и Туркменистане, и на российских прикаспийских (и шире – кавказско-каспийских) территориях.

Несомненно, что в процессе создания и реализации проекта «Большой Каспий» играл и играет такой внерегиональный игрок, как Китайская Народная Республика [626, с. 297–306; 604; 455; 460; 392; 269; 208; 658]. Участие в проекте «Большой Каспий» отвечает его стратегическим интересам: это сами энергоресурсы и их импорт; интеграция со старыми и активное строительство новых транспортно-коммуникационных систем; реализация принципов «тихой / ползучей» экспансии [375, с. 237].

В новых геополитических реалиях Каспийский регион рассматривается как часть обширной территории «Евразийских Балкан»; составная часть обширной территории Евразии; связующее звено между Центрально-Азиатским и Причерноморским пространствами или связующее звено направления Север – Юг (Россия – Персидский залив). В данном контексте перспективным представляется мнение таких ученых, как С.А. Проскурина и К.Г. Ланда, которые изучают Каспийский регион как геополитическое продолжение прилегающих к нему мезорегионов: от центральноазиатского до персидского, от волго-уральского до черноморского [483, с. 192].

К сожалению, словосочетание «Каспийский регион» все еще оценивается весьма неоднозначно, а иногда в крайне противоречивых терминах. С некоторых пор в целях политического обоснования процесса экономической интеграции стран СНГ стало привычным рассуждать о «новом Евразийстве». В контексте такой мировоззренческой трансформации Каспийский регион стал восприниматься в качестве перспективного центра Евразии [365, с. 15].

Рассматривая регион в узком смысле как территорию, примыкающую к акватории моря, можем представить его схематично в виде модели малого Каспийского региона (рисунок 1).

Рисунок 1. Модель пространства малого Каспийского региона

(источник: авторский)

Предлагаемая модель демонстрирует наличие активно формирующихся кооперативных отношений между государствами региона. Эти взаимосвязи создают новую модель геоэкономической и геополитической эволюции региона, оказывающего влияние на развитие всего евразийского континента. Так, например, Иран является важным государством, посредством которого

обеспечивается реализация евразийской интеграционной политики России и Китая, России и Индии. Ресурсный потенциал углеводородов, проходящий через Ормузский пролив, достигает 40% мировой торговли и 20% торговли нефтью, его географическое положение связывает Кавказ и Центральную Азию с Аравийским полуостровом, Индию со Швецией, Афганистан с Турцией и т.д. [467].

Геополитическое сочетание таких макрорегиональных проектов, как Евразийский экономический союз и торгово-транспортные направления Шелкового пути обеспечивает формирование транзитного пространства между Китаем и Европой по различным вариантам (по Транссибирской магистрали на всем ее протяжении; перевозка китайских грузов в Россию через страны Центральной Азии и т.д.) [350, с. 46–47]. При этом экономический потенциал «Китая и Индии обеспечивает новому пространству соразвития подушку безопасности» [344, с. 54].

Имея в современных условиях особое геополитическое и геоэкономическое стратегическое значение, Каспийский регион превратился в эпицентр международных процессов. Единообразие большинства точек зрения состоит в его признании трансграничным макрорегионом, в формировании которого «участвуют свыше 30 региональных, внерегиональных и глобальных политических, экономических, военных акторов в лице государств, организаций и компаний» [48, с. 53]. Трансграничный статус региона представляет собой организационную модель институционализации трансграничной кооперации [663].

Участие государств Прикаспия в деятельности различных международных организаций, развитие двухсторонних и многосторонних политических и торгово-экономических отношений позволяют сформировать развивающийся вектор пространственной модели «малого Каспийского региона». Характеристики и положение государств в организациях, создающих ареал Большого Каспия (таблица 2), свидетельствуют о возможности создания многовекторного и разнонаправленного пространства дальнейшего развития международного сотрудничества.

Государства – стратегические партнёры стран Прикаспийского региона, ЕАЭС и ШОС												
Армения	X				X	X			X			
Беларусь	X			X			X		X			
Индия			X									Переговоры
Китай			X								X	
Кыргызс тан	X		X						X			
Пакистан			X									
Молдова	X					X				X		
Сербия						X					X	
Таджики стан	X		X									
Турция					X	X						
Узбекис тан	X		X							X		
Государства, входящие в число ведущих и развивающихся экономик мира												
Египет					X		X					Переговоры
Вьетнам				/X							X	
Корея								X				Интерес
Сингапур											X	
Япония								X				

Источник: авторский.

Предложенная матрица и статус государств в основных международных организациях, формирующих пространство Большого Каспия, характеризуется сочетанием многообразия субъектов геополитики. Линейная модель их построения и институциональных преобразований определяет статус государств, входящих в состав взаимосвязанных международных организаций, которые распределены по соответствующим уровням:

1) Первый – региональный уровень:

1.1. Страны Прикаспийского региона, формирующие пространство малого Каспийского региона (см. рисунок 1).

1.2. Юридический статус стран Прикаспийского региона в основных международных организациях, действующих на евразийском пространстве (действительный или ассоциированный член; участник, наблюдатель или партнер по диалогу; участник, наблюдатель или партнер; члены, наблюдатели, участники зоны свободной торговли).

2) Второй – мезо- и/или макроуровень:

2.1. Основные международные организации, в которых участвует Российская Федерация на евразийском пространстве (СНГ, ШОС, ОЧЭС, ЕАЭС).

2.2. Юридический статус государств в конкретной международной организации (действительный или ассоциированный член; участник, наблюдатель или партнер по диалогу; участник, наблюдатель или партнер; члены, наблюдатели, участники зоны свободной торговли).

3) Третий – мегауровень:

3.1. Страны, которые можно отнести к участникам разработки международной Конвенции о правовом статусе Каспийского моря.

3.2. Страны Каспийского региона, которые являются близкими партнерами в рамках таких международных структур, как ЕАЭС и ШОС.

3.3. Государства, входящие в число ведущих и развивающихся экономик мира.

В результате институциональных преобразований может поэтапно формироваться физико-географическое пространство Большого Каспия, которое

представлено большим количеством разнообразных государств практически всех материков Земли, отличающихся уровнем развития: экономики и технологий; политических систем и политического устройства, внешней и внутренней политики, а также иными историческими, социально-экономическими и культурными особенностями. Одновременно создается базовая основа построения многомерной модели Большого Каспия, динамично изменяющая пространственное сопряжение различных сил международного влияния. В рамках указанного пространства формируется совокупность двух- и трехсторонних связей и отношений как наиболее устойчивых геополитических и «пространственных единиц» [375].

Участие России в сирийском конфликте по просьбе законного правительства Башара Асада привело к формированию работоспособной коалиции государств на военно-политической основе по линии Россия – Турция – Иран. Последняя имеет все шансы стать юго-западным вектором «Большого Каспийского треугольника». Под этим треугольником подразумевается создание пространства региональной безопасности на южном крыле Большого Каспия.

Каспийский юго-восточный евразийский вектор (евразийский разворот), формирующий новое геополитическое пространство Большого Каспия, осуществляется в рамках «Большого Евразийского треугольника РИК» (Россия – Индия – Китай) как устоявшегося формата политического взаимодействия государств. Значимость этой кооперации обусловлена возможностями сопряжения евразийской интеграции при реализации глобальных проектов: Китайского Экономического пояса Шелкового пути и транспортного коридора «Север – Юг» [375], предоставляющего Индии доступ к глобальным торгово-коммуникационным маршрутам и минеральным ресурсам.

Итак, в самом общем виде «Большой Каспий» можно обозначить как расширение Каспийского бассейна применительно к ситуации, возникшей после распада Советского Союза и окончания «холодной войны». Если стремиться к уточнению формулировки, то главным содержанием этой географической и политической трансформации региона становится

энерготранзитный фактор. Открытие больших месторождений нефти и газа в азербайджанском (Азери – Чираг – Гюнешли), казахском (Тенгиз, Кашаган, Карачаганак) и туркменском (Южный Илотань – Осман и Довлетабад) секторах Каспия превратили регион в притягательную энергетическую единицу. Последующее строительство нефтегазовой инфраструктуры, пролегающей по территории Южного Кавказа и Турции (а затем по Центральной Азии в сторону Китая) не только вывели нефть и газ региона на внешние рынки, но и раздвинули границы восприятия Каспийского бассейна. Таким образом, нефте- и газопроводы привели к стратегическому расширению прежнего Каспия.

Мы придерживаемся расширенной интерпретации данного понятия, выделяя его в виде «Большого Каспия». Расширенная интерпретация подразумевает включение в его состав не только Каспийского побережья, но и прилегающих ареалов: Северо-Кавказский регион, Южный Кавказ, Центрально-Азиатский регион. Данные области объединены в категорию «Большой Каспий» историей и политикой борьбы за создание и контроль над трубопроводными маршрутами и коммуникационными коридорами. После распада СССР мезорегион Большого Каспия приобрел характер пограничной и наднациональной территории. Без вышеуказанных энерготранспортных коммуникаций нефтегазовый потенциал «Большого Каспия» теряет всеобъемлющее значение. Если говорить обобщенно, то Большой Каспий – это нефтегазовый потенциал водоема плюс трубопроводные направления и трубопроводная инфраструктура. Последние выступают в качестве коммуникационного продолжения Каспия. Это продолжение олицетворяют такие проекты, ставшие знаковыми, как нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан, нефтепровод Атасу – Алашанькоу, газопровод Туркмения – Китай. В итоге Большой Каспий получает все признаки транснационального мезорегиона, имеющего глобальное значение.

Стремительное приближение китайских интересов, нефтегазовых и инфраструктурных проектов к берегам Каспийского моря закрепило геополитическое единство Центральной Азии и Кавказа, соединенных бассейном

Каспийского моря. Все это дает основания считать, что именно торговые пути оживляют географические пространства. «Большой Каспий» – понятие, рожденное «взлетом» каспийской нефти и связанной с ней инфраструктурой международной торговли и международной войны. Более того, строительство портовой инфраструктуры в таких странах, как Азербайджан, Казахстан, Туркменистан, чтобы стать частью пекинского торгово-транспортного мегапроекта, становится дополнительным аргументом для выделения понятия «Большой Каспий» (через объединение кавказского и центральноазиатского направлений) в отдельную единицу стратегической географии.

В этом определении мы хотим сформулировать авторскую заявку на то, чтобы уйти от узко трактуемого понимания региона. Суть нашего подхода заключается в следующем: чтобы лучше понять каспийские проблемы, их нужно поместить в широкий контекст международных отношений. Для этого необходимо, прежде всего, учесть ту огромную роль, которую начали играть в постсоветский период следующие факторы: нефть, газ и торгово-транспортные маршруты Каспия как фундамент новой идентичности постсоветских государств региона, «ресурсный национализм», создание трубопроводной системы по направлениям «Запад» и «Восток» от Каспия, формирование новых политических и экономических стимулов в регионе, создание новой портово-транспортной системы и инфраструктуры. На Каспии его участниками формируется система открытого развития, нацеленная на стратегическое сотрудничество с другими странами, которые стремятся ускорить ресурсные приобретения в регионе. Под термином «Большой Каспий» мы имеем в виду политическую интеграцию ресурсов и тесного международного взаимодействия по каспийским вопросам. Сюда также входит процесс сближения государств Прикаспия с другими государствами, а также посильная кооперация стран Каспийского региона между собой по вопросам, касающимся экономических интересов и военно-политической безопасности.

В ходе нашего диссертационного исследования мы будем вносить уточняющие добавления, призванные конкретизировать различные аспекты определения понятия «Большой Каспий».

Таким образом, ресурсный фактор и строительство транспортных систем, усилия по строительству транспортно-логистических коридоров становятся ключевыми факторами и фундаментом «Большого Каспия». Эти системы и факторы дают толчок для развития каспийской энерготранспортной сети в плане превращения ее в важный центр евразийской транспортной системы. Для успешной реализации таких проектов страны Каспийского региона придерживаются модели открытого развития. Именно такая стратегия позволяет государствам Прикаспия трансформироваться из региональных игроков в субъектов евразийской политики.

Итак, возрастание значимости Каспийского региона обосновывается следующими факторами: возрастанием коммуникационного и энергетического значения региона, что приводит к «пробуждению» региона, появлению «самосознания» региона, его реформатированию и борьбе внутри региона. Следующий фактор возрастания значимости – появление «нового» интереса к региону со стороны сильных держав. Вследствие этого можно говорить о появлении такого феномена в регионе, как новая «Большая игра», что по сути является своеобразным геополитическим процессом, ведущим к формированию Большого Каспия.

1.2. Цивилизационный фактор в современной геополитике

В геополитической онтологии можно условно выделить три направления, которые определяют характер данной практики: экономический детерминизм (А.К. Магомедов), военно-политическая составляющая (А.Е. Вандам / Едрихин) и культурно-цивилизационная доминанта (Н.Я. Данилевский, А.С. Панарин). Если первые два элемента обладают известной активностью (динамикой актуальных изменений), то последний стремится к стабильной статичности, поскольку

выражает глубинные базовые ценности, практически не меняющиеся со временем. Это те самые константы, которые определяют культурные коды цивилизаций и регулярно воспроизводятся в поколениях в качестве их базовой основы.

Перед настоящим разделом диссертационного исследования стоит задача выяснения роли цивилизационного фактора в формировании и реализации геополитических концепций и влияния на динамику развития международных отношений. Отталкиваясь от классических теорий цивилизаций (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер и др.), автор раскрывает особенности геополитической палитры Евразии, выделяющиеся своим избыточным разнообразием. Здесь необходимо применять известный диалектический принцип: «конкретный анализ конкретной ситуации».

Геополитика рассматривается как наука, изучающая комплекс исторических, политических, географических, экономических, демографических и других взаимодействующих факторов, которые влияют на стратегическое поведение государства (Э.Л. Поздняков, Ю.В. Тихонравов, К.С. Гаджиев). Еще в дореволюционные годы А.Е. Вандам (Едрихин) определял геополитику как «высшую стратегию» в проведении государством внешней политики [98, с. 29, 159]. Геополитика – это объяснение противнику, где проходят его границы. И самым главным критерием в определении этих границ служит культура и цивилизация. У стран, принадлежащих разным цивилизациям, имеются свои особенности в их культурных кодах и традициях. В Евразии мы имеем дело сразу с несколькими такими крупными историческими цивилизациями, представленными такими странами, как Китай, Индия, Иран, Россия, Турция, арабский мир. И у каждой из них имеется свой набор решения вызовов и угроз, достижение поставленных целей и задач, имеются свои позитивные традиции и сохраняемый в исторической памяти негативный опыт. Именно эти культурно-цивилизационные коды во многом и предопределяют характер геополитических стратегий ведущих стран Евразии и Большого Каспийского региона, в частности.

Фактор цивилизации играет важную роль в геополитических конструкциях, занимая позицию неких «смысловых стержней». Евразия представляет собой

политическое пространство, имеющее наибольшее число цивилизаций, обладающих своим историко-культурным и социально-политическим опытом. И это этнокультурное многообразие требует такого же разнообразного методологического подхода. Поэтому здесь применяются как классические, так и современные методы и приемы оценки политической действительности. О. Шпенглер определял цивилизацию как «высшую и заключительную стадию культуры», которой присуща «более высокая логика и рациональность». Культура состоит из «веры, этики и символов». Цивилизация понимается как некий промежуточный итог эволюции, по сведению к некому общему знаменателю различного рода разнообразий, создающих нечто единое многомерное целое. «Культура и цивилизация – сообщающиеся сосуды: культура аранжирует ритмы бессознательного и определяет архитектуру сознания; цивилизация воплощает во внешней среде симфонию разума, чувств и традиций. Суверенное становление предполагает личностный рост и соборное самоуправление (πολιτεία), реализуемые с учетом процессов, протекающих в человеческом космосе (в полисе)» [417, с. 41–42]. Согласно О. Шпенглеру, локальные цивилизации (т.н. «высокие культуры») представляют собой «группы народов подчеркнуто выраженного стиля и единого мироощущения», пребывающие под влиянием «имманентной государственной идеи» [643, с. 197].

Цивилизация представляет собой высшую как в логическом, так и в историческом плане ступень организации и развития человеческого общества как совокупность взаимосвязанных, взаимодействующих личностей, культурных ценностей и исторических традиций. Ещё И. Валлерстайн определял основные компоненты цивилизации как «уникальную комбинацию традиций, общественных структур и культуры (как материальной, так и “высокой”), которая формирует ту или иную историческую целостность...» [860, с. 215]. «Цивилизации – общества со скоординированными и воспроизводимыми моделями материального производства, социальности, управления, ценностной системы и культуры. Культура – часть цивилизации; это язык, верования, обычаи и “образ жизни” общества как целого... Для объяснения возникновения

и развития цивилизаций ученые обращаются к двум основным институциональным комплексам: политическому и экономическому» [331, с. 58]. По мнению В.Н. Шевченко, «цивилизация есть деятельностный способ существования целостного социального организма, сложившейся исторической общности людей» [634, с. 71].

Согласно политическому определению, цивилизации есть продукт длительной эволюции; согласно экономическому объяснению, «первостепенная роль приписывается изменениям, происходящим в экономической жизни общества» [331, с. 59]. Способы «сборки» различных цивилизаций могут указывать на их характер и свойства.

Именно устойчивые во времени уникальность и самобытность являются основными критериями цивилизации. «“Цивилизационисты” характеризуют свои страны как самобытные цивилизации с уникальными культурными ценностями и политическими институтами. Подъем государств-цивилизаций не просто меняет глобальный баланс сил, но и трансформирует сложившийся после окончания холодной войны геополитический ландшафт – от либерального универсализма к культурной исключительности» [436, с. 34]. Именно цивилизации являются глобальными участниками геополитических процессов. «Современная цивилизация в том виде, в каком она сложилась и развивалась в XVI–XXI вв., по своей сути есть цивилизация идеологическая. Если в предшествующие модерну эпохи содержание политики и экономики, права и морали определяла религия, то затем, вследствие процессов секуляризации, место религии как главного регулятора общественной жизни заняла идеология» [638, с. 241].

В своей книге «Подъем государства-цивилизации» Кристофер Кокер (Christopher Cocker) утверждал, что современное человечество живет «в мире, где цивилизация быстро становится валютой международной политики» [709, р. х]. В настоящее время тема цивилизации стала настолько спекулятивной, что начинает утрачивать в политическом дискурсе свой изначальный смысл, становясь предметом манипуляций смыслами.

Еще в свое время известный российский геополитик А.С. Панарин отмечал, что цивилизация – это не жесткий и неизменяемый код, а «некоторые предпосылки, установки и партитуры, достаточно неясно написанные, чтобы не стеснять нашу моральную и творческую свободу и в то же время не давать вечных гарантий, которые человеку противопоказаны» [448, с. 536].

По мнению А. Зиновьева, история развития цивилизаций подошла к своему логическому завершению. Время автономных цивилизаций закончилось. Возникновение т.н. «сверхобщества» («сверхцивилизации», «сверхгосударства», «сверхэкономики») означает, что цивилизации их в прежнем виде «обречены на исчезновение. На их место приходят социальные образования иного рода, более адекватные современным условиям на планете» [226, с. 28]. Согласно этой версии, цивилизации начинают поглощаться «социальными гигантами» более высокого уровня организации (наднациональные политические и экономические блоки как элементы глобального сверхобщества). Такое «глобальное сверхобщество» представляет собой переплетение различных иерархических систем нового мирового порядка. «Происходящий процесс объединения всего человечества в единое целое является в реальности покорением всего человечества западным миром как единым целым» [226, с. 78].

Геополитика представляет собой стратегическое видение своего времени. А.С. Панарин считал, что «настоящее стратегическое видение – и в этом состоит методологический парадокс нового века – достигается только в случае, если мы научимся принимать всерьез события и сдвиги в духовной сфере» [451, с. 299]. Порой за теоретическими конструкциями эта политическая повседневность оказывается незамеченной. А как показывает политическая история, в геополитической картине мира важна каждая деталь, ценна любая мелочь.

Отметим, что *цивилизационная геополитическая парадигма* утверждает, что главными действующими субъектами в мировой политической истории являются не столько государства или отдельные нации, сколько огромные культурно-религиозные общности, именуемые цивилизациями. Сторонниками этого подхода именно на цивилизации возлагается геополитическая ответственность.

Родоначальником этой парадигмы является Н.Я. Данилевский, а сторонниками – К.Н. Леонтьев, О. Шпенглер, П.Н. Савицкий, Л.Н. Гумилев, А. Тойнби, С. Хантингтон. В настоящей работе мы придерживаемся принципа комплексного подхода, полагая, что экономический и военно-политический детерминизм в геополитике должен быть дополнен (уравновешен) еще и культурно-цивилизационным компонентом.

Близкой по своему духу цивилизационной парадигме является *традиционно-историческая парадигма*, которая акцентирует свое внимание на существующие исторические традиции геополитического мышления. В рамках этой парадигмы рассматривается влияние исторических корней народов и государств на геополитику (С.М. Соловьев, В.О. Ключевский). Именно такой подход наиболее адекватен для анализа стран Большого Каспийского региона, для которого характерны именно историко-культурные традиции.

Наличие собственной геополитической школы говорит о многом. Ведущие мировые державы, как правило, имеют и собственные развитые геополитические школы, что дает им известное интеллектуальное преимущество. Еще А.Е. Вандам (Едрихин) в этой связи отмечал, что «в искусстве борьбы за жизнь, т.е. политике, эта способность дает им все преимущества гениального шахматиста над посредственным игроком» [98, с. 43]. Главное – уметь правильно использовать это свое преимущество. И по признанию самого А.Е. Вандама, лучше всего это научились делать именно англосаксы – стратегические враги России [98, с. 159]. Именно этому мы и должны у них в первую очередь учиться.

Помимо геополитических методов исследования, в анализе цивилизационного фактора большую роль играет также и компаративистика, выясняющая в режиме *pro et contra* точки совпадения и точки размежевания рассматриваемых систем. Подобный подход неоднократно применялся в работах на схожие темы и весьма успешно себя зарекомендовал.

Необходимо сказать несколько слов и о возникшей на рубеже XX и XXI вв. т.н. *критической геополитике*. Критическая геополитика понимается как постпозитивистское направление, связанное с деятельностью таких мыслителей,

как Д. Агню, С. Корбридж, Т. Люк, Д. О'Тоал и др. [812, p. 24–53]. В современной геополитике выделяют бинарные образы суши и моря, господства и подчинения, Востока и Запада, цивилизации и варварства, модернизма и традиции и т.д. Подобная бинарная география отражает понимание сущности гегемонии (доминирования) ведущих держав, которые являются лидерами международных отношений. Критике подвергается приверженность традиционного геополитического подхода за евроцентризм, за формальную трактовку политической карты мира, за попытку оправдания милитаризации и т.д. [805, p. 107–124]. По мнению Д. О'Тоала, классическая геополитика весьма абстрактна в вопросе рассмотрения своих базовых положений. Она оценивает международные отношения с «высоты политического Олимпа» [752, p. 6].

В критической геополитике выделяют четыре направления: 1) *формальное* (изучает идеи и научные классические концепции в сфере управления для политических элит); 2) *практическое* (анализ реализации на практике геополитических концепций правящим политическим классом); 3) *популярное* (закрепление политических культурных стереотипов и их влияние на формирование идентичности) и 4) *структурное* (влияние новейших тенденций на систему госуправления и продуцирование дискурсов в геополитике).

Применительно к странам Каспийского региона наблюдается формально-популяризаторский вид геополитического анализа политической действительности, попытка сформулировать принципы национальной идентичности в условиях новейших тенденций (глобализации и информатизации). Очевидно, что научным и политическим элитам стран этого региона явно не хватает комплексности (соединения и творческого развития всех четырех направлений критической геополитики) в формировании собственных геополитических конструкций. Исследователи отмечают (и мы с этим мнением согласны), что одним из самых важных процессов в международных отношениях евразийского пространства являются весьма болезненные вопросы о самоидентификации и самосознании своей суверенности и субъектности [83,

с. 310]. Не всегда эти проблемы находят свое конструктивное решение. Часто мешает негативный исторический опыт и конкуренция.

Приходится констатировать, что в современной российской геополитике наметился некий теоретический спад, связанный со стремительно происходящими в мире изменениями. «При всей ценности этих работ они либо были посвящены сравнительно узкой теме, либо носили преимущественно рекомендательный характер. Российская геополитика не дала широкого анализа текущих событий, который объяснял бы внешнеполитические шаги России и их результаты» [530, с. 127]. Работ, специально посвященных евразийской тематике, не столь много и они преимущественно носят констатирующий характер [601].

Мы согласны с тем, что в современной российской геополитической теории существует некий парадокс, заключающийся «в том, что она используется для объяснения внешней политики России, но только не отечественными авторами, а западными. Причем теоретиком, который олицетворяет российскую геополитику в исследованиях по международным отношениям, написанных и опубликованных на английском языке, выступает не академически признанный Цымбурский, а его оппонент Дугин, в российской академии маргинальный» [530, с. 127]. В нашем исследовании мы придерживаемся позиции первого, признавая при этом, что и концепция второго автора тоже представляет определенный интерес.

В противостоянии двух геополитических концепций – конфликта цивилизаций (С. Хантингтон) и диалога культур (М.М. Бахтин, В.С. Библер) – Россия находится на второй позиции, к которой примыкают еще такие страны, как Китай, Индия, Иран. Это преимущественно страны с древнейшими цивилизациями, имеющие богатейший политический опыт, опыт реализации своих собственных имперских проектов, опыт побед и опыт выживания в трудных, непростых ситуациях. Это цивилизации самообновляющегося типа (они неоднократно перезапускали свои имперские проекты).

В «Столкновении цивилизаций» С. Хантингтон (Samuel Huntington) утверждал, что цивилизационные конфликты «особенно распространены между мусульманами и немусульманами», между которыми существуют «кровавые

границы». Этот конфликт восходит еще к временам арабского вторжения в Южную Европу и крестовых походов католиков на Ближний Восток. Россия, по его мнению, – это «качающаяся цивилизация» (как Индия и Япония) и может выступать за любую сторону [594; 597]. Хотя в других своих работах он постарался все-таки отталкиваться от дешифровки культурных кодов и анализировал проблему идентичности, уделяя вопросам политической культуры куда большее внимание [594; 597]. Он определял «культуру в таких сугубо субъективных терминах, как ценности, установки, верования, ориентации и убеждения, преобладающие среди членов общества» [315, с. 11]. Именно борьба ценностей и борьба за ценности и становится главным параметром международных отношений.

Концепция конфликта цивилизаций в известной мере отражает действие закона фундаментального дуализма, согласно которому существует жесткое историческое противостояние сухопутного (теллурократии) и морского могущества (талассократии). В этом плане западная цивилизация позиционируется как морская, а евразийские (китайская, индийская, персидская, российская) как сухопутные. Существующие между ними якобы антагонистические отношения в целом подтверждаются политической историей, но абсолютизировать этот факт и экстраполировать его на все случаи жизни, думается, не вполне правильно.

Концепция столкновения цивилизаций содержит известное внутреннее противоречие. «В период обострения напряженности между великими державами, которые считают себя гарантами цивилизационной идентичности, можно ли считать столкновение цивилизаций неизбежным? Как в прошлом, так и сегодня столкновения цивилизаций происходили, как правило, внутри, а не между ними – США против Европы, шииты против суннитов, а в России – западники против славянофилов» [436, с. 27].

Критики (в частности, Э. Саид / Edward Wadie Said) обращают внимание на то, что тезис о столкновении цивилизаций является примером «чистого коварного расизма, своего рода пародией на гитлеровскую науку, направленную против

арабов и мусульман». Э. Саид обращает внимание на научную поверхность С. Хантингтона и его очевидное незнание мусульманского мира [823]. Концепция «разбившегося глобуса» не выдерживает критики и оценивается как англосаксонская провокация, призванная оправдать их военно-политическую агрессию. Это концепция агрессии и права сильного в условиях монополярного миропорядка. Джеффри Хайенс (Hayens Jeffrey) отмечал: «Время показало, что тот, кто воспринимает всерьез идею о делении мира на семь или восемь цивилизаций, не имеет возможности понимать положение вещей в увлекательной мозаике мира, наполненной мириадами идей, норм, верований и представлением о том, как устроен мир» [742, с. 10]. Конфликт цивилизаций пытается представить мир в черно-белом цвете, тогда как мир на самом деле многоцветен. Он не учитывает многообразие Евразии и рассуждает с позиции англосаксонской однообразности. То, чего не хватает западному миру, так это культуры межцивилизационного диалога. 300 лет гегемонии выработали у них привычку к диктаторскому монологу.

Следует отметить, что каждая цивилизации в разработках своих геополитических стратегий использует те преимущества, которыми она обладает перед другими. Именно характер проявляемого ими принципа доминирования как раз и указывает на особенности их политических стратегий. В этой логике геостратегического мышления сверхдержав проявляется вся их суть. Так, например, в 1964 г. 36-й президент США (1963–1969) Л.Б. Джонсон (1908–1973) следующим образом сформулировал принцип этой логики: «Римская империя контролировала мир потому, что сумела построить дороги. Затем началось освоение морских пространств. Британцы господствовали на море и руководили миром. Мы господствуем в воздухе и являемся руководителями в свободном мире, с тех пор как установили это господство. Теперь это положение займет тот, кто будет господствовать в космосе» [863, р. 57–58]. В настоящее время космическими технологиями обладают только ведущие страны мира. В этот «клуб избранных» входят такие государства, как Россия, США, КНР, Индия, Франция. Наличие подобных технологий гарантирует не только престиж страны, но и служит гарантией ее безопасности.

М.М. Бахтин понимал «диалог» как некий универсальный метод исследования личности и культуры, когда диалог становится живой потребностью повседневного общения людей, обществ и государств в целом. Такой культурный диалог приводит к углублению духовного саморазвития, которое осуществляется за счет взаимообогащения [72, с. 27]. Именно это взаимообогащение и является основной идеей концепции диалога культур. Деструктивность приводит к разрушению чужих культур за счет утверждения одной «самой правильной» (так было в Германии времен Третьего рейха). Но как показала политическая история, порочная практика обогащения себя за счет разрушения «чужого», обречена на поражение. Пропагандируемый ею конфликт цивилизаций приводит ее в конечном результате к полному политическому и культурному краху. Для современного политического пространства Большого Каспийского региона подобные практики совершенно неприемлемы. Для них здесь просто нет никаких оснований.

В самой идее диалога культур обнаруживается некая фронтальная особенность – он существует в режиме некоего культурного «промежутка», действует на некоем «ничейном поле». Именно через этот фронт происходит сама перекличка культур [81]. Таким образом, диалог культур предполагает выход за пределы какой-либо культуры и ее взаимодействие с другими культурами. Это фактически есть реализация принципа глобализации, но только на подлинно гуманистическом уровне. Цель диалога – поиск консенсуса, согласия, мира. Он не предполагает шантаж и конфронтацию. Он призван устранить разногласия, сблизить позиции.

Диалог культур – диалог возможностей бытия культурных миров, имеющих отдельное (самостоятельное) происхождение, но способных в будущем к творческому синкретизму [80]. Диалог предполагает добровольное общение. Диалога по принуждению не бывает. Поэтому насилие здесь вообще исключается. Оно диалогу противопоказано. Диалог предполагает равноправное и уважительное отношение. Если мы обратим внимание на заявления российской стороны (речи В.В. Путина и С.В. Лаврова), в которых представлены «формулы»

поведения России со странами Евразии, то, как раз и увидим именно такой диалоговый подход.

Еще Н.Я. Данилевский отмечал одну важную особенность диалога культур – умение понимать и выражать помимо общечеловеческих и собственных национальных ценностей и ценности других культур и цивилизаций. Тогда «далекое» становится «близким», а «чуждое» «своим» [167, с. 166].

Близкой по духу к концепции диалога культур можно назвать и теорию пассионарности Л.Н. Гумилева, который, в частности, считал, что вся история Евразии есть история войн и взаимодействия различных культур и религий. По его мнению, были войны, но был и великий синкретизм различных культур, слияние различных ценностей. И последнее сыграло в истории народов этого региона куда более заметную роль, чем её военно-политическая составляющая [см.: 160]. Последнее было лишь видимой частью (декорацией) первого куда более глубинного процесса. Именно в этих глубинных процессах и кроются культурные коды современных цивилизаций.

Диалоговая форма межкультурного взаимодействия предполагает внутреннюю логику взаимовыгодного обмена ценностями. Диалог культур подразумевает не только сохранение своей собственной культурной самобытности, но и открытое взаимовыгодное общение с другими такими же самодостаточными культурами. Главным становится сближение ценностей, на уровне их конструктивного взаимообогащения.

Диалог культур подразумевает не только открытость, но и предусматривает равенство всех культур. Посредством диалога осуществляется не только сотрудничество, но и взаимопонимание народов и их политических элит. От последних во многом зависит предотвращение международных и межэтнических конфликтов, сохранение справедливости и суверенитета.

По мнению А. Пабста, «либеральный Запад и государства-цивилизации – Китай и Россия – оказались заложниками борьбы за конкурирующие “цивилизаторские” миссии. Это все более осложняет содержательный диалог между цивилизациями, при том что именно сейчас взаимопонимание необходимо

как никогда. Условия, на которых пройдут дебаты между различными цивилизациями, безусловно, не будут диктоваться Западом» [436, с. 40]. Если диалог культур и возможен, то он состоится только не на уровне геополитического соперничества. Геополитика выявит расстановку сил, уточнит величину мощи участников международных отношений. Но для установления баланса сил необходим хотя бы элементарный диалог, на который должны пойти политические элиты с целью предотвращения мирового коллапса.

Для евразийского пространства диалог культур стал желаемой целью. Расшифровкой культурных кодов народов Прикаспия в свое время занимался известный советский историк и этнограф, один из лидеров неоевразийцев Л.Н. Гумилев [160]. В его понимании этот регион был своего рода «плавильным котлом» евразийской истории. Здесь возникали многие культурные и религиозные направления, создавались великие политические империи. Тысячелетняя история создавала вокруг Каспия ростки будущих культур и цивилизаций, которые затем распространялись по всему миру.

В настоящее время между странами Большого Каспийского региона нет серьезных военно-политических и экономических противоречий, грозящих открытой фазой конфликта. Дискуссионные вопросы решаются не на полях сражений, а за столом переговоров. Именно диалог политиков и политических культур стал основой дипломатических отношений на международном уровне.

Для России важным вопросом всегда был и остается вопрос эффективного управления своим многообразием. Ее историческое этнокультурное и конфессиональное разнообразие формирует в ней особое понимание религии, культуры, истории. Это страна, живущая в режиме постоянного обновления драматургии межкультурного диалога. Именно этим в первую очередь и обусловлен столь высокий спрос на междисциплинарную аналитику, раскрывающую суть межкультурных коммуникаций [815].

Диалог культур противостоит политике «отмены культуры». Согласно постоянно уточняющейся диагностике нашего времени, в мире идет борьба за культурное влияние. Часто используемое в научной литературе понятие

«культурный код» подразумевает историческое наследие и единство языка и культуры многонационального народа России. Именно на этих традициях и идеалах и зиждется сама концепция Русского мира.

В этой связи особо следует отметить тему т.н. исторического и культурного наследия. Во времена президентства (2008–2012) Д.А. Медведева эта тема именовалась борьбой «за сохранение исторической памяти и противодействие фальсификации истории». В настоящее время вводится такое понятие, как «*дипломатия наследия*» [91].

Современность диктует человечеству необходимость научиться жить в условиях глобализации, повседневность которой заставляет постоянно общаться с различными политическими, культурными и религиозными традициями. Такая повседневность становится новым «объективным принудительным основанием», направленным на формирование помимо национальной еще и «глобальной идентичности» [133, с. 136]. Диалог культур в этих условиях приобретает свое особое гуманистическое звучание, направленное на соединение, а не на разъединение народов и их правящих элитных групп.

Профессор политологии Университета Кент, Кентербери (Великобритания) А. Пабст (Adrian Pabst) отмечает, что в последнее время фактор цивилизации стал неукоснительно возрастать. «Цивилизационные нормы столь же значимы, как и военная сила и экономическое процветание, поскольку ведут к “культурным войнам”, охватившим Запад, а также к сопротивлению западному универсализму в большей части незападного мира. Одна из главных причин в том, что культура обращается не только к разуму людей, но и к сердцу, апеллирует к желанию и потребности в принадлежности» [436, с. 26–27] Западная цивилизация исходит из того, что либерализм определяет ее демократию и власть: «либеральные ценности равенства, прав и свобод человека уравнивались такими ценностями консерватизма, как власть, обязательства и долг» [436, с. 30]. В этой связи исследователь воспринимает и оценивает китайскую государственность как цивилизационную альтернативу либеральной демократии. «В Китае и России

правлящий класс отвергает политический либерализм и расширение глобального рыночного общества» [436, с. 34].

В основе западной цивилизации лежит экономический детерминизм с его рыночными и либеральными отношениями. Именно он на многие годы предопределял вектор понимания сущности цивилизации вообще и геополитики в частности. Поэтому Д.С. Милль отмечал, что «экономические преимущества торговли превосходят по своей значимости интеллектуальные и моральные» [790, с. 594] основания. Западный либерализм всегда отличался экономической миссионерской деятельностью, направленной на продвижение «всего хорошего», т.е. его ценностей, ведущих к процветанию. Известно, что еще А. Смит рассматривал «цивилизованное общество» как экономический продукт (коммерция, торговля и разделение труда), определяющий и социальную структуру общества [830, с. 265].

Могущество западной цивилизации определялось ее доминацией в международной торговле, которая и создавала эффект «промышленной революции» [395, с. 593–594], Именно «значительные масштабы и быстрый рост международной торговли» стали для Запада гарантией «мира во всем мире», посредством которой они добивались выгодной для себя великой постоянной «безопасности для непрерывного прогресса идей, институтов и характера человечества» [395, с. 593–594]. Сущность морских держав (прежде всего англосаксонских) заключается в контроле мировых коммуникаций, создании вдоль этих маршрутов своих военных баз. Напомним, что еще американский адмирал А. Мэхен утверждал, что наличие выхода к морю предопределяет поведение правительств тех государств, которые заняли эти более выгодные позиции [395]. Поэтому в геостратегии морских держав преобладают потребности в контроле над торговыми коммуникациями, и эта особенность является базовым «кодом» западной цивилизации.

В свое время Освальд Шпенглер характеризовал переход западной высокой культуры в состояние цивилизации, описывая эту стадию как «восхождение цезаризма, победу политики силы над деньгами, возрастающе примитивный

характер политических форм, внутренний распад наций и превращение их в бесформенное население, обобщение последнего в империю, постепенно вновь приобретающую примитивно-деспотический характер» [643, с. 200]. Современные эксперты добавляют к этим характеристикам некоторые свои уточнения, отмечая явный кризис таких западных проектов, как глобализм, мультикультурализм, наступление эры постдемократии, делегитимизация войны и т.д. [639, с. 91–92]. Напомним, что А. Тойнби указывал на роль «творческого меньшинства» в процессе формирования адекватного ответа на вызов своего исторического времени. И когда это «творческое меньшинство» не справляется со своей исторической миссией, наступает время ее ухода [570]. Именно с «уходящими» элитами Запада мы сейчас и имеем дело. Но, уходя, они всячески провоцируют ситуацию, стремясь довести ее до состояния военно-политического противостояния.

На протяжении последних пяти столетий западная цивилизация считалась передовой, способной не просто вести всех других за собой, но и навязывать всем другим свою волю, свои ценности и интересы. Но в начале XXI столетия вектор мирового развития переместился из Атлантики в Тихоокеанский регион, что не могло не вызвать острой болезненной реакции со стороны ведущих стран западного мира. В числе лидеров «протестного движения» оказалась и Россия.

В последнее время Россия проводит политику не «против Запада, а политику «без Запада». И свой новый подход она предлагает другим странам Евразии, особенно тем, кто входит в такие организации, как БРИКС, СНГ и Шанхайская организация. Если в прошлом все стремились обязательно договориться с Западом, то в настоящее время многое уже решается без его участия, на основе региональных договоренностей. И это «игнорирование» не может не задевать «национальные» (цивилизационные) интересы самого Запада.

Геополитика определяет высшие цели и альтернативные варианты развития государства. Особенно если это государство является государством-цивилизацией [501]. Российские аналитики (А.С. Панарин и К^о) считают Россию таковой цивилизацией, имеющей право на проведение самостоятельной геополитической

стратегии. И здесь со всей определенностью встает вопрос о культурно-цивилизационной идентичности.

В основе национальной идентичности лежит культурное единство (как полиэтническое, так и поликультурное), которое складывается вместе с гражданско-политическим единством, развиваясь как гражданская идентичность и гражданская культура [632, с. 656]. Еще Э. Геллнер отмечал, что «группа людей (скажем, жители определенной территории или носители определенного языка) становится нацией, если члены этой группы твердо признают общие права и обязанности по отношению друг к другу в силу объединяющего их членства. Именно взаимное признание такого объединения и превращает их в нацию, а не другие общие качества, какими бы они ни были, которые отделяют эту группу от всех, стоящих вне ее» [131, с. 34–35]. Признание единства может быть только на основе общности духовных и материальных ценностей. Поэтому аксиологическая сторона в вопросе о национальной идентичности всегда стояла на первом месте.

В поисках своей новой идентичности Россия опирается на уже имеющийся у нее богатый исторический опыт. И этот опыт показывает ее умение выживать и побеждать в самой острой конкурентной борьбе с другими цивилизационными соперниками [249, с. 114–119]. Причем борьба эта все чаще ведется без правил и в обход международного права. И главными разрушителями этого мирового правового поля являются США. Если дело пойдет такими темпами, то уже к 2050 г. «международное право будет отброшено, а роль международных договоров и конвенций станет ничтожной. На смену привычной, но не действенной системе международного права придут «правила», которые будут выработаны ведущими сверхдержавами и окажутся ситуативными, то есть будут иметь «прецедентный» характер и представлять собой *ad hoc* договоренности» [266].

В научной литературе весьма серьезно обсуждается тема цивилизационной идентичности. По мнению профессора Т.А. Сенюшкиной, «цивилизационную идентичность можно рассматривать как наивысший уровень осознания человеком своей социальной принадлежности... цивилизационная идентичность

характеризуется дуальной природой – с одной стороны, она отражает объективную социокультурную реальность жизненного пространства личности и общества. С другой стороны, цивилизационная идентичность подвластна конструированию, что облегчает ее использование в качестве инструмента для достижения геополитических целей» [526, с. 75, 79]. Наиболее ярко рефлексия на тему «цивилизационной идентичности в ее геополитическом преломлении» звучит в постоянной для российской культуры дихотомии «Восток – Запад». Несмотря на все «культурно-символические различия между Востоком и Западом» в русской культуре обнаруживается присутствие многих как западных, так и восточных элементов [526, с. 76]. Россия сама являет собой пример встречи различных культур и цивилизаций, что нашло отражение в ее политической символике и в культурных образах. Причем, накопленный ею исторический опыт (в том числе и отрицательный) не позволяет в дальнейшем не совершать роковых ошибок и выстраивать политику, опираясь на позитив и конструктивность.

В самой Евразии существует множество таких «мест» встречи Востока и Запада: Крым, Каспий, Кавказ, Урал. И везде мы обнаружим какие-то свои уникальные и неповторимые особенности встречи цивилизаций, политических систем, этнокультурных миров, исторических времен и т.д. Все эти «места» («точки») указывают на Россию как на нечто уникальное, подтверждая высказанную еще А.С. Панариным идею о том, что «русская экзистенция – это напряженная межцивилизационная и межкультурная динамика, преобразованная во внутренний код культуры, готовый к периодической смене идентичности» [503, с. 113]. Попутно отметим, что конструируемое нами пространство Большого Каспийского региона как раз вбирает в себя все эти вышеуказанные «точки», создавая неповторимую геополитическую и этнокультурную палитру отношений.

Известно, что Евразия имеет свои геополитические циклы, не всегда совпадающие с развитием ее цивилизаций. Весьма часто наблюдается резонанс и конфликт. При этом одно из решающих значений в жизни стран этого региона играют интеграционные процессы, точнее умение малых стран находить общий язык с великими державами. Цикличность развития евразийского пространства

определяется периодами стабильного развития и экспансии, периодами ослабления и фрагментации [251, с. 23]. Эти циклы выталкивают на периферию или, напротив, толкают в центр страны ритмы развития, которые совпадают с ритмами всемирной истории: при этом в странах «сползания» на периферию усиливаются потребности в многостороннем реформировании и модернизации системы [261, с. 314–329]. Эксперты отмечают, что «в условиях кризиса европейской интеграции евразийская интеграция становится инструментом поддержания экономики и улучшения благосостояния граждан» стран-участниц этой интеграции [330, с. 194]. Но у евразийской интеграции существуют известные трудности, в первую очередь, связанные с противодействием этим планам со стороны ведущих западных держав, видящих в этом угрозу своей мировой гегемонии.

Действительно, у лидеров Евразии (Китай, Индия, Россия, Иран) существуют известные ограничения – их возможности на внешнеполитической арене ограничены, а экономические ресурсы все еще оставляют желать лучшего. То, что их реально сближает, – это их «объективное ценностно-смысловое противостояние Западу в качестве особых «стран-цивилизаций», вынужденных осуществлять политику «догоняющего развития» без утраты своей цивилизационной идентичности» [151]. Именно политическая культура указывает на общность этих стран в сфере этических оценок политической действительности. Они у них носят преимущественно традиционный характер, что автоматически объединяет их в противостоянии с ультралиберализмом западной цивилизации.

Проблема геополитической культуры сталкивается с вопросом качества профессионального уровня политических элит, насколько профессионально они владеют геополитическими идеями и как их реализуют на практике. Здесь же возникает и проблема геополитического конструирования и создание адекватной геополитической картины мира. Ведь любая «завершенная» геополитическая идея, любая «законченная» геополитическая теория, концепция, проект или модель представляет собой некую геополитическую конструкцию, «под которой

понимается созданный объект в геополитической картине мира» [134, с. 131]. Все подобные объекты способны изменять геополитическое пространство, являющееся отражением актуальной конкретной мощи того или иного государства (геополитического потенциала). «Последняя, изменяясь, приводит в движение границы своего влияния. Соответственно меняется расстановка сил на мировой арене, вследствие чего перестраивается геополитический код страны (региона), что, в свою очередь, побуждает к созданию новых конструкций» [134, с. 131]. Вот почему в политической культуре геополитическое мышление занимает особое место. Это связано как с тем, что она формирует стратегическое мышление в целом, так и с тем, что аккумулирует в себе многие образы и символы политики, в частности власти.

По мнению Дж. Тоала, геополитическая культура является одним из тех важнейших факторов, которые оказывают свое непосредственное влияние на трансформацию определенных геополитических представлений и образов в геополитическое мировидение [см.: 804, р. 259–272]. Геополитическую картину мира формируют определенные когнитивные конструкции, «которые одновременно являются и стратегическими, так как они направлены на пополнение своей собственной силы за счет использования культурно-символических ресурсов противоположной стороны при помощи мягкой силы или других технологий» [525, с. 76]. При этом всегда необходимо помнить, что политика не может быть самоцелью, поскольку она является всего лишь инструментом. Умение создавать свою геополитическую картину мира является одним из важнейших показателей эффективности профессиональной деятельности правящих элитных групп. Как один из маркеров профессионализма он указывает на степень зрелости и ответственности власти, способность и готовность отвечать на серьезные вызовы своего времени.

Еще одной темой, обсуждаемой в научном дискурсе, стала тема возрождения российской имперской идеи. На Западе многие политики и аналитики русофобского лагеря постоянно обвиняют Россию в якобы возрождении ее имперских амбиций [35; 546, с. 268–281]. В Москве в усилении

российской мощи видят проявление ее цивилизационного потенциала и увеличение влияния на международной арене [271, с. 10–9; 373, с. 140–155]. В Кремле считают этот процесс вполне естественным, поскольку сами географические размеры России заставляют ее так себя вести. Усиление российской мощи идет на фоне роста влияния других евразийских лидеров (Китай, Индия, Иран), которые тоже имеют мощные имперские традиции политической организации [435]. Новая имперская идея России пока еще окончательно не сформирована и находится в процессе своего становления и нового осмысления [535]. Но она набирает все больше сторонников, особенно на фоне резкого противостояния России с Западом, обострившегося после начала СВО на Украине в феврале 2022 г.

Особенность геополитического взгляда на географию и историю заключается в поиске их логической связи с политикой, нахождение общих точек роста и взаимодействия. «В истории человеческой цивилизации сменялись различные способы установления и поддержания контроля над пространством» [525, с. 52]. Менялись геополитические доминанты в виде империй; возникали и приходили в упадок целые системы государств с их особым видом политических отношений; менялись идеологические предпочтения и даже целые исторические эпохи. И большинство всех известных современной исторической науке событий так или иначе были связаны с евразийским пространством.

Современный геополитический ландшафт Евразии начинает формироваться, исходя из интересов региональных стран. Но было время, когда Евразией распоряжались «третьи страны», рассматривавшие ее как объект своей колониальной экспансии. Так, в геополитической концепции З. Бжезинского утверждается, что евразийскому пространству нужен лидер «со стороны». Таковым в его «Великой шахматной доске» являются США [77]. И такое лидерство не допускает усиления до лидерского состояния ни России, ни Китая, ни Ирана или Индии. В доктрине монополярного мира есть только место одному гегемону. Отсюда и избитое утверждение о том, что Запад ведет «священную

войну» демократии с авторитаризмом на всём мировом, в частности, Евразийском пространстве [651].

Страны Большого Каспийского региона длительное время были увлечены различного рода модернизационными процессами, порой сводившимися к откровенной вестернизации их политической системы и культуры в целом. При этом рушились характерные для их национальных политических традиций цивилизационные коды. И не всегда эти разрушения были оправданы и приносили желаемый результат. Согласно мнению Д. О'Тоала, на современное развитие мира существенное влияние оказывают такие процессы, как глобализация корпораций и рынков, высокие информационные и коммуникативные технологии, исчезновение государства в прежнем его понимании [805, р. 166–178]. Куда более болезненными стали военно-политическое давление на страны этого региона со стороны западной цивилизации. Политика экономических санкций коснулась таких ведущих игроков этого региона, как Иран и Россия. Запад активно использует украинский кризис против России, в частности, конкретно против В.В. Путина, образ которого постоянно демонизируется в их СМИ и научной литературе [797].

Речь фактически идет о строительстве «новых государств», возникших после распада СССР в 1991 г. И если в 1990-е гг. отмечались известные «перегибы», связанные с увлечением строительством национальной идентичности в ущерб интересам других, то со временем процесс принял более цивилизованный характер. Как справедливо отмечал С. Хантингтон, «вакуум власти и авторитета, столь распространенный в модернизирующихся странах, может быть временно заполнен харизматическим лидером либо военной силой» [597, с. 523–524]. В ряде стран этого региона как раз и попытались укрепиться во власти некоторые «харизматические» лидеры, ставшие символом этой исторической эпохи.

Во многих странах региона наблюдаются два противоположных процесса: «... консолидации этноса и одновременно его внутренней фрагментации с учетом культурно-религиозных различий между отдельными группами и сообществами» [83, с. 143]. По мнению И.С. Семененко, фактор идентичности в глубоко

разделенных, мозаичных обществах «может служить общим знаменателем, позволяющим выявить причинно-следственные связи и осмыслить особенности развития “иных”, скорее чуждых традиционному западному менталитету сообществ» [83, с. 6].

О многих политических элитах евразийских государств следует говорить как о носителях геополитических представлений и оценок, но не как об акторах, целенаправленно проводящих свои конкретные геополитические стратегии. Различие такое же, как между словом и делом. Все зависит от мощи самих этих государств. Именно для осуществления своих собственных геополитических замыслов у них как раз и не хватает необходимых ресурсов. Речь идет о качестве осмысления геополитических идей правящими элитами, о возможности реализовывать на практике свои стратегические замыслы и отстаивать свои базовые ценности.

Следует особо подчеркнуть, что имперские традиции евразийских ведущих государств (Китай, Индия, Иран, Россия) наталкиваются на имперские амбиции ведущих стран западного мира [271, с. 10–29; 373, с. 140–155]. И это столкновение можно назвать столкновением традиций политических культур, но не цивилизаций. Куда опаснее для сохранения мира оказываются имперские амбиции ТНК, которые являются главными провокаторами международных военно-политических конфликтов [142, с. 156–189].

Возобновление евразийскими державами своих собственных имперских проектов наносит мощный удар по мировой гегемонии США. Так, Д. О’Тоал считает, что «западная геополитика до сих пор описывает воображаемый мир с имперской позиции» [803, р. 42]. В основе западной цивилизации всегда лежал чей-то конкретный имперский проект. Поэтому Запад всегда крайне болезненно относится к тому, чтобы кто-то еще рассматривал мир с таких позиций.

Для России характерен примат духовных, а не прагматических (утилитарных) связей между людьми: русские определяются скорее как духовная общность. Именно поэтому особое внимание уделял вопросам духовной власти, указывая, что в мирные годы цивилизация держится именно ориентацией

на идеал, терпит поражение, прежде всего, в духовной сфере, а в кризисный период цивилизация воссоздает себя благодаря усилению духовного измерения [447]. При этом, указывал А.С. Панарин, необходима независимость духовной власти от политической. Когда политическая власть заставляет духовную служить своим целям и задачам, цивилизационный кризис неизбежен, как это произошло в царской России перед революцией 1917 г. [441, с. 113]. Подлинная духовная власть, по его мнению, – на стороне изгоев, а не на стороне сильных мира сего [444, с. 404].

Поскольку Русь исторически «представляла собой системоопределяющую и системообразующую территорию», относящуюся к «генерально-политическому центру планеты», она всегда вызывала агрессию со стороны ее ближайших конкурентов. Например, русофобия англосаксов породила откровенно криминальные проекты по уничтожению самого российского государства [219, с. 10, 47]. Так, Л.Н. Гумилев констатировал, что в Западной Европе «предубеждение против неевропейских народов родилось давно. Считалось, что азиатская степь, которую многие географы начинали от Венгрии, другие – от Карпат, – обиталище дикости, варварства, свирепых нравов и ханского произвола» [158, с. 602]. Этот стереотип будет впоследствии перенесен и на Россию, которая будет наделяться всеми отрицательными качествами. Зато «сияющий град на холмах» (США) будет, напротив, всячески превозноситься и наделяться несуществующими достоинствами. Так Ж. Бодрийяр указывал на завышенное самомнение американцев, которые убеждены в том, что они – центр мира, что они – высшая сила и безусловный образец для всеобщего подражания. США достигли всего того, о чем другие только лишь мечтают: «Америка это знает, она этому верит и, в конце концов, другие тоже верят этому». И потом добавляет: Америка – это «единственное реально существующее первобытное общество» [86, с. 151, 74], поскольку у нее нет исторических традиций и глубокой исторической памяти.

Россия никогда не была этноцентричной и моногенной. Поэтому для нее характерна природная (т.е. естественная, а не формальная, как на Западе) религиозная и этническая терпимость, связанная с уважением к иной этнической

и религиозной специфике [447, с. 140]. Подобная «естественная» (а не юридическая толерантность) остается пределом мечтаний для западной цивилизации, построенной на агрессивной экспансии и насильственной доминации своих базовых ценностей (во многом носящей формальный, декларативный характер).

Россия просто не укладывается в западные геополитические стандарты, о чем в свое время еще писал А.Г. Дугин [196, с. 416–417]. Поэтому взгляд на нее со стороны всегда будет субъективным и тенденциозным и весьма далеким от истинной сущности этой страны и ее многонационального народа. Подобное можно сказать и в отношении каспийского соседа России – Ирана, самобытная цивилизация которого насчитывает несколько тысяч лет. И эта страна тоже не уместается в политические стандарты западной цивилизации.

Согласно оценкам современных российских аналитиков, Исламская Республика Иран к началу третьего десятилетия XXI в. приобрела внушительную репутацию региональной державы, влияющей на геополитические процессы всего Ближнего и Среднего Востока [83, с. 94–100, 235–243]. В политической культуре Иран (как и Россия, и Турция) имеет богатейший опыт имперского строительства. В идеологическом плане продвигается идея «священной борьбы с сатанизмом». Для ортодоксов «политическая деятельность является религиозной обязанностью», «исламская религия носит политический характер, всё в ней связано с политикой, даже богослужение» [121, с. 494–495].

Аятолла Хомейни придерживался принципа «вelayат-е факих» – богословы-законоведы могут управлять государством, временно (замещать или представлять) «сокрытого» шиитского имама [241]. По мнению Хомейни, «ислам содержит предписания по всем вопросам, касающимся человека и общества. Эти предписания исходят от Всемогущего и переданы людям его Пророком и Вестником. Можно только дивиться величию его заповедей, которые охватывают все стороны человеческого бытия, начиная с момента зачатия и вплоть до погребения человека!.. Не существует вопросов, по которым ислам не вынес бы своего суждения» [606]. Таким образом, экспансия Ирана оправдана

самой его религиозной идеологией, что вызывает резкое сопротивление со стороны суннитского мира (в первую очередь, Турции и Саудовской Аравии).

Китайская цивилизация диктует современным китайским лидерам совершенно иные геополитические основания. Председатель КНР Си Цзиньпин заявлял, что «в нашем стремлении к китайской мечте китайский народ будет поощрять креативные трансформации и инновационное развитие китайской цивилизации с тем, чтобы идти в ногу со временем. Необходимо вдохнуть новую жизнь в китайскую цивилизацию, активизируя все культурные элементы, выходящие за рамки времени, пространства и национальных границ и обладающие как вечной, так и сиюминутной ценностью... Таким образом, китайская цивилизация, совместно с другими богатыми и яркими цивилизациями, обеспечит человечество правильным культурным ориентиром и мощной мотивацией» [865].

На XIX съезде КПК Си Цзиньпин заявил, что у Китая нет никаких амбиций и стремлений к мировой гегемонии: «Новая эпоха... – это эпоха постепенного приближения Китая к центру международной арены и непрерывного внесения Китаем еще большего вклада в развитие человечества... Наше развитие не представляет угрозы ни для какого бы то ни было государства. Какого бы уровня в своем развитии ни достиг Китай, он никогда не будет претендовать на положение гегемона, никогда не будет проводить политику экспансии» [864]. В основе геополитической стратегии Поднебесной лежат коды ее политической культуры. И эта позиция сближает Китай с Россией.

В.В. Путин считает, что западные ценности не универсальны и не могут быть положены в основу российской идентичности. Для российской геополитической мысли этот фактор стал уже основополагающим. Кремль пошел по антизападному пути, потому что сам Запад изменил своим же классическим ценностям, которые были традиционными ценностями и для России. Противостояние России с Западом есть противостояние ценностей.

Российскими политиками неоднократно подчеркивалась мысль о существовании «цивилизационного единства» всех бывших республик СССР,

которые до того входили еще в состав Российской империи. Эти культурно-цивилизационные связи и определяют характер т.н. «зон влияния и интересов». Подобные геополитические конструкции оформляются в видение международного порядка, в котором Россия играет роль великой державы наравне с США, Китаем, а в перспективе и с Индией [см.: 8–9].

Вошедшее в научный оборот выражение «*русский мир*» фактически использует слово «мир» в «смысле особого цивилизационного пространства с доминирующей цивилизацией в центре и концентрическими кругами периферий различной степени политической лояльности и экономической интеграции. “Русский мир” – это геокультурное понятие, определяющее геополитическое видение позиций России на глобальной арене наравне с другими “великими державами” как отдельной цивилизации, объединенной разнообразными связями с регионами мира» [436, с. 38–39]. Именно на этой площадке и выстраивается весь конструкт современной российской геополитической мысли. «Русский мир» стал аналогом китайской идеи неоконфуцианской «гармонии» и в известной мере одним из элементов баланса сил на международной арене.

Следует также особо отметить влияние на формирование геополитического концепта и религиозного фактора. Для Евразии этот фактор играет подчас исключительную, ключевую роль, поэтому он так важен в геополитической палитре всего этого региона в целом и Каспийского региона в частности.

Евразия – это пространство господства традиционных культурных ценностей. Как правило, традиционные культурные ценности определяются религиозной традицией стран и народов этого региона. Религиозный фактор представляет здесь стержневую основу. Она цементирует многие политические и социокультурные отношения.

В политической культуре здесь на первом месте стоят не ценности демократии и личностной свободы, а ценности семьи и сильного авторитетного государства. Именно эти общие для всех мировых религий традиционные ценности и объединяют народы и элиты стран Каспийского и Большого Каспийского региона.

В отличие от либерально-демократического и секуляризированного Запада, Евразия традиционно является центром глубинных полирелигиозных отношений. Евразия – колыбель всех трех мировых и многих национальных религий. И религиозный фактор имеет здесь каркасный характер. Причем в отличие от западной цивилизации, где сильны традиции военно-политических религиозных конфликтов, евразийские цивилизации традиционно нацелены на межконфессиональный диалог, в котором действуют естественные (а не формальные как на Западе) политкорректность, толерантность и веротерпимость.

В Евразии мы встречаем и откровенно теократические политические режимы (Исламская Республика Иран или некоторые монархии Персидского залива), которые имеют свои представления о демократии и соблюдении прав человека. У них свои представления о культуре, цивилизации и общественном порядке. Поэтому они весьма болезненно воспринимают вмешательство со стороны (особенно со стороны западной цивилизации) в их внутривнутриполитические дела.

Еще одной характерной чертой цивилизационной геополитической парадигмы является постоянное обращение к истории и крайне деликатное обращение с историческим наследием [602, с. 257–261]. При этом авторы постоянно обращали внимание не только на исторические факты, но и на состояние культуры и ее взаимоотношение с политикой, а также ее влияние на выработку геополитической стратегии. Для политической культуры стран Большого Каспийского региона национальная история является важнейшим источником формирования идентичности и выработки стратегии поведения на международной арене. Поэтому наряду с культурой и религией, история является важнейшей составной частью цивилизационной парадигмы, отвечающей за формирование мировоззренческих установок конкретного общества и государства.

Постсоветское пространство, как правило, представляет собой модернизационные цивилизационные проекты, где затянулся кризис перехода к рыночной экономике, идущий «вразрез с реализовывавшимися ранее в этих странах цивилизационными проектами, в которых материальное благополучие,

по крайней мере на нормативно-ценностном уровне, не ставилось во главу угла. Значительной частью населения этих стран такое положение дел воспринимается как «кризис национальной культуры», ее гибель и распад» [569, с. 33]. При этом в таких обществах еще сохранена историческая память о советском прошлом, которая носит далеко не однозначную оценку (в зависимости от ее использования политиками в конкретных деструктивных или конструктивных целях) [485].

Следует отметить, что национальная память как продукт коллективного бессознательного (отраженного в мифах и верованиях) выражает сущность национальной идентичности как отражение культурного кода конкретного народа. Общеизвестно, что культурный фактор является основой солидаризации представлений о самоидентификации. Именно умение распознавать «своих», «других» и «чужих» становится важнейшим фактором интеграции в нацию новых культурных ценностей и кодов [706].

На принятие геополитического решения не последнее влияние оказывает и т.н. историческая память. Евразийские страны имеют глубокую историческую память, связывающую прошлое их цивилизаций с настоящим. И как показывает политическая история, у многих из них (в частности, в Китае, Индии, Иране, России) еще свежи воспоминания о негативном опыте взаимоотношений с западными колониальными державами. В связи с этим и уровень доверия к их словам будет оставаться на крайне низком уровне.

Историческую память определяет культурно-религиозное пространство, одной из ведущих категорий которого является дихотомия «угрозы – безопасность». В основе этой дихотомии лежат воспоминания о войнах и иных видах насилия (особенно колониального гнета), нарушающих понимание справедливости и чести. Исторические обиды подобного характера оказывают существенное влияние на политические предпочтения и выбор вектора развития многих современных стран. Например, напряженные отношения между арабским миром Ближнего Востока и неоосманизмом. Экспертами отмечается, что «современная Турция фактически копирует матрицу панарабского призыва баасистов» [414, с. 56]. И эта матрица оказывается вполне рабочей, поскольку

отражает целеустремления конкретной элитной политической группы. Здесь вновь срабатывают определенные культурные коды, связанные с воспоминаниями об имперском прошлом. Именно подобные коды и определяют будущее таких государств.

Куда более глубинными оказываются мировоззренческие проблемы, связанные с самоидентификацией, с исторической памятью, с осмыслением целого ряда базовых категорий, таких, например, как *нация, государство, власть, суверенитет* [414, с. 45–46]. В отдельных странах просто не хватает научного сопровождения этих понятий, что вызывает необходимость их заимствования из других (в том числе и «чужих») стран. И этот опыт заимствования не всегда оказывается положительным с точки зрения местного патриотизма.

Именно с опорой на свою политическую культуру правящие элиты делают свой исторический выбор будущего. Так, например, согласно С. Хантингтону, у американской политической элиты есть три варианта в выборе своих стратегических перспектив: космополитизм, национально-патриотизм и укрепление уже сложившейся идентичности. И он задает вопрос: что ожидает дальше США? Америка космополитическая? Имперская? Националистическая? [594, с. 572]. Ответы следует искать в действиях правящих элитных групп. При этом необходимо особо подчеркнуть, что в политической культуре США история не пользуется особым почетом. В традиции американской политической культуры принято переворачивать страницы истории и больше к ним никогда не возвращаться, потому что они напоминают о совершенных ошибках и преступлениях.

У политических элит Большого Каспийского региона выбор определяется как их собственными цивилизационными традициями, так и логикой развития интеграционных отношений, направленных на поддержание диалогового характера общения их стран. Этот выбор определяет их как самостоятельных геополитических игроков, признающих равноправие всех цивилизаций, в том числе и откровенно им враждебных. В этом плане они действительно пытаются построить такую систему безопасности, которая была бы *не против Запада, а без Запада*.

Современная западная цивилизация стала жертвой своей собственной ультралиберальной идеологии, отвергшей все свои прежние базовые ценности. Страны Большого Каспийского региона придерживаются традиционных ценностей и воспринимают навязываемую Западом пропаганду как попытку давления на их национальные интересы. Новые ценности Западной цивилизации вошли в конфронтационное противостояние с ценностями традиционных мировых религий и оцениваются в качестве угрозы экзистенциального характера. В таких условиях диалог между ними становится практически невозможен, вследствие того что эти страны говорят на совершенно разных аксиологических языках. Именно ценностные разногласия и становятся главным фактором их геополитического размежевания.

В современной геополитике цивилизационный фактор играет роль тех глубинных сил, которые определяют стиль и характер текущих политических событий. Анализ представленного выше материала позволяет нам сделать предварительный вывод о том, что евразийские цивилизации в сумме дают человечеству уникальный опыт выстраивания взаимовыгодных отношений. Несмотря на все свои различия, странам удастся выстраивать отношения на основе диалога культур, тем самым предотвращая угрозы столкновения цивилизаций. В исторической памяти многих народов этого региона имеется негативный опыт борьбы с колониальной агрессией, особенно со стороны англосаксов, чья морская цивилизация постоянно оказывала давление на береговую зону, пытаясь закрепиться на «римлэнде» и проникнуть вглубь «хартлэнда» («Heartland – Rimland»).

На примере стран евразийского континента мы видим постепенное усиление фактора пространства в новейшей политической истории. Переход контроля суверенного пространства к странам-субъектам подразумевает их постепенное освобождение от контроля и влияния третьих сил, ранее именуемых колониальными державами. При этом начинает активно себя реализовывать и «третий закон геополитики» (закон синтеза суши и моря), «береговая зона» («Rimland») начинает играть все более заметную роль и силами

региональных стран, которые являются носителями идеи цивилизации (Китай, Индия, Иран, Россия). Все это позволяет считать, что в ближайшем будущем эти страны будут не только сами определять свою внешнюю позицию, но и быть ведущими игроками в международных отношениях.

Наметившийся в последние годы тренд на суверенизацию внешней политики этих стран дает нам основания для оптимистического видения их будущего. И это будущее видится свободным от неокOLONиализма и активно работающим в режиме многополярного миропорядка. Именно к такому будущему все чаще склоняются многие политические лидеры ведущих стран этого региона. Контуры многополярности уже настолько четко проступают, что их невозможно уже просто так игнорировать.

По мнению ряда экспертов, в «точке бифуркации» мировой истории XXI в. человечество может ожидать два наиболее возможных сценария: (1) «Незапад найдет в себе силы и желание использовать кризис Ультрамодерна для перехвата исторической инициативы и осуществления новой геополитической революции, которая «закроет» проект Модерна и оставит Запад наедине с его внутренними проблемами», (2) «Запад сможет реализовать сохраняющийся шанс удержать мировую систему в траектории собственного цивилизационного развития за счёт разжигания противоречий между цивилизациями и государствами Незапада и втягивания их в глобальную гражданскую войну» [640, с. 261]. Второй вариант грозит усилением военно-политических угроз и расшатыванием экономической и социальной стабильности.

И еще один немаловажный, с нашей точки зрения, момент, связанный с методологическим основанием геополитики как политологической дисциплины.

Открытые еще западной геополитической теорией фундаментальные законы этой дисциплины (*закон фундаментального дуализма; закон усиления фактора пространства в человеческой истории и закон синтеза суши и моря*) считались рабочими, особенно в проводимой западной цивилизации колониальной политики. Эти законы во многом отражали геополитические реалии начала XX в., когда они собственно и создавались. Это были реальности западного весьма

агрессивного колониального империализма, развязавшего две мировые войны. Но в условиях XXI столетия возникают уже сомнения в том, что они смогут в своем прежнем виде выполнять возложенные на них научные функции. Перед современной научной геополитической мыслью стоит задача не просто адаптации этих законов к новейшим условиям, но и возможность их критического переосмысления, уточнения и дополнения. И делать все это, по всей видимости, придется именно с учётом тех новейших реальностей, которые описываются в современной отечественной политической науке, в том числе и в настоящем диссертационном исследовании.

Возрастание значимости Каспийского региона обосновывается следующими факторами: повышением коммуникационного и энергетического значения региона, что приводит к «пробуждению» региона, формированию его «самосознания», реформатированию региона и борьбе внутри него. Следующим фактором является появление «нового» интереса к региону со стороны сильных держав. Наблюдается новая «Большая игра» в регионе, что по сути является своеобразным геополитическим процессом, ведущим к формированию Большого Каспия.

Исходя из этого, считаем, что геополитика понимается не только как борьба (контроль, доминирование) за физикалистскими пространствами (так называемая традиционная геополитика), но и релятивистскими (экономическое, информационное, социокультурное, экологическое и иные пространства). В связи с этим становится архиактуальной концепция геополитики эмоций Д. Моизи. Рассматривая с ее методологических позиций политические режимы в Каспийском регионе, обнаруживаем их схожесть. Так, эмоции страха присутствуют как в общесистемном мнении, так и в сознании политических элит. Отсюда стремление элиты к защищенности, безопасности, которое в итоге способно перебороть ресурсный эгоизм, о котором мы будем говорить в следующем параграфе. Наблюдается стремление к обеспечению безопасности через поиск «зонтика» более сильного международного актора, и военная компонента обеспечения стабильности режимов становится доминирующей

в их внешнеполитической стратегии. Но со временем наблюдается дрейф от военной компоненты к экономической и иной (например, цивилизационной).

Считаем, что по своему функционалу «большие пространства» определяются как «масштабные по своей территории, многонациональные и мультикультурные, стремящиеся к экспансии или при достижении пика территориального расширения к стабильной изоляции с идеологическим (божественным или полным атеистическим объяснением – мироустроительным проектом) обоснованием легитимности претензий на власть внутри страны и за ее пределами. Россия, США, Китай, Индия, Бразилия, ЕС, государства и надгосударственные образования в рамках разных культурных традиций реализуют императивы существования Больших пространств» [252]. Именно в этих масштабах России приходится реализовывать свою модернизацию и выстраивать геометрию своего будущего развития [250, с. 659–665].

1.3. Большой Каспий: от западного триумфализма к «сырьевому воображению» и «ресурсному национализму» новых независимых государств региона

После распада Советского Союза регион Каспийского моря оказался в центре внимания мировых СМИ, крупных политиков, энергетических компаний и лоббистов. Причиной такого сдвига стали большие запасы нефти и газа, обнаруженные на Каспийском шельфе. Углеводороды Каспийского региона вышли в центр международной геополитики. Сотрудник ИМЭМО, известный отечественный ученый К.С. Гаджиев писал по этому поводу: «После распада СССР Каспийский регион оказался предметом борьбы различных стран и политических интересов», поскольку «стал рассматриваться в качестве источника баснословных природных ресурсов, прежде всего углеводородного сырья. Углеводородные ресурсы региона на глазах превратились в одну из стержневых проблем современной международной политики» [120, с. 44]. Что касается реалий ранних 1990-х гг., то с этим трудно не согласиться. Более того,

лидеры новых государств Азербайджана, Казахстана, Туркмении с целью повышения своей значимости в международных делах начали активно политизировать нефтегазовый фактор. Середина 1990-х гг. стала периодом подлинной ресурсной эйфории в этих странах. К наиболее поворотным моментам постсоветской истории Каспия принято относить 1994 г. Именно в этом году было подписано соглашение между двадцатью иностранными компаниями и азербайджанской государственной нефтяной компанией (ГНКАР) по добыче нефти из азербайджанского сектора Каспийского моря. Соглашение было громко презентовано как «контракт века» [157; 737, р. 67–87]. После этого произошло открытие на Каспии целой череды крупных нефтяных месторождений в казахстанском секторе: Кашаган, Тенгиз, Карачаганак [см.: 60, с. 121–122]. Данные события не только превратили эти страны в важных игроков мирового энергетического рынка, но и стали фактором формирования четкой каспийской идентичности.

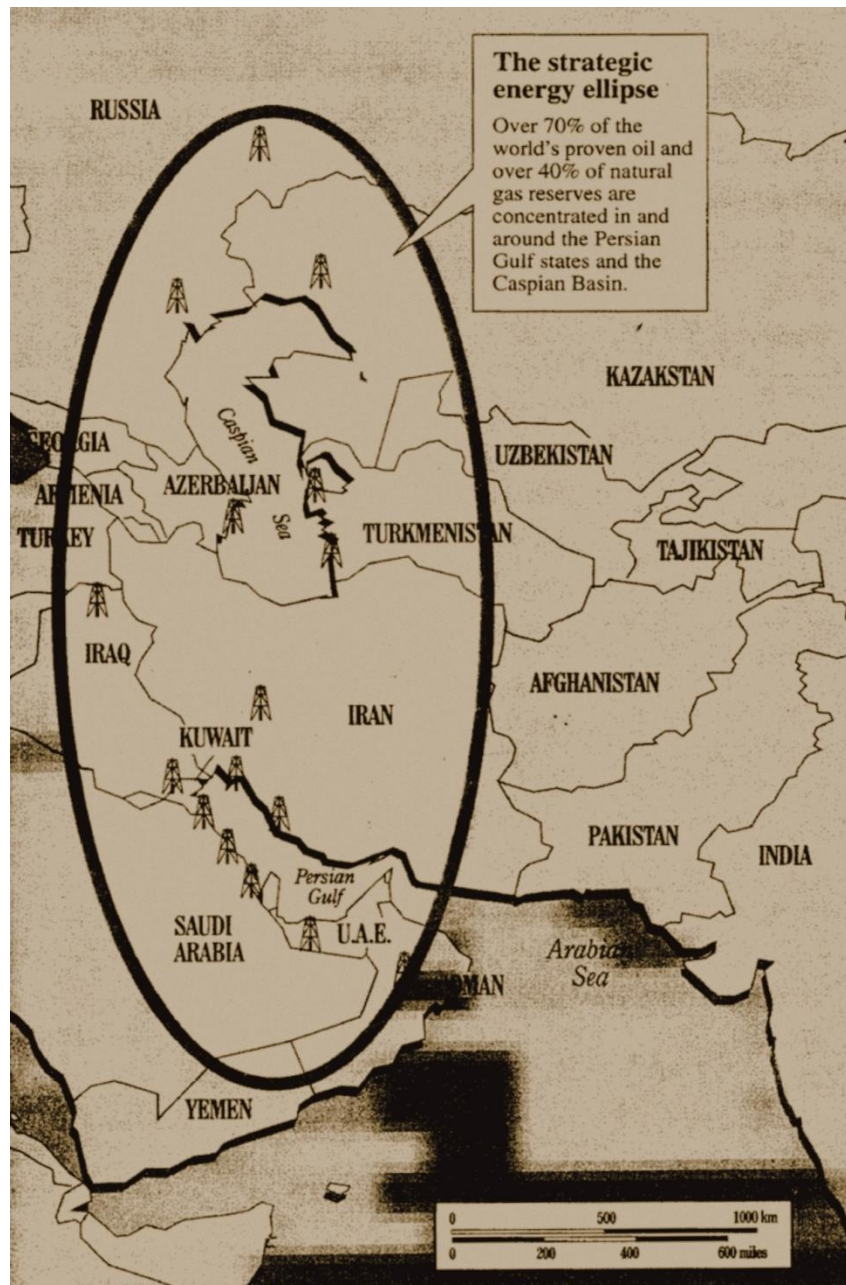
Однако энергетический фактор – это всего лишь один из аспектов каспийской проблематики. Другой не менее важный аспект – геостратегический. Поэтому каспийский вопрос нельзя рассматривать в отрыве от геополитической ситуации 1990-х гг. В этот период победивший в «холодной войне» Запад начал менять мир не только посредством дипломатических и военно-политических инструментов, но и с помощью геополитического воображения и воинствующей картографии. Любопытно посмотреть на то, как с помощью такой картографии Каспийский бассейн превращали в наднациональный (в смысле надгосударственный) мезоареал с глобальным геополитическим звучанием. Гегемонистская картография стала громким инструментом такой политики.

В терминах геополитики американский триумфализм логично привёл к выработке гегемонистского нарратива в отношении Северной Евразии в целом и Каспийского моря в частности. США, объявившие себя главным победителем в «холодной войне», начали в прямом смысле рисовать варианты собственной гегемонии в Евразии. После завершения «холодной войны» и победы в первой иракской войне 1991 г. часть американской политической и интеллектуальной элиты стала демонстрировать подлинное нетерпение в отношении евразийских энергоресурсов. Цель такого геостратегического настроения заключалась не только

в широко разрекламированном переустройстве «Большого Ближнего Востока», но также и в том, чтобы заявить о своих притязаниях на энергоресурсы всего региона, связанного с Каспием.

Указанные процессы ознаменовались появлением интеллектуально-гегемонистских сценариев, с помощью которых выражались безоговорочные политические амбиции Запада. И в очередной раз проявилась склонность американских геостратегических аналитиков связывать «Большой Ближний Восток» с Прикаспием в единую нефтегазовую и геополитическую конструкцию. Яркой демонстрацией такого подхода явилось исследование под названием «Энергетический суперприз». Книга вышла в известном американском «мозговом центре» «Институт Никсона», в котором ключевую роль играли американские неоконсерваторы. «Энергетическим суперпризом» (под названием «энергетический эллипс планеты») обозначено в этой книге географическое пространство от Омана и далее на Север до устья Волги и астраханских границ Каспийского моря (рисунок 2).

В книге четко сформулирована ключевая мысль: энергетическая притягательность Каспия состоит в том, что регион является продолжением и дополнением нефтегазовых полей «Большого Ближнего Востока» [760, р. 14]. В данном эпизоде любопытно не столько описание углеводородных запасов Ближнего Востока и Каспийского бассейна. Гораздо интереснее увидеть то, как американские аналитики, тесно связанные с вашингтонским политическим классом, анализируют указанные проблемы, помещая их в наступательный геополитический контекст. Становится очевидным, что в терминах геоэкономики и терминах геополитики оба ареала – как Персидский залив, так и Каспийское море – рассматриваются как одна система. Авторы книги были предельно откровенны, когда интерпретировали смысл данного подхода в терминах геополитического целеполагания следующим образом: «Можно сказать, что приведенная оценка каспийско-персидских нефтегазовых ресурсов является геополитической наградой для наиболее активных стратегических игроков в меняющейся Евразии» [760, р. 14]. Мы видим актуализацию Каспийского региона сквозь призму притягательного для американских геостратегов ресурса – нефтяных запасов.

Рисунок 2. Стратегический энергетический эллипс планеты согласно концепции «энергетического суперкубка» центра им. Никсона
 (источник: Energy Superbowl. Strategic Politics and the Persian Gulf and Caspian Basin. Washington : Nixon Center for Peace and Freedom, DC-1997. P. 14)

Под обозначением «Стратегический энергетический эллипс» кроется не только интеллектуальная мощь американской геополитики в виде обширной инфраструктуры «мозговых трестов», мотивированных соревновательным духом американской политики. За ним также стоит собственное триумфальное мироощущение коллективного Запада. Это самоуверенный нарратив о победе США над СССР, а также продукт геополитического воображения победителей

в «холодной войне». Здесь важно подчеркнуть еще один продукт данной интерпретации: использование гегемонистской картографии при оценке геополитических изменений в Евразии и подчеркивание территориально-пространственного параметра в ущерб государственно-суверенному. Такой подход объясняет и обосновывает доступность каспийских энергоресурсов для победителей в «холодной войне» – США и их союзников. В рамках данного картографического диктата каспийские проблемы изображались вне всякого локального контекста и вне всякой региональной привязанности.

Гегемонистская картография содержит в себе две составляющие американского геополитического мышления: геополитическое воображение (называемое иногда на западный манер «имагинацией») и военно-стратегическое планирование. Можно с уверенностью констатировать, что возникшая в 1990-е гг. новая сфера международных отношений – исследования Каспийского бассейна – была нацелена на выработку специального политического языка, направленного на подчинение этого региона западным геостратегическим интересам.

Если картографический подход выражал текущее отношение победителей в «холодной войне» к Каспийскому региону, то сценарно-прогностический метод рисовал будущее Каспийского ареала как отдельной геополитической единицы. Сценарно-прогнозный подход в отношении развития Каспийского региона в будущем был разработан группой норвежских исследователей в книге под названием «Регион Каспийского моря до 2025 года» (таблица 3) [678, р. 145]. В опубликованной в 2010 г. книге не представлены такие основополагающие изменения каспийской политики, как раздел водоема между прибрежными государствами 2017 г., активизация каспийско-среднеазиатской политики Пекина, военно-политическое усиление России в акватории Каспийского моря после начала сирийской кампании, изменение регионального геополитического и транзитно-ресурсного расклада после завершения второй Карабахской войны в 2020 г. и т.д.

Таблица 3. Сравнительные сценарии развития Каспийского бассейна в изложении норвежских специалистов

Модели	«Корпорация Каспий» (Caspia Inc.)	Национальные гиганты (National Giants)	Торговля и транзит (Trade and Transit)
Модели интеграции и внешнего влияния	Закрытая кооперация между Грузией, Азербайджаном и Казахстаном. Экспансия ЕС на Южном Кавказе	Сильное доминирование государственных компаний. Россия сильна в Закавказье, Китай усиливается в Центральной Азии и движется в западном направлении	Закрытая региональная кооперация. Нет единого доминирования одной внешней силы. При этом усиливается роль Турции
Стратегические трубопроводные направления	Запад и Север	Север и Восток	Множество трубопроводных направлений. Транскаспийский газопровод
Раздел Каспийского моря	Нет раздела. Трехстороннее соглашение в северной части Каспия	Раздел осуществляется. Иран получает большую долю	Раздел. Иран получает меньшую долю
Политические режимы	Демократическое развитие в Грузии, Азербайджане и Казахстане. Авторитаризм в остальной Центральной Азии	Доминирование полуавторитаризма. Слабость демократии	Медленный поворот к демократии
Композиция региональных экономик	Доминирование нефти и газа	Доминирование нефти и газа	Транспорт между Азией и Европой, региональная торговля

Развитие «замороженных» конфликтов	Грузинская федерация с Абхазией и Южной Осетией. Армения оставляет захваченные азербайджанские районы, но сохраняет контроль над Нагорным Карабахом	Грузия дает возможность отделиться Абхазии и Южной Осетии. Азербайджан уступает Нагорный Карабах	
Основные источники нестабильности	Несостоявшиеся государства Центральной Азии	Бедность в ресурсно-бедных государствах. Агрессия Узбекистана из-за нехватки водных ресурсов	Миграция, наркотики, контрабанда
Нефтегазовая активность	Высокая активность. Медленное производство и падение добычи в Азербайджане. Высокий уровень в Казахстане, стагнация в Туркмении	Высокая активность в Казахстане и Туркмении. Азербайджан на пике с последующим быстрым падением	Средний уровень, доминирование низкоуглеродных товаров
Роль международных нефтяных компаний (ИОС's)	ИОС's являются важной частью картины в качестве партнеров с широкими возможностями	Доминируют «национальные чемпионы», крупные ИОС's вытесняются. Некоторая роль в небольших проектах и в индустрии снабжения и сервиса. Высокие политические и репутационные риски	ИОС's приглашаются, производство все еще прибыльно, несмотря на средние цены на углеводороды. Местный контент важен

Источник: [678, p. 145].

Итак, предпринятый анализ позволяет сделать следующие предварительные выводы. Победители меняют мир, пишут историю и переделывают политические карты с учетом собственных интересов. Постсоветская история Каспийского региона не стала исключением из этих правил. Однако оказалось, что даже новые атласы и интерпретации, второпях нарисованные и изложенные победителями в «холодной войне», не смогли скрыть логику национальных интересов и убрать Россию с Каспия.

Эстетически выверенная схема, представленная американскими аналитиками, оказалась оторванной от реальности, искажая одни факты и игнорируя другие. Возвращение России на Каспий в рамках путинской «стратегической каспийской инициативы» [см. об этом: 346, с. 132–133] ознаменовалось процессом рождения сильных ответов на вызовы, прозвучавшие в 1990-е гг. Решающими моментами процесса возвращения российского влияния на Каспии можно считать следующие:

1. Постепенное и безоговорочное наращивание военно-силового и политического доминирования РФ в Каспийском бассейне. Основными событиями этого процесса стали те, которые произошли в апреле 2002 г. В частности, во время посещения Астрахани президент В. Путин озвучил военно-политические доминанты РФ на Каспийском море. При этом было сказано, что Каспийская флотилия России получила в свой арсенал новейшие модели корабельного оружия и более подготовленный командный личный состав. События августа 2002 г., связанные с организацией широких военно-морских маневров Каспийской флотилии, стали реальным практическим дополнением путинской «каспийской инициативы». Данные учения, помимо собственно военно-силового наполнения, несли многозначительное послание в адрес каспийских и некаспийских соседей России: сделать позиции прибрежных государств более покладистыми в определении статуса моря – озера [541, с. 5].

2. Логическим завершением постепенного, но неумолимого наращивания российской мощи на Каспии стали события, связанные с возвращением России в Сирию по приглашению законных властей Дамаска. В октябре 2015 г., сразу после вмешательства России в сирийский конфликт на стороне законного правительства этой страны, российский военно-морской флот совершил ракетные залпы

с кораблей Каспийской флотилии. Ракетные удары поразили позиции антиправительственных сил в Сирии [203].

3. Похожим образом шла трансформация международно-правового статуса Каспийского моря. В период, последовавший после падения СССР, Каспий превратился в регион острых территориальных разногласий между прибрежными государствами. Прикаспийским государствам долгое время не удавалось утвердить устраивавшие все стороны правила разделения моря-озера. Переломным стал 2017 г., когда прибрежным странам удалось преодолеть излишне затянувшуюся ситуацию юридической неопределенности по поводу международно-правового статуса Каспийского моря. В основу данного правового консенсуса легла формула секторального разделения Каспия. Новая формула каспийского консенсуса препятствует третьим (некаспийским) участникам вмешиваться в дела прибрежных государств [283]. Именно действия российской стороны как ключевого субъекта каспийских политических процессов предопределили данный результат. Для Кремля критически важным является превращение Каспийского бассейна в регион стабильной и предсказуемой политики. Это особенно значимо и ценно в контексте увеличения внешних вызовов и нарастающего хаоса в мире. Российские усилия в этом направлении и достигнутые результаты как в международно-правовой, так и военно-силовой сферах означали возвращение в регион принципов реальной политики, государственных границ и национально-суверенных интересов. Западная суггестивно-гегемонистская картография разбилась о крепнущую военно-политическую и дипломатическую мощь РФ в Каспийском бассейне и нарастающую каспийскую идентичность государств региона. В итоге описанный выше триумфалистский нарратив американских политических интеллектуалов отступил перед лицом таких принципов, как суверенные границы и национальные интересы.

В первое постсоветское десятилетие столицы новых стран Каспийского региона – Баку, Алматы и Ашхабад – стали стремительно превращаться во влиятельные бизнес-центры постсоветского пространства [737, с. 67–87]. Лидеры этих государств стали желанными гостями в западных столицах. Разгадка таких изменений заключалась в огромных месторождениях нефти и газа,

открытых на территориях Прикаспия. Обратимся к примеру. В рамках официального визита бывшего президента Азербайджана Гейдара Алиева в США, который проходил в конце июля – начале августа 1997 г., американская сторона принимала главу молодого государства с небывалыми почестями. Помимо встреч с руководством крупных американских нефтегазовых корпораций, Гейдар Алиев был тепло принят в Конгрессе, Пентагоне и Белом доме [110, с. 62]. С помощью могущественных зарубежных энергетических концернов Гейдар Алиев старался создать влиятельные лоббистские группы в поддержку Азербайджана на Западе. Особенно это было актуально в контексте драматического для Баку протекания карабахского конфликта.

Казахстан и Туркмения старались не отставать от Азербайджана на пути к энергетическому самоутверждению. Казахстан преуспел в этой политике больше. Начало разработок таких масштабных месторождений, как Тенгиз, Кашаган и Карачаганак, превратило молодую республику в центр нефтяного бизнеса в регионе. Здесь необходимо отметить информационно-политическую и рекламно-политическую составляющую развития нефтегазового бизнеса в регионе. Количественные показатели как имеющихся, так и потенциальных нефтегазовых запасов очень часто «изобретались» и рисовались (как правило, в сторону завышения) таким способом, чтобы продемонстрировать высочайший углеводородный потенциал молодых государств Прикаспия. Исследователи приводят красноречивые факты. В частности, цифры и оценки нефтяных запасов казахстанского месторождения Кашаган были увеличены многократно [117]¹. Нефтегазовые запасы Большого Каспия, благодаря рекламно-политическим и пиаровским усилиям правительств прибрежных государств и крупных энергетических корпораций, превратились в привлекательный информационный товар и дипломатический аргумент международной политики.

В начале XXI столетия борьба за каспийские углеводородные запасы проходила в новом международно-политическом контексте – в рамках такого феномена, как «ресурсное накопление» и «ресурсный национализм». Данные процессы изменили характер борьбы за углеводороды Каспия.

---

¹ Наиболее подробно о цифрах и подсчётах углеводородных запасов Каспия см.: [120, с. 409–410].

Первое десятилетие XXI в. ознаменовалось появлением новых приоритетов в глобальной экономике. Речь идет об императиве стратегического контроля над ключевыми натуральными ресурсами, в первую очередь нефтегазовыми, и связанными с ними транспортными маршрутами.

Новизна описываемой международной обстановки состояла в том, что человечество столкнулось с таким явлением, как ресурсный национализм, который выражался в борьбе за доступ к еще не освоенным нефтегазовым месторождениям и в переделе существующих месторождений. Эта картина дополнялась участием в нефтегазовом соперничестве новых игроков – Индии и КНР с их растущими экономиками.

К тому времени главной проблемой нефтегазовых компаний стал надвигающийся дефицит энергетического сырья на планете и угроза нехватки необходимых для их работы месторождений. Ряд аналитиков констатировал следующие факты, характеризующие состояние нефтяного бизнеса в 2000-е гг.: только 16% глобальных запасов углеводородов владеют международные нефтегазовые компании, а около 84% сконцентрированы в руках национальных государств. Данная ситуация стала предметом большого беспокойства западных СМИ, что привело к заметной политизации этой темы. Национальные государства, выступавшие основными субъектами международной нефтегазовой сцены, были охарактеризованы как «непредсказуемые авторитарные режимы». К числу таких государств западные обозреватели и публичные политики отнесли, наряду с Венесуэлой, Ираном, Нигерией и др., путинскую Россию [109, с. 30–31]¹. Транснациональные нефтегазовые корпорации выпустили из своих рук лидерство в обладании запасами энергетического сырья и оказались в непростой ситуации. Например, компания «Шелл» смогла восполнить объем своих сырьевых запасов в 2005 г. только наполовину, в 2006 г. довести до 70–80%, а корпорация «Эксон-Мобил» – до 79%. Известный канадский обозреватель У. Энгдаль отметил подлинные мотивы международного военного вторжения в Ирак: «Долгосрочная стратегия нападения и захвата Ирака состояла в следующем. Необходимо было забрать нефтегазовые богатства всего региона из владения прежде независимого

---

¹ Точно такие же цифры спустя ровно год привёл французский обозреватель Жан-Мишель Беза в статье с характерным названием «Нефть: власть теперь в других руках» [73].

государства и передать их в руки крупнейших нефтяных корпораций Запада» [724].

Можно проследить генеральный тренд мировой политики и природы региональных и локальных конфликтов на различных континентах в 2000-е гг. Их ключевой характеристикой стала борьба за ресурсы, а если конкретизировать данное определение, то можно сказать, что геополитика 2000-х годов – это геополитика «углеводородных ареалов». К последним, помимо таких нефтегазовых бассейнов, как Персидский, Гвинейский, Карибский и др., можно с полным основанием отнести и Каспийский.

Логика «ресурсного накопления» становится причиной региональных конфликтов. Конфликтный потенциал разрастается в результате действительного либо потенциального изъятия любых сколько-нибудь значительных объемов углеводородного сырья с глобальных рынков. Стремительный рост цен на нефтяное сырье в 2000-е гг. формировал соответствующие политические и экономические стимулы. В частности, это подталкивало богатые нефтью страны к увеличению государственного контроля над углеводородной отраслью. Процесс идет в сторону экспансии нефтегазовых игроков от старых углеводородных ареалов (Северная Америка, бассейн реки Ориноко в Венесуэле, Северное море, прилегающее к Норвегии и Голландии), которые постепенно истощаются, к новым сырьевым регионам. Очень часто новые ресурсные регионы расположены в зонах затяжных военных конфликтов (Судан, Гвинейский залив, Африка южнее Сахары), либо представляют собой территории с чрезвычайно неблагоприятными природными условиями (современная Арктика и Субарктика). В 2000-е гг. в мире имел место неуклонный рост потребности в энергоресурсах. В свою очередь, это привело к увеличению глобальной конкуренции за месторождения, что становилось основанием для повсеместного роста уровня «сырьевого национализма».

Весьма показателен в этом отношении пример Африки. Дело в том, что к началу XXI столетия одним из основных ареалов нефте- и газодобычи в мире стал Гвинейский залив. В результате регион стал предметом пристального внимания американских властей. Уже в 2003 г. Дж. Буш-младший, бывший глава США, организовал саммит с участием руководителей двенадцати африканских

государств. На встрече был поставлен вопрос о превращении углеводородного сырья залива в один из главных источников энергии для отраслей американской экономики. После этого события регион Гвинейского залива претерпел определенную милитаризацию. В частности, сюда с визитом приезжал такой влиятельный военный чиновник, как Карлтон Фэллфорд, бывший в те годы одним из генералов европейского военного командования США [299, с. 60–61].

Профессиональная ресурсная активность энергетических корпораций не только стала предметом безбрежной политизации, она становилась объектом государственного контроля. Зачастую дело заканчивалось тем, что национальные правительства начинали напрямую диктовать энергетическим корпорациям, с кем надо, а с кем не надо вести дела в нефтегазовой сфере. В качестве примера возьмем страны Запада с их демократическими нормами. Под нажимом своих государственных органов такие влиятельные игроки мирового нефтегазового рынка, как французский «Тоталь», англо-голландский «Шелл» и др., покинули совместные иранские нефтегазовые проекты. Другой французский энергетический концерн «Газ де Франс» был выведен из предполагаемого газопроводного проекта «Набукко» под давлением турецких властей. «Бритиш Петролеум» подвергся политическому давлению со стороны американского внешнеполитического ведомства за участие в альянсе с российским «ТНК» [380].

Описываемые факты однозначно свидетельствовали о наступлении эры зрелого «ресурсного национализма» на международном уровне. Известный американский политический обозреватель Джошуа Курланцик по этому поводу высказался следующим образом: «Мир еще не видел таких ситуаций, когда национальные государства успешно реализуют функции крупных международных бизнесменов и коммерческих субъектов» [768]. Не остались в стороне и Россия с Китаем. В Поднебесной отметилась нефтяная компания «Петро-Чайна», которая при помощи государства превратилась в одну из ведущих мировых энергетических компаний с рыночной стоимостью 1,2 трлн. долларов США. Российский «Газпром», до сих пор остающийся под контролем государства, признают самым крупным игроком мирового газового рынка. Приведенные примеры демонстрируют стремительное нарастание

двух тенденций: рыночных методов ведения бизнеса и государственного контроля и диктата.

Данный тренд усилил коллективные опасения индустриально развитых стран Запада, чьи масс-медиа начали активную информационную кампанию по дискредитации «ресурсного национализма»¹. Они интерпретировали данное явление не как объективный процесс, а как проявление эгоистических устремлений государств-экспортеров нефти. Суть этого процесса описывалась ими в качестве желания стран-экспортеров получить полный контроль над нефтегазовой отраслью в условиях высоких цен на углеводороды в 2000-е гг.

Нефтегазовые страны, такие как, например, Венесуэла и Боливия в Латинской Америке, Казахстан на Северном Каспии и др., начали возвращать государственный контроль над своей нефтью. Результаты такого сдвига в направлении от глобальных нефтегазовых ТНК к государственным компаниям имели международные последствия. Так, китайские корпорации, за спиной которых стояла мощь государства, стали становиться глобальными финансово-экономическими игроками на рынках многих государств, богатых нефтью и газом.

Рамки диссертации не позволяют описать все подробности, а также весь драматизм появления феномена «ресурсного накопления» и его каспийской разновидности в лице «энергетического национализма». По этой причине мы сфокусируем внимание на казахстанском казусе как наиболее ярком примере «ресурсного накопления». Казахстан с полным правом можно назвать образцом «энергетического национализма» в Каспийском регионе. Основные характеристики данного явления были заданы укреплением силы государства и национального правительства в ключевой области казахстанской экономики – нефтедобывающей. Способы и формы правительственной политики по возвращению контроля над отраслью были самыми разнообразными: от использования административного ресурса до изменения имеющихся законодательно-правовых норм, от политического диктата до использования практик лоббирования. Указанные методы и практики были сугубо

---

¹ «Энергетический национализм» и «ресурсный национализм» мы рассматриваем как синонимы. При более внимательном изучении «энергетический национализм» может выступать как разновидность «ресурсного национализма».

инструментальными, поскольку использовались для возвращения в собственность государства или правительства наиболее лакомых кусков национальной нефтяной отрасли, которые в свое время были переданы в руки частных корпораций. Отсчет процесса начался в 2003–2004 гг. Власти Казахстана выкупили долю британской нефтегазовой корпорации «BG». Процесс можно назвать принудительным, поскольку европейцы хотели продать свой бизнес международному консорциуму «AgipКСО» во главе с итальянской «ЭНИ». Однако правительство Казахстана настояло на том, чтобы указанный пакет был продан именно этому государству. С этой целью удалось быстро переписать местный закон «О недропользовании» и утвердить поправки через парламент. Эта законодательная новелла дала государству возможность в первоочередном порядке выкупать нужные пакеты акций в нефтегазовых проектах и углеводородных месторождениях.

Самым крупным событием из этого ряда можно признать скандальный эпизод, связанный с изменением законодательства о недропользовании, который имел место летом – осенью 2005 г. История была связана с намерением канадской нефтяной корпорации «PetroKazakhstan» продать свой пакет акций китайской компании «CNPC International Ltd». Канадский концерн был крупным игроком на казахстанском секторе Каспия, разрабатывая не только кластер нефтяных месторождений, но и получив в собственность нефтеперерабатывающий завод в Шымкенте, что на юге республики. Казахское правительство оказалось в сложной ситуации еще и потому, что события происходили в самый канун национальных президентских выборов. Однако это не помешало казахстанской стороне действовать прямолинейно и решительно. Правительство пошло привычным путем: быстро были разработаны и использованы новые поправки в закон о недропользовании. Данные поправки дали возможность национальному правительству блокировать продажи негосударственным участникам нефтегазового рынка долей в казахстанских месторождениях или пакетов акций в добывающих проектах [181; 600, с. 11].

На этих процессах история возвращения государственного контроля над нефтегазовой сферой не закончилась. По заявлению тогдашнего главы казахстанского кабинета Даниала Ахметова, объектами государственного контроля должны стать и другие месторождения нефти. Конкретные шаги

по реализации данной политики, по его словам, проводятся исходя из новой национальной идеологии по развитию каспийского сырьевого сектора. Смысл этой идеологии заключается в неуклонном наращивании государственного влияния на развитие нефтяной составляющей в казахстанском секторе северного Каспия. Данный призыв был заявлен весьма жестко, что не оставляло сомнений в решительности избранного курса [513, с. 5].

Одновременно с этим правительство республики пересмотрело прежнюю политику по продаже прав на разведку и добычу нефти на нефтяных месторождениях, расположенных на шельфе Каспия. Вместо запланированной кампании по продаже на тендерах богатых и многообещающих шельфовых месторождений было принято решение об административном распределении этих ресурсных блоков. После 2006 г. наиболее перспективные месторождения передавались государственным субъектам на основе внутренних кабинетных соглашений. В результате по конкурсным правилам и на тендерной основе были проданы лишь не очень богатые и не очень привлекательные с точки зрения освоения месторождения [182, с. 2].

Приведенные примеры позволяют выявить четкую картину, показывающую процесс наращивания влияния государства в экономике Казахстана. Инструментом усиления роли государства стали неформальные договоренности внутри органов казахстанской власти и личные связи. Они же стали основными инструментами развития местного нефтяного бизнеса. Вышеописанный пример с «Петроказахстаном» показал, что компания по местным государственным правилам играть не захотела или не могла. Это стало главной причиной вытеснения ее с каспийского ресурсно-сырьевого рынка.

Таким образом, материал данной главы ясно свидетельствует о том, что политика «ресурсного накопления» и феномен «ресурсного национализма» оказали определяющее воздействие на формирование трубопроводной политики в Каспийском ареале. Регион Большого Каспия оказался в центре того, что позже было названо «трубопроводной войной» XXI столетия, которая будет исследована в следующей главе.

Глава 2. Геополитика нефте- и газопроводов как ключевая характеристика Большого Каспия: к пониманию дезинтеграционного потенциала новых региональных политических интересов

2.1. Появление каспийской трубопроводной политики: нефте- и газопроводные проекты как инструменты реализации глобальных и региональных интересов и попыток перекройки региона

С конца 90-х гг. XX – начала XXI в. наблюдаются признаки очередной глобальной геополитической трансформации мира. Несомненно, точкой отсчета этого процесса стал распад Советского Союза. Акторами новой геополитической трансформации стали США, КНР, Евросоюз и условный арабский мир. Современная Россия стала претендовать на роль актора геополитических трансформаций с опозданием. На рубеже веков она в большей степени была объектом этих трансформационных процессов. Условным рубежом статусного изменения России являлась мюнхенская речь В.В. Путина. Эволюция вхождения РФ в пул акторов большой геополитической трансформации прослеживается в ее Концепциях внешней политики и национальной безопасности.

Выделим основные, на наш взгляд, факторы геополитических трансформаций:

- формулирование и закрепление государствами и группами государств новых ролей на международной арене;
- борьба за ресурсы;
- приобретение статуса акторов мировой политики;
- «нарастание в ряде регионов и стран нестабильности, тревог, противоречий и конфликтного потенциала в жизни мира» [165].

Подчеркнем, что в странах Каспийского региона отчетливо проявляется такой фактор геополитических трансформаций, как «нарастание в ряде регионов и стран нестабильности, тревог, противоречий» [165]. Так, анализ внутривнутриполитических процессов стран Каспийского бассейна конца 90-х – начала 2000-х гг. показывает, что у правящей элиты появляются ощущения угроз

внутренней и внешней составляющим своей безопасности. Эйфория национализма в постсоветских странах Прикаспия и шанс реализовать цивилизационную миссию у ИРИ натолкнулась на политические, экономические и геополитические реалии. Вызовы их устойчивому развитию наблюдались в следующих плоскостях: территориальная дезинтеграция; политический транзит с разными условиями входа, разным набором транзитных условий и факторов; вмешательство во внутренние дела международных акторов; рост внутривнутриполитической нестабильности вследствие противостояния элитных группировок, экономической дезинтеграции и т.д.; политизация этничности и религии; становление и функционирование структур международного терроризма.

Представленная в предыдущей главе проблема избыточной политизации каспийских ресурсов сыграла большую роль в деле наращивания трубопроводного соперничества. Одна из основных проблем Каспия в 1990-е гг. состояла в ответе на вопрос: по каким маршрутам и по чьим территориям потечет каспийская нефть к мировым потребителям? От ответа на этот вопрос зависело то, кто будет контролировать будущие нефтегазовые трассы, идущие из Каспийского региона. К тому времени в Каспийском бассейне функционировал лишь один трубопровод из Баку в Новороссийск, который выводил азербайджанскую нефть к черноморскому побережью. Однако после открытия масштабных месторождений нефти в азербайджанском и казахстанском секторах моря и заключения «контракта века» обозначились два направления перевалки энергоресурсов региона к мировым потребителям. По первому направлению должен был быть построен нефтепровод Тенгиз – Новороссийск, принадлежащий международному Каспийскому трубопроводному консорциуму (КТК). С большой долей натяжки он считался пророссийским проектом, поскольку пролегал по территории южных регионов России (от северокаспийского месторождения Тенгиз, принадлежащего Казахстану, до порта Новороссийск). Другой маршрут, связанный с проектом БТД (Баку – Тбилиси – Джейхан) и считавшийся прозападным, проходил от азербайджанского побережья до турецкого средиземноморского порта Джейхан. Был еще один маршрут намного меньшей

мощности, который также проходил мимо России. Речь идет о нефтепроводе Баку – Супса, предназначенном для транспортировки азербайджанской сырой нефти к грузинским портам.

Строительство всех этих трубопроводов проходило параллельно в 1990-е гг. Первым в 1999 г. в строй вступил нефтепровод Баку – Супса. В том же году началось строительство трубопроводной системы КТК, которая была запущена в 2001 г. Этот факт стал достижением России в каспийской трубопроводной гонке. Тем самым она удержала в своих руках сильный рычаг воздействия на государства Прикаспия.

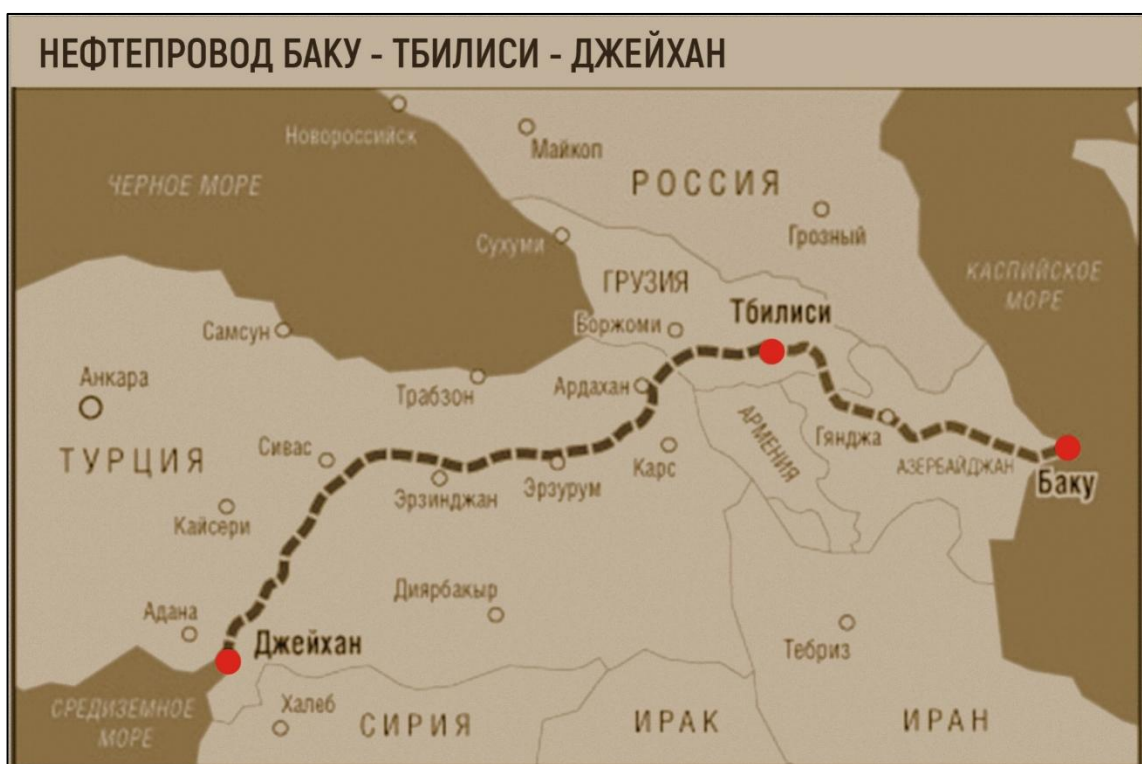
Строительство масштабной нефтепроводной инфраструктуры Баку – Тбилиси – Джейхан (БТД), возведение которой началось в сентябре 2002 г., стало настоящим вызовом для России на каспийском направлении, поскольку означало для Москвы потерю контроля над сырьевыми потоками Большого Каспия.

Нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан стал впечатляющим инженерным сооружением с мощностью прокачки 50 млн. тонн нефти в год. Достаточно сказать, что протяженность трубопровода, который пролегает по территории Азербайджана, Грузии и Турции, насчитывает 1773 км. В мае 2005 г. строительство трубопровода было закончено, а в июле 2006 г. состоялся его пуск.

Это событие привело к кумулятивному эффекту на Каспии. Казахстан пожелал присоединиться к нефтепроводной системе БТД. За месяц до запуска трубопровода, в июне 2006 г., бывший казахстанский лидер Н. Назарбаев заключил соглашение об участии Казахстана в транспортировке собственной нефти по этому маршруту. Нефть с полуострова Мангышлак предполагалось транспортировать с помощью танкеров для ее дальнейшей перекачки по инфраструктуре БТД.

Строительство и пуск БТД стали заметным ударом по интересам Москвы в Каспийском регионе. Поскольку движение каспийского нефтяного сырья в обход российских портов и территорий стало угрожать ослаблением связей Москвы со странами Центральной Азии и Южного Кавказа. Вдобавок к этому к государствам и регионам Прикаспия начал внимательно присматриваться

Североатлантический альянс. Данные устремления военно-политического блока получили даже экспертное определение «азиатизации НАТО» [166, с. 9; 85]. По большому счету, трубопроводная система БТД – это не только инженерно-технический проект. Ее можно рассматривать как серьезный геополитический выигрыш Запада (рисунок 3). События грузино-осетинской войны августа 2008 г. свидетельствовали о том, насколько восприимчивыми оказались нефтепроводы Южного Кавказа к военно-политическим акциям и угрозам, о чем более детально будет сказано в следующем параграфе исследования.

Рисунок 3. География трубопроводной системы БТД

(источник: <https://novayaepoxa.com/ne-osetinskie-separatisty-a-rossijskie-vojska-vzyali-pod-kontrol-territoriyu-nefteprovoda-baku-supsa-politolog/170658/embed>)

После пятидневной войны в Грузии в августе 2008 г. в регионе еще больше активизировались усилия по строительству новых трубопроводов, идущих в обход России. Инициаторами данной политики были в первую очередь сами государства Каспийского региона. К этому времени правительства этих стран

почувствовали себя важными игроками международной газовой сцены и региональной трубопроводной политики.

Осенью 2008 г. в центре каспийских ресурсных сенсаций оказалась Туркмения. На территории республики были обнаружены новые газовые месторождения с сенсационными объемами. Речь идет о месторождении Южный Елотань, который является одним из крупнейших в мире. Это известие превратило Туркменистан в одного из ключевых игроков международного газового бизнеса [154].

После провала широко разрекламированного газопроводного проекта «Набукко», а также после неудачи с реализацией Транскаспийского трубопровода стало очевидно, что западное направление каспийского нефтегазового экспорта исчерпало себя. Зато заявили о себе как наиболее перспективные направления маршруты транспортировки каспийских энергоресурсов в сторону Китая и Ирана.

Каспийский триумф Пекина стоит отметить особо. В декабре 2009 г. бывший руководитель КНР Ху Цзиньтао и тогдашние лидеры Узбекистана, Туркмении, Казахстана торжественно запустили новый газопровод. Трубопроводный проект соединил туркменские газовые месторождения с регионами западного Китая. Данный газопровод стал вторым крупным транзитным проектом в сторону Китая из Каспийского региона. Первым был нефтепровод Атасу – Алашанькоу из Казахстана в Китай, запущенный в 2006 г.

Для российской экономики привязка туркменского газового экспорта к китайскому рынку является скорее позитивным результатом. Москву в меньшей степени интересует движение каспийских углеводородов на восток. Кремль, прежде всего, заинтересован в том, что туркменский газ не попадет на европейские рынки и не создаст конкуренцию российскому сырью.

2009-й год принес важные изменения в каспийском трубопроводном раскладе. Запуск трубопровода в западный Китай 14 декабря этого года и введение в строй 6 января 2010 г. газопровода из Туркмении в Иран явились событиями, которые переформатировали прежнюю систему нефте- и газопроводов в регионе Большого Каспия.

В последние годы внимание Евросоюза к каспийским углеводородам возросло. Однако отношение ЕС характеризовалось более осторожным подходом к ресурсам Каспийского региона. Один из экспертов немецкого политического журнала «Zeitschrift für Außen- und Sicherheitspolitik» в 2015 г. писал, что Европейский Союз (ЕС) является вторым по величине потребителем природного газа в мире; около четверти потребления первичной энергии ЕС приходится на газ, который примерно на треть он получает из России. После российско-украинских газовых конфликтов 2006 и 2009 гг. ЕС решил укрепить усилия по диверсификации импорта газа, чтобы избежать подобных кризисов в будущем. Кризис на Украине 2014 г. и вновь возникшие в результате этого перебои в поставках российского газа ещё раз проиллюстрировали, насколько сильно ЕС уязвим и зависим в энергетическом плане.

Уже в тот период государства-члены ЕС начали рассматривать возможность поставок газа через Южный газовый коридор из Каспийского региона, богатого энергоресурсами. Так, согласно данным на 2014 г., в Азербайджане, Казахстане и Туркменистане запасы природного газа составляют около 28,3 трлн куб. м, почти столько же, сколько и в России, где месторождения составляют около 31 трлн куб. м газа [811, с. 39–48].

С 2018–2019 гг. одним из основных импортёров природного газа в Европу стал Азербайджан, транспортирующий газ по Южному газовому коридору. Помимо Азербайджана, ещё одним потенциальным поставщиком каспийского газа в ЕС мог бы стать Иран, который обладает вторым по величине месторождением природного газа в мире. Одной из проблем, однако, является то, что его энергетическая инфраструктура устарела и требует модернизации и иностранных инвестиций. Несмотря на то, что в 2014 г. Иран был открыт к сотрудничеству с Западом в экономической сфере, дальнейшее обострение отношений между Ираном и США и введение режима санкций заметно осложнило ситуацию. Многие европейские инвесторы опасаются вкладывать деньги в Иран на фоне продолжающегося геополитического противостояния [375].

Как отмечает тот же эксперт, прикаспийский газ не рассматривается в Европе как единственная альтернатива российским поставкам. Например, в 2010 г. в Восточном Средиземноморье были обнаружены обширные залежи углеводородов, главным образом газовых, которые находились у берегов Кипра, Египта и Израиля. Ровно это количество позволило бы Германии удовлетворить спрос на газ примерно за двенадцать лет. Однако реализация этих ресурсов затруднена из-за геополитической ситуации в регионе. Дальнейшая разработка упомянутых месторождений может либо принести выгоду Израилю, Кипру Ливану и Турции, либо спровоцировать новые конфликты.

Огромным энергетическим потенциалом обладает Курдский автономный регион, а также Ирак, где запасы газа даже превышают запасы в Средиземноморском регионе. Однако разработка этих месторождений и строительство газопровода в Европу также наталкивается на препятствие в виде постоянной нестабильной геополитической ситуации в регионе.

Подытоживая результаты рассматриваемого исследования, можем сказать, что в среднесрочной перспективе, для ещё большей диверсификации поставщиков страны ЕС могли бы импортировать газ из Восточного Средиземноморья, курдских территорий или из Ирана. Однако в обозримом будущем, как говорят эксперты, ЕС всё же останется наиболее зависимым от поставок российского газа [811, с. 39–48].

Стоит также упомянуть о планах по расширению инфраструктуры Южного газового коридора за счёт присоединения к нему дополнительного Ионико-Адриатического газопровода, который должен проходить через Албанию в Черногорию и Боснию и Герцеговину, а далее в Хорватию. Предполагается, что названный газопровод будет связан с уже функционирующим Трансадриатическим газопроводом [753].

Ещё одним потенциальным поставщиком газа в страны ЕС является Туркменистан. На сегодняшний момент в стадии разработки находится проект Транскаспийского газопровода, который должен проходить по территории Азербайджана и считаться частью расширения Южного газотранспортного

коридора. Реализация проекта должна принести выгоду от экспорта газа не только Туркменистану, но также и Азербайджану, поскольку он сможет получать прибыль с транзита через свою территорию [828].

Успешному претворению проекта в жизнь мешают несколько препятствий. Во-первых, речь идёт о разногласиях между Туркменистаном и Азербайджаном, правительство которого просит выделить квоту на транспортировку азербайджанского газа по Транскаспийскому газопроводу, с чем не в полной мере согласно правительство Туркменистана. Кроме того, существуют трудности с финансированием проекта и поиском подходящих инвесторов [736, с. 139–197].

Считаем необходимым более подробно остановиться на энергетических отношениях ЕС и Азербайджана. Транспортировка азербайджанского природного газа в ЕС выгодна не только для государств-импортёров с точки зрения диверсификации источников энергии, но также и для самого Азербайджана. Это связано с ресурсной ориентацией экономики страны. Поэтому интенсификация энергетических контактов с ЕС дает азербайджанскому правительству возможность укрепить валюту и модернизировать экономику и соответствующую энергетическую инфраструктуру.

На сегодняшний день основной объём природного газа Азербайджана сосредоточен в газоконденсатном месторождении «Шах Дениз» в южной части Каспийского моря. Углеводородная структура Шах Дениз была открыта геологами в 1954 г., и после обретения Азербайджаном независимости было решено привлечь к её развитию иностранных инвесторов.

Энергетический потенциал Азербайджана огромен. Например, в 2010 г. было объявлено об открытии газового месторождения Умид в южной части Каспийского моря, которое, по оценкам экспертов, содержит 200 млрд куб. м газа и 40 млн. тонн конденсата. Также перспективным является соседнее месторождение Бабак, которое еще предстоит освоить, с потенциальными запасами газа в 400 млрд куб. м и 80 млн т конденсата. Дальше от побережья находится месторождение Шафаг-Асиман с запасами газа в 300 млрд куб. м. Совместно с немецкой компанией RWE исследуется морское месторождение

Нахичевань. Решающим фактором для амбиций Азербайджана как экспортера газа является месторождение Абшерон, открытое в 2011 г. Его разработка может значительно увеличить поставки газа в Европу, поскольку его запасы оцениваются в 350 млрд куб. м газа и 45 млн т конденсата.

В целом, согласно оценкам экспертов Государственной нефтяной компании Азербайджанской Республики (SOCAR), дальнейшее освоение названных месторождений может привести к расширению экспорта газа в ЕС до 40 млрд куб. м в год [684].

В 2018 г. правительство Германии заявляло о готовности получить федеральную гарантию на кредит Deutsche Bank на сумму более 1,5 млрд долларов США (1,2 млрд евро) для Государственной нефтяной компании Азербайджанской Республики. По заявлениям членов правительства, финансирование поставок газа отвечает интересам Германии и Европы в целом, так как позволяет достигнуть желаемой диверсификации и сократить зависимость только от одного источника энергии. Однако многие члены правительства критикуют это решение, полагая, что таким образом Германия финансирует репрессивный режим Алиева [751].

Итак, несмотря на перспективность поставок природного газа из Каспийского региона в ЕС и всё ещё сохраняющуюся высокую зависимость Европы от этого вида источников энергии, многие эксперты говорят о рисках, связанных с поставками газа из-за рубежа. Например, трансграничные трубопроводы, охватывающие несколько юрисдикций, сталкиваются со значительным количеством некоммерческих рисков. Поставки могут быть прерваны из-за технических проблем, экстремальных погодных явлений, террористических атак и других непредвиденных факторов и обстоятельств. Поэтому правовая и финансовая стабильность государства-поставщика играет важную роль в принятии инвесторами решений об участии в том или ином проекте.

Международные сюжеты, связанные с возможными рисками при поставках газа из-за рубежа, анализируются в докладе Oxford Institute for Energy Studies. К таким рискам там относятся опасности при транспортировке газа из регионов,

где проходят вооружённые конфликты или существует опасность захвата газовой или же нефтяной инфраструктуры террористами [848].

В случае с Азербайджаном стоит сказать о том, что обладание контрольным пакетом 51% акций в проекте Трансанатолийского газопровода Государственной нефтяной компании Азербайджанской Республики даёт возможность азербайджанскому правительству в определённой мере контролировать транзит газа, что также представляет собой риск. Так, например, Азербайджан может разрешить или запретить подачу дополнительного газа [727]. Этот рычаг давления важен для Азербайджана, поскольку ЕС зачастую спекулирует на поставках газа из других регионов, таких как Туркменистан, Ирак и Иран. Более того, Азербайджан может установить сборы за транзит.

2.2. Локализованная геополитика «транзитных войн» в регионе Большого Каспия

В данном параграфе анализируется малоизученный аспект истории транспортировки «большой каспийской нефти» для тестирования часто оспариваемого геостратегического постулата о том, что торговые маршруты становятся маршрутами конфликтов. В центре исследования – военно-дипломатические усилия трех мятежных территорий постсоветского Кавказа: Абхазии, Чечни и Южной Осетии в отношении трубопроводных проектов Баку – Супса, Баку – Новороссийск и Баку – Джейхан (рисунок 4).

Характерной чертой данных усилий стало то, что публичная силовая эскалация происходила не в форме военных акций, а в стилистике постконфликтных ультиматумов мятежных регионов в отношении Грузии, России и международных нефтяных компаний. Орудием этих ультиматумов стали военные угрозы и дипломатический блеф [346]. Данный раздел показывает, как локальные политические интересы непризнанных государств постсоветского Кавказа проявляли себя через нефтяные и транзитные призмы. Сепаратистские проекты

представляли собой военно-дипломатические имитации для выхода политических элит непризнанных территорий в международную публичную политику.

Рисунок 4. Маршруты закавказских нефтепроводов на фоне границ государств и мятежных регионов Кавказа (источник: [346, с. 238])

Дополнительную актуальность этой теме придают события июля 2020 г., связанные с громкими приграничными вооруженными столкновениями между Арменией и Азербайджаном. Трубопроводный аспект данного конфликта стал одним из наиболее обсуждаемых вопросов в различных СМИ. Главным образом потому, что военные действия проходили в Товузском районе Азербайджана, через который проходят все стратегические нефте- и газопроводные маршруты республики. Достаточно привести заголовки некоторых информационных агентств и изданий, чтобы понять, какое большое внимание уделялось этому вопросу: «Баку и Ереван готовы взять на прицел стратегические объекты» (Юрий Рокс, «Независимая газета», 2020, 17 июля); «Это крайне серьезная война» (Максим Шевченко, «Эхо Москвы», 2020, 17 июля); «Российские войска отошли от границы Армении с Турцией. В обострении конфликта в Закавказье ищут

нефтегазовую подоплеку» (Владимир Мухин, «Независимая газета», 2020, 2 августа).

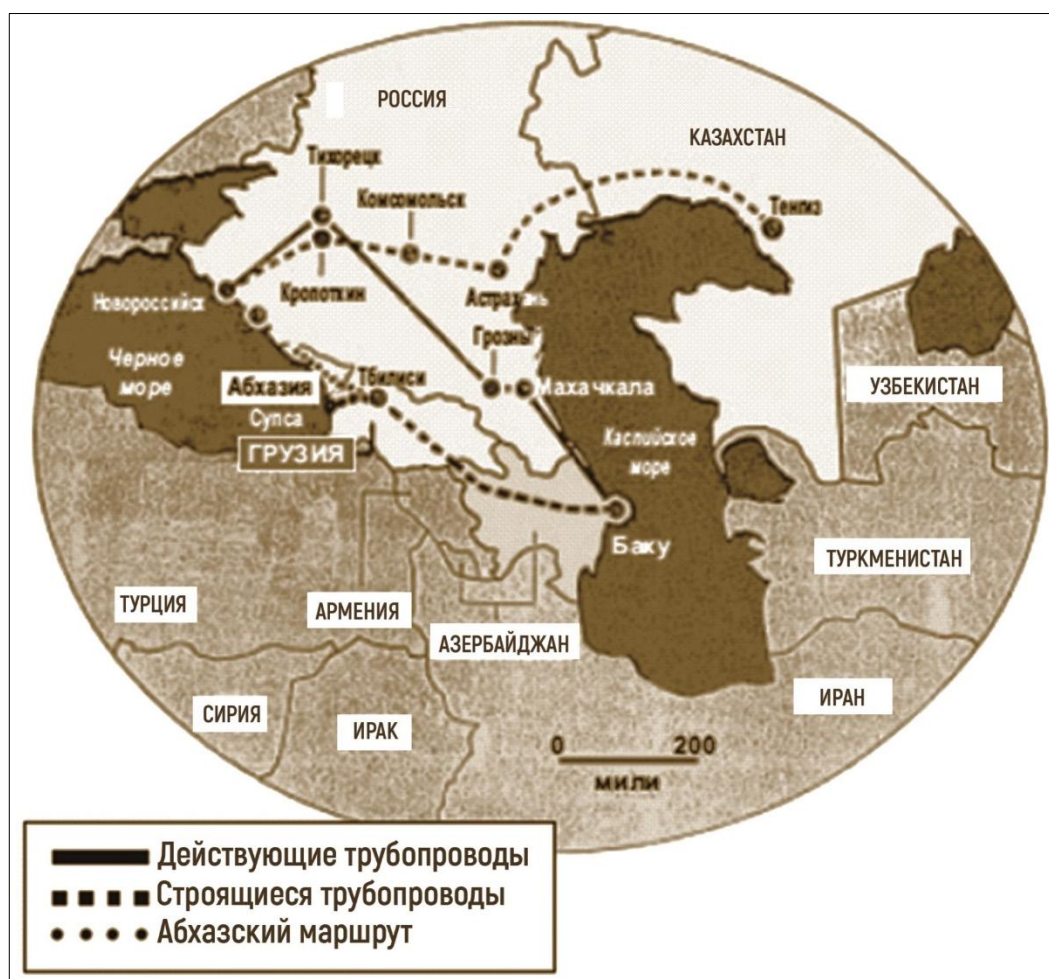
Однако подлинно угрожающую остроту описываемым событиям придают сюжеты, связанные с жизненно важными инфраструктурными объектами. Так, руководитель пресс-службы министерства обороны Азербайджана Вагиф Дархяглы заявил, что его страна способна нанести ракетный удар по армянской АЭС, расположенной в г. Мецамор. Эта демонстрация военной решимости прозвучала в ответ на заявления армянских политиков о возможности с помощью военного удара разрушить Мингячевирское водохранилище в Азербайджане [45; 387].

Для реализации избранного в диссертационном исследовании подхода мы обратились к парадигме «критической геополитики». Данный подход, сущность которого раскрыта во введении к нашей работе, позволяет концептуализировать конфликтные и постконфликтные территориальные кейсы с помощью понятия «локализованная геополитика». Данный концепт дает стимул к преодолению застарелых геополитических представлений, выполненных в духе пренебрежения к локальной географии и без учета местных особенностей – всего того, что Дж. Локлин и А. Мэрфи называют «политологией без чувства географии».

Отметим, что в 90-х гг. XX в. наблюдается стремление ряда экономических акторов под прикрытием идеи национального / этнического суверенитета перенаправить нефтедоллары (каспийскую нефть) по новым маршрутам. Так, результатом этих усилий стало строительство нескольких инфраструктурных объектов: двух нефтепроводов, а также портов и терминалов на Черноморском побережье Грузии для приема нефти, перевозимой по железной дороге. По этим маршрутам углеводороды Каспия пошли на Запад, минуя российскую территорию.

В контексте нашего исследования представляет интерес факт, связанный с тем, что абхазская сторона предельно откровенно давала понять мировым нефтяным концернам, что цена их участия в энергетических проектах на территории Грузии может оказаться чрезмерно высокой. Эта позиция была выражена в письмах полномочного представителя Абхазии в США Инала Казана на имя топ-менеджеров крупнейших энергетических, строительных и сервисных компаний.

Абхазские политики выдвинули зарубежным компаниям предложение провести трубопровод по собственной территории (рисунок 5). Он предлагался в качестве безопасной альтернативы грузинскому проекту. Данное предложение было выполнено в стилистике «убеждающей карты» в письме Инала Казана от 26 января 1996 г. в адрес руководства корпорации «Шеврон». Здесь как никогда своевременны слова классиков геополитики о том, что «составление карт имело свое значение во времена войн, для управления страной и при определении имущественных отношений» [740] и что карта может выступать в качестве «политического справочника» [603], которая в данном случае выражает текущие стимулы и политические интересы абхазских политиков.

Рисунок 5. Абхазский вариант строительства нефтепроводного маршрута Баку – Супса, предложенный западным компаниям, февраль 1998 г.

(источник: https://www.ca-c.org/online/2010/journal_rus/cac-02/04.shtml)

Указанные обращения абхазских политиков и активистов, адресованные иностранным компаниям, участвующим в каспийском нефтяном бизнесе и закавказских трубопроводных проектах, можно оценивать как элемент информационной политики Сухума для оказания давления на обе стороны – официальный Тбилиси и зарубежных инвесторов. Однако абхазская сторона не ограничилась обращением к международным бизнес-структурам. Частью информационной политики абхазских иностранных лоббистских кругов стали аналогичные обращения в адрес международных организаций. В частности, «Миссия Абхазии» 20 января 1998 г. направила возмущенное письмо на имя тогдашнего постпреда США при ООН Билла Ричардсона. В письме выдвигались обвинения в адрес Соединенных Штатов за присуждение премии Центра Мира и Свободы им. Никсона тогдашнему президенту Грузии Э. Шеварднадзе. Обвинения также выдвигались в адрес Израиля за награждение Э. Шеварднадзе премией Института Демократии в Иерусалиме. Письмо заканчивалось абхазской оценкой Шеварднадзе: «Этот деятель не способен идти к миру и согласию ни в Грузии, ни за ее пределами».

Важно, однако, признать, что значение приведенных писем больше символическое. Во внешнем мире эти заявления не вызвали никакого резонанса, а мировая экономика не заметила конфликта и угроз. Хотя, возможно, абхазская сторона рассчитывала произвести впечатление данными шагами. Как заметил бывший спикер абхазского парламента Станислав Лакоба, «прекращение грузино-абхазского противостояния, равно как и других конфликтов с участием Тбилиси, обусловлено выбором маршрутов, по которым каспийские энергоресурсы будут идти к морским терминалам. А в качестве практической рекомендации он посоветовал Западу оказать политическое давление на Грузию для того, чтобы она признала независимость молодого абхазского государства [324, с. 120]. Однако эти ожидания оказались напрасны. Ни Грузия, ни крупные компании, вовлеченные в строительство и эксплуатацию нефтепровода, не отреагировали на обращения абхазской диаспоры.

Описываемый процесс можно рассматривать как дипломатический фрагмент и имитацию применения военной силы в условиях отсутствия у Абхазии международно-политических ресурсов. Не случайно уже спустя год после обращений к мировым бизнес-структурам и международным организациям с позиций абхазского сепаратизма Инал Казан начал выступать с примирительным планом между Тбилиси и Сухумом («Diaspora Peace Plan») и критикой в адрес тогдашнего главы Абхазии Владислава Ардзинбы. Излишняя политическая амбициозность и незнание местных реалий лидера абхазской диаспоры в США привели к политической размолвке между официальным Сухумом и Иналом Казаном: в 1999 г. последний перестал представлять интересы Абхазии в США и ООН.

Проект был заявлен как весьма амбициозный вариант сепаратистского самоутверждения за счет выдвижения внешне привлекательного «механизма региональной интеграции, который способен принести мир и стабильность на Кавказе». Отметим, что, согласно идее «Кавказского общего рынка», нефть Каспия, которая шла по территории Чечни по трубопроводу Баку – Новороссийск, должна помирить Москву и Грозный.

Одним из интересных аспектов пятидневной войны в Южной Осетии в августе 2008 г. стал энерготранзитный вопрос. Этот аспект с первых же дней войны стал предметом ожесточенной пропаганды и информационных усилий воюющих сторон. Грузинская сторона заявила, что Россия как страна-агрессор нанесла воздушно-бомбовый удар по международному нефтепроводу Баку – Тбилиси – Джейхан, в результате чего этот объект разрушен. Москва хладнокровно опровергла эту информацию. Однако гипотеза о трубопроводном содержании пятидневной войны августа 2008 г. стала достаточно популярной. Ведущие мировые и многие национальные СМИ в различных формулировках вынесли следующий вердикт: «Россия и Грузия: снова все о нефти», «Это очередная углеводородная война» [727; 542, с. 40].

Как отметили специалисты из лондонского Центра глобальных энергетических исследований, «война в Грузии породила серьезные сомнения

в надежности этой страны как энергетического коридора, по которому каспийская нефть идет на мировые нефтяные рынки» [702, р. А10].

По ходу развития конфликта появилось множество версий о том, что происходило вокруг трубопровода. Наиболее угрожающее объяснение было связано с терактом, который организовали курдские сепаратисты в Турции. Такая трактовка появилась после того, как 9 августа «Рабочая партия Курдистана» заявила о том, что она берет на себя ответственность за произошедшее [57].

Однако в процессе конфликта и после его завершения появился «абхазский след», который объяснял произошедшее с БТД действиями абхазских диверсантов. Такое объяснение выдвинул экономист Андрей Илларионов, бывший советник Путина, а ныне один из его настойчивых критиков. Данная трактовка была изложена в его докладе «Как готовилась война», опубликованном в «Новой газете» через год после окончания пятидневной войны 2008 г. в Южной Осетии. В качестве причины пожара на нефтепроводе Илларионов назвал абхазскую диверсию. В поддержку своей позиции экономист ссылался на сведения от анонимного источника в разведывательных структурах Абхазии. По словам Илларионова, в этом неназванном источнике говорилось, что «специально подготовленные диверсанты могут подорвать нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан» [236, с. 10–11]. На наш взгляд, тезис весьма спорный. На абхазском варианте не настаивала даже грузинская сторона. Вопрос о причинах пожара на трубопроводе так и остался невыясненным. Рассуждения о терактах и обмен пропагандистскими ударами можно рассматривать как элементы информационной войны в ходе конфликта.

Россия была объявлена главным виновником в остановке работы трубопровода БТД. Обвинения западных и грузинских информагентств не отличались изобретательностью. Одни из них настаивали на том, что Москва собирается осуществлять военный контроль над нефтепроводной системой БТД. Другие обвинения рисовали Россию как агрессора, виновного в развязывании войны и уже этим фактом несущего ответственность за экономический и репутационный ущерб каспийского нефтяного бизнеса [237, с. 4].

Что касается судьбы трубопровода во время конфликта, то оператор проекта «BP-Azerbaijan» опроверг грузинские заявления о ракетных взрывах на инфраструктуре БТД. Тем не менее компания «British Petroleum» на время прекратила перевалку нефти по БТД.

С военно-технической точки зрения, конфликт с Грузией показал хрупкость построенной в предыдущие годы системы каспийско-кавказских и каспийско-ближневосточных нефте- и газопроводов. Это отмечали именитые военные специалисты [206, с. 5].

Существует малоизученный энергетический аспект, связанный с грузино-осетинским конфликтом 2008 г. Речь идет об израильских интересах на Каспии и на Кавказе. Благодаря докладу шведского Института оборонных исследований (FOI) стало известно, что еврейское государство сыграло значительную роль в пятидневной войне в Южной Осетии. Доклад назывался «Кавказская лакмусовая бумага». Он стал достоянием российской общественности после того, как газета «Новые известия» рассказала об этом на своих страницах в статье «Израильский след» [536].

На первый взгляд, израильская активность на Кавказе смотрится довольно странно. Однако, как выясняется, за ней кроются весьма активные энергетические интересы ближневосточного государства. Об этом, в частности, рассказал редактор энергетического приложения российской «Независимой газеты» Олег Никифоров. Журналист ссылается на материал израильской информационно-аналитической структуры «ДЕВКА» от 28 ноября 2008 г. под рубрикой «Еврейское государство находится на стороне Тбилиси в противостоянии с Россией». В публикации приводятся интересные сведения о том, что Израиль начал покупать нефть у Азербайджана до ввода в строй нефтепроводной системы БТД. Выяснилось, что для израильской стороны каспийская нефть необходима не только для собственного потребления. Тель-Авив стремился осуществить реэкспорт азербайджанской нефти через свой порт Эйлат на Красном море и через этот маршрут стать региональным энергетическим игроком на средиземноморско-азиатском рынке нефти. Дело даже дошло до того, что весной 2006 г. Турция

и Израиль объявили о своих намерениях прокладки четырех трубопроводов по дну моря, соединяющих эти две страны. По различным причинам проект не был осуществлен. Однако становится очевидно, что описываемые процессы стали причиной энерготранспортного вовлечения Израиля в каспийско-кавказские дела и военной поддержки Грузии [419, с. 4; 707].

Случай с вовлеченностью Израиля в каспийско-кавказские дела полезен в двух познавательных смыслах. Во-первых, нефтегазовая инфраструктура, выводящая каспийскую нефть на внешние рынки, расширяет ресурсное и коммуникационное значение Каспийского бассейна далеко за пределы традиционного географического понимания Каспия. То есть нефте- и газопроводы привели к стратегическому расширению региона. Во-вторых, сказанное лишний раз актуализирует локальный уровень каспийско-кавказской стратегической географии. Осмысление этих изменений, которые произошли после распада Советского Союза, могут стать перспективными направлениями дальнейших исследований.

Считаем, что появление абхазского и чеченского военно-дипломатических кейсов было продиктовано экономическим упадком и политической дезинтеграцией двух постсоветских стран: России и Грузии в 1990-е гг. Напротив, югоосетинский военно-транспортный демарш протекал в 2000-е гг. в атмосфере грузинской модернизации, с одной стороны, и геополитического подъема России, с другой. Эти растущие силы столкнулись в Южной Осетии, чья политическая элита в лице полномочного представителя в России выступила со своим военно-транспортным аргументом в адрес Грузии.

События в Южной Осетии не были углеводородной войной, хотя энерготранзитный фактор проявился достаточно отчетливо. Специалисты в области мировой безопасности Хэмпширского колледжа Дж. Феффер и М. Клэр сформулировали этот поворот следующим образом: «Если говорить откровенно о пятидневной войне в Грузии, то многие западные комментаторы считают её продолжением старой «холодной войны», которая отнюдь еще не завершилась. В пользу этой точки зрения говорит сам факт активной борьбы, которая

развернулась вокруг ключевых трубопроводов, идущих с берегов Каспийского моря. Нет никаких сомнений в том, что своей военной акцией на Южном Кавказе Россия сигнализирует всем о том, что она является ключевым геополитическим игроком в регионе» [727].

Представляется, что энергетические войны и связанные с ними дипломатические имитации становятся важными составляющими внешней политики непризнанных государств и сепаратистских образований. Они также позволяют говорить о том, что торговые пути при определенных обстоятельствах становятся путями войны.

2.3. От «ресурсного национализма» к «новому энергетическому порядку»: страны Каспийского региона в контексте меняющихся энергетических приоритетов в мире

В данном параграфе исследуется драматическое изменение места и роли стран Каспийского региона в атмосфере стремительного формирования «нового энергетического порядка» в мире. По нашему мнению, во-первых, принципы, методы и технологии низкоуглеродной энергетики, во-вторых, эйфория от перспектив сланцевой революции были положены администрацией США в политику глобального энергетического лидерства, одна из целей которой заключалась в ослаблении традиционных игроков нефтегазового мирового энергетического рынка. Новый энергетический порядок оказал драматическое воздействие на страны Прикаспия, поскольку означал падение спроса на каспийское ископаемое топливо. Международные нефтяные компании потеряли интерес к инвестированию в новые разработки каспийских энергоресурсов. В данном параграфе исследуется влияние этих макроструктурных изменений на страны Каспийского региона, сильно зависимые от каспийских энергоресурсов – Азербайджан, Казахстан и Туркменистан. Мы считаем, что в отсутствие инвестиций со стороны западных нефтяных компаний, а также с учетом потери интереса со стороны США и Евросоюза в развитии каспийских

энергетических проектов страны региона начали искать восточные направления экспорта своих минеральных ресурсов. Этот поиск привел их в Китай. Туркмения стала экспортировать почти весь свой газ в Поднебесную, а в последние годы пытается продвигать новый трубопровод (ТАПИ) для доставки газа в Пакистан и Индию через территорию Афганистана. С приходом китайских инвестиций в энергетический сектор, а также со строительством трубопроводов, соединяющих Казахстан и Туркменистан с Китаем, начался экспорт восточно-каспийских энергоресурсов в Поднебесную.

Азербайджан имеет самую большую долю в Транскаспийском трубопроводе из-за намерений Баку возглавить газовый экспорт на Запад. Страна взяла многомиллиардные кредиты для того, чтобы построить сеть трубопроводов (так называемый «Южный газовый коридор» для доставки газа в Южную Европу через Турцию). Однако нехватка азербайджанского газа долгое время делала этот проект коммерчески невыгодным. Многие обозреватели начали говорить о потенциальной бесперспективности данной идеи. Тем не менее, победоносное завершение Азербайджаном второй карабахской войны совпало с вводом в строй газопроводной трассы и новой страницей в истории постсоветской трансформации Большого Каспия.

События на мировой энергетической сцене, которые произошли после начала пандемии коронавируса, породили сенсационные и алармистские прогнозы. Достаточно привести некоторые из таких высказываний: «Нефть как важнейшая составляющая мировой политики и экономики закончилась», «Нефть рискует превратиться в мертвый актив», «Нефть и газ перестали существовать как политический фактор», «Черное золото» золотом уже не является» [294].

Думается, вряд ли эти высказывания являются справедливыми в полной мере. Однако фактом можно признать то, что в ближайшие годы странам Каспийского региона не стоит надеяться на нефтегазовые доходы уровня 2019 г. Нефть и газ были основой силы и финансового благополучия стран Каспия. Падение цен на углеводородное сырье стало сильным ударом по их экономике. Означает ли это, что начался процесс упадка этих государств как нефтегазовых

игроков Северной Евразии? И в какой степени верно утверждение о том, что коронавирусный фактор изменил энергетический мир и задал новые тренды для энергетической геополитики? Пандемия коронавируса и связанная с ней пауза в мировой экономике вызвала кризис в нефтедобывающих странах и способна серьезно изменить мировую экономику. Однако все ли дело в коронавирусе?

Мы считаем, что пандемия обострила и ускорила те тенденции, которые назревали в последние годы. По причинам, которые будут указаны в дальнейшем анализе, энергетический мир изменился настолько, насколько он был готов к изменениям. Пандемия для энергетической геополитики вовсе не созидатель, задающий новые тренды, а скорее триггер, ускоряющий давно назревшие процессы. Поэтому, чтобы лучше понять текущие изменения, которые, как многим кажется, вызваны коронавирусом, нам необходимо внимательно проанализировать недавние изменения в энергетическом мире.

Что касается постсоветских стран Прикаспия, то нефтяной бум в 2000-е гг. позволил создать финансовую основу для экономического умиротворения населения и политического авторитаризма в Азербайджане, Казахстане и Туркмении. Однако обвал цен на углеводородное сырье в 2014 г. породил проблемы для этой модели сырьевого капитализма.

Произошло изменение мирового энергетического порядка. Развитие новых технологий бурения позволило добывать ранее недоступные запасы ископаемого топлива. Получают распространение и шире используются возобновляемые источники энергии в промышленно развитых странах. Последнее обстоятельство необходимо отметить особо, поскольку оно может оказать непосредственное влияние на страны Каспийского региона. Речь идет о так называемой «зеленой революции» в энергетике и связанном с ней процессе постепенного перевода автопарка ЕС на электродвигатель. Как отмечает директор института прогнозирования конъюнктуры сырьевого рынка Максим Авербух, если в 2019 г. ЕС планировал увеличить количество пунктов заправки электромобилей до 1 млн к 2025 г., то сегодня речь ведется уже о 2 млн. Ведущие страны Евросоюза устанавливают дотации для автовладельцев, покупающих электрокары. К этому

нужно добавить, что власти европейских стран прилагают большие усилия в плане развития возобновляемых источников энергии [40]. Можно с полной уверенностью говорить о наступлении «нового мирового энергетического порядка», в котором снижается роль традиционных производителей нефти, таких как Россия, Иран, Нигерия, Венесуэла и др. в условиях роста производства нетрадиционной энергетики и перехода к низкоуглеродной экономике (LCE) [852, p. 1309–1328]. Сланцевая революция в Северной Америке превратила Соединенные Штаты, прежде чистого импортера энергоносителей, в крупного экспортера нефти и сжиженного природного газа (СПГ) [605]. Данные процессы ведут к пересмотру привычной энергетической карты мира.

Все описанные факторы привели к снижению цен на нефть, которые в 2019 г. составляли около 65 долларов за баррель, что намного ниже своего пикового уровня среднегодового значения, которое колебалось в районе 109 долларов США в 2012 г. В результате экономики нефтезависимых стран, в том числе Прикаспийского региона, страдают из-за потери ресурсной ренты и, следовательно, вынуждены корректировать свои бюджеты. Как отмечает Фарид Гулиев, сотрудник Гессенского университета Юстуса Либига (Гессен, Германия), с момента падения цен на нефть в 2014 г. не наблюдалось крупных энергетических инвестиций в Каспийском регионе, а несколько ведущих международных нефтяных компаний, таких как Statoil, ExxonMobil и Chevron, продали свои доли в крупных азербайджанских энергетических проектах [738, p. 2–7].

В этой ситуации Казахстан и Туркменистан предпринимают попытки переориентировать свои нефтегазовые поставки в индо-китайском и азиатском направлениях, зачастую работая в минус. Аналогичным образом Казахстан начал поставлять свою нефть также в Китай. В самой сложной ситуации изначально оказался Азербайджан, который долго строил дорогостоящую газотранспортную систему «Южный газовый коридор», соединяющую западную часть Каспийского моря с Грецией и Италией. Проект финансировался за счет займов международных кредитных институтов и собственных ресурсов государственного нефтяного фонда Азербайджана. Особая сложность для Азербайджана

заключается в том, что собственные запасы газа в стране относительно скромные для заполнения такой масштабной трубопроводной сети, как «Южный газовый коридор». Только совместно с Туркменией была возможность заполнить его.

До начала сланцевой революции западные нефтяные компании инвестировали в крупные энергетические проекты, а внимание, которое США оказывало этому региону, имело решающее значение для успеха многих проектов. Однако сегодня ситуация совсем другая. Перспективы Транскаспийского газопровода кажутся еще более мрачными, чем прежде. Предыдущая глобальная энергетическая система была отмечена высоким спросом на традиционные источники энергии, и западные страны сильно зависели от импорта из стран Ближнего Востока и Северной Африки, а также из России и Венесуэлы [791].

В течение почти двух десятилетий: с 1994 по 2014-й г. значительные запасы энергоресурсов Каспийского региона приносили прибыль и поставлялись как на Запад, так и на Восток. С начала 2000-х гг. до середины 2014 г. большой спрос на нефть в сочетании с высокими ценами привели к тому, что обе стороны – международные нефтяные компании и новые государства Прикаспийского региона – получили большие выгоды от такой ситуации [862].

Наряду со сланцевой революцией все более отчетливо заявлял о себе фактор СПГ. Одним из ключевых игроков на рынке СПГ наряду с США становится Катар. Если сегодня Катар производит 77 млн т СПГ, то к 2025 г. он планирует увеличить эту цифру до 110 млн т, а к 2027 г. – до 126 млн т. О серьезности намерений этой страны свидетельствует тот факт, что в настоящее время она осуществляет самый крупный проект в строительстве танкеров для перевозки СПГ. Так, власти ближневосточной монархии подписали ряд соглашений с Южной Кореей на строительство более 100 танкеров до 2027 г. Аналогичный контракт был подписан и с Китаем вместе с договорами о поставке в КНР крупных партий СПГ. Параллельно с этим Катар проводит активную газовую политику в Европе. По долгосрочным соглашениям она зарезервировала здесь мощности и инфраструктуру для хранения сжиженного газа [660].

Отметим, что, во-первых, зарубежные корпорации начали постепенно терять интерес к каспийским энергоресурсам. Во-вторых, Каспийский бассейн перестал быть сферой американских национальных интересов, а каспийская нефть перестала иметь большую ценность для правительства США.

Рассмотрим, с какими вызовами столкнулось каждое из государств Каспийского региона в условиях «нового мирового энергетического порядка».

Азербайджан во многом уникален среди всех государств Каспийского региона. Всего одно суперместорождение нефти под названием Азери – Чираг – Гюнешли привело к тому, что Азербайджан стал в 2010-е гг. страной с самым быстрым ростом ВВП среди государств СНГ.

Основы азербайджанского сырьевого экономического чуда заложил Гейдар Алиев. Открытие вышеуказанного нефтяного суперместорождения проходило параллельно с другим ключевым процессом – стабилизацией политической обстановки в стране. Так, весной 1994 г. было заключено перемирие с Арменией и Нагорным Карабахом путем подписания договора о прекращении огня. А уже сентябрь того же года ознаменовался подписанием так называемого «контракта века» азербайджанского правительства с группой крупнейших мировых нефтегазовых корпораций. «Контракт века» предполагал совместное освоение вышеупомянутого месторождения нефти в азербайджанском секторе Каспия – Азери, Чираг и Гюнешли (АЧГ). Все зарубежные участники «контракта века» подписали «Соглашение о разделе продукции (СРП)» с государственной нефтяной компанией Азербайджана (SOCAR). В результате этих действий был образован консорциум «Азербайджанская международная операционная компания» (АМОК). Результатом стремительного освоения этого месторождения стал быстрый рост нефтедобычи уже в первые годы реализации «контракта века». Подлинно триумфальными в плане добычи нефтяного сырья в азербайджанском секторе Каспия стали 2010-е гг. В результате к 2011 г. добыча нефти была доведена до небывалой прежде цифры в 1 млн. баррелей в день. Не менее впечатляющими были достижения в сфере газодобычи. Главным образом потому, что в 2006 г. началась разработка масштабного газового месторождения

Шах-Дениз в сотрудничестве с консорциумом международных нефтегазовых компаний, где первую скрипку играл британский концерн BP [672]. В итоге рост добычи газа оказался не менее впечатляющим, чем рост добычи нефти. Если в 2005 г. объем газодобычи составлял 5,2 млрд куб. м, то уже в 2015 г. Он достигал 18,2 млрд куб. м [696].

Развитие нефтяного сектора базировалось на структурных реформах, и для возрождения добывающей промышленности в 1990-х гг. потребовались значительные иностранные капиталовложения. Азербайджан организовал сбыт продуктов нефтегазового сектора на многочисленные зарубежные рынки – ЕС, Турции, Израиля и др. Страна прошла период большого нефтяного бума в 2004–2010 гг., когда объем добычи был увеличен в 3,4 раза, и вышла на уровень стран с доходами выше среднего по классификации Всемирного банка в 2009 г. В 2010 г. ГНКАР осуществляла поставки сырой нефти и нефтепродуктов на рынки 33 зарубежных стран. В конце 2000-х гг. добывающий сектор обеспечивал более 50% ВВП. В стране наблюдались типичные для ресурсной модели роста бум в сфере инфраструктурного и жилищного строительства, услуг, расширение личного потребления.

Представляет интерес динамика среднегодовых темпов роста ВВП Азербайджана, особенно с учетом того, что в 1990-х гг. эти темпы были отрицательными. Однако уже в 2000-х рост составил 13,6%. К этому нужно добавить то, что в некоторые годы данный показатель был выше 20%. Так, в 2005 г. он достиг 26,4%, а в 2006 г. – уже 34,5%. Это рекордные показатели среди стран СНГ. Прослеживается очевидная корреляция между ростом ВВП и нефтегазовым экспортом республики. Так, среднегодовой критерий роста экспорта в 2000-е гг. был 19%. При этом 94% экспорта Азербайджана состояло из нефти и газа [839].

Становятся очевидными и другие процессы в нефтегазовой сфере Азербайджана. Можно определенно утверждать, бакинские политики явно переоценили значимость дорогостоящих международных инфраструктурных проектов. К ним относятся такие сооружения, как Трансанатолийский газопровод (TANAP) через территорию Турции и Южный газовый коридор (ЮГК).

Под реализацию обоих проектов власти Азербайджана взяли внушительные кредитные заимствования у международных финансовых институтов.

Здесь особо стоит упомянуть амбициозное газопроводное сооружение Южный газовый коридор. ЮГК – сеть трубопроводов, соединяющих западный (азербайджанский) Каспий с адриатическим побережьем Италии – был провозглашен в качестве главного инфраструктурного проекта Азербайджана. Поддержал его и Евросоюз, который был заинтересован в диверсификации своего энергетического импорта. Как отмечает Фарид Гулиев, Южный газовый коридор даже сравнивали с нефтепроводом Баку – Тбилиси – Джейхан (БТД) [738, р. 2–7]. Однако сравнение выглядит крайне неудачным. Южный газовый коридор существенно отличается от БТД несколькими важными признаками. БТД был историей успеха, потому что американские дипломаты агрессивно лоббировали этот проект. К тому же стремительный рост нефтяных цен в 2000-е гг. стал убедительным аргументом для международных нефтяных компаний вкладывать деньги в его строительство [857]. ЮГК не обладает такой политической и дипломатической поддержкой. Всю тяжесть по реализации проекта несет Азербайджан в одиночку, который тратит на его строительство международные кредиты и средства государственного нефтяного фонда. Дипломатическую и политическую поддержку оказывает Турция. В начале 2000-х гг. ЕС и Европейские энергетические компании поддержали амбициозный газовый проект «Набукко», который не был реализован из-за конкуренции внутри ЕС. Азербайджан решил приступить к строительству газопроводной трассы ЮГК самостоятельно в партнерстве со своим стратегическим союзником Турцией. В отличие от Туркменистана и Казахстана, которые обладают значительными энергетическими запасами, нефтяные месторождения Азербайджана близки к истощению. В этой ситуации переход к экспорту природного газа является единственным шансом для развития энергетической отрасли страны в условиях, когда была упущена возможность диверсификации национальной экономики. Для реализации этой задачи Азербайджан стал строить масштабную газопроводную инфраструктуру ЮГК.

Начиная с 2019 г. Азербайджан увеличил экспорт газа со второго этапа развития своего крупнейшего Шах-Денизского газового месторождения. Большая часть экспорта азербайджанского газа в настоящее время идет в Турцию, откуда его планируют транспортировать в Италию через ТАР (Трансадриатический трубопровод)¹. Другой проект, соединяющийся с ТАР в единую систему «Южного газового коридора», – Трансанатолийский газопровод (TANAP) стоимостью в 8 млрд долларов США – был завершен летом 2019 г. Трубопровод имеет мощность 16 млрд куб. м, из которых 10 млрд куб. м предназначено для Европы. По азербайджанским оценкам, прибыль от SGC будет приблизительно 2–3 млрд долларов в год, что совсем немного по сравнению с доходами республики от экспорта нефти², которые составляют 140 млрд долларов. Общая стоимость строительства Южного газового коридора оценивается в 40 млрд долларов. При этом стоимость одного из отрезков этой грандиозной газовой трассы – TANAP – оценивается в 7 млрд долларов США. Этот отрезок и его европейское продолжение ТАР финансируется с помощью многочисленных займов (Европейского инвестиционного банка, Европейского банка реконструкции и развития – EBRD, Мирового банка, Азиатского банка развития – AsianDevelopmentBank и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций – АИВ) [835; 788]. В то время как трубопровод БТД финансировался на 70% через кредиты, он был разработан Баку – Тбилиси – Джейханской трубопроводной компанией (BTC Co.), которая владеет и управляет трубопроводом как крупнейший акционер и оператор. Газопровод TANAP, если судить по структуре акционеров, не имеет такой сильной иностранной инвестиционной поддержки [846]. Первоначально были только два акционера: Азербайджанская государственная нефтяная компания (SOCAR), которой принадлежит 80%, и Турция, которая держала 20%. Примечательно, что в начале своего существования международные нефтяные компании не имели большого интереса

---

¹ Об этом подробнее см.: Azerbaijan's gas exports totalled \$871.6 million in January – May (URL: <http://tiny.cc/o7w1bz>).

²См.: Azerbaijan may earn billions from SGC project annually, February 21, (URL: <http://tiny.cc/06w1bz>).

к TANAP. Только в 2015 г. BP решила приобрести 12-процентную долю в этом проекте. У турецкой компании «BOTAS» 30%, у SOCAR 58% [801; 809]. Принято считать, что азербайджанского газа не хватит, чтобы проект ЮГК стал коммерчески жизнеспособным в долгосрочной перспективе. Запасы газа страны оцениваются в 1,2 трлн куб. м (примерно 1,1% мировых резервов). Без туркменского газа ЮГК не сможет даже восстановить свои строительные и эксплуатационные расходы [738].

Еще одним признаком потери интереса к Южному газовому коридору стало решение нескольких нефтяных компаний оставить проекты в Азербайджане. Норвежский Statoil вышел из проекта газового месторождения Шах Дениз в октябре 2014 г., продав свою 15,5-процентную долю малазийскому «Petronas», хотя сохранил свои 8,65% в «Контракте века». Французская компания «Total» продала свою долю в Шах-Дениз также в 2014 г. [731]. В декабре 2018 г. Exxon Mobil и, по сообщениям, Chevron продавали свои доли в азербайджанском крупнейшем нефтяном месторождении Азери – Чираг – Гюнешли (АЧГ) и трубопроводе БТД. С 1997 г. до конца 2016 г. месторождение АЧГ принесло более 3 миллиардов баррелей нефти [809]. В 2017 г. Азербайджан и BP продлили «контракт века» до 2049 г., в котором государственная нефтяная компания Азербайджана (SOCAR) увеличила свою долю от 11 до 25%. BP и его партнеры договорились выделить миллиарды долларов инвестиций для развития проекта в ближайшие десятилетия [605].

В ресурсном плане сегодня углеводороды обеспечивают львиную долю бюджетных доходов Азербайджана, получаемых от экспорта. Сводный бюджет страны почти на 53% формируется за счет нефти [484].

Параллельно с этим происходило укрепление политического режима президента Ильхама Алиева. В течение последнего десятилетия ему удалось консолидировать личную власть в стране. Досрочные перевыборы на пост президента принесли ему убедительную победу, был сформирован лояльный парламент в результате досрочных выборов. Плюс к этому супруга президента Мехрибан Алиева была назначена первым вице-президентом Азербайджана.

Вопреки многим прогнозам о том, что такая властная конструкция подвержена политическим рискам и потенциальным экономическим катаклизмам, события, связанные со второй карабахской войной осенью 2020 г., показали ее нацеленность на решение фундаментальных вопросов государственного суверенитета и национальной безопасности. Убедительная победа Азербайджана над армией Нагорного Карабаха стала результатом активного строительства современной армии, вооруженной самым передовым оружием. Армейское строительство напрямую определялось развитием нефтегазовой сферы Азербайджана, доходы от развития которой шли на подготовку военного реванша. Эта победа, в конечном счете, привела к новому вовлечению Азербайджана в новые транспортные коридоры, напрямую связывающие страну с Турцией и Средиземноморьем.

Необходимо отметить, что самыми большими запасами нефти на Каспии обладает Казахстан. Общий объем запасов нефти в стране составляет около 30 млрд баррелей, или 1,7% от мировых запасов. По данному показателю Казахстан находится на 12 позиции в мире, уступая странам Ближнего Востока, Латинской Америки, а также России и США. Извлекаемые запасы газа в республике составляют 3,9 трлн куб. м, что соответствует 1,5% от мировых запасов.

Углеводороды транспортируются диверсификационно: в Россию, а также в Китай через нефтепроводный маршрут Атасу – Алашанькоу. Нефть с одного из крупнейших нефтяных месторождений страны (Тенгиз) добывается совместным предприятием «Tengizchevroil», куда входят такие компании, как «Chevron», «ExxonMobil», «КазМунайГаз» и «ЛУКОЙЛ», затем направляется по трубопроводу КТК в российский черноморский порт Новороссийск. Незначительное количество транспортируется танкерами в Республику Азербайджан. Отметим, что большая часть казахстанской транспортной системы связана с Российской Федерацией, Китайской Народной Республикой. Что касается пропускной мощности этого инфраструктурного проекта, то она не отличается большими объемами, составляя на начальном этапе 10 млн. тонн нефти ежегодно.

Хотя нефтепровод построен с перспективой потенциального увеличения его пропускной способности до 25 млн т нефти в год.

Экономика страны сильно зависит от нефти. 2018-й г. стал для казахстанской энергетики рекордным по добыче нефти. Добыча сырья впервые в истории страны достигла 90,36 млн т, что на 4,8% выше, чем в 2017 г. Это стало возможным благодаря росту добычи на месторождениях Тенгиз, Кашаган и Карачаганак. Ключевым сектором экономики страны является нефтяной, на который напрямую приходится примерно 15% ВВП, более половины объема экспорта и более 40% доходов правительства [264]. 44% государственного бюджета Казахстана формирует нефтегазовый сектор. Топливо-энергетический комплекс является одним из ключевых факторов социально-экономического развития Казахстана и интеграции страны в глобальную экономику [35]. Два главных натуральных ресурса страны – нефть и газ – обеспечивают 2/3 притока зарубежной валюты в государственный бюджет Казахстана. Правительство республики строит в этом отношении более амбициозные планы. В частности, объем добычи нефти запланировано повысить с нынешних 89 млн т в 2019 г. до 105 млн т в 2025 г. [263].

Новый энергетический порядок, о котором говорилось выше, делает иностранные инвестиции в добычу нефти непомерно дорогими и рискованными. Резко упавшие доходы от нефти ограничили количество ресурсов, доступных для инвестирования в новые проекты. Отсутствуют также стимулы инвестировать в Транскаспийский трубопровод. Предполагаемый рост добычи нефти с гигантского месторождения Кашаган в 2022 г. может быть направлен в сторону Китая и других азиатских рынков, если европейские рынки будут переполнены нетрадиционными источниками энергии (СПГ и «зеленые» проекты). В 2019 г., например, Казахстан объявил о своих планах направить часть своего европейского экспорта в Китай и увеличить экспорт в Поднебесную до 6–7 млн т, начиная со второй половины 2020 г. [671]. Такая же тенденция наблюдается и в отношении газового экспорта. Экспорт газа в Китай был начат в 2017 г. с 1,1 млрд куб. м. Казахстан планирует отправить 10 млрд куб. м газа в Китай

в 2020 г., что выше нынешнего уровня в 5 млрд куб. м, на основании соглашения между КазТрансГаз и PetroChina International. По состоянию на 2019 г. Казахстан отправил 38,7 млрд куб. м газа по трубопроводу Центральная Азия – Китай, который имеет пропускную способность 55 млрд куб. м [691].

Туркменистан обладает значительными запасами газа, даже по мировым меркам. Объемы запасов туркменского газа официальные туркменские власти оценивают по максимуму – более чем в 50 трлн куб. м. Однако признанная в мире нефтегазовая корпорация «Бритиш Петролеум» оценивает эти запасы скромнее – в 7,6 трлн куб. м. Как бы то ни было, даже последние цифры означают наличие в распоряжении Ашхабада огромных запасов [623]. Считается, что Туркменистан занимает 4-е место в мире по запасам природного газа, 10-е место – по его добыче. Информации о достоверно доказанных запасах газа в республике нет. Ашхабад отказался стать членом такой корпоративной организации, как «Extractive Industries Transparency Initiative (EITI)» – «Инициатива прозрачности добывающих индустрий».

Нефтегазовый кризис 2014 г. пагубно сказался на экономике республики. Одна из причин кризиса была связана с практически стопроцентной ориентацией на Китайскую Народную Республику. В 2016–2017 гг. правительство страны испортило отношения с российским концерном «Газпром» и с Ираном на почве ценовой неуступчивости – оно не захотело снижать цену на поставляемый газ в соответствии с глобальным уменьшением цен на углеводородное сырье. В результате экспорт туркменского газа в направлении Ирана и России прекратился, что немедленно привело к уменьшению добычи газа. Китай снизил цену, которую он был готов платить за туркменский газ, и у Туркмении не было другого выбора, кроме как согласиться. В 2016 г. Туркменистан, ставший заложником своего китайского выбора, поставил 29,4 млрд куб. м газа в Китай, в 2017 г. экспорт газа в Поднебесную вырос до 31,7 млрд куб. м.

До 2009 г. Россия являлась доминирующим партнером Туркменистана, затем наблюдается похолодание в отношениях, и только с 2019 г. Туркменистан возобновил экспорт углеводородов в Россию. Если брать финансово-

экономический аспект туркмено-китайских отношений, то Китай платит Туркменистану 185 долларов за тысячу кубометров газа (всего 5,55 млрд долларов в год) [829]. Тем не менее, не все доходы идут в бюджет Туркменистана. Причина в том, что часть доходов от экспорта газа используется для покрытия миллиардных китайских кредитов, которые, как было уже сказано, страна получила для развития газовых месторождений и строительства газопровода в Китай [605].

Энергетическое одиночество Туркменистана было нарушено приятным, но бесполезным событием. В марте 2019 г. бывший американский президент Дональд Трамп отправил праздничное сообщение президенту Туркменистана, в котором говорилось: «Надеюсь, что Туркменистан сможет воспользоваться новыми возможностями для экспорта газа на Запад в связи с недавно определенным правовым статусом Каспийского моря» [714]. Позже Трамп направил подобное сообщение президенту Азербайджана с указанием поддержки США Южного газового коридора [777]. У США сегодня нет ничего, кроме моральной и риторической поддержки государств Прикаспия, куда в первой половине 1990-х гг. стекались команды западных инвесторов и энергетических лоббистов. В нынешней ситуации Каспий не видит ощутимого инвестиционного вклада Запада в местные проекты.

Для усложнения и защищенности экспортных процессов и в попытках уйти от китайской зависимости Туркменистан стал инициатором создания газопровода ТАРІ, хотя окончание его все равно было рассчитано в Китайской Народной Республике.

Ситуация в республике сложилась тревожная. Она связана с резким падением добычи нефти, сокращением возможностей импорта нефтегазового оборудования и необходимых технологий. В сфере внутреннего потребления сократились возможности импорта продовольствия, что привело к росту социального напряжения в стране. Туркменистан оказался в экономической ловушке. Хотя республика является крупным экспортером природного газа в Китай, тем не менее значительная доля прибыли от продажи газа направляется на погашение ранее полученных кредитов национальной компании «Туркменгаз». Ашхабаду срочно требуется избавиться от монополии одного потребителя – КНР.

Для этого нужно обеспечить дополнительные рынки сбыта местных углеводородов. Перебои в стране с продовольствием и валютной выручкой имеют нефтегазовую подоплеку. Туркменистан – сугубо нефтегазовое государство, экспортная выручка которого почти на 90% состоит из нефти и газа. Нестабильность курса доллара в 2014–2015 гг. обернулась снижением внутреннего валового продукта на 17,75% и продовольственным кризисом в 2015–2016 гг.

Огромные углеводородные запасы так и не смогли превратить Туркменистан в государство материального изобилия или социального обеспечения. Ставка на нефтегазовые ресурсы привела к тому, что в результате резкого уменьшения валютных поступлений в бюджет от продажи газа на внешних (главным образом китайском) рынках правительство республики было вынуждено сократить или ликвидировать социальные дотации государства на такие жизненно важные сферы, как оплата услуг в сфере ЖКХ, дотации на бензин и некоторые виды продовольствия. Началась стремительная девальвация туркменской национальной валюты, что привело к повышению розничных цен на продовольствие и повседневные услуги. Все это не могло остаться незамеченным для иностранных журналистов и аналитиков. Самым громким медийным событием, которое затрагивало проблемы внутренней политики туркменского правительства, стал выход аналитического доклада под названием «Туркмения у порога катастрофы. Экономические проблемы, гиперинфляция и угроза голода». Материал был опубликован одним из английских «мозговых центров» – Институтом внешней политики. В тексте доклада говорится о том, что страна испытывает самый большой экономический кризис со времен разрушения СССР. Этот анализ стал достоянием читающей западной публики, которая узнала, что в Туркмении, которая считается богатой страной Прикаспия в плане обладания газовыми ресурсами, разворачивается подлинная продовольственная и потребительская драма. В частности, в магазинах человек может получить только 5 кг муки. Суточная продажа хлеба ограничивается только двумя буханками на человека [118].

Туркменистан за десять лет поставил в Китай 240 млрд куб. м газа. Подавляющее увеличение экспорта туркменского газа в Китай не возмещает потерю российского и иранского экспортных направлений. Как уже говорилось, большая часть доходов, получаемых Ашхабадом от экспорта газа, тратится на возмещение китайских кредитов. В 2020 г. Туркменистан задолжал Пекину около 13 млрд. долларов США.

Текущая ситуация демонстрирует, что Туркменистан начал осознавать все риски привязки газового экспорта к Китаю. Российское и иранское направления газового экспорта могут стать спасительной альтернативой монополизму Пекина.

Глава 3. Инструментализация ресурсного фактора и формирование моделей внешней политики стран Прикаспия

3.1. Прикаспийский регион в контексте правового статуса Каспийского моря: политический аспект анализа¹

Прикаспийский регион в современной геополитике занимает особое значение. Это было в очередной раз зафиксировано в подписанной 12 августа 2018 г. «Конвенции о правовом статусе Каспийского моря». Можно утверждать, что в ней были отражены современные тренды геополитического и геоэкономического развития и мира, и региона, учтены тренды интеграционного развития на евразийском континенте. Данная «Конвенция о правовом статусе Каспийского моря» инициировала нарастание процессов регионального и трансграничного сотрудничества, в т.ч. по формированию транспортно-коммуникационного каркаса и общего экономического пространства государств Прикаспия. С новым этапом развития интеграционных процессов и реализацией энергетических мегапроектов меняется геополитический статус Прикаспийского (Каспийского) региона.

Как было ранее отмечено, значимость энергетической и геополитической составляющей изучаемого региона связана с его включенностью в нефтяные месторождения как Ирана, так и всего Ближнего Востока. В результате Каспийский бассейн и Персидский залив стали рассматриваться в качестве единой конструкции, а Каспийский бассейн был вписан Западом в свои геополитические мегапроекты [349, с. 39–40].

Актуальность рассматриваемой проблемы объясняется еще и тем, что после 1991 г. Каспий стал территорией геополитического притяжения для внерегиональных акторов. Разнообразие ресурсов, близость к северным

---

¹В основу данного параграфа положены идеи, сформулированные в статье К. Markelov, G. Kosov, A. Magomedov “Caspian Basin in the System of Post-Soviet International Relations: Revaluation of Transport and Communication Factors” [786].

и южным залежам углеводорода и геостратегическим точкам Большой Евразии явились причиной возрастания интереса как государственных, так и внегосударственных акторов. Действительно, по справедливому утверждению К.С. Гаджиева, «после распада СССР Кавказско-Каспийский бассейн, долгое время считавшийся далёкой периферией геополитических интересов ведущих государств мира, чуть ли не в одночасье оказался в центре соперничества различных стран и политических сил» [120, с. 44].

Как уже отмечалось, понятие «мезорегион» является ключевым в диссертационном исследовании. Мы считаем, что «мезорегион» как концепт имеет определенный эвристический потенциал в анализе физикалистских пространств, появившихся в ходе геополитических трансформационных процессов конца XX в.

Отметим, что логика развертывания такой геополитической единицы, как Большой Каспий, была детерминирована следующими процессами. Это, во-первых, дезинтеграция посткоммунистических государственных образований и инверсия политических режимов. Во-вторых, глобализация, которая предопределила основные процессы интеграции на пространстве Большой Евразии.

Эти сформулированные тенденции позволили предположить, что распад СССР явился точкой «нового движения регионов» и оформления принципиально иной геополитической конфигурации на пространстве Каспия вообще и Северной Евразии в частности.

Концепт «мезоареал» в исследуемом случае является методологическим инструментом, который позволяет работать в ситуации таких противоположных трендов, как глобализация и антиинтеграция. Что дает исследователям использование данного методологического инструментария, так это возможность посредством пространственных сравнений выявлять и учитывать особенности региона. Наряду с этим у авторов появляется возможность уйти от узкого межгосударственного подхода в анализе международной ситуации. Все это позволило высказать мысль об исследовательском потенциале концепта

«мезорегион». Акцентируем внимание на том, «мезорегион» как концепт встроен в авторскую многоуровневую методологию изучения Каспийского региона.

Определим факторы, которые необходимо учитывать в первую очередь на каждом из выделенных нами уровней. На глобальном (мега-) уровне – это геополитические устремления основных сверхдержав. На национальном уровне – это национальные интересы ведущих стран СНГ. Средний (мезо-) уровень связан с региональными интересами государств Прикаспия, возникающих и исчезающих региональных объединений. Локальный уровень анализа связан с учетом политического эгоизма элит приграничных территорий.

По нашему мнению, фундаментальная проблема Каспийского региона состоит не столько в наличии углеводородов и иных ресурсов, сколько в их транспортировке за пределы региона. Именно эта позиция и втянула регион в новую «Большую игру». Отметим, что транспортные коридоры и коммуникации позволяют, во-первых, осваивать пространство, во-вторых, выступать и фактором, и условием геополитического механизма метавласти [303, с. 86–99].

Подчеркнем, что новая «Большая игра», в отличие от классической, которая имела двух игроков – Россию и Британию, происходит в ситуации отсутствия чётких правил самой игры и участия в ней игроков разного уровня: глобальных, региональных, национальных, наднациональных, негосударственных акторов, государств с устоявшимся суверенитетом и только что оформившихся государственных объединений.

Отличие новой игры от старой заключается в том, что главный источник, вокруг которого протекает борьба, – это углеводороды, находящиеся внутри самого Каспийского региона. Считаем, что в этой игре выиграет тот, кто построит и обеспечит контроль над трубопроводной и иной инфраструктурой, заточенной на транзит углеводородов. Правильнее было бы говорить: кто контролирует транспортные коридоры в Большом Каспии, тот контролирует Большую Евразию.

Отметим, что Каспийский регион – это не только «энергетическая кладовая» XXI в., но и сокровищница редких металлов и иных природных ресурсов. Хотя сводить значение Каспия только к ресурсному потенциалу

представляется неверным. Так, Каспийский регион трансформируется из периферии Евразии в быстроразвивающийся геостратегический регион. В начале 90-х гг. XX века, в период геополитического ослабления России, Каспийский регион ненадолго выпал из-под российского влияния, что привело к обострению борьбы глобальных и региональных держав за контроль над ним.

Мы согласны с рядом авторов в том, что Каспий не альтернатива, а именно дополнение углеводородам Персидского (Арабского) залива [690].

Выделим основные факты и тенденции, позволяющие говорить о Каспийском регионе как о важной военно-транспортной и геополитической территории.

1. Историческая предопределенность данной территории как транзитной для переселения народов и торговых путей.

2. Отголоски «Большой игры» между Российской и Британской империями.

3. Историческое противостояние западных держав и банковских домов по поводу транспортной логистики в Закавказье.

4. Вхождение Каспия и Южного Кавказа в противоборство между ведущими странами в период второй мировой войны и оставшиеся нерешенные проблемы и противоречия после ее окончания.

5. Предопределённость современного развития данного региона именно транспортными коридорами и трубопроводными маршрутами.

Итак, становится очевидно, что ключевой характеристикой постсоветской каспийской трансформации, меняющей облик и геополитическую ценность самого региона, становится транспортный и энергокоммуникационный фактор. Используемые в работе концепт «мезорегион» и многоуровневый подход способны перестроить само проблемное поле постсоветской политики, что позволяет приблизиться к лучшему пониманию международного контекста, в рамках которого идет развитие Каспия как отдельного ареала с глобальным энергетическим и транспортным значением.

Исследуемые в данном параграфе вопросы следует рассматривать с учетом проблем, связанных со статусом Каспийского моря¹. Отметим, что Гюлистанский договор как «трактат вечного мира и дружбы, заключенный между Империей Всероссийскою и Персидским Государством» [7], в контексте «Конвенции о правовом статусе Каспийского моря» имел историческое значение. В нем говорилось о свободном плавании российских и персидских купеческих кораблей, возможности причаливать к берегу и помощи при кораблекрушении. Кроме этого, в нем фиксировались положения о военных судах: «то, как прежде войны, так равно во время мира и всегда Российский военный флаг один существовал на Каспийском море; то в сем уважении и теперь предоставляется ему одному прежнее право с тем, что кроме Российской Державы, никакая другая Держава не может иметь на Каспийском море военного флага». Наряду с этим фиксировалась свобода торговых отношений между Россией и Персией. Отмечалось, что «позволено будет ездить сухим путем и морем свободно в оба Высокодоговоривающиеся Государства, жить в оных сколько кто пожелает, и купечество отправлять, также и обратный выезд иметь без всякого задержания», кроме того «свободно будет ездить оттуда с товарами в другие Государства» [370].

В Гюлистанском договоре мы видим практически признание Каспийского моря в качестве внутреннего российского моря, «в котором Персия имеет право на торговое судоходство» [116].

По своей сути анализируемый договор был не чем иным, как договором о коллективной безопасности, по которому исключительно Россия имела военный флот на Каспии.

Революция 1917 г. и действия большевистского правительства привели к отказу Советской России от единоличного военного присутствия на Каспии [511] и к попыткам создания новых форматов и тональности во взаимоотношениях в регионе.

---

¹Автором использован материал научной статьи: Маркелов К. А., Головин В. Г., Усманов Р. Х. Изменение правового статуса Каспийского моря в условиях геополитической и экономической интеграции региона [370].

Соглашение от 26.02.1921 г. между РСФСР и Персией оформило новый этап отношений в экономической сфере между государствами и повлияло на дальнейшую трансформацию статуса Каспийского моря. Так, «Российское Советское Правительство объявляет все трактаты, договоры, конвенции и соглашения, заключенные бывшим царским правительством с Персией и приводившие к умалению прав персидского народа, отмененными и потерявшими всяческую силу».

Кроме этого, подчёркивалось стремление к «признанию и соблюдению границы между Персией и Россией в том виде и начертании, как она была установлена Разграничительной Комиссией 1881 года». Советская Россия и Персия договаривались о следующем: «1) не допускать на своей территории образования или пребывания организаций или групп... или отдельных лиц, ставящих своей целью борьбу против Персии и России, а также против союзных с последней государств, равным образом не допускать на своей территории вербовку или мобилизацию личного состава в ряды армии или вооруженных сил таковых организаций; 2) воспретить тем государствам или организациям..., которые ставят своей целью борьбу с другой Высокой Договаривающейся Стороной, ввозить на территорию каждой из Высоких Договаривающихся Сторон или провозить через таковую все, что может быть использовано против другой Высокой Договаривающейся Стороны; 3) не допускать всеми доступными им способами пребывания на их территории войск или вооруженных сил какого-либо третьего государства, пребывание которых создавало бы угрозу границам, интересам или безопасности другой Высокой Договаривающейся Стороны» [370].

Более того, было согласовано, что «в случае, если со стороны третьих стран будут иметь место попытки путем вооруженного вмешательства осуществлять на территории Персии захватную политику или превращать территорию Персии в базу для военных выступлений против России... Российское Советское Правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы, в интересах самообороны, принять необходимые военные меры». Данный

договор предусматривал, что страны «будут в равной степени пользоваться правом свободного плавания по Каспийскому морю под своим флагом» [370].

Можно констатировать, что данный договор заложил принципиально иную модель российско-персидских отношений, основанную на идее равноправного сотрудничества.

Отметим, что последующие договоры (1931 и 1935 гг.) в основном уточняли названия государств.

В 1935 г. в одностороннем порядке Советская Россия прочертила морскую границу по линии Гасан – Кулу (Туркменская ССР) – Астарачай (Азербайджанская ССР) [116].

Принципиальными моментами Договоров между СССР и Ираном (1935 и 1940 гг.) были подтверждение статуса Каспийского моря как внутреннего [8; 9, с. 56–77], введение режима наибольшего благоприятствования в торговле и возможности транзита товаров третьих стран через свои территории, за исключением военных товаров. В очередной раз закреплялась идея свободного судоходства для торговых судов.

Двусторонние договоры 1921, 1935, 1940 гг., во-первых, способствовали развитию международного сотрудничества в Каспийском регионе, во-вторых, поддержанию безопасности в этом регионе. По мнению К.А. Тюренковой, в договорах закрепились «основные положения правового статуса Каспийского моря: 1) полное и исключительное право прибрежных государств на использование водного пространства и всех ресурсов как общего достояния; 2) исключение, кроме некоторых случаев, участия неприбрежных государств в использовании водного пространства и ресурсов Каспийского моря». Но при этом отметим, что «Каспий ни в качестве моря, ни в качестве озера» [579, с. 381–384] в договорах не рассматривался. В.В. Котилко в своих работах доказывает, что в них «подтверждался статус Каспия как закрытого водоема, а СССР и Иран пользовались исключительными правами на осуществление деятельности

в Каспийском море: на судоходство, рыболовство, освоение минеральных ресурсов, ведение морских научных исследований и т.д.» [308, с. 19–33].

3. Габиева обосновывает мысль о том, что Советская Россия «отказалась от монопольных прав на Каспий и бессрочные советско-иранские договоры определили равные и исключительные права на осуществление морской деятельности в Каспийском море двух прикаспийских государств – СССР и Ирана. Однако в них отсутствовали четкие положения о разграничении Каспийского моря, что создавало трудности в охране границы» [116]. Вследствие этого «после прекращения действия договора 1922 г. об образовании СССР вновь образованные независимые государства – Азербайджан, Казахстан и Туркменистан – стали действовать так, будто у Каспийского моря международно-правового статуса никогда и не было» [424, с. 76–81].

Как нами было доказано ранее, с конца XX в. происходят динамические изменения в геополитическом раскладе сил, в том числе и в Каспийском регионе, ставшем «мировым геополитическим объектом, вокруг которого развернулась дипломатическая борьба ведущих мировых держав за обладание природными ресурсами и контролем транспортных маршрутов» [377, с. 89].

В возникших геополитических реалиях сохранение, поддержание, трансформация безопасности в регионе связаны с формированием особого международного политико-правового статуса Каспийского моря, который бы транслировал вовне всем заинтересованным игрокам как регионального, так и надрегионального уровней идею суверенности региона. Это возможно было сделать только в ситуации нераспространения норм международного морского права на Каспий. Так, в статье 122 Конвенции ООН по морскому праву сформулировано понимание того, что есть замкнутое или полузамкнутое море. Под ним понимается «залив, бассейн или море, окруженное двумя или более государствами и сообщающееся с другим морем или океаном через узкий проход, или состоящее полностью или главным образом из территориальных морей

и исключительных экономических зон двух или более прибрежных государств» [424, с. 76–81].

Данный подход необоснованно объединил два разнонаправленных понятия (замкнутое море и полузамкнутое море) [370]. Кроме того, нами было указано, что «несовершенство норм международного морского права позволило обосновать прикаспийским государствам целесообразность рассматривать Каспий как внутриконтинентальный водоем, который в полной мере отвечает указанным критериям замкнутого моря» [370]. Это в конечном итоге привело к тому, что 12 августа 2018 г. была подписана Конвенция о правовом статусе Каспийского моря [377, с. 88–93].

В статье «Изменение правового статуса Каспийского моря в условиях геополитической и экономической интеграции региона» мы с коллегами подчеркивали, что «в Конвенции о правовом статусе Каспийского моря «Каспийское море» рассматривается как водоем, окруженный сухопутными территориями сторон (статья 1). Однако такое толкование представляется некорректным. С одной стороны, Конвенция подчеркивает, что речь идет о море, а с другой, о внутриконтинентальном водоеме» [370].

Анализ акватории Каспийского моря (авторская схема представлена в приложении 1) позволил нам сделать вывод о том, что всеми прибрежными странами она «разграничивается на внутренние воды, территориальные воды, государственную границу, рыболовные зоны и общее водное пространство моря» [370].

В связи с этим нам с коллегами представляется целесообразным рассматривать правовой статус Каспийского моря как минимум в двух проекциях [370]: суверенные и исключительные права, осуществляемые в отношении:

- использования дна, недр, природных и иных ресурсов в пределах территориальных вод Каспийского моря;
- рыболовной деятельности, как в пределах рыболовной зоны, так и в общем водном пространстве Каспийского моря.

Отметим, что статус Каспийского моря является тем основанием, на котором базируется суверенитет прибрежных государств, и именно он разграничивает такие существенные сферы, как «режим судоходства; порядок использования биоресурсов (в первую очередь рыбных); порядок эксплуатации ресурсов; порядок защиты экосистемы» [93, с. 74–84; 370].

В Конвенции о правовом статусе Каспийского моря от 12.08.2018 г. сформулированы суверенные и исключительные права, присущие всем государствам Прикаспия. Ее анализ позволил нам с коллегами выделить следующие приоритетные компетенции: «обеспечение коллективной безопасности; осуществление хозяйственной деятельности в Каспийском море; суверенитет государств, в том числе в области рыболовства; свобода мореплавания; свобода прохода через территориальные воды; юрисдикция государств; обеспечение суверенитета государств; прокладка подводных кабелей и трубопроводов; защита и сохранность экологической системы Каспийского моря; взаимодействие и сотрудничество государств» [370]. В приложении 2 мы сгруппировали и классифицировали содержание этих компетенций по степени интересов (заинтересованности) сторон: все стороны, двусторонние, национальные. Представленный анализ позволил увидеть ряд на данный момент неурегулированных вопросов и определить задачи, над которыми необходимо работать в дальнейшем.

Так, например, позиция Конвенции о правовом статусе Каспийского моря о пятистороннем соглашении о сотрудничестве в сфере морского транспорта на Каспии оставляет открытыми вопросы свободного мореплавания, выхода к другим морям, транзита. Для стран Каспийского региона основной страной транзитом будет являться Российская Федерация. Именно в этом контексте стоит рассматривать Указ Президента России от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», в котором речь идет о ТК «Запад – Восток» и «Север – Юг». Эти транспортные коридоры задействуют технологическую

и транспортную инфраструктуру рек Волги и Дона. Но это затрагивает вопрос безопасности судоходства по внутренним рекам РФ. Кроме этого, реализация ТК «Запад – Восток» и «Север – Юг» (в том числе прокладка по дну Каспийского моря трубопроводов) связана с потенциальными рисками в экологической сфере, что требует отдельного регламентирования вне анализируемой Конвенции.

Отметим, что геополитическое противодействие глобальных акторов объединительному процессу привело к тому, что уже до подписания Конвенции ряд стран предпринял некоторые шаги, которые в дальнейшем затруднят формирование единого регионального экономического пространства. Речь, в частности, идет об азербайджанском проекте «Южный газовый коридор»¹.

При всем этом данная Конвенция имеет большое значение, так как в отличие от четырех предыдущих она имеет обязательный для исполнения международно-правовой характер. На наш взгляд, «Прикаспийский регион будет постепенно переходить от некоторой разрозненности его субъектов в определенный наднациональный орган или союз с общими нормами, принципами, правилами, т.е. действительно Конвенция – это, по сути, конституция Каспийского моря. Это даст, в свою очередь, возможность более эффективно и цивилизованно взаимодействовать между собой и избегать острых противоречий, конфликтов и разногласий между субъектами Каспийского региона. Это возможность создавать новые формы взаимоотношений и выработать стратегию единой позиции в условиях экономического и политического противостояния в непростых конкурентных отношениях ресурсной политики, санкционных войн, терроризма и т.д.» [370]. Этому будет способствовать и то, что в данном регионе формируется специфическая модель цивилизованного дипломатического диалога и сотрудничества, суть которой мы с коллегами выразили следующим образом: «До сегодняшнего дня, несмотря на все существующие мировые риски, Каспийский регион демонстрировал

---

¹ Более подробно это проанализировано в статье: Маркелов К. А., Головин В. Г., Усманов Р. Х. Изменение правового статуса Каспийского моря в условиях геополитической и экономической интеграции региона [370].

пример мирного сосуществования и даже диалога цивилизаций в лице российско-азиатского пограничья. До настоящего времени у стран, входящих в этот геополитический регион, не было серьёзных конфликтов по отношению друг к другу. Все (или практически все) конфликты, как правило, приходили сюда извне» [370].

Мы согласимся с Р.Х. Усмановым в том, что «само присутствие России в Каспийском регионе является залогом суверенитета расположенных здесь государств. Только в союзе с Россией государства этого региона могут рассчитывать на свою геополитическую самодостаточность, ибо в отличие от США, Россия никогда не рассматривала их в качестве объектов, а всегда относилась к ним не иначе, как к равноправным субъектам международных отношений» [583, с. 13–26].

Степень интеграции и роль региона на международной арене, по нашему мнению, в будущем окажутся связанными с ростом экономического потенциала не только входящих в регион стран, но всего Каспийского региона в целом; формированием и оптимизацией транспортно-логистической структуры и встраиванием ее в глобальные проекты или же встраиванием глобальных проектов в региональные транспортно-логистические структуры; более активным позиционированием стран Прикаспия на международной арене; выстраиванием деловых отношений с соседними странами и регионами, на территории которых разворачиваются конфликты и споры; с нахождением точек соприкосновения и сотрудничества с глобальными заинтересованными сторонами как государственного уровня, так и акторами вне суверенитета; со степенью развития межгосударственных отношений в социальной и культурной сферах межгосударственного взаимодействия, в образовательной, информационной и научной сферах.

3.2. Транспортные узлы на Каспии и кластерная экономика как геоэкономические инструменты прикаспийской интеграции

Конвенция о правовом статусе Каспийского моря [15], определив приоритеты сотрудничества в различных сферах деятельности стран, призвана обеспечить сохранение единства Каспия и устойчивое развитие региона. Важнейший ее принцип – использование Каспийского моря в мирных целях, превращение его в зону мира, добрососедства, дружбы и сотрудничества – фактически уже заложил основы нового мирохозяйственного уклада¹.

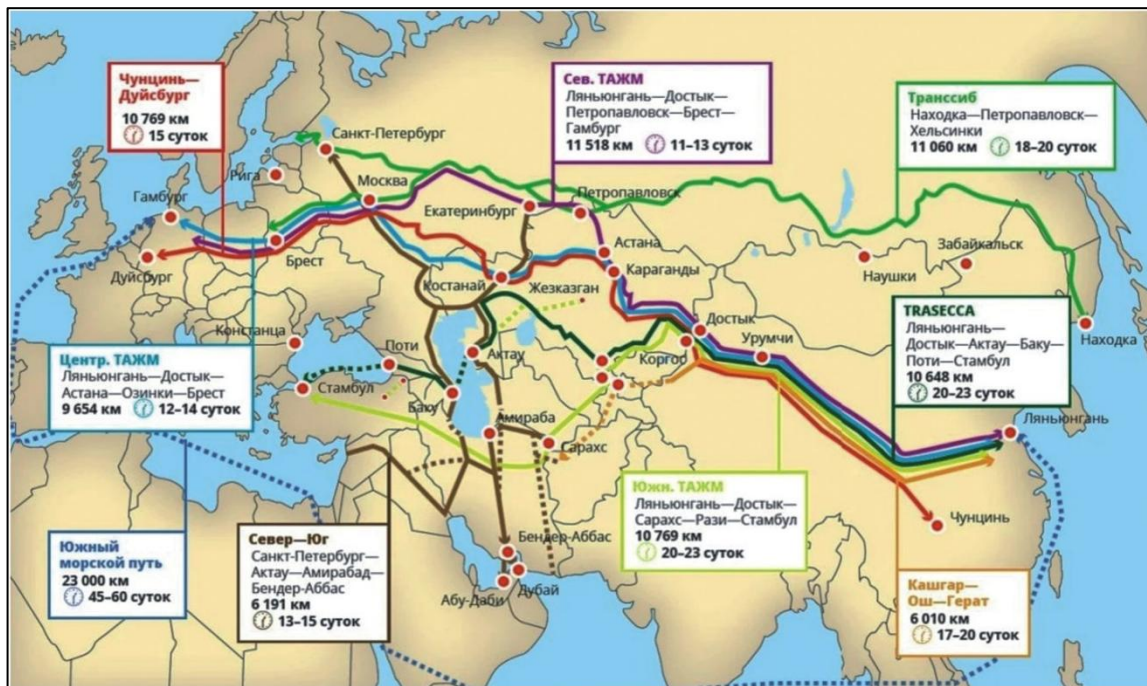
Однако до настоящего времени геополитическое значение Каспийского региона обосновывалось известными факторами: природно-ресурсным (энергетическим) и транспортно-логистическим (коммуникационным) потенциалом. При этом регион оставался недооцененным в контексте пространственного развития современных мирохозяйственных связей (роль, место, значение, тренды и др. факторы и условия, включая идентичность).

Предложенная матрица и статус государств в основных международных организациях, формирующих пространство Большого Каспия (см.: таблица 2), свидетельствует о возможности создания многовекторного и разнонаправленного пространства дальнейшего развития международного сотрудничества в рамках «Большого Каспия». Поэтому не случайно в сознании западных экспертов стало формироваться понятие «Большой Каспийский регион» и его аналогов (Большой Кавказ, Большая Центральная Азия, Большой Черноморский регион) как идеологические проекты.

Место и роль Каспийского региона в системе международных транспортных коммуникаций, представленные на рисунке 6, свидетельствуют о его геополитической значимости.

---

¹В данном параграфе использован материал, представленный в научной статье: Маркелов К.А. Большой Каспий в системе нового мирохозяйственного уклада [367].

Рисунок 6. Каспийский регион в системе международных транспортных коммуникаций

(источник: <https://bluher-vasilii.livejournal.com/7869.html>)

В основу наших исследований положено пространственное развитие Большого Каспия в системе координат «Восток – Запад» и «Север – Юг», охватывающих страны Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии.

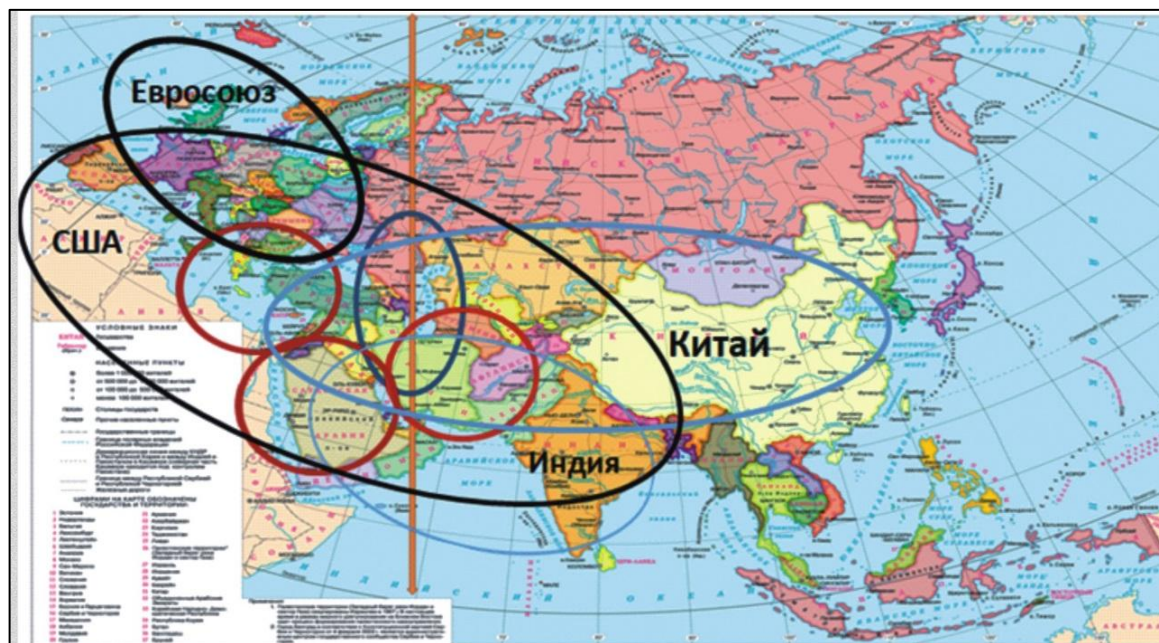
Особое место занимает Каспий как осевой регион Евразии (рисунок 7), который формирует вокруг себя особую политико-экономическую систему, способную стать ведущим субъектом геополитических отношений всего пространства Евразии (см. рисунок 1, таблицу 2).

Геополитические контуры Евразии определяются геостратегиями США, России и Китая. Поэтому Россия должна в новой системе глобальных международных отношений занять лидирующие позиции, гарантируя странам этого региона свои стандарты безопасности и интеграции.

Согласно научным исследованиям, «новый, интегральный, мирохозяйственный уклад отличается от предыдущего признанием национального суверенитета в области регулирования экономики, с одной стороны, и жестким соблюдением международного права, с другой стороны.

Составляющие его институты ориентированы на гармонизацию экономических отношений и реализуют идеологию устойчивого развития» [135] общественного благосостояния в интересах всего человечества.

Рисунок 7. Каспий как осевой регион Евразии

(источник: авторский)

Характерной особенностью новых экономик является общественное признание и эффективное использование несомненных достижений предыдущих периодов, которые гибко трансформировались в развитие современных национальных экономик: признание необходимости государственной социальной политики; рыночные принципы хозяйствования; приоритет общественных отношений над частными интересами; долгосрочное (стратегическое) планирование; государственно-частное партнёрство и др. [367]

Указанные понятия (Большой Каспий и новый мирохозяйственный уклад) можно рассматривать как некоторое своеобразное историческое пространство, на котором осуществляется их сопряжение [367]:

1. Все государства постсоветского пространства (Южного Кавказа и Центральной Азии) так или иначе осуществляли рыночные преобразования

на базе прошлой социалистической идеологии, которая понятна и в целом поддерживается гражданами этих стран.

2. Новые экономики мира, в первую очередь Китай и Индия, формируют базовые принципы своего развития, также основываясь на опыте российских достижений прошлых лет, благодаря которым достигнут экономический прогресс.

Таким образом, прошлая и нарождающаяся идеология социального партнерства значительного количества государств на новом геополитическом и экономическом пространстве Большого Каспия позволяет вести речь:

- о процессе формирования определенной геополитической идентичности;
- о переходе к новому евразийскому интегральному мирохозяйственному укладу (строю) ведущих центров мировой экономики (Китай и Индия) на пространстве Большого Каспия;
- о новом месте и роли России на данном геополитическом и экономическом пространстве.

В контексте данных положений рассмотрим основные формы развития интегральных мирохозяйственных связей на пространстве Большого Каспия (Китай, Индия, Иран и Россия), которые определяются их геостратегическими и экономическими интересами.

Основа новых мирохозяйственных связей находится в плоскости «стратегического треугольника» Россия – Индия – Китай (РИК), идея которого предложена Е.М. Примаковым (1998 г.) в формате партнерства трех стран, обеспечения стабильности в мире и регионе. В данном контексте РИК можно признать и Евразийским (и Каспийским) треугольником. Планы основных инфраструктурных транспортных проектов Евразии представлены на рисунке 8.

Рисунок 8. Схема пространства Россия – Индия – Китай

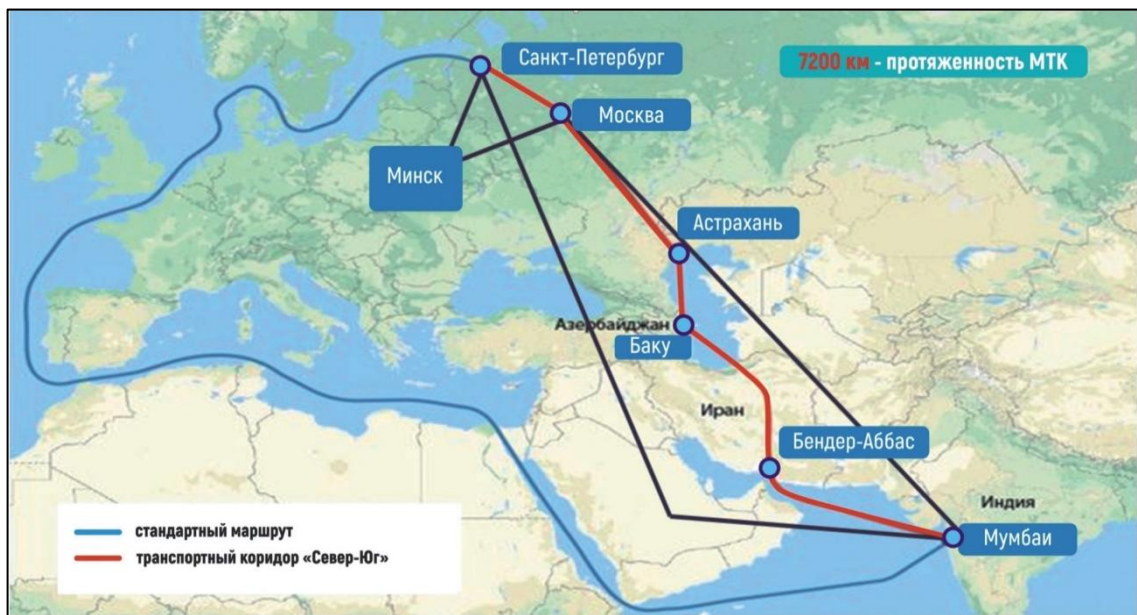
(источник: авторский с использованием данных <http://eurasian-strategies.com/wp-content/uploads/2018/04/%D0%B5%D0%B2%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D1%8F1-iloveimg-resized.png>)

Однако данный геополитический ландшафт Евразии при всех его стратегических выгодах (экономических, торговых, военно-политических) также характеризуется военно-политическими вызовами и угрозами (например, неурегулированность отношений в треугольнике Китай – Индия – Пакистан). Поэтому географическое пространство Китая и Индии формирует особые геостратегические интересы этих стран.

Так, китайский международный мегапроект «Один пояс – один путь» предусматривает создание транспортных маршрутов «Экономический пояс Шелкового пути», «Морской Шелковый путь XXI века» и «Ледовый Шелковый путь», позволяет существенно диверсифицировать торгово-экономическое пространство КНР. При этом особым приоритетом являются евразийские сухопутные маршруты через Россию и страны Центральной Азии. В частности, проект Экономический пояс Шелкового пути предусматривает строительство двух из трех транзитных коридоров между Китаем и Европой, проходящих (1) через Казахстан; (2) через Казахстан и Иран. В результате формируются

не разрозненные транзитные коридоры, а международный транспортный каркас «Восток – Запад», способный занять доминирующее положение на экономическом и геополитическом пространстве Большого Каспия.

С другой стороны, Индия, имеющая сухопутные пространственные ограничения, развивает свои приоритеты глобального игрока в Индо-Тихоокеанском регионе. Соответственно обоснован высокий индийский интерес к развитию международного транспортного коридора «Север – Юг» (рисунок 9).

Рисунок 9. Схема пространства Россия – Иран – Индия

(источник: авторский с использованием данных <http://newcaucasus.com/economy/19657-transportnyj-koridor-sever-yug-perspektivy-i-ozhidaniya.html>)

Значимость и возможности МТК «Север – Юг» состоят [367]:

1) в развитии трансграничного товарооборота через важнейшие торговые порты стран Европы, Санкт-Петербурга, Астрахани, Энзели, Бендер-Аббаса, Мумбаи;

2) для России – в комплексном развитии и модернизации инфраструктуры и пространственной стратегии развития европейской части России;

3) во взаимодействии МТК «Север – Юг» с Северным морским путем и транспортным коридором «Запад – Восток», что формирует единый

международный транспортный каркас пространственного инфраструктурного развития Евразии.

Результатом реализации данного проекта выступает пространственное сопряжение стран Россия – Иран – Индия как восточного Каспийского треугольника. Значимость данного сотрудничества определяется традиционно развивающимися торгово-экономическими отношениями, а также совместной реализацией проекта (дальнейшее развитие МТК «Север – Юг» до Мумбаи), расширяющего доступность Индии к международным транспортным коммуникациям и углеводородным ресурсам.

Сирийские события (начиная с 30.09.2015 г. по настоящее время) способствовали созданию наиболее действенной военно-политической коалиции государств (Россия – Иран – Турция), которая фактически трансформируется в юго-западный Каспийский треугольник – зону коллективной безопасности на юге Прикаспийского пространства (рисунок 10).

Рисунок 10. Схема пространства Россия – Иран – Турция

(источник: авторский)

В зонах Больших Каспийских треугольников, которые могут быть представлены и иными конфигурациями, сосредоточены многочисленные

локальные пространства (малые треугольники) с «тлеющими» конфликтами (Армения – Азербайджан), а также ряд имеющихся противоречий между южными государствами региона (Туркменистан – Иран; Азербайджан – Туркменистан) и др.

Юго-западный Каспийский треугольник (Россия – Иран – Турция) вовлечен в орбиту динамично меняющегося пространственного сопряжения различных сил международного влияния. Особые военно-политические вызовы и угрозы представляют США и страны, входящие в ее коалицию. Поэтому основным фактором стабильности в южном ареале Каспийского пространства является Российская Федерация, которая совместно с Ираном находится под жесткими экономическими санкциями США (РФ также находится и под западными санкциями).

Указанный треугольник охватывает наиболее «взрывоопасные регионы» мира: Каспийский и Черноморский бассейны – Средиземноморье – Персидский залив – Аравийское море (рисунок 11).

Рисунок 11. Схема основных внешних вызовов и угроз в Каспийском регионе (источник: авторский)

Таким образом, расширяющееся пространство Россия – Индия – Китай (РИК) позволяет вести речь о новом геополитическом и экономическом

пространстве «Большой Каспий» как современном векторе трансформационных преобразований, формирующем новый (прогрессивный) мирохозяйственный уклад, укрепляющий геополитический пояс мирового влияния [367].

В рамках пространственного треугольника РИК и на пространстве Большого Каспия Россия выступает глобальным субъектом международных отношений, консолидирующим современные мирохозяйственные связи ведущих экономик мира, а также гарантом и своеобразным «зонтиком» безопасности на данном геополитическом и экономическом пространстве.

Представляется, что, соответствуя данному положению, статус России может определяться сохранением и выстраиванием своих мирохозяйственных связей на равноправных партнерских отношениях, сопряжением национальных экономик и геостратегических проектов, развитием двухсторонних партнерских преимуществ.

Указанные положения позволяют определять Евразию с центром в Каспийском регионе как современный эпицентр мировых трансформационных преобразований.

В данных условиях «Большой Каспий» можно представить как «центр пересечения и сопряжения миров» – «Востока и Запада», «Севера и Юга». Это формирующееся геополитическое пространство, притягивающее ведущих мировых игроков, в ареале которого осуществляется «разлом» существующего мирохозяйственного уклада и формирование нового многополярного мироустройства, в котором заинтересованы все страны Большого Каспийского региона [367].

Изменяющийся геополитический расклад в мире на основе формирования «многомерных пространств» – треугольников, как наиболее устойчивых политико-экономических международных конструкций (образований), представляет собой новые пространственные реалии геополитического измерения многополярного мироустройства в системе мировых координат и возрастающего их влияния на Евразийском пространстве, «осевую зону» которого занимает Большой Каспий.

Отметим, что российские морские порты Каспийского бассейна представляют системообразующую инфраструктуру пространственно-экономического развития региона¹. Статистический анализ проводился на основе использования данных Федеральной службы государственной статистики РФ, результатов авторских научных исследований, нормативных источников с применением элементов системного подхода и использованием комплекса методов анализа и синтеза, монографического, экономико-статистического, балансового и иных способов.

Для Каспийского региона основной страной транзита будет выступать Российская Федерация, поэтому стратегии развития внутреннего водного транспорта Российской Федерации и российских морских портов в Каспийском бассейне [29] совместно с подписанной Конвенцией о правовом статусе Каспийского моря формируют новое международное геоэкономическое пространство на Юге России.

Основные параметры стратегии развития российских морских портов в Каспийском бассейне до 2030 г. предусматривают широкий круг поставленных задач, направлений и механизмов международного сотрудничества, включая активизацию деятельности по транспортному коридору «Север – Юг».

В связи с прогнозируемым нарастанием объемов грузопотоков и реализацией комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры России Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» предусмотрено развитие транспортных коридоров «Север – Юг» и «Запад – Восток» для перевозки грузов за счёт увеличения мощностей морских портов, включая порты Волго-Каспийского и Азово-Черноморского бассейнов.

На V Каспийском саммите глав прикаспийских государств Президент Российской Федерации Владимир Путин анонсировал строительство к 2025 г. глубоководного порта в районе города Каспийск в Дагестане, который будет

---

¹ Здесь и далее использовано [363].

способен принимать большегрузные суда с полезной нагрузкой от 15 до 25 тыс. т и повысить конкурентоспособность грузовых и пассажирских перевозок, интегрировать российские портовые мощности в глобальные и евразийские транспортно-логистические цепочки, кратно увеличить объемы обрабатываемых грузов [3].

Указанные обстоятельства обосновывают необходимость комплексного исследования состояния и перспектив развития российского транспортного узла Каспийского бассейна, а также макроэкономической инфраструктуры, обеспечивающей его функционирование (портовое хозяйство, судоходные каналы, судостроительная, рыбохозяйственная и иные отрасли, железнодорожный и автомобильный транспорт, кадровое и научное обеспечение).

Российский транспортный узел Каспийского бассейна представлен обширной структурой, включающей портовое хозяйство трех морских портов: Астрахань, Оля и Махачкала.

Совокупность основных производственных показателей свидетельствует, что морские порты страны за последнее десятилетие динамично развивались, увеличив грузооборот более чем в 1,7 раза. Деятельность портов Каспийского транспортного узла, составляющая в структуре грузооборота российских портов лишь 0,5%, характеризуется устойчивой тенденцией регрессивного развития:

- общий грузооборот морских портов сократился в 3,2 раза, а в Махачкалинском порту – в 4,5 раза, главным образом, за счет снижения перевалки наливных грузов в 4,7 раза;
- порт Оля, несмотря на привлечение значительных инвестиционных вложений, не оправдал ожиданий в своем развитии, начиная с 2009 г., допущено снижение грузооборота в 2,7 раза;
- порт Астрахань также снизил объемные показатели в 2,5 раза;
- изменилась структура грузооборота, 71,8% стало приходиться на сухие грузы [183; 532].

Анализ сайта Федерального государственного бюджетного учреждения «Администрация морских портов Каспийского моря» позволил сделать вывод

о том, что специализация портов на Каспии не претерпела существенных изменений, практически по всем наиболее значимым грузам (насыпные (зерно), генеральные (черные металлы), наливные) произошло сокращение объемов их переработки. Рост указанных показателей в порту Оля (136,6%) из-за незначительности объемов не оказал заметного влияния на общие результаты деятельности [23].

Среди основных причин можно выделить факторы объективного и субъективного характера:

- неурегулированность правового статуса Каспийского моря;
- беспокойная геополитическая ситуация: в регионе сосредоточено несколько «горячих точек» [28], что сдерживает организацию перевозок по международному транспортному коридору «Север – Юг»;
- недостаточный уровень межгосударственного сотрудничества;
- низкий уровень развития инженерной инфраструктуры российских морских портов;
- неудовлетворительная деятельность нефтеперевалочного комплекса Махачкалинского морского порта, следствием которой является переход нефтяных компаний Лукойл, Dragon Oil (ОАЭ) и Mitro International (Австрия) на обслуживание в Бакинский порт;
- наличие многочисленных лимитирующих факторов (состояние судоходных каналов, наличие специализированного торгового флота), сдерживающих развитие российского транспортного узла.

Учитывая значимость Астраханской области на Каспии, принято Постановление Правительства Российской Федерации от 7 ноября 2020 г. № 1792 «О создании на территории Астраханской области портовой особой экономической зоны и Каспийского кластера».

Предполагается, что реализация программных документов – стратегии развития морской портовой инфраструктуры России до 2030 г., соглашения о международном транспортном коридоре «Север – Юг» и других – в ближайшей

перспективе (2020–2030 гг.) позволит существенно увеличить мощности в российских морских портах Каспийского бассейна (таблица 4). При этом потенциальный транзитный грузопоток по МТК «Север – Юг» между Индией и Ираном и странами Северной и Центральной Европы оценивался в 35–40 млн т в год, из которых половина – грузы в контейнерах [28].

Таблица 4. Объемы перевалки грузов в российских морских портах Каспийского бассейна в период до 2030 г., млн т

Показатели	Энергосырьевой сценарий		Инновационный сценарий	
	2020	2030	2020	2030
Всего	22,5	23,9	33,8	42,7
в том числе				
экспорт	14,1	14,5	24,2	26,8
импорт	7,8	8,6	9,1	15,3

Источник: составлено по данным [28].

В зависимости от сценарного варианта развития действующие мощности могли быть увеличены в 1,5–2,0 раза. Основной прирост предполагался «за счет развития портов Оля (первый грузовой район) «Строительство нефтеналивного перегрузочного комплекса и перегрузочного комплекса навалочных грузов в порту Оля Астраханской области» и Махачкала «Модернизация нефтеналивных причалов и дноуглубление подходных каналов и системы навигационного оборудования для приема танкеров грузоподъемностью 13 тыс. т. с осадкой 7,5 метров» [28].

В силу многочисленных причин указанная цель и задачи не были достигнуты, поэтому основная нагрузка на развитие российского транспортного узла Каспийского бассейна ляжет на короткий период строительства нового глубоководного порта в Республике Дагестан.

Согласно Федеральному закону от 08.11.2007 г. № 261-ФЗ «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» создание морского порта осуществляется на основании схемы территориального планирования Российской

Федерации в области развития федерального транспорта (железнодорожного, воздушного, морского, внутреннего водного, трубопроводного транспорта) и автомобильных дорог федерального значения (ст. 6).

В данных условиях главные российские водные артерии Волга и Дон, а также порты Волго-Каспийского и Азово-Черноморского бассейнов будут формировать основные транспортные речные коридоры и морские транзитные грузопотоки прикаспийских государств, поэтому формирование схемы территориального планирования должно осуществляться на комплексной основе, в первую очередь, с учетом перспектив функционирования Единой глубоководной системы европейской части Российской Федерации (ЕГС).

Важным фактором, сдерживающим развитие ЕГС, является состояние волжских судоходных каналов и их технические возможности по расширению транзитных коридоров.

Характеристика основных судоходных каналов.

1. Волго-Каспийский морской судоходный канал (ВКМСК) [193, с. 104–113; 310, с. 177–188]:

- канал состоит из двух участков – речной части и морской – общей протяженностью 188 км. Морская часть канала проходит через авандельту Волги и мелководную северо-западную часть Каспийского моря и имеет протяженность 102,0 км;

- паспортные параметры канала рассчитаны на движение судов с максимальными размерами по длине 140 м, ширине 20 м и осадкой до 4,2 м;

- глубина речной части канала, проходящей по рукаву Бахтемир, – 4,8 м;

- судам, загруженным на осадку 3,9 м, приходится простаивать в канале по 3–5 дней в ожидании подъема уровня воды, что в среднем увеличивает время его прохождения на 10 суток и приводит к снижению эффективности работы торгового флота с 2,5–3,0 рейсов в месяц до 1,5 рейсов и значительному сокращению объемов грузоперевозок в морском порту Астрахань [22];

- для доведения проходной глубины канала до уровня 5,0 м, по оценкам специалистов, необходимо втрое увеличить объемы дноуглубительных работ.

2. Волго-Донской судоходный канал (ВДСК) [311, с. 13–18; 22]:

- протяженность канала 101 км, гарантированная глубина – 3,65 м;

- средняя продолжительность навигации – 250 сут.;
- пропускная способность – более 7000 судов в год, а максимальная – 12,8 млн т;
- грузоподъемность судов – до 6 тыс. т;
- время перехода по каналу – от 23 до 32 ч.

Эксплуатационная пропускная способность проектируемой второй нитки канала (при проходе расчетного количества судов) составит около 45,4 млн т. Общая пропускная способность Волго-Донского водного пути может достигать от 69 до 72 млн т [311, с. 13–18].

3. Проект строительства судоходного канала «Евразия» между Каспийским и Чёрным морями.

На заседании Высшего Евразийского экономического совета в Сочи (14.05.2018 г.) Президент Казахстана Н.А. Назарбаев предложил вернуться к проекту строительства судоходного канала «Евразия» между Каспийским и Чёрным морями (таблица 5).

Таблица 5. Основные характеристики проекта строительства судоходного канала «Евразия»

Показатели	Вариант 1	Вариант 2
Осадка расчетного судна, м	5,0	7,15
Грузоподъемность расчетного судна, тыс. т	10,0	20,0–26,0
Глубина судового хода, м	6,5	9,3
Ширина канала на уровне расчетной глубины, м	48	63
Полезная длина шлюзов, м	350	400
Расчетная стоимость строительства, млрд руб. (в ценах 2-го квартала 2016 г., без НДС)	588,8	1454,9
Дисконтный срок окупаемости, с учетом выплаты налога на имущество по максимальной ставке (2,2%), лет после завершения строительства и начала эксплуатации канала	менее 11	менее 25
Период навигации, дней в году (без использования ледоколов)	280	280
Грузопропускная способность канала, в каждом направлении, млн. т в год (в период навигации 280 дней)	90,25	153,0
Срок прохождения судоходного пути расчетным судном, сут.	2,5	2,8

Источник: составлено по данным [311, с. 13–18].

Указанный судоходный канал в полной мере отвечает геоэкономическим и политическим интересам Казахстана и Туркменистана по расширению торгового пространства, а также развитию транспортного маршрута из Китая в Европейский Союз, который будет альтернативным Транссибирской магистрали и транспортному коридору «Запад – Восток», и выступает основным их конкурентом.

На Пленарном заседании Научного консультативного совета по комплексному использованию водных ресурсов и охране водных экосистем по вопросу «Экологические последствия предлагаемых вариантов строительства второй нитки Волго-Донского водного пути или канала «Евразия» (18.03.2009) [311, с. 13–18] была дана оценка сравнительной эффективности проектов строительства второй нитки Волго-Донского водного пути (ВДВП) и канала «Евразия» по важнейшим интегральным критериям (таблица 6), который показал безусловный приоритет первого варианта.

Вопросы социально-экономической эффективности, экологической безопасности и сохранения биоразнообразия Волго-Каспийского бассейна также оказались приоритетными. Российский транспортный узел Каспийского бассейна как системообразующая инфраструктура региона выступает важнейшим катализатором пространственно-экономического развития различных отраслей экономики, в частности судостроительной и судоремонтной.

Таблица 6. Сравнительная эффективность проектов строительства второй нитки Волго-Донского водного пути и канала «Евразия» между Каспийским и Чёрным морями по основным интегральным критериям

Группа критериев	ВДВП	Евразия
Транспортная эффективность	0,55	0,45
Водообеспеченность	0,95	0,05
Экономическая эффективность	0,80	0,20
Экологическая безопасность	0,77	0,23
Социально-демографический эффект	0,70	0,30
Среднее значение критерия	0,75	0,25

Источник: [311, с. 13–18].

Аналитические исследования функционирования рыбохозяйственной отрасли показывают, что низкая ее эффективность определяется не только состоянием биологических ресурсов, но и их освоением, показатели которых остаются недостаточными [14].

Вторым фактором, сдерживающим развитие рыбной отрасли, является состав и состояние рыбопромыслового флота бассейна [14].

По данным Федерального агентства по рыболовству, объемы возможного изъятия кильки для России оцениваются в 75,6 тыс т, которые ежегодно возрастают, однако суда рыбопромыслового флота, используемые сверх нормативного срока службы, составляют около 90%, что обосновывает необходимость государственной поддержки строительства малотоннажных рыболовных судов для работы в Каспийском море [14].

Тенденции и направления развития транспортного узла Каспийского бассейна будут определяться состоянием транспортно-логистической инфраструктуры, включающей железнодорожные и автомобильные подходы, трубопроводный транспорт.

В настоящее время основной экспорт нефти по трубопроводам Баку – Тбилиси – Джейхан, Баку – Новороссийск и Баку – Супса остается важнейшим экономическим фактором интенсификации добычи углеводородных ресурсов и развития интеграционных процессов на Каспии [372], включая транспортно-логистическую инфраструктуру.

Итак, конвенция о правовом статусе Каспийского моря усиливает позиции Российской Федерации как основной страны транзита, что обосновывает необходимость разработки комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры, включая транспортные коридоры «Запад – Восток» и «Север – Юг», морские порты Волго-Каспийского и Азово-Черноморского бассейнов.

Особое значение приобретает стратегия развития российского транспортного узла Каспийского бассейна как макроэкономической транспортно-логистической инфраструктуры, обеспечивающей комплексное функционирование портового

хозяйства, железнодорожного и автомобильного транспорта, судоходных каналов, судостроительной, рыбохозяйственной и иных отраслей.

Особенностями судоходства в Волго-Каспийской зоне является присутствие инфраструктурных ограничений судоходства на магистральных транспортных коридорах, которые определяют [363]:

- необходимость эффективного развития инфраструктуры как действующих морских портов, так и проектируемого, формируемого нового транспортно-логистического кластера;
- сложности транспортировки грузов по существующим судоходным каналам из-за их ограничения по глубине, ширине, особенностям фарватера, необходимости организации смешанной системы перегона (по р. Волге, отдельным участкам каналов и морскому участку транспортировки) [193, с. 104–113];
- необходимость увеличения пропускной способности каналов за счет их модернизации и возможного строительства новых путей транспортировки грузов;
- последовательность реализации приоритетного национального проекта «Сохранение и предотвращение загрязнения реки Волги», призванного обеспечить экологическое оздоровление водных объектов реки Волги, сохранение экосистемы Волго-Ахтубинской поймы и устойчивое функционирование водохозяйственного комплекса Нижней Волги (Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204);
- целесообразность интернационализации транспортного комплекса, транспортно-логистического обеспечения и последовательное развитие на этой основе Прикаспийского региона.

3.3. Региональная безопасность как условие стабилизации отношений и сотрудничества государств Прикаспия на Евразийском континенте

Основная идея многих современных геополитических работ – описание противостояния Запада (во главе с США) и не-Запада (Россия, Китай, Индия), которое является отражением перманентного противостояния «Атлантизма» с цивилизациями континентальных сухопутных держав Евразии [296]. При этом особо следует отметить возросший интерес научной мысли к проблеме «фронтирных», «буферных» зон. Многие «геополитические точки» не имеют никакого геополитического смысла, но могут существовать только как «санитарный кордон» между двумя цивилизационными центрами силы [899, р. 182–183]. К числу подобных относятся многие государства Евразии, в том числе постсоветского пространства.

Вместе с тем в научном пространстве весьма активно обсуждается и тема развития российской национальной внешнеполитической стратегии. И в этой связи большое внимание уделяется анализу наследия Е.М. Примакова. В дипломатическую практику и в научный оборот вошло выражение «Доктрина Примакова», суть которой заключается в том, чтобы извлекать «из абсолютно любой ситуации максимум полезного для своей страны» [416, с. 480]. Особенность этой концепции состоит в том, что она очень близка к практике диалога культур. «Доктрина» предусматривает формировать свою внешнеполитическую стратегию, учитывая при этом интересы партнеров. Необходимо принимать «во внимание полный расклад сил», который существует в конкретном регионе, с целью создания и удержания паритета «интересов ведущих мировых игроков». Е.М. Примаков на практике знал, что политика уступок и компромиссов приносит больше пользы, чем политика шантажа и угроз [416, с. 480]. В начале XXI столетия «доктрина Примакова» стала символом преодоления «пораженческого периода» во внешней политике России, стратегией возвращения ее в клуб ведущих мировых держав [478, с. 247–250]. Именно ему принадлежит концепция РИК (Россия, Индия, Китай),

которая предполагала более тесную координацию действий при защите своих национальных интересов [479, с. 296].

Анализ политической практики стран каспийской пятерки служит примером конструктивного поведения их политических элит, которым в общем и целом удалось договориться об общих правилах поведения в регионе «Большого Каспия» [376, с. 147]. Одной из главных евразийских ценностей всегда была и остается безопасность. Политическая история этого региона демонстрирует жестокие и кровавые политические практики. Поэтому мир и доверие всегда здесь ценились. Наученные этим горьким опытом политические элиты ведущих стран Евразии стремятся теперь к поиску и выработке приемлемого для всех механизма обеспечения взаимопонимания и взаимоуважения. Именно умение договариваться по самым сложным вопросам сейчас является наиболее востребованным качеством политического руководства. Именно доверие и диалоговый характер отношений способствует созданию благоприятного климата в системе международных отношений стран Большого Каспийского региона [376, с. 169].

Подчеркнем, что лидерами по вмешательству со стороны в каспийскую проблематику являются США. В «Стратегии национальной безопасности США» 2002 г. Вашингтон поставил в приоритет Евразию и Ближний Восток, тем самым вытесняя Европу с первого места. Тогда отмечалось, что в «Стратегии национальной безопасности США» записаны все «вызовы и возможности» региона Центральной Азии для страны в XXI в. [797]. Приоритетным направлением в стратегии США назван Каспийский регион с его огромными запасами энергоресурсов и возможность потеснить влияние России и Китая на страны этого региона [554]. Сами США в документах по угрозам для своей национальной безопасности выделяют такие наиболее болезненные факторы, как транснациональный терроризм, наркотрафик и радикальный ислам. Эти же угрозы стоят и перед странами Большого Каспия, к которым еще добавляется угроза вмешательства со стороны США.

В данном случае отметим, что США всегда проявляли к региону Большого Каспия повышенное геополитическое внимание. Так, в 2018 г. в США начал

выходить новый некоммерческий журнал «Каспийские проблемы» (Caspian Affairs)¹, «специализирующийся на вопросах геополитики, энергетики и безопасности Каспийского моря и соседних с ним стран. Каждый выпуск журнала содержит интервью и статьи по различным вопросам политики в регионе» [52].

В России тоже сформировалось несколько отдельных исследовательских центров, отвечающих за разработку такого типа проектов. «Например, Валдайский клуб разработал концепцию «Большой Евразии», термин, который стал частью официального дискурса о формировании «Большого Евразийского партнерства» [339, с. 104]. С 2002 г. в Астраханском государственном университете издается специализированный журнал «Каспийский регион: политика, экономика, культура», который является дискуссионной площадкой по проблемам Каспия и Прикаспия. С 2018 г. в АГУ также ведется разработка концепции Большого Каспийского региона.

Для коллективного Запада определенную трудность представляют традиции (стереотипы) восприятия стран этого региона. В своей программной статье «Большой Каспийский регион: Конкуренция и сотрудничество» Р. Хоугланд отмечал, что «фундаментальный момент заключается в том, что Соединенные Штаты и Запад в целом не относят страны региона Центральной Азии и Южного Кавказа к западной цивилизации, а считают их в полной мере интеллектуальным наследием бывшего Советского Союза, которое столетиями развивалось вдали от влияния Ренессанса, Реформации и Просвещения – трёх великих интеллектуальных движений, создавших учреждения, культурные ценности, политические структуры и мировое наследие Современного Запада» [746, p. 10]. По мнению дипломата, с течением времени, по мере проникновения либеральных ценностей в страны Каспийского региона, по мере прихода к власти нового поколения политиков/молодых политиков все сложнее будет говорить о Каспийском регионе как о чем-то более-менее едином и однородном. Однако нетрудно заметить, что за всеми этими рассуждениями Р. Хоугланда стоит одна простая истина – эти страны длительное время находились и продолжают

---

¹ URL: <http://www.caspianaffairs.com/>.

находиться в зоне российского геополитического влияния, поэтому они всегда будут не такими, как другие страны этого региона, пребывавшие в сфере влияния самих англосаксов¹. Следуя русофобской традиции, англосаксы видят все негативные моменты в отрицательном влиянии России (Царской Империи и СССР) на страны этого региона.

Только себя американская дипломатия считает проводником конструктивной внешней политики, направленной на «процветание всего мирового сообщества». На самом деле речь идет об обеспечении комфортных условий для отстаивания национальных интересов самих США. Р. Хоугланд заявлял, что «основные политические интересы США» заключаются во всяческой поддержке новых независимых стран вокруг России с целью оторвать их от российского влияния [52].

Лишь со временем США научились воспринимать и оценивать каждую страну этого региона такой, какая она есть. Политики в Вашингтоне с трудом, но все-таки разглядели, что национальные интересы стран региона весьма часто сталкиваются друг с другом. В результате интересы одного государства вступают в конфликт с интересами другого. Так, например, существуют проблемные отношения Ташкента и Душанбе, Баку и Еревана, Тбилиси и Москвы, Еревана и Стамбула, Баку и Тегерана. С точки зрения конфликтологии, этот регион весьма многообразен.

Следует признать, что сами страны Большого Каспийского региона «впустили» к себе игроков со стороны, которые использовали их экономические трудности и политические сложности в своих целях. «Посторонние силы»

---

¹Р. Хоугланд признает, что «бывшие советские государства наследники советского прошлого и более ранней Царской России, ведущей непрерывную линию своего развития от Византийской империи. Это мировоззрение и система управления упразднили важность личности и прославили силу государства, возглавляемого автономным лидером. Особенно в советское время эта *незападная система* [выделено – К.М.] закрепила политическую власть в руках немногочисленной привилегированной элиты, которая допускала даже признание организованной преступности в качестве элемента власти и использовала мощный аппарат спецслужб для того, чтобы укрепить здесь государственную власть. Этому тройному союзу бросить вызов могли лишь немногие привилегированные группы. Это продолжает влиять на регион и тем самым радикально отличает его от Запада». – Ibid.

рассматривают данный регион исключительно лишь сквозь призму эксплуатации его природных ресурсов.

Так, ещё в самом начале 1990-х гг. «Азербайджан, Иран, Казахстан и Туркменистан столкнулись с проблемой нехватки финансов и передовых технологий для развития нефтегазового сектора и были вынуждены обратиться к иностранным ТНК» [359, с. 77; 360, с. 222–239]. Участие ТНК привело к тому, что эти страны оказались в финансовой и политической зависимости от более крупных геополитических игроков. Уже в 1997 г. «первый заместитель госсекретаря США в администрации президента Б. Клинтона (1993–2001 гг.) Струоб Тэлботт заявил о жизненно важных интересах США в Каспийском регионе, а в 1998 г. будущий вице-президента США (2001–2009 гг.) в администрации Дж. Буша-младшего Дик Чейни (занимая на тот момент ведущую должность в компании Halliburton) заявил, что не знает более значимого региона, чем Каспий» [359, с. 77; 360, с. 222–239; 799, р. 59]. В результате всего этого на свет родился проект Баку – Тбилиси – Джейхан, признанный многими учеными экономически невыгодным и политически рискованным, и целый ряд иных проектов [359, с. 77; 360, с. 222–239; 767, р. 178]. Лоббирование интересов американских ТНК было поставлено в ранг приоритетных государственных проектов.

Вслед за экономическими интересами естественно возникли интересы и военные. К середине 1990-х гг. региональная позиция была сформулирована НАТО. В Каспийском регионе ее интересы были «представлены в рамках разработанного в Массачусетском технологическом институте плана военной операции США и НАТО под названием «Шторм над Каспием». Данный проект предусматривал непосредственное военное присутствие сил НАТО на Каспии для своевременного и эффективного реагирования в случае дестабилизации поставок нефти и газа из стран, включенных в энергетическое сотрудничество с Западом» [359, с. 80].

Один из идеологов «управляемого хаоса» С. Манн [785; 688, р. 106] в свое время явится «отцом» проекта нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан, объединившего такие региональные державы, как Азербайджан, Казахстан,

Грузия, Турция, и, кроме них, таких глобальных игроков, как США и Англия. Основная геополитическая цель – обойти Россию, вывести ее из участия по добыче и транспортировке каспийских углеводородов. Москва считает этот проект одной из угроз своей национальной безопасности, поскольку он усиливает в этом регионе англосаксонское присутствие¹.

Приграничная ситуация во всех странах Каспийского региона после атаки террористов на Башни Близнецы в США, повлекшей трансформацию методов международной деятельности Соединенных Штатов Америки, была и остается весьма напряженной. Больше всего по этому поводу был озабочен Иран. Тегеран опасался, что под предлогом борьбы с терроризмом США могут вторгнуться в их страну. При этом было ясно, что свехзадача современных США в этом регионе – «гарантирование безопасности поставки энергоресурсов» [661].

Хорошо известно, что США приходят в этот регион со своим либеральным проектом и начинают экспорт демократии без какого-либо учета местных особенностей. В идеале они вынашивают план создания на международной арене сообщества государств либерального толка [670, р. 169]. Страны каспийской евразийской оси оказываются менее всего подготовленными под стандарты этого проекта, поскольку имеют свои собственные традиции демократии и государственного строительства и управления. Навязывание англосаксами своих политических стандартов всегда вызывало стойкое им противодействие со стороны тех государств, которые имеют свой собственный политический опыт. Именно в этой связи политические эксперты отмечают устойчивый рост антиамериканизма в прикаспийских регионах.

США неоднократно пытались создать военно-морские силы совместно со странами Прикаспия. Так, они инициировали создание военно-морской группировки (Caspian Guard) совместно с Азербайджаном и Казахстаном с целью

---

¹ Владельцем нефтепровода является международный консорциум «BTC Co», его акционеры – «BP» (Великобритания) (30,1%), «Государственная нефтяная компания Азербайджана» (ГНКАР) (25%), «Unocal» (8,9%), «Statoil» (Норвегия) (8,7%), «ТРАО» (6,5%), «Eni S.p.A.» (Италия) (5%), «Itochu» (Япония) (3,4%), «Conoco Phillips Inc.» (США) (2,5%), «Inpex» (2,5%), «TotalS.A.» (Франция) (5%) и «HessCorporation» (США) (2,4%).

охраны трубопроводных проектов и повышения способности предотвращать и при необходимости реагировать на терроризм, распространение ядерного оружия и торговлю людьми [323]. К счастью для самого каспийского содружества, эти проекты остались нереализованными.

Вокруг углеводородных запасов Каспия всегда шли различного рода политические и экономические спекуляции, по завышению их прогнозов добычи, маршрутов и перспектив транспортировки [214, с. 64]. В 2003 г. ЕС назвал Каспийский регион одним из важных центров обеспечения своей энергобезопасности [507, с. 75–81]. При этом Россия прилагала усилия по минимизации влияния Запада и Китая на процессы добычи энергоресурсов и логистики в Каспийском регионе [216, с. 240, 507, с. 75–81].

США, как и Европа, стремились через создание зоны нестабильности в регионе Большого Каспия (Центральная Азия и Каспий) контролировать Каспийское побережье, создавая ситуацию напряженности на российском направлении [302].

Один из членов НАТО проявляет свой особый интерес к региону Большого Каспия. Речь идет о Турции. Влияние на Казахстан для современной Турции – это возможность влиять на Россию и Китай, экспортируя на огромные евразийские территории идеологию Большого Турана [180, с. 437].

Наиболее острый конфликт между США и Ираном разгорелся из-за ядерной программы Тегерана. Вашингтон постоянно обвинял Иран в нарушении правил МАГАТЭ и создании ядерного оружия [530, с. 14; 1922, с. 622]. Совершенно на иных началах выстраивались российско-иранские отношения. В развитии российско-иранских отношений, как правило, превалировала положительная доминанта, которая свидетельствовала об их стабильности и у которой были соответствующие объективные основания [590, с. 235].

Военно-политическое и информационно-идеологическое противостояние США и Ирана балансирует на грани открытой войны. То, что между Вашингтоном и Тегераном идет информационная война, не является ни для кого секретом. Конфликты и столкновения случаются с завидным постоянством.

В статье «Почему кибератаки США не сработают против Ирана», опубликованной на сайте издания The American Conservative, американский эксперт Бонни Кристиан был вынужден признать, что «двойная киберэкономическая стратегия США (киберудары + санкции) оказалась крайне рискованной и контрпродуктивной. Данная стратегия способствует дальнейшей эскалации и усилению иранской агрессии. Действительно, американская кампания «максимального давления» играет на руку иранским сторонникам жёсткой линии, подрывая позиции умеренных сил в Тегеране. По этой причине будет крайне нелегко достигнуть мирного урегулирования. Дипломатия и настойчивость, а не цифровые и экономические атаки позволят нам получить от Ирана то, что мы хотим» [847]. Судя по всему, США пытаются давить не только на Иран, но и на сопредельные ему страны. Многочисленные следы их вмешательства во внутренние дела государств Прикаспия видны невооруженным взглядом.

Определённые сложности время от времени возникают и в российско-казахстанских отношениях. И здесь снова виден след США и их партнеров, направленный на разрушение интеграционных связей России и Казахстана.

М.Т. Лаумулин отмечает, что «каспийский фактор в ещё большей степени придал казахстанской дипломатии многовекторный характер, превратив ее в сверхчувствительный инструмент балансирования на грани возможного. Каспийское направление было самым сложным, самым «мновекторным» во внешней политике Казахстана» [328]. Сложным, потому что ни у кого не было опыта решения подобных проблем. Молодые каспийские демократии и их дипломатические службы лишь только начинали набираться опыта и профессионализма в решении подобного рода проблем. В связи с этим Е. А. Идрисов отмечал, что «именно дипломатическими средствами Казахстан обеспечил благоприятную внешнюю среду для проведения масштабных политических, экономических и социальных преобразований внутри страны» [235].

Казахстан заявил и о своих лидерских устремлениях в Евразии. Следует отметить, что в новой Концепции внешней политики 2020 г. Казахстан представлял себя страной, осознающей свою роль и ответственность

и стремящейся к развитию внутрирегиональной интеграции в Центральной Азии, теперь он открыто заявляет о намерениях закрепления за собой статуса «лидирующего государства в регионе» [31]. Речь идет о стремлении играть первую роль в отношениях прежде всего с государствами Центральной Азии. Это не означает отход Астаны от многовекторности. Это означает активизацию внешней политики Казахстана. Отметим, что все это происходит на фоне роста антирусских настроений в Республике Казахстан [356].

Главными противниками проведения американской политики Большого Каспия выступают Россия и Иран, которые усматривают в ней вмешательство в свои внутренние дела интересов третьих стран.

Политика России в отношении Каспийского региона проходит через процесс адаптации, который включает три этапа, а именно: конфронтацию, компромисс и сотрудничество [326]. Одним из основных аспектов сотрудничества стран Прикаспия является наличие того факта, что Россия со времен СССР обладает доминирующим влиянием в регионе и в странах постсоветского пространства. Это, безусловно, вызывает интерес со стороны Пекина для осуществления дальнейшего экономического взаимодействия на территории региона не только в рамках двустороннего диалога с Россией, но и в рамках ШОС [342, с. 96].

Еще одним знаковым игроком в этом регионе является Китай. Поднебесная была одной из первых стран, установивших полное двустороннее и многостороннее сотрудничество со странами Каспийского региона. В 2000–2010 гг. Пекин благодаря быстрому экономическому росту и спросу на энергоресурсы достиг беспрецедентного уровня импортируемых энергоресурсов. Этот период, известный как «период стратегических возможностей для мирного развития в Китае» [716], был отмечен укреплением международного энергетического сотрудничества с соседними странами в целях создания стабильной и надежной системы энергоснабжения. Энергетическая безопасность является важной гарантией экономической и политической модернизации Китая. Кроме того, в 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин

объявил об инициативе «Один пояс – один путь» (кит. – 帶一路) [586, с. 8–21], которая, как ожидалось, должна была способствовать развитию сотрудничества в области торговли и энергетики в Азии, Европе и Евразийском центральном регионе [666].

По мнению китайских экспертов (например, Лю Цзайци), притязания Китая на Каспийский регион связаны со стремлением обеспечить региональную безопасность, получить доступ к природным ресурсам и предотвратить создание в этом регионе каких-либо политических или военных союзов, направленных против Китая [342, с. 96].

Роль Каспийского региона для энергетической безопасности Китая весьма велика. Благодаря наземным трубопроводам в Каспии Пекин может быстрее и безопаснее получать энергоресурсы. Помимо этого, Каспийский регион входит в мегапроект «Экономический пояс Шелкового пути». Поэтому поддержание доверительных отношений со странами Прикаспия входит в стратегию внешнеполитического курса Поднебесной. В Китае понимают, что энергетические ресурсы и логистические возможности Каспийского региона являются одним из главных приоритетов для мировых держав, и та страна, которая будет обладать наибольшим влиянием здесь, будет иметь весомое влияние и на политической арене.

Представители экспертного сообщества Поднебесной обращают внимание на то, что Пекин рассматривает экономическое сотрудничество с регионом как средство распространения технологий, культуры и мягкой силы, расширения влияния. Москва, в свою очередь, всеми силами хочет закрепить свое влияние в регионе, сохранить остатки постсоветского пространства и тем самым занять доминирующее положение в регионе [580]. Шанхайская организация сотрудничества рассматривается Китаем как региональная организация, цель которой – «защита интересов Китая в Центральной Азии и в провинции Синьцзян. Москва склонна рассматривать ШОС как геополитический блок с антизападными заявлениями. Разногласия относительно того, какая функция должна иметь приоритет, препятствовали расширению ШОС более десяти лет. Россия

предлагала расширить членство, особенно за счет включения Индии, в то время как Китай наложил неофициальное вето на расширение. Причины изменения политики Китая, что позволило Индии и Пакистану стать членами в 2017 г., остаются неясными» [500].

Китайские эксперты отметили, что проект «Один пояс – один путь» обеспечивает безопасность Китая с Запада, рассматривается как «детерминанта формирования китайского видения нового международного порядка» [580]. В свою очередь, российские эксперты акцентируют внимание на том, что в данный момент речь идет не о доминировании России или Китая в Центральной Азии, а о «лидерстве на Евразийском экономическом пространстве в целом» [453, с. 99–115; 54, с. 84–93].

Двустороннее сотрудничество между Китаем и Россией активно развивается в сфере политики и безопасности. Это связано с дипломатическими традициями обеих стран. Россия и Китай ценят политические (безопасные) интересы, а не экономические [665].

Критически настроенные аналитики утверждают, что Россия в связи с увеличением китайской экспансии на мировой арене впервые может оказаться в роли ведомого игрока, т.е. Китай будет более жестко отстаивать свои экономические интересы [453, с. 18–29]. Между тем официальные лица Китая заявляют о том, что они не вынашивают никаких экспансионистских идей. Председатель КНР Си Цзиньпинь на международной конференции в 2014 г. сказал: «Китай не стремится к сфере влияния в Центральной Азии» [580].

Эксперты отмечают, что в результате экономической войны между Китаем и США Пекину выгодно иметь на Каспии такого союзника, как Российская Федерация, куда не может проникнуть идея и реализация однополярного мира, поддерживаемая Соединенными Штатами [341]. Соответственно Россия и Китай являются потенциальными союзниками в борьбе с американскими идеями на международной арене, тем самым давая все основания предположить, что сотрудничество в рамках Каспийского региона выгодно для обеих стран и будет развиваться в перспективе.

Отношения Пекина и Москвы построены на принципах взаимного уважения национальных интересов и приоритета сотрудничества, а не соперничества. В 2015 г. главы России и Китая выступили с совместным заявлением о сопряжении двух инициатив, которые являются взаимодополняющими проектами [524].

Внешняя политика между странами базируется на взаимовыгодном партнёрстве и дружбе против стран, входящих в состав НАТО. Главные проекты – Азиатский банк, БРИКС и содействие Шанхайской организации сотрудничества [657, с. 165]. Также Россия и Китай имеют единый взгляд на такую проблему, как борьба с религиозным экстремизмом, национальным сепаратизмом и международным терроризмом, и это показывает, что стратегические цели государств схожи [499].

Потребности сторон в стратегическом партнерстве, геополитических факторах и интересах безопасности, а также новые концепции и единство в подходе к взаимоотношениям между КНР и РФ составляют реалистичную основу для китайско-российских отношений стратегического взаимодействия и партнерства [336, с. 11].

В декабре 2019 г. в КНР, городе Ухань, произошла вспышка неизвестного всему миру вируса, получившего название COVID-19. Началась пандемия, от которой пострадали в первую очередь энергетические и финансовые рынки, а глобальная экономика пришла в упадок. Российский рынок энергоресурсов также оказался в затруднительном положении. Хотя российско-китайское энергетическое сотрудничество в известной степени защищено долгосрочными контрактами, но при форс-мажорных обстоятельствах, каковой, безусловно, является пандемия вируса, многие нефтегазовые сделки могут быть пересмотрены, например, в части того, что Китай будет потреблять меньше нефти и газа, а это отразится и на российских нефтяных доходах [869]. Декан и профессор Школы международных и региональных исследований Восточно-Китайского педагогического университета (директор Центра по изучению России Института гуманитарных и социальных наук) Фэн Шаолэй отметил, что во время

пандемии вируса отношения между Россией и Китаем в сфере торговли увеличились на 3,4%. При этом экспорт в Россию сократился на 14,6%, а импорт из России вырос на 17,3% [869].

По мнению другого китайского эксперта, профессора Ляонинского университета КНР Цюй Вэньи, «российско-китайские отношения могут перейти в новую эру всестороннего стратегического партнерства и сотрудничества, основанную на стойкости, которая не изменится из-за эпидемии. Мы должны научиться прагматично решать проблемы, которые вызывает эта эпидемия, и сделать кооперацию в разных отраслях, преимущественно энергетики, одним из регулярных механизмов сотрудничества в двусторонних связях, с тем, чтобы отношения между двумя странами были стабильными и процветающими» [669].

В условиях санкций коллективного Запада против России Москва заинтересована в развитии политико-экономического партнерства с КНР. Первый вице-премьер РФ Игорь Шувалов еще в 2016 г., находясь в Пекине, заявлял, что Россия придает большое значение сопряжению развития ЕАЭС и китайской инициативы «Экономического пояса "Шелкового пути"» [645]. Москва оценивает экономическую экспансию Китая в качестве некоего противовеса политической экспансии США. С другой стороны, экономическое проникновение Китая создает новую международную реальность, разрушая прежние традиции.

Так, например, экономическая экспансия Китая в страны Центральной Азии и Каспия вызывает опасения у некоторых экспертов. В частности, отмечается, что одной из главных проблем является «негативное отношение населения государств Центральной Азии к передаче земель сельскохозяйственного назначения в аренду Китаю. Даже слух о возможной передаче в аренду иностранцам (китайцам) таких земель уже вызвал волну протестов в Казахстане и потребовал специального предупреждения Генпрокуратуры и заявления президента» [563, с. 37–55]. И подобного рода угрозы встречаются здесь практически на каждом шагу. При этом было замечено, что часть подобных угроз носит надуманный виртуальный характер и касается общих «страхов», которые существуют в общественном сознании особенно на бытовом уровне.

Серьезной проблемой этого региона стали введенные экономические и финансовые санкции против Ирана со стороны Совета Безопасности ООН, США и Евросоюза, которые были вызваны в ответ на разработки Ираном ядерной и ракетной программ. 4 ноября 2018 г. США возобновили санкции против Тегерана [429]. Из-за эмбарго Иран оказался замкнутым в Персидском заливе, где расположена база НАТО. Восьми странам-импортерам – Китаю, Индии, Японии, Южной Корее, Тайваню, Турции, Италии и Греции – США разрешили продолжать покупать нефть у Ирана, но не увеличивать закупки по контрактам. Введение санкций против Ирана снизили ежегодные доходы этой страны от продажи нефти с \$50 млрд. до \$10 млрд. [558]. В свою очередь, США требует от Китая прекратить покупать нефть у Ирана. Именно КНР является одним из основных партнеров Ирана по закупке нефти, оставшись в партнерстве после введения американцами антииранских санкций. Пекин стоически игнорировал все эти требования, справедливо полагая, что Вашингтон не имеет никаких прав диктовать ему подобного рода условия. Москва всегда была против каких-либо санкций, принятых в обход Совета Безопасности ООН. Именно консолидированное голосование России и Китая в СБ ООН больше всего и раздражает коллективный Запад. Именно против такого вмешательства в дела стран каспийской пятерки и выступают лидеры этих стран.

Следует отметить, что вокруг каспийских трубопроводов наблюдается весьма активная дипломатическая деятельность. Но дальше разрекламированных деклараций дело не идет. Так, в марте 2019 г. в Бухаресте главы МИД Румынии, Туркмении, Азербайджана и Грузии обсудили создание маршрута грузовых перевозок между Каспийским и Черным морями и подписали декларацию, подтверждающую намерение сторон реализовать проект в кратчайшие сроки (на данный момент проект не реализован)¹. Преобладание декларативности наблюдалось и в двусторонних отношениях стран каспийской пятерки. Так, Президент Азербайджана И.Г. Алиев заявлял, что, по его мнению, неурегулированный статус Каспийского моря не влияет на двустороннее

---

¹ См.: URL: <https://yandex.ru/turbo/s/hronikatm.com/2019/03/cargo-route/>.

сотрудничество между прикаспийскими государствами [13]. Россия в этом вопросе всегда добивалась от своих партнеров по переговорам о правовом статусе Каспийского моря конкретики, а не пустых формальных заявлений.

Но куда большую озабоченность азербайджанской стороны вызывает конфликт с Арменией из-за Нагорного Карабаха. Вооруженные столкновения на границе этих двух государств происходят регулярно и слышатся взаимные обвинения. В ходе этих вооруженных столкновений гибнут не только военнослужащие, но и мирные жители [457]. Конфликт в Нагорном Карабахе в целом дестабилизирует систему безопасности в Прикаспийском регионе, наносит существенный вред всему интеграционному процессу. Ситуация далека от мирного разрешения и является «миной замедленного действия» всей каспийской геополитики.

В числе серьезных проблем этого региона также выделяются межэтнические конфликты и межрелигиозные разногласия. Не всегда одни этнические группы уживаются с другими. Конфликты на бытовом уровне часто перерастают в социально-политические противодействия. Чаще всего они раздуваются извне теми, кто стремится дестабилизировать регион Большого Каспия и повести его по пути деструктивных отношений. Именно англосаксы весьма активно используют принцип «*divide et impera*», для чего раздувают различного рода конфликты. Для региональной безопасности само (даже виртуальное) присутствие этих разрушительных сил несет в себе серьезные вызовы и угрозы, справиться с которыми можно будет только при взаимном согласии всех стран участниц проекта Большой Каспий.

И политики, и научное экспертное сообщество давно уже пришли к выводу о том, что для успешного урегулирования спорных вопросов большое значение имеет режим взаимопонимания. Для этого необходимо всесторонне изучать культуру и историю своих партнеров, что помогает нахождению понимания причин того или иного внешнеполитического действия, позволяет быстрее найти решение по урегулированию территориального спора [60].

Помимо уже рассмотренных нами угроз, следует выделить т.н. гуманитарные угрозы. То, что разъединяет эти страны, препятствует их интеграции, находится уже в самой их истории. Вместо того, чтобы всячески нивелировать и стирать эти исторические разногласия, деструктивные геополитические игроки (постоянно вмешивающиеся сюда со стороны), напротив, играют на их раздувании и обострении. Устранить эти деструктивные силы можно лишь с общего согласия всех стран региона Большого Каспия. Для этого необходима не только региональная солидарность, но и поиск того «слабого звена», на который эти деструктивные силы направляют свои разрушительные силы.

Одним из гуманитарных элементов угрозы региональной безопасности стран Большого Каспия является отсутствие единого понимания их общей истории. История распадается на отдельные национальные версии, весьма часто противоречащие друг другу и питающие современные этнополитические конфликты, основанные на ее фальсификации [274, с. 120–144]. В качестве первоочередных предложений, направленных на профилактику возникновения внутрирегиональных конфликтов, можно предложить научному сообществу каспийской пятерки создание макета общей региональной истории. Мы не знаем историю друг друга. И именно из-за этого незнания и возникают недопонимание и конфликты. Решение этого вопроса откроет широкие возможности для лучшего понимания и реализации международных политических, экономических и культурных проектов.

Анализ рассмотренного в этом параграфе материала позволяет вести речь о существовании некоего общего алгоритма безопасности, который выработали страны Каспийского региона. Прежде всего, это соблюдение международного права, основанного на взаимном уважении не только правовых норм, но и культурно-исторических традиций друг друга. Использование вооруженных сил только для отражения внешней угрозы. И в этом плане роль России является ключевой, поскольку именно она может предложить всем этим странам в обмен на экономическое сотрудничество и политическое союзничество свой «военный зонтик» и свою модель безопасности.

Основной причиной появления конфликтов из-за спорных территорий в регионе Большого Каспия выступает его геополитическое расположение рядом с природными ресурсами. Так, например, по этой причине был спор за шельф Каспийского моря между Казахстаном, Туркменистаном, Азербайджаном и Ираном. Известно, что территория Каспийского моря является вторым водоемом по количеству запасов углеводородов, уступая лишь Персидскому заливу [59]. После развала Советского Союза эти противоречия обострились уже на межгосударственном уровне. Кроме этого, до сих пор остается актуальным вопрос о сохранении безопасного режима на границе Туркменистана и Афганистана. Российская дипломатия постоянно поднимает его при обсуждении проблемы безопасности этого региона, прекрасно понимая, что сохранение стабильности этой границы служит гарантией стабильности и безопасности самой России и ее союзников в этом регионе [4].

Отметим, что в начале XXI в. на Евразийском пространстве наблюдаются отдельные явления и общие тенденции, которые указывают на то, что здесь начался процесс формирования новых геополитических отношений: возрастает удельный вес суверенности ведущих стран Евразии, их экономическая составляющая начинает открыто и объективно конкурировать с экономиками ведущих западных стран, научный и военный потенциал оказывается не просто конкурентоспособным, но и опережает в развитии ведущие западные технологии. Более того, политические центры мира постепенно смещаются с Запада на Восток, из Европы и Северной Америки в страны Евразии.

«Системный анализ геополитических процессов региона Большого Каспия позволит более точно поставить диагноз тем глубинным процессам, которые здесь начались в самом начале XXI в.» [376]. Евразийское пространство начинает набирать свою экономическую мощь, демонстрируя политическую независимость (суверенитет) и культурную состоятельность (ценность традиций). Этот регион постепенно выходит из-под влияния тех сил, которые в прошлом осуществляли мировое господство и управление, и заявляет о своих правах самим решать свои дела и распоряжаться своей судьбой.

Анализ современного геополитического пространства Евразии указывает на формирование здесь системы интеграционного политического диалога и экономического сотрудничества. Вместе с тем отмечается повышение роли ведущих стран этого региона, которые начинают играть все более заметную роль в международных отношениях и формировании актуальной повестки дня. До XXI в. еще ни одной стране Евразии не удавалось контролировать геополитическую ситуацию на этом континенте. Контроль в основном осуществляли неевразийские державы. Реалии XXI в. поставили перед евразийскими странами задачу поиска и разработки такого геополитического механизма, с помощью которого можно осуществлять коллективное управление евразийскими процессами и урегулирование конфликтных ситуаций без помощи и влияния иных стран.

В Военной доктрине России (26.12.2014) говорится о «поэтапном перераспределении влияния в пользу новых центров экономического роста и политического притяжения» [2]. Такие центры постепенно переходят с западной части мира в евразийскую. В настоящее время мы являемся свидетелями процесса, получившего название «пробуждения Азии».

Современная геополитическая геометрия Евразии отличается тем, что в ней все большую активность начинают играть государства, которые ранее хотя и не соглашались с проводимой в этом регионе международной политикой США, но еще активно ей не противостояли. Речь идет о Китае, Индии, России и Иране, которые в 2010-е гг. демонстрировали устойчивый рост своего суверенитета.

Если раньше на политическую обстановку Евразии оказывали процессы, происходившие за ее пределами, то в последнее время уже сами геополитические процессы Евразии начинают оказывать влияние на процесс формирования мировой политики. И это влияние с каждым годом все возрастает.

По классификации американской внешнеполитической стратегии страны-лидеры Каспийского региона (Россия и Иран) попадают в разряд стран-изгоев, несущих угрозу существованию их монополярного (англосаксонского) мира. Введенный американскими идеологами времен президентства Д. Буша-младшего термин «ось зла» (*Axis of evil*) включает, по их мнению, самые одиозные

(тоталитарные и агрессивные) политические режимы, которые не только не разделяют американские политические ценности, но и активно им сопротивляются [814]. К «оплотам тирании» и «самым антиамериканским режимам» в разное время относились Иран, КНДР, Ливия, Куба, Венесуэла, Белоруссия и др.

Евразия всегда была ареной упорного геополитического соперничества Российской империи, СССР, России и Британской империи, США. По мнению Н. Злобина, «Сотрудничество Москвы и Вашингтона в регионе будет более эффективным, если стороны перестанут, во-первых, заниматься политикой взаимного, причем, так, «на всякий случай», выдавливания, что особенно ярко проявляется в российской политике. Во-вторых, постараются прекратить бесперспективную политику выравнивания своих возможностей в регионе с возможностями другой стороны, что особенно заметно в политике США, а сконцентрируются на своих национальных интересах в Евразии. Нужен механизм поиска компромисса и отказа от попыток агрессивного преследования своих интересов в ущерб партнерам, политики взаимного выдавливания. Необходимо признать позитивную и негативную роль как своей политики, так и политики своего партнера в евразийском регионе и перестать адресовать ее не региону, а друг другу» [227].

Подавляющее большинство ведущих стран Евразии придерживается принципа многосторонних отношений. Такой подход призван снизить уровень недоверия между странами, преодолеть накопленный историей негативный опыт двусторонних отношений [822, р. 561]. Перед странами открывается новая перспектива слияния национальных суверенитетов в коллективных институциональных объединениях [739, р. 299].

В настоящее время проект Большой Каспий существует сразу в двух измерениях: 1) как конкретная научнообразная система (теория), объясняющая необходимость существования этого региона в качестве субъекта международных отношений и 2) как некая политическая практика, осуществляющая геополитические проекты по обеспечению коллективной безопасности и интеграционных процессов. Проблема возникает уже на уровне расхождения

слова и дела. И проект Большой Каспий не является исключением из этого общего правила.

Обеспечение политической безопасности является важнейшим внешним условием для конструктивного развития интеграционного проекта региона Большого Каспия. Внутренним условием, обеспечивающим стабильность и поступательность развития интеграции, является экономическая самостоятельность и финансовый суверенитет. Именно об этих аспектах евразийского интеграционного процесса и пойдет речь в следующей главе диссертационного исследования.

Глава 4. Большой Каспий в геополитических стратегиях глобальных и региональных центров силы

4.1. Современные интеграционные процессы и политика межгосударственного сотрудничества в Каспийском регионе: от геополитики к геоэкономике транспортных систем на Евразийском пространстве

Как уже было нами ранее отмечено, геополитическими процессами в мире руководят политические элиты и их национальные лидеры. Тема политического лидерства является одной из центральных в новейшей политической истории международных отношений.

Роль политических элит и их национальных лидеров наиболее наглядно заметна в тех их экспертных оценках, которые они постоянно дают по важным и знаковым вопросам и событиям. В экспертное сообщество входят политики элитного уровня, представители дипломатического корпуса, ведущие ученые, известные журналисты, т.е. все те лица, которые профессионально занимаются этими вопросами и имеют свои независимые и объективные оценки и мнения. В этом плане субъекты элит и лидеров выступают в роли экспертного сообщества, которое, наравне с научным сообществом, формирует и формулирует повестку дня и ответы по наиболее важным проблемам и решениям [276, с. 91–97]. Одной из первоочередных тем является проблема обеспечения национальной безопасности и сведения возникающих в связи с этим рисков и конфликтов к минимуму.

Природные богатства Каспийского региона одновременно являются и главным достоинством его стран, и главной их проблемой. Достоинством – поскольку обеспечивают энергетическую независимость и являются главным источником доходов; проблемой – поскольку пробуждают алчность ведущих держав и ТНК и стремление поживиться этим богатством. Сами физические данные Каспийского региона указывают на его исключительный характер.

Так, по экспертным оценкам, «разведанные запасы нефти в Каспийском море составляют 48 млрд баррелей, а запасы газа оцениваются в 8,7 трлн куб. м. При этом возможные резервы (углеводородный потенциал моря) по разным данным в 3–4 раза превышает объем разведанных ресурсов. Таким образом, на Прикаспийские страны приходится около 17,5% общемировых запасов нефти и 45,9% запасов газа» [359, с. 622; 851; 93].

Для всех без исключения стран этого региона 1990-е гг. стали временем упущенных возможностей. Совершенные тогда ошибки и стратегические просчеты еще долго будут о себе напоминать и мешать современному конструктивному развитию.

После распада СССР многие бывшие республики взяли курс на укрепление своей самостоятельности и независимости за счет интеграции в мировое сообщество с целью освобождения от российского влияния. Для этого новые независимые государства весьма активно использовали свои природные ресурсы и коммуникационные возможности. После подписания лидерами трех союзных республик Беловежского соглашения эти бывшие республики оказались в чрезвычайно сложном экономическом положении. Последнее сразу повысило к ним интерес коллективного Запада, в том числе и как к территориям, потенциально богатым энергоресурсами, территориям с высоким значением геостратегического потенциала. Это в итоге привело к своеобразной «геополитической дружбе» новых государств с ЕС против России [218, с. 128–141].

Многие бывшие республики Советского Союза проводят мультивекторный курс по сохранению отношений как с Россией, так с коллективным Западом и с Китаем [743, р. 112]. В этом многообразии они пытаются достичь некоего равновесия и баланса сил, необходимых для обеспечения их собственной экономической самостоятельности и суверенитета.

Системное ослабление России предрешило ее фактический исход из этого региона. В результате образовался вакуум, за наполнение которого началась открытая конкурентная борьба между глобальными и региональными центрами

силы [743, p. 112]. Говорить в таких условиях о самодостаточности и особенности региона Большой Каспий не приходится.

Известно, что некоторые национальные политические элиты стран, приобретших независимость после распада СССР, заражены вирусом русофобии [571, с. 428]. При этом, как показывает политическая история 1990–2000-х гг., многие политические элиты государств Прикаспия оказались просто неготовыми к самостоятельной политической жизни [87, с. 26].

Однако экономическая привлекательность и энергетическая самодостаточность Каспийского региона позволяла странам содержать свой суверенитет за свой счет. Государствам удалось сохранить свой суверенитет и наладить региональный интеграционный процесс. Но самое главное – им удалось избежать большой войны, которая постигла регионы Персидского залива и Ближнего Востока, ограничившись «незначительными» локальными конфликтами. Во многом этому способствовала активная миротворческая миссия России, дипломатический корпус которой принимал участие в урегулировании многих региональных конфликтов [481; 474].

В настоящее время Каспийский регион демонстрирует всему миру действие на практике принципов многовекторности и многополярности. Эксперты полагают, что действовать дипломатическим службам «каспийской пятерки» приходится именно в условиях разновекторной и многовекторной внешней политики, которая имеет специфические особенности, соответствующие изменяющейся природе современной международной обстановки [515]. И этот естественный плюрализм придает их отношениям подлинные демократические начала. Не формальные, а именно естественные демократические отношения, позволяющие им вести равноправный политический диалог.

Помимо России принципа многовекторности во внешней политике придерживаются и другие государства региона Большого Каспия. У каждой из стран этот принцип имеет свое объяснение. Так, по мнению казахских экспертов, причины многовекторности казахской внешней политики заключались в следующем: 1) расположение Казахстана на обширной территории между

такими двумя крупными державами, как РФ и КНР; 2) незащищенные границы и нерешенные пограничные проблемы; 3) отсутствие прямого выхода к мировым морским коммуникациям, доступ к которым возможен лишь через территории сопредельных государств; 4) давление мировых центров сил и региональных держав; 5) богатейшие природные ресурсы, на которые присматривались ближние и дальние соседи; 6) относительно малый объем казахстанской экономики по сравнению с размерами территории; 7) военная слабость; 8) рассредоточенность (дисперсность) населения [559]. Официальная Астана пытается проводить такой внешнеполитический курс, который бы позволял «корректировать» естественные географические недостатки и использовать определенные преимущества» [173, с. 42].

Отметим, что Российская Федерация неоднократно заявляла, что разработка Конвенции о правовом статусе Каспийского моря должна вестись исключительно странами «каспийской пятерки». Министр иностранных дел России С. Лавров в этой связи отмечал, что «делу не помогают неконструктивные попытки отдельных государств, находящихся далеко от региона, навязывать каспийским государствам свою линию поведения, тем более недопустимо военное присутствие внерегиональных государств» [322].

Итак, интеграционные процессы происходят во всем мире, и во всем мире интеграция есть конструктивное объединение на взаимовыгодных условиях различных стран, разделенных по этническим, политическим, культурным и иным основаниям, но объединенных общей идеей взаимовыгодного сотрудничества. Не являются исключением из этого правила и страны так называемого Большого Каспия.

Проблема интеграции самым тесным образом связана с темами регионализации и глобализации. В научной среде принято считать, что глобальная регионализация «изменяет и геополитическую, и геоэкономическую структуры мира» [38, с. 242–250]. Поэтому рассматривать процессы интеграции необходимо в контексте проблем глобализации и регионализации.

В настоящей работе речь в первую очередь идет о региональной интеграции. Напомним, что согласно одной из экспертных оценок, под регионом следует понимать некие политические образования, не обусловленные географическими факторами [744, p. 575].

После распада СССР идеей новой интеграции на постсоветском пространстве были увлечены многие политики и государства [37; 254].

В создании новой мировой системы важно оказаться точкой роста и роль макрорегионов возрастает по мере этого строительства. Страны Каспийского региона имеют реальные ресурсы для подобного роста. Препятствием на этом пути могут оказаться замороженные этнополитические конфликты (как, например, конфликт вокруг Нагорного Карабаха между Азербайджаном и Арменией)¹, которых немало в этом регионе.

Интеграция является главной панацеей от конфронтации и сепаратизма, политики раздоров и разделений. Но интеграция – это еще и поиск новых выгодных вариантов сотрудничества.

Евразийскими странами интеграция признается единственно приемлемым путем их конструктивного развития, снижающим риски возникновения военно-политических конфликтов. Именно интеграционные проекты расширяют зону политико-экономического и культурного сотрудничества стран Евразии, в прошлом переживших немало войн из-за неспособности договориться и выстроить свои отношения в конструктивном русле [499; 522, с. 8–9; 68, с. 69–91]. Ещё в 2016 г. Президент России В.В. Путин подчеркивал необходимость формирования евразийского партнерства «с участием ЕАЭС и стран, с которыми

---

¹ Между Арменией и Азербайджаном существует конфликт вокруг статуса Нагорного Карабаха. В феврале 1988 г. Нагорно-Карабахская автономия объявила о выходе из состава Азербайджанской ССР. Впоследствии Азербайджан утратил контроль над Нагорным Карабахом и семью прилегающими к нему районами в ходе вооруженного противостояния в 1992–1994 гг. Переговоры по мирному урегулированию конфликта ведутся с 1992 г. в рамках Минской группы ОБСЕ во главе с тремя сопредседателями – Россией, США и Францией. На азербайджано-армянской границе периодически возникают боевые столкновения с последующим взаимным обвинением конфликтующих сторон в обострении ситуации. См.: [396].

у нас уже есть тесные партнерские отношения – Китаем, Индией, Пакистаном и Ираном» [339, с. 104].

С 1990-х гг. процесс интенсификации международной интеграции стран постсоветского пространства стал продвигаться в целях усиления и стабилизации экономического положения евразийских государств [10, с. 51–52]. В этот период ведущие политики региона были озабочены поиском идеологической основы евразийского политико-экономического союза. Ощущалась некая «общая неудовлетворенность развитием интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Поиск идеологической платформы для стимулирования центростремительных тенденций и новых моделей взаимодействия стал общим делом для политических элит того времени» [37]. Одним из первых идею общей Евразии сформулировал Президент Казахстана Н.А. Назарбаев: «Возникает вопрос: что представляют из себя цивилизационные и культурно-исторические предпосылки Евразийского Союза, влияют ли они на процессы интеграции, в чем выражается это влияние и в целом о чем свидетельствует?» [409, с. 5]. В книге «Содружество Евразия» Н. Назарбаев пишет: «Евразийский Союз может помочь возродить евразийскую традицию толерантности. Моя идея формирования Евразийского Союза предполагает цивилизованное решение как межнациональных, так и межгосударственных проблем и противоречий» [404, с. 328]. Евразийский Союз мыслился им как широкий интеграционный проект, объединяющий политические, экономические и культурные ресурсы стран участниц этого проекта [406].

Интеграционная политика предусматривает открытие таможенных границ, формирование и проведение совместной экономической политики, создание наднациональных фондов для финансирования мероприятий проводимой политики [74, с. 29–32]. Интеграция – это не только упразднение взаимных торговых барьеров между странами, но и установление общих правил политических отношений, формирование широкомасштабных альянсов [161, с. 14–21]. Интеграция предусматривает свободное обращение капитала, товаров,

рабочей силы, дополняется гармонизацией социальной, фискальной и монетарной политики [452, с. 53]. На путь интеграции страны Каспийского региона вступили с серьезным грузом социально-экономических и политических проблем, поэтому не всегда задуманные интеграционные проекты доводились до логической реализации и оправдывали возлагаемые на них надежды.

В оценке уровня безопасности и интеграции Каспийского региона важно также учитывать роль Каспийского моря как географического фактора. Сам факт наличия Каспийского моря играет важную роль в экономическом развитии этих стран¹. И хотя Каспий не имеет выхода к мировому океану, его коммуникационное значение играет ведущую роль. Все дело в том, насколько эффективно страны этого региона используют его логистические возможности и учитывают их в планировании своих стратегических внешнеполитических курсов.

Российские эксперты отмечают, что «транспортные услуги могут стать одной из крупнейших после нефтегазового сырья статей российского экспорта. Это возможно только при комплексном развитии крупных транспортных коридоров в направлениях «Запад – Восток» (с использованием Транссиба), «Север – Юг» (побережье Балтийского моря – Персидский залив) и «Северного морского пути» [524].

Проблема интеграции сталкивается с решением вопроса о региональном лидерстве. США боятся проиграть в открытой конкуренции. Вашингтону выгодно, чтобы все геополитические дороги вели именно в США, и они выступают против и критикуют то время (и особенно наследие этого времени), когда все дороги этого региона вели в Москву. Именно в переориентации внешних предпочтений этих стран Вашингтон и видит реализацию своей внешнеполитической стратегии в регионе Большого Каспия.

---

¹Согласно эмпирическим оценкам международных организаций, экономики стран, не имеющих выхода к морю, растут медленнее на 1,5%. Их товарооборот в среднем на 30% ниже, транспортные издержки примерно в два раза выше, чем у стран с выходом к морю [34].

В начале 2000-х гг. США попытались за счет ресурсов Каспийского региона значительно укрепить свою энергетическую безопасность и ограничить влияние России и Ирана в регионе, поддерживая гарантированный поток энергоресурсов на мировые рынки [217].

Для стран Большого Каспийского региона США предлагают свой интеграционный проект, в котором в завуалированном виде представлены их собственные национальные интересы. Прежде всего, проекты направлены на противодействие влияния таких стран, как Россия, Китай, Индия, Иран, которые вместе способны составить Вашингтону серьезную конкуренцию и невозполнимые репутационные издержки.

США в этот регион привлекают богатые энергоресурсы. Именно благодаря тому, что богатые нефтегазовые ресурсы были исследованы и известны всему миру, в Каспийском регионе началась так называемая «Новая Большая игра» ведущих мировых держав [765]. В аспекте энергетической безопасности стран Запада особую значимость приобрела проблема беспрепятственного доступа (прежде всего через территорию Кавказа) к нефтяным и газовым ресурсам Каспия и их освоение. Именно на этом в первую очередь и построен т.н. «интеграционный проект» США.

Концепция американского политолога Збигнева Бжезинского о «Евразийских Балканах» становится основой внешнеполитического курса США на пространстве Евразии. Ключевыми принципами внешней политики являются сохранение «геополитического плюрализма» и ограничение возможности для России стать доминирующей страной в Каспийском регионе. Вместе с тем американские аналитики признают, что их собственная политика в этом регионе отличается фрагментарностью, условностью и непостоянством [745, р. 16–18]. Белый дом мало обращает внимания на этот регион, поскольку занят регуляцией в других более значимых для него регионах.

Свои энергетические интересы в Каспийском регионе имеет и Европейский Союз. Для экономики стран ЕС Каспийский регион выступает значимым

экспортером энергоресурсов, а также специфическим мостом, позволяющим получить доступ не только к ресурсам региона, но и прямой доступ к Центральной Азии и Китаю [566]. Основная цель, которую преследует ЕС в Каспийском регионе, – это обеспечение и укрепление энергетической безопасности стран Европейского Союза. Россия и Ближний Восток оказывают газовое давление на ЕС. Желая ослабить эту зависимость, Евросоюз пытается изменить ситуацию посредством новых поставщиков в лице прикаспийских стран: Азербайджана, Туркменистана и Казахстана [200, с. 295–303]. Влияние ЕС на Каспии реализуется в основном через сотрудничество с Азербайджаном. 50% от всего импорта нефти в ЕС занимает именно азербайджанская нефть [327].

Еще один ведущий геополитический игрок – Китайская Народная Республика – проявляет стабильную заинтересованность в развитии экономических и политических связей со странами этого региона. Как было уже отмечено нами выше, Китай стремится создать вокруг себя необходимую благоприятную политическую, оборонную и национальную обстановку. Посредством проекта «Экономический пояс Шелкового пути» КНР намеревается развивать различные межрегиональные связи, что способствовало бы развитию регионального сотрудничества и созданию новой модели давления, которая позволит открыть западные районы Китая для развития, а также для проведения реформ на востоке Китая [667].

Являясь лидером по объему капиталовложений среди азиатских стран, КНР представляется выгодным партнером в торгово-экономическом сотрудничестве [622, с. 141–149].

В первые десятилетия XXI в. правительству Китая удалось добиться значимого участия в нескольких нефтяных проектах в Центральной Азии и наладить прямые поставки энергии из региона. Так, в 2004 г. было подписано соглашение о строительстве нефтепровода «Атасу – Алашанькоу» (Западный Казахстан – Западный Китай) [561, с. 42–48]. В 2009 г. был также введен в эксплуатацию магистральный газопровод «Туркменистан – Китай» [572].

Одна из ключевых проблем взаимного сотрудничества РФ и КНР связана с пересечением их геополитических и интеграционных стратегий. Так, например, «политика России в рамках ШОС в отличие от Китая заключается в многостороннем сотрудничестве стран в области региональной безопасности, в создании единого механизма в борьбе с терроризмом, а также совместного взаимодействия стран против присутствия и влияния Соединенных Штатов в Центральной Азии» [564, с. 18–19]. В свою очередь, Пекин предлагает проекты, направленные именно на его лидерство и доминирование в регионе. Россия настороженно относится к китайским инициативам, опасаясь, что экономический рост Поднебесной от этого будет только возрастать.

Китайские аналитики признают, что «процесс построения Евразийского экономического партнерства не может идти гладко во все времена и неизбежно столкнется как с предсказуемыми, так и с непредвиденными трудностями. Во-первых, Россия обеспокоена тем, что огромная экономика Китая может повредить интеграционным процессам ЕАЭС и что конкурентоспособность китайских товаров может оказать огромное внешнее давление на экономику ЕАЭС; во-вторых, после того, как ШОС признает страны-новички, разногласия между индо-китайцами и индо-пакистанцами могут негативно сказаться на эффективности механизмов разностороннего сотрудничества и консультаций в рамках ШОС; и так далее» [659, с. 98].

Очевидно, что Россия в рамках своего интеграционного проекта стремится сохранить своё влияние в Центральной Азии и в Каспийском регионе [11, с. 81]. По мнению китайского исследователя Чен Хунцзе, «российская элита пытается достичь двух целей: сохранить политическое верховенство в постсоветском регионе, тем самым не давая другим игрокам закрепиться без согласия России; и расширить влияние России за пределами постсоветского региона» [500]. Чен Хунцзе также отмечает, что «китайская элита понимает регионализм в функциональном смысле, в то время как Россия создает региональное сотрудничество в конкретном пространстве. Китайское видение регионализма

отражает экономические приоритеты, а для России политическое влияние остается ключевым. Новый Шелковый путь Китая подкреплен конкретными финансовыми ресурсами, и можно ожидать, что он будет реализован. Между тем российские проекты больше связаны с позицией великой державы и сохранением своего имиджа» [500; 524].

Практика реализации интеграционных проектов в Евразии свидетельствует об их разноскоростном и разноэффективном продвижении. Очевидно, что страны Большого Каспия ищут зоны и линии, по которым им можно будет эффективно развивать свои интеграционные возможности, но не у всех выдвигаемых ими проектов происходит синхронизация политической воли и возможностей. Многие проекты «застряли» на стадии своей реализации, другие «забуксовали» еще на стадии планирования.

Следует признать, что не совсем оправдал своих изначальных ожиданий такой интеграционный проект, как СНГ.

Несмотря на внешнеполитическую активность в отношении сближения стран, ранее входящих в состав СНГ, для большинства экспертов это содружество представляется неким нагромождением документов и соглашений, не имеющих под собой подлинной законопроектной основы [256, с. 20–23]. Критика структуры и деятельности СНГ звучит постоянно на протяжении всего времени существования этой организации. При наличии слабых партнеров России одной весьма сложно вытягивать этот проект, как это делает, например, США в отношении НАТО.

Одной из общих тем евразийских стран стала проблема демократического транзита. Как в свое время отмечал А.Ю. Мельвиль, «сам феномен современных неоавторитарных трансформаций, как и вообще беспрецедентные различия в результатах режимных изменений, ставят перед политологическим сообществом фундаментальную задачу существенного концептуального обновления сложившихся представлений о политических изменениях и политическом развитии с учетом разновекторного характера современных политических трансформаций» [381, с. 123–134]. Как подсказывал многовековой опыт

государственного строительства этих стран, каждая имела свой особый путь в процессе трансформации авторитарного политического режима в демократический. И каждая выбрала свою модель и свой уровень демократии.

Впрочем, специалисты так до сих пор и не могут определиться с тем, как им в общем охарактеризовать наблюдаемый в этом регионе процесс – демократический транзит или «Post-Imperium» [574]. Говоря о демократии и демократизации, мы всегда должны помнить и о том, что страны этого региона в прошлом были империями и имеют также и имперские традиции управления. Поэтому необходимо всегда сопоставлять обе эти тенденции, которые при определенной позиции могут и не противоречить друг другу, а отвечать новейшим запросам политической действительности.

В научной литературе и в СМИ можно встретить неоднозначные оценки деятельности самого главного интеграционного проекта Евразии – Евразийского экономического союза (ЕАЭС) [69], который является одним из крупнейших интеграционных группировок в мире. Его создание началось в крайне непростых геополитических условиях [317, с. 101–104]. Данный проект все еще находится в периоде своего становления, поэтому сегодня трудно говорить о его реальных результатах. Достижения есть. Но проблем на пути его развития оказывается еще больше [10].

Как правило, выделяют следующие основные направления, по которым идет развитие Евразийского экономического союза: 1) создаются условия для развития бизнеса, банковского сектора и финансовых рынков; 2) создаются условия для развития инноваций; 3) создаются условия для развития рыночной инфраструктуры, включая транспортный комплекс стран-участниц; 4) развивается региональное и международное сотрудничество, включая отношения с другими странами, регионами и международными альянсами [140, с. 253].

Специалисты считают, что Евразийский экономический союз (ЕАЭС) имеет свой определенный политический и экономический потенциал, который может оказывать влияние на развитие мировых процессов в целом и даже наиболее

масштабно менять его геополитическую и геоэкономическую архитектуру [411, с. 15–29]. Тем не менее признается, что система показателей, которая дает объективную картину произошедших результатов первой половины 2010-х гг., предъявляет результаты, идущие вразрез с прогнозами официальных экспертов и аналитиков [11, с. 18].

Как показывает политическая практика, отстаивание национальных интересов членов ЕАЭС приводит порой к возникновению внутренних конфликтов интересов. Так, например, Республика Беларусь настаивает на том, что либерализация цен на нефть должна следовать за либерализацией производства, а не предшествовать ей [577, с. с. 5].

Принято считать, что наиболее развернутую концепцию евразийской интеграционной модели предложил президент Казахстана Н.А. Назарбаев [416].

В этой связи следует также отметить и проект Транс-Евразийского пояса (TERP). «Идея проекта, выдвинутая рядом ведущих российских ученых [РАН] и поддержанная Президиумом Российской академии наук, заключается в том, что Россия может и должна стать интегратором на евразийском континенте. Это альтернатива ситуации, в которой Россия является «яблоком раздора», поскольку она расположена не между Европой и Азией, а объединяет эти цивилизации, становясь цивилизационным центром» [339, с. 106]. Предлагаемый проект является единственным сухопутным логистическим маршрутом из Тихого океана в Европу без пересечения границ. Москва его фактически оценивает как обновленный Транссиб XXI в. В условиях глобального контекста TERP является инструментом для интеграции российской экономики в мировые экономические структуры.

В рамках общекаспийского интеграционного проекта инициативы Ирана выглядят более умеренными и скромными. Официальный Тегеран неоднократно выступал с инициативой каспийской интеграции. Напомним, что еще в 2008 г. между Россией, Ираном и Катаром возникла идея создания «газового ОПЕК» [50]. Позже Тегераном была выдвинута инициатива «создания Организации Каспийского экономического сотрудничества для решения вопросов инвестиционной,

финансовой и экономической политики, а также торговли, экологии, судоходства и энергетики. Россия поддержала данную идею, однако она так и не была реализована. Повторные попытки Иран предпринял уже в 2014 г. на международном экономическом форуме «Каспийский диалог» [359, с. 67]. Инициативы Тегерана остались нереализованными во многом из-за напряженной международной обстановки, которая сложилась вокруг этой страны по инициативе США и ряда крупных западных игроков.

Очевидно, что эти проекты противоречат интересам самих США, которые неоднократно выступали с собственными инициативами. Так, например, США ратуют за то, чтобы пять государств Центральной Азии (а впоследствии и присоединившийся к ним Афганистан), образовали Ассоциацию Центральных Азиатских государств [52, р. 20].

Для справедливости отметим, что все выше обозначенные проекты оказались нереализованными в силу определенных геополитических противодействий сторон, вовлеченных в геополитический процесс Большого Каспийского региона.

Россия должна действовать с учетом происходящих в мире глубоких и глобальных системных изменений. Как отмечают российские аналитики, «деиндустриализация стала проблемой для Европы и США, начиная с 1990-х годов. Вскоре после распада Советского Союза доля промышленного производства в структуре национального ВВП и мирового промышленного производства начала неуклонно снижаться. В 1990 г. на долю Европы и Северной Америки приходилось 40,7 и 23% соответственно в структуре добавленной стоимости, производимой промышленностью, по сравнению с 27,8% в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако эти цифры изменились к 2014 году до 27,5 и 20,9% для Европы и Северной Америки соответственно и до 44,6% для АТР (по данным ЮНИДО)» [339, с. 110]. Российская политическая элита должна четко реагировать на подобного рода изменения и корректировать свою внешнюю политику с учетом этих новых данных.

Как показывает новейшая политическая история, в более выигрышном положении оказываются те, кто имеет цивилизационные проекты, выживут те, кто сохранил имперское политическое сознание и комплексное видение геополитической ситуации. И у России здесь неплохие шансы. Весь вопрос состоит в том, сумеет ли она воспользоваться ими себе во благо и не во вред другим. В условиях глобального экономического кризиса возрастает соблазн выжить за счет других. Именно таким путем идут США и их сателлиты. Но данный путь неприемлем для России, которая имеет совершенно иные культурно-цивилизационные коды развития.

Смещение мировых центров из Северной Атлантики в сторону Тихоокеанского региона является мировым трендом, который были вынуждены признать и сами ведущие страны западного мира. «В этом отношении Россия и бывшие советские республики оказались «в одной лодке» со странами Запада, а Китай и страны Юго-Восточной Азии – в другой. Это создает определенную дихотомию в стремлении к развитию, предпочитаемому каждой группой стран, которую нельзя игнорировать, особенно при объединении китайских и российских инициатив в Евразии. Если Россия решит просто служить «мостом» между Европой и Китаем, она рискует стать не более чем наблюдателем за развитием, происходящим в этих регионах, не получая никакого импульса к своей собственной модернизации» [339, с. 110]. Глобальная политика формирует новые вызовы, которые развиваются в условиях глобализации и возникновения новых экономических и политических макрорегионов. Появляются и стремительно развиваются новые экономические лидеры, под влиянием которых происходит неизбежное переформатирование геополитического пространства и формирование новых политических группировок и структур.

В ближайшее время, по мнению многих экспертов и аналитиков, международные отношения ожидает серьезная перестройка, связанная именно с перемещением мировых центров с Запада на Восток. В результате всего этого будет возрастать (и мы уже это видим) сопротивление тех стран, которые ныне

утрачивают свою мировую гегемонию и находятся в системном кризисе своих политических структур. Изменения коснутся не только глобальных, но и региональных отношений. На фоне общего кризиса глобализма возрастает роль региональных организаций, которые на своем уровне выстраивают свои системы безопасности и интеграции. Страны региона Большого Каспия могут и должны сказать свое веское слово в выстраивании этих систем, которые должны в итоге принести им желаемое процветание. Для реализации этой задачи необходимо не просто объединиться, но и дать коллективный отпор тем притязаниям, которые все время возрастают со стороны третьих игроков, не имеющих к этому региону никакого географического отношения, но пытающихся навязать ему свою политическую волю и экономическую зависимость. Именно в положительном решении этого вопроса и заключается создание конструктивной системы международной безопасности в регионе Большого Каспия.

В целом интеграция призвана построить такой транснациональный миропорядок, который был бы взаимовыгоден всем его участникам. Для этого им следует преодолеть целый ряд серьезных проблем, главной из которых является то, что на транснациональном уровне политические системы всегда испытывали проблему нехватки управленческих мощностей. Именно система управления является самым слабым звеном в цепи интеграционных процессов.

Из вышеизложенного материала видно, что интеграция является важнейшим элементом в выстраивании системы региональной безопасности. Алгоритм действий заключается в том, чтобы не ограничивать себя в попытках выдвижения и реализации новых проектов, направленных на формирование в перспективе полноценных союзнических отношений. В настоящее время союзы стран этого региона носят ситуативный характер и в значительной мере определяются воздействием со стороны третьих стран, не оставляющих попыток навязать этому региону свою «глобалистскую волю». Попытки ведущих держав этого региона (в первую очередь России и Ирана) убедить своих партнеров в том, что подобного рода вмешательства наносят вред общей идее Большого Каспия, не всегда встречаются

должное понимание и поддержку. Многим по-прежнему сотрудничество с этими старыми гегемонами кажется более предпочтительным, чем развитие собственных интеграционных схем.

В основе идеи Большого Каспия лежит концепт общности политических, экономических и культурных факторов в их истории и современном развитии; насколько эти страны заинтересованы быть регионально объединенными. Интеграция зависит от того, сколько позитивных (конструктивных) идей разделяют участники этого объединения, стали ли они своими для всех или были признаны лишь формально. Какие интеграционные идеи мы можем в этой связи назвать?

Одной из таких объединительных идей этого региона является традиционализм: 1) господство консервативных ценностей (религия, семья, культурно-историческая идентичность, неприятие западной неолиберальной доктрины LGBT и т.д.), 2) национальная традиционная демократия, 3) традиции сильной исполнительной власти. У каждой страны свое понимание этих ценностей, но в целом они для них имеют принципиальное значение.

Для ведущих стран Большого Каспийского региона (прежде всего для России и Ирана) характерна также историческая традиция империи – поиска и утверждения своей национальной доктрины в качестве самодостаточного доминирующего международного фактора. Именно в силу этого у них обнаруживается весьма стойкое сопротивление к чужому доминированию, особенно если этот доминант находится за пределами их мировой компетенции и навязывает им свою экспансию.

4.2. Каспий и каспийские страны в рамках реализации китайского инфраструктурного суперпроекта «Один пояс – один путь»

В настоящий период в условиях современной глобализации национальным интересам государства соответствует формирование сотрудничества с другими странами не только в политической или экономической сфере, но также и в иных областях, например, культурной или торговой. Но в связи с определенными условиями национальных интересов страны упор должен производиться на конкретный вид сотрудничества.

С целью извлечения глобальных преимуществ КНР старается использовать мягкие, опосредованные методы дипломатии, стремясь заинтересовать потенциальных союзников; в первую очередь, приоритет отдается государствам Азии и странам, находящимся в стадии развития [188, с. 98–105].

На взгляд китайского руководства, подобная взаимосвязь развития КНР и современного общества демонстрирует рост ответственности Китая на мировой арене. К главным принципам внешнеполитической деятельности руководитель МИД Китая в первый раз отнес строительство международных отношений нового вида, которые базируются на сотрудничестве и в совместном выигрыше. При этом основой китайской дипломатии считается формирование различных видов партнерских отношений: строительство таких отношений, но никак не объединений или союзов, стремление к совместному диалогу, но никак не к противоборству. Теория правильного понимания долга и выгоды, стремление к отстаиванию справедливости и правды и есть ценностный ориентир в международных отношениях современной политики КНР.

Китай осознанно ведет политику невмешательства во всем мире. Во всех спорных вопросах он занимает нейтральную позицию. Если же что-то сильно затрагивает его экономическую политику, то в таких случаях он вмешивается. Китай больше занят развитием своей экономики. Через экономическую мощь он выходит и на политическое влияние.

Так и в странах Прикаспия Китай наращивает свое политическое влияние через экономический фактор. Активно инвестируя в проекты государств и проводя политику стратегического партнера, Поднебесная укрепляет свою мощь не только в Каспийском регионе, но также и в АТР, что очень важно для внешнеполитического курса страны [560, с. 47–61].

С давних пор своеобразным проводником для Китая был Казахстан, помогавший ему наладить отношения с Европой и Центральной Азией. В своей внешней политике Китай считает Казахстан вторым (после России) крупнейшим торговым партнером, что не может не отражаться на отношениях между этими странами. «Казахстан – это своеобразный мостик для торговли между КНР и странами Европы, и транзитный потенциал является, с точки зрения Пекина, главным преимуществом экономики среднеазиатской республики. Однако для того, чтобы реализовать его в полной мере, КНР необходимы инвестиции в модернизацию транспортной инфраструктуры Казахстана, что вполне укладывается в китайскую концепцию Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). Присутствие КНР в нефтегазовой отрасли Казахстана постоянно растет, китайцы не только активно инвестируют в инфраструктурные проекты, но и вкладываются в приобретение небольших компаний. Еще один крупный китайский проект в Казахстане – компания «Казахмыс», которая является практически монополистом добычи меди, золота, цинка, никеля, хрома и алюминия в стране. 80 % ее продукции экспортируется именно в Китай» [607].

Отдельно стоит отметить дружное сотрудничество обеих стран в саммите ШОС. Это азиатский аналог западной «большой семерки». Ежегодно представители ШОС встречаются для того, чтобы обсудить самые важные проблемы и определить вектор развития на ближайшие месяцы. Это позволяет всем активнее развиваться во многих сферах деятельности.

Оживленные торгово-культурные обмены по «Великому шелковому пути» заложили прочный фундамент для традиционной дружбы между странами, продолжающейся и по сей день, в контексте многостороннего взаимодействия. Так, по восходящей линии развивается китайско-туркменское сотрудничество

в рамках двусторонних отношений. Туркменистан во внешнеполитическом векторе Пекина занимает место важнейшей составной части региона, установление взаимоотношений с которым на всех уровнях является вопросом прямой экономической и стратегической безопасности Поднебесной. За 25 лет туркмено-китайское сотрудничество, базирующееся на принципах равноправия и взаимной выгоды, получило новое наполнение.

В последние годы Китай и Туркменистан установили стратегическое партнёрство, подписали Договор о дружбе и сотрудничестве, обеспечив поступательное развитие межгосударственных отношений [248, с. 107–110]. Этот договор имеет огромное значение для сотрудничества двух стран, так как инвестиции – важнейший инструмент установления экономического влияния КНР.

Из всех областей сотрудничества КНР и Туркменистана ярче остальных выделяется газовая сфера, это проявляется в нарастающей динамике событий в двусторонних отношениях. Газопровод Туркменистан – Китай протяжённостью 1800 км является крупнейшим трансграничным газопроводом в мире. С конца 2009 г. Китай приобрёл 160 млрд. куб. м туркменского газа и стал его крупнейшим импортёром [572].

По мнению российских экспертов, «одним из важнейших направлений ближневосточной политики Китая выступает Иран», занимающий выгодное геополитическое и геостратегическое положение, поскольку имеет выход в Каспийское море, Индийский океан, контролирует значительную часть Ормузского пролива и Персидского залива, т.е. держит под контролем важнейшие торгово-экономические пути. Также Иран – одна из крупнейших нефтедобывающих стран, где сосредоточено 9% мировых запасов нефти (четвертое место в мире) и 16% мировых запасов газа [560, с. 55–59]. Недаром страна занимает второе место по нефтедобыче в ОПЕК. В национальных интересах КНР среди основных выступает обеспечение бесперебойных поставок энергоресурсов, что жизненно необходимо для растущей стремительными темпами китайской экономики [201]. Китай нуждается в Иране как в поставщике энергоресурсов, а для Ирана Китай, с одной стороны, главный инвестор,

вкладывающий в иранскую экономику огромные средства, что позволяет ему удерживаться на плаву в эпоху кризиса и дестабилизации экономики, а с другой – потенциальный союзник в противоборстве с США. Таким образом, китайско-иранское сотрудничество имеет взаимовыгодную и прагматичную основу» [333].

С момента установления дипломатических отношений между Азербайджанской Республикой (АР) и Китайской Народной Республикой 2 апреля 1992 г. двусторонние связи государств динамично развиваются. Пекин, максимально заинтересованный в реализации собственных внешнеполитических целей и задач, методично наращивает свое влияние в регионе [292; 337].

«Каспийское море является важным торговым каналом, соединяющим Евразийский континент. Китай приветствует и высоко оценивает усилия азербайджанской стороны по содействию строительству транспортной инфраструктуры и реализации проектов, которые способствуют взаимосвязанности. Пекин готов углублять всестороннее китайско-азербайджанское сотрудничество в рамках инициативы «Одного пояса, одного пути» и вносить должный вклад в развитие стран, расположенных вдоль «Шелкового пути» посредством инвестиций в экономическое развитие Азербайджана» [292].

Российско-китайские отношения являются наилучшими за всю историю связей между двумя странами. Взаимодействие этих двух стран на международной арене является одним из важнейших факторов для обеспечения стабильности в международных делах. В настоящее время продолжается тенденция положительного развития китайско-российских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия.

В основе двустороннего сотрудничества – международное право, его неукоснительное уважение, признание центральной роли ООН, недопустимость вмешательства во внутренние дела.

КНР делает ставку на стратегические партнерские отношения как на двустороннем, так и на многостороннем уровне в рамках различных международных структур, включая ШОС и БРИКС [469, с. 273].

Внешняя политика между странами базируется на взаимовыгодном партнёрстве и сотрудничестве против стран, входящих в состав НАТО. Главные проекты – Азиатский банк, БРИКС и содействие Шанхайской организации сотрудничества. Также Россия и Китай имеют единый взгляд по такой проблеме, как борьба с религиозным экстремизмом, национальным сепаратизмом и международным терроризмом, и это показывает, что стратегические цели у государств похожи.

По мнению экспертов, «углубление российско-китайского стратегического сотрудничества и партнёрства стало новой отправной точкой в истории отношений двух стран. Недавно в Пекине проводился форум в рамках проекта «Один пояс – один путь». Переговоры прошли достаточно плодотворно, в процессе обе стороны достигли договорённостей по ряду важных вопросов. Участники конференции высказывались за расширение сфер делового сотрудничества между Россией и Китаем в области инвестиций, энергоресурсов, науки и техники, сельского хозяйства, экологии, транспортного сообщения, культуры. Особенно важно ускорить формирование механизма российско-китайской зоны свободной торговли, сотрудничать в крупных стратегических проектах, поддерживать российско-китайское всестороннее экономическое ускоренное развитие» [497; 657, с. 160–161].

Таким образом, Китай старается поддерживать хорошие отношения со всеми своими соседями, и его две главные стратегии во взаимоотношениях с соседями и основными партнерами – это «мягкая сила» и экономическое сотрудничество. Как говорилось выше, Китай проводит политику невмешательства во внутренние дела государства, поэтому можно с уверенностью сказать, что интервенционистская политика не характерна для КНР. Китай стремится укрепиться в статусе региональной державы, поэтому в будущем лишь будет продолжать усиливать свое влияние – экономическое, политическое и культурное – посредством стратегического партнерства.

Отметим, что Китайская Народная Республика в настоящее время занимает одно из первых мест по динамике развития. Разумеется, поддержание высоких темпов роста национальной экономики невозможно без роста потребления

энергоресурсов. Одним из ключевых направлений во внешней политике Китая является «роль и влияние энергетики на внутреннюю и внешнюю стратегию государства, ее превращение из чисто экономического фактора в фактор политической борьбы за жизненно национальные интересы КНР. Фактически проблема обладания необходимыми энергоресурсами для Китая сегодня – одно из главных условий успешной реализации стратегии реформ и выживания. Причем в условиях, когда природные залежи нефти в Китае не являются стратегическими и долговременными в плане их перспективной разведки и эксплуатации, данная проблема с каждым годом обостряется. В отличие от мировых держав, например США и Японии, у Китая сегодня нет значительных запасов, которые могли бы быть мобилизованы в случае разрыва внешних потоков снабжения или в целях стабилизации при экстремальных колебаниях цен» [652; 560, с. 61–63].

Каспийский регион находится на перекрестке межконтинентальных и межнациональных транспортных коммуникаций «Восток – Запад» и «Север – Юг» и входит в зону жизненно важных интересов Пекина. Вместе с тем всё возрастающий интерес США и укрепление их позиций напрямую затрагивает национальную безопасность КНР.

Государство, оказывая влияние и контролируя данный регион, может обеспечить поставки нефти в свою страну, а также влияние на мировую экономику, что в будущем станет благоприятным для геостратегической конкуренции. Энергетика – это материальная основа экономического развития страны.

Обеспечение безопасности поставок нефти становится ключевым фактором в стратегии энергетической безопасности Китая.

В этом контексте обратим внимание на позицию экспертов, которые «в качестве главной цели Пекина на Каспии называют получение доступа к каспийской нефти и газу на стабильной и долгосрочной основе. В частности, казахстанский эксперт А. Тастенов [566] в своей статье справедливо отмечает, что энергоресурсы Каспия являются одним из основных интересов Китая в регионе, и этот интерес будет возрастать по мере экономического развития КНР.

Эксперт объясняет заинтересованность Китая в получении максимального количества нефти и газа из Центральной Азии и Каспийского региона тем обстоятельством, что, по разным оценкам, от 80 до 90% всей нефти, которая сегодня импортируется в Китай, проходит через Малаккский пролив, который контролируется американским и некоторыми другими военными флотами. В случае осложнения китайских отношений с США такая зависимость может быть использована в военно-политических целях путем перекрытия этого пути транспортировки нефти и газа в Китай. А это уже прямая угроза обеспечения энергетической безопасности КНР [265; 566].

Важно также уменьшить зависимость от стран-производителей Персидского залива и избежать «малаккской дилеммы» у берегов Суматры, поскольку транспортировка из стран Каспийского региона относительно безопасна, коротка и осуществляется по наземным трубопроводам.

Еще одним важным моментом является тот факт, что Каспийский регион входит в проектную инициативу КНР «Экономический пояс Шелкового пути», реализация которого уже началась. Программа нацелена на транспортировку грузов из Азии в Европу. В связи с этим можно сделать вывод, что у Пекина есть еще один повод для укрепления позиций в регионе [265; 566]. Отметим, что активно развивающимся транспортным коридором является «Китай – Центральная Азия – Западная Азия», который нацелен на углубление активно протекающих процессов экономической интеграции КНР с государствами Центральной и Западной Азии, но не ограничивается только этими регионами [47, с. 139–141].

Политика Китая в Каспийском регионе привела к значительным изменениям в международных отношениях. Прикаспийские страны значительно расширили сотрудничество с Китаем в сфере энергетики, осуществив с помощью китайских инвестиций разработку месторождений нефти и газа, а также реализовав трубопроводные проекты, которые обеспечили их углеводородным ресурсам выход на внешние рынки, взамен Поднебесная имеет доступ к энергоресурсам региона и укрепляет свои позиции как энергетической, так и национальной безопасности.

Подводя итоги, считаем необходимым отметить, что стремительный экономический рост Китая, его ускоренная интеграция в мировую экономику и, как следствие, настоящее и будущее влияние на международные отношения сделали роль КНР в мировой политике и экономике в последние годы весьма значительной. Так, одним из приоритетов внешнеполитического курса Китая становится Каспийский регион.

Основы современной дипломатии Китая берут свое начало еще с древних времен. Стратегическая дипломатия, которая присуща китайцам, черпала средства и методы не в принципах, нормах и обычаях международного права, а в теории военного искусства, носящей тотальный характер и утверждающей, что цель оправдывает средства. До сих пор некоторые стратегии имеют место быть, например, не только в ведении дипломатических отношений с другими государствами, но также и в ведении бизнеса.

Проанализировав модели ведения дипломатии, считаем возможным отметить, что Китайская Народная Республика в основном придерживается двусторонней модели ведения дипломатии с другими государствами. Китай усиливает свое экономическое, политическое и культурное влияние посредством стратегического партнерства и придерживается правила невмешательства, что не характерно для интервенционистской политики.

Можно сделать вывод, что Китай больше занят развитием своей экономики и что дипломатия КНР – это в первую очередь экономическая дипломатия, которая позволяет через экономическую мощь выходить на политическое влияние в современном мире.

Роль Каспийского региона для энергетической безопасности Китая достаточно велика. Во-первых, благодаря наземным трубопроводам в Каспии Китай может быстрее и безопаснее получать энергоресурсы. Во-вторых, Каспийский регион входит в мегапроект «Экономический пояс Шелкового пути» и поддержание доверительных отношений со странами Прикаспия входит во внешнеполитический курс. В-третьих, ресурсы Каспийского региона являются одним из главных приоритетов мировых держав, и та страна, у которой будет наибольшее влияние в регионе, будет иметь весомое влияние и на политической арене.

4.3. Каспийские проблемы в рамках концепции Евразийского пространства

Военная доктрина США фактически является квинтэссенцией их геополитической стратегии. «В настоящее время американский военно-политический курс разрабатывается и реализуется на основании предпосылки о том, что Соединенные Штаты являются и в обозримой перспективе должны оставаться единственной сверхдержавой, глобальным лидером, имеющим право единолично формировать такие условия международной обстановки, которые бы в максимальной степени способствовали продвижению ключевых интересов Вашингтона в различных странах и регионах» [459, с. 21].

По данным российских аналитиков, именно на рубеже столетий усилилась военно-дипломатическая и экспансионистская деятельность США и их сателлитов в регионе Центральной Азии [493, с. 123], Кавказа и Каспийского моря. Еще в 2007 г. Н. Злобин заявлял, что «Белый Дом и Госдеп США исходят из того, что достижение реального суверенитета расположенных в Евразии государств является первоочередной задачей политики США. При этом Америка не в состоянии предложить региону свою восточноазиатскую модель развития через предоставление гарантий безопасности и оборонительного американского или натовского регионального зонтика» [227].

В начале XXI в. американская геополитическая мысль не могла определиться не только со своими национальными интересами в регионе Большого Каспия, Кавказа и Центральной Азии, но также и с тем, как им вообще рассматривать этот регион – как нечто единое целое или фрагментарное [693; 715]. Именно от прояснения этих методологических принципов зависела четкость разрабатываемых ими стратегий.

Еще во времена президентства Буша-младшего администрация США выступила за расширение программы НАТО «Партнерство ради мира» со странами Центральной Азии. Именно Россия является главным геополитическим оппонентом США на евразийском пространстве.

Американские эксперты отмечают, что «официальный Вашингтон не устраивает позиция России «status quo» по решению так называемых замороженных конфликтов, хотя и в элите США тоже нет единого мнения по этим конфликтам и, соответственно, нет достаточной политической воли для участия в их решении. Американский истеблишмент находится под сильным давлением со стороны национальных элит, особенно из Средней Азии и Южного Кавказа, доказывающих ему, что Россия не способна на глубокие компромиссы в вопросах, касающихся развития евразийских государств. А расширение НАТО в сторону Евразии и потенциальное появление военных объектов США и НАТО в расположенных там странах вызывает у Москвы опасения за собственную безопасность» [693; 715]. Согласно военной доктрине США, они «готовят свои вооруженные силы главным образом не к отражению крупномасштабной военной агрессии, а преимущественно к войнам со «странами-изгоями», причем на их территории» [459, с. 22].

3. Бжезинский считал, что вопрос Евразии – это вопрос мирового господства США. «Хотя Соединенные Штаты расположены далеко, – признается он, – их роль со ставкой на сохранение геополитического плюрализма в постсоветской Евразии просматривается на общем фоне как постоянно возрастающая по значимости в качестве косвенного действующего лица, явно заинтересованного не только в разработке ресурсов региона, но и в предотвращении того, чтобы только Россия доминировала на геополитическом пространстве региона. Действуя таким образом, Америка не только преследует масштабные стратегические цели в Евразии, но и демонстрирует свои растущие экономические интересы, а также интересы Европы и Дальнего Востока в получении неограниченного доступа к этому до сих пор закрытому району» [77, с. 168]. Развивая далее свою мысль о мировом могуществе, тот же автор поясняет: «Американское глобальное превосходство, таким образом, подкрепляется сложной системой союзов и коалиций, которая буквально опутывает весь мир» [77, с. 40].

Напомним, что З. Бжезинский еще в 1990-х гг. утверждал, что США для того, чтобы поддерживать свой статус мирового гегемона, должны играть всегда ведущую роль в Евразии. Он прямо утверждает: «Каким образом Соединенные Штаты управляют главными геостратегическими фигурами на евразийской шахматной доске и расставляют их, а также как они руководят ключевыми геополитическими центрами Евразии, имеет жизненно важное значение для длительной и стабильной ведущей роли Америки в мире» [77, с. 230]. Центральная часть Евразии, по его мнению, представляет зону раздираемых конфликтов [77, с. 69].

Вытеснение США из Евразии рассматривается Бжезинским как самая серьезная угроза их национальной безопасности. И угроза может исходить из возникших здесь союзов местных держав против США. «Потенциально самым опасным сценарием развития событий может быть создание «антигегемонистской» коалиции с участием Китая, России и, возможно, Ирана, которых будет объединять не идеология, а взаимодополняющие обиды. Такое развитие событий может напоминать по своему размеру и масштабу проблему, которая однажды уже была поставлена китайско-советским блоком, хотя в этот раз Китай, вероятнее всего, будет лидером, а Россия – ведомым. Чтобы предотвратить создание этого блока, как бы маловероятно это ни выглядело, США потребуется проявить геостратегическое мастерство одновременно на западной, восточной и южной границах Евразии» [77, с. 72]. Особенно Бжезинского беспокоит перспектива складывания российско-германского альянса. Если России удастся «оторвать» Германию от атлантического альянса с англосаксами, их мировому господству придет конец. Поэтому США должны приложить все усилия, чтобы рассорить Берлин и Москву. По мысли американских геополитиков, Россию рассорило с Западом расширение НАТО на Восток. Но в целом вина за охлаждение отношений между Москвой и коллективным Западом все равно лежит на России, которая не желала отказываться от «сталинского наследия»: «Пропасть между Вашингтоном

и Москвой углубилась еще больше из-за нежелания Кремля отказаться от всех завоеванных Сталиным территорий» [77, с. 124–125].

Ослабленная после распада СССР Россия даже и в 1990-е гг. продолжала пугать американского геополитика возможностью своего возвращения к активной внешней политике. «Большая протяженность России в Евразии давно способствовала тому, чтобы элита мыслила геополитически. Первый министр иностранных дел постимперской и посткоммунистической России Андрей Козырев вновь подтвердил этот образ мышления в одной из своих первых попыток определить, как новая Россия должна вести себя на международной арене. Меньше чем через месяц после распада Советского Союза он заметил: «Отказавшись от мессианства, мы взяли курс на прагматизм... мы быстро пришли к пониманию, что геополитика... заменяет идеологию» (Российская газета. 1992. 12 янв.) [77, с. 120].

Идеальным для США было фактическое исчезновение России с геополитической карты мира. В этой связи Бжезинский ратует за полную децентрализацию России. Его устраивает не Федерация, а Конфедерация, что будет означать окончательный отказ Кремля от построения новой Империи. А как раз именно Российская Империя (держава) больше всего и беспокоит Бжезинского. «В этой ситуации российской политической верхушке следует понять, что для России задачей первостепенной важности является модернизация собственного общества, а не тщетные попытки вернуть былой статус мировой державы. Ввиду колоссальных размеров и неоднородности страны децентрализованная политическая система на основе рыночной экономики скорее всего высвободила бы творческий потенциал народа России и ее богатые природные ресурсы. В свою очередь, такая, в большей степени децентрализованная, Россия была бы не столь восприимчива к призывам объединиться в империю. России, устроенной по принципу свободной конфедерации, в которую вошли бы Европейская часть России, Сибирская республика и Дальневосточная республика, было бы легче развивать более тесные экономические связи с Европой, с новыми государствами Центральной Азии

и с Востоком, что тем самым ускорило бы развитие самой России. Каждый из этих трех членов конфедерации имел бы более широкие возможности для использования местного творческого потенциала, на протяжении веков подавлявшегося тяжелой рукой московской бюрократии» [77, с. 239–240].

По мысли Бжезинского, для того, чтобы остаться в Евразии, Россия должна решить ряд важнейших задач: адаптация к постимперской реальности, учитывать влияние и устремления Турции и Ирана, минимизация влияния Запада на новые постсоветские государства [77, с. 171].

Уже в 1990-е гг. американский аналитик видел, что одним из главных вопросов государств Прикаспия являются углеводороды и трубопроводы [77, с. 168]. Он последовательно проводит мысль «разделяй и властвуй», для чего начинает соблазнять кавказские и среднеазиатские государства различного рода спекулятивными обещаниями успешного сотрудничества с США [77, с. 155–175, 74]. При этом он всячески подчеркивает, что мировое зло для этих стран исключительно исходит от одной России, США выступают в роли того гаранта, который не допустит этому «злу» восторжествовать на пространстве Евразии.

Одним из рычагов давления коллективного Запада на Евразийское пространство является продвижение ими ценностей демократии. И Бжезинский не скрывает того, что США и их союзники используют демократию для продвижения своих национальных интересов [77, с. 74]. Но, как показывает анализ последних геополитических инициатив США, Вашингтону явно не хватает стратегического вдохновения – все, что они начинали в последние 30 лет, никогда ими до конца не доводилось¹.

Для справедливости отметим, что в своих более поздних работах З. Бжезинский несколько пересмотрел свой столь однозначный подход к американской гегемонии, который он занимал в 1990-е гг. «Из нашего опыта мы

---

¹ Аналитики в один голос говорят о стратегическом кризисе США. В последние годы «американские проекты вовсе не продвигаются, а напротив – рассыпаются. Так, Обама грезил войти в учебники истории как создатель нового «кольца силы» США. Но таких учебников не будет, хотя они могли бы быть, если бы американским элитам больше везло, и они могли бы действовать с той свободой, какую имели в 1950–1960 гг.» [301].

должны знать, что применение военной силы несет за собой непредвиденные последствия и, кроме того, очень, очень затратно, – объясняет он свою перемену отношения. – Мы больше не можем быть глобальным полицейским, потому что это приведет нас к банкротству, вызовет внутривосточески социальный взрыв и внешнеполитически приведет к потере легитимности США» [698]. По его мнению, «Америка может испытать тот же системный паралич, который был в 1980-ых годах в Советском Союзе» [699].

Отметим, что только при президенте Д. Трампе США стали отказываться от политики поддержки демократии и переходить на рельсы «realpolitik».

Цели и задачи внешней политики государств Евразии, и в частности стран Большого Каспия, наглядно проявляются в осуществляемых ими геополитических стратегиях. Геополитические евразийские контуры могут быть определены и описаны посредством анализа этих стратегий, которые содержат в себе основы представлений их политических элит и лидеров относительно сущности проводимой ими внешней политики. Для России важным является не только создание своей собственной адекватной геополитической стратегии, но и постоянный учет позиций и мнений своих основных партнеров по этому процессу. Этому подходу требует от Кремля проводимая им многовекторная внешняя политика, направленная, прежде всего, на отстаивание своих национальных интересов и обеспечение национальной безопасности. Именно из этого должны исходить власти России, предлагая евразийскому мировому сообществу свой вариант комплексной коллективной безопасности.

Российская геополитическая стратегия. На геополитику России определенное влияние оказывает сложившаяся традиция большого государства (империи). «Историческая традиция России предполагает с её стороны активность, глобализм и стремление к лидерству, несвойственные другим постсоветским имитационным демократиям» [592, с. 118–119]. Уже во второй половине 2000-х гг. Кремль «пришел к выводу, что Россия достаточно окрепла для того, чтобы вернуться в международную нишу, которую занимал СССР» [634, с. 136].

По мнению министра иностранных дел России С.В. Лаврова и солидарных с ним российских политиков, разработчиком доктрины многовекторной внешней политики России является Евгений Максимович Примаков, бывший в 1996–1998 гг. министром иностранных дел Российской Федерации, а в 1998–1999 гг. возглавлявший российское Правительство [415, с. 225]. Внешний курс России в 2000–2010-х гг. был определен именно этой доктриной.

Своими научными работами по международной политике Е.М. Примаков фактически выступает главным оппонентом и критиком геополитической доктрины американского господства З. Бжезинского. Как специалист по Ближнему Востоку Е.М. Примаков уделял большое внимание вопросам геополитического соперничества СССР / России и США. Его труды по данной проблематике являются глубоким анализом международной ситуации конца XX – начала XXI в. Именно ему принадлежит разработка концепции многополярного мира и многовекторной внешней политики России. «Эта идея стала не просто красивой геополитической теорией. Примаков последовательно применял ее в повседневной практической работе, особенно когда речь шла о придании внешней политике России многовекторности, об активизации поиска союзников на Востоке и в других регионах мира» [415, с. 26–27]. Таких высоких оценок удостоивались лишь немногие дипломаты, оставившие заметный след в формировании и развитии внешней политики России.

Согласно «доктрине Примакова», в практике международных отношений необходимо выжимать «из абсолютно любой ситуации максимум полезного для своей страны» [415, с. 480]. Проводить подобного рода политику следует с учетом интересов своих партнеров, при этом «принимая во внимание полный расклад сил в том или ином регионе и изо всех сил удерживая при этом паритет интересов ведущих мировых игроков. Примаков знал, что уступками и компромиссом можно добиться очень многого» [415, с. 480].

Примером того, кто не учитывает интересы своих партнеров и оппонентов, являются США. По мнению Е.М. Примакова, внешняя политика США весьма примитивна, «т.к. исходит из незыблемости «американоцентризма» (все прочее

«вращается» вокруг США и только). Такие суждения примитивны вдвойне, так как не учитывают заинтересованности СССР, а затем России в активном развитии отношений с этими быстро растущими азиатскими гигантами, население которых составляет половину всего человечества» [478, с. 71].

Концепция Примакова восторжествовала во внешней политике России после того, когда Россия в очередной раз «обожглась» и обманулась в своих радужных ожиданиях, что «Запад нам поможет». Именно на волне этого разочарования и родилась идея многовекторной внешней политики Кремля [304, с. 11].

Концепцию РИК (Россия – Индия – Китай) впервые сформулировал премьер-министр России Е.М. Примаков, определив ее как партнёрство трёх крупнейших стран Азии. В заявлении министров иностранных дел РИК 2016 г. акцентировалось внимание на более тесном сотрудничестве [792].

Российская военная доктрина в числе первых трех основных внешних военных опасностей указывает: «а) наращивание силового потенциала НАТО и наделение ее глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, приближение её военной инфраструктуры к границам России; б) дестабилизация обстановки в отдельных государствах и регионах и подрыв глобальной и региональной стабильности; в) наращивание воинских контингентов иностранных государств на территориях государств, сопредельных с Россией и ее союзниками, для политического и военного давления на нее» [2].

Главная геополитическая опасность для России кроется в ней самой. Это опасность не найти разумного баланса федерации, успешно пройти между Сциллой и Харибдой (унитарностью и конфедерацией). В 1990-е гг. возникла опасность роста сепаратизма и отделения национальных территорий. Формула «берите столько суверенитета, сколько можете переварить» оказалась опасной в условиях ослабления центральной власти [478, с. 102–103]. Но именно на эти «болевы́е точки» как раз и давил в своей геополитической доктрине З. Бжезинский, мечтавший разрушить Россию, устранить ее с арены

международных отношений в качестве активного геополитического игрока. В дальнейшем он мечтал видеть в качестве такого доминантного игрока Восточной Европы свою Польшу, которая, по его мнению, должна стать верным сателлитом англосаксов [77].

Иранская геополитическая стратегия¹. Геополитика Исламской Республики Иран (ИРИ) исходит из главного тезиса исламской революции 1979 г. – задачи спасения мира от мирового зла и установления справедливого шиитского режим правления [376]. Они верят в шиитскую доктрину возвращения двенадцатого имама Махди, что будет означать торжество справедливости и законопорядка [606, с. 4]. Мессианские корни Исламской революции проявляются в том, что иранское руководство стремится объединить все политические силы, которые разделяют их идеи, в единую надгосударственную систему [41, с. 83]. Среди исламских идеологов распространена идея о необходимости ликвидировать национализм во всех его проявлениях, особенно в форме «нация – государство» [362, с. 55].

Согласно этой доктрине, весь мир разделяется на две области – «область веры (ислама)» и «область войны» (неверных). «Область веры (или ислама)» включает все страны, которые находятся под властью клерикальных исламских правительств (они управляются на основе шариата); к «области войны» относятся как страны, населённые «неверными», так и те мусульманские страны, которые находятся под властью «неверных» правителей [210, с. 24].

Согласно идеологическим постулатам Исламской революции, в геополитической стратегии Тегерана утвердился тезис об экспорте исламской революции по иранскому образцу в другие страны. Этот экспорт предполагает три способа: мирный (пропагандистский), полувойенный и военный. По утверждению самого Хомейни, «целью великой священной войны является свержение всех навязанных извне тиранических и псевдомусульманских режимов сначала в рамках мусульманского мира, а затем и в глобальном масштабе,

---

¹ Далее использован материал: [376].

освобождение мусульманского отечества для создания мирового исламского государства» [241, с. 94].

Распространение получил также концепт «диалога культур». Еще во время своей инаугурационной речи 1997 г. президент Ирана (1997–2003) С.М. Хатами заявил: «Диалог между цивилизациями – необходимость в современном мире. Любая акция, которая может вызвать международную напряжённость, будет избегаться. Мы будем иметь отношения с каждым государством, которое уважает нашу независимость. Но мы будем выступать против тех доминирующих держав, которые пытаются навязать нам свою волю» [цит. по: 121, с. 511].

Иранские стратеги планируют распространить свое политическое влияние на сопредельные территории (Ирак, Ливан, Сирию, Йемен), и в первую очередь контролировать политические элиты и столицы этих государств. На пути реализации этих планов стоят США, которые в этом регионе опираются на своих ближайших союзников (Израиль и монархии Персидского залива). Для Ирана США являются «большим шайтаном». Для США Иран является врагом №1 на Ближнем Востоке. Так коротко можно описать столкновение геополитических стратегий этих двух стран [662, с. 16].

Геополитическая модель Казахстана. Казахстанские политологи позиционируют свою страну как евразийское государство: «Казахстан географически граничит с Центральной Азией, но это не центральноазиатская страна. Мы – евразийское государство, где исключительно сильно влияние Европы, западных ценностей в целом. Мы не ещё один «-стан» в понимании некоторых политиков и журналистов. Наши исторические ориентиры – не Саудовская Аравия, а Норвегия; такие страны, как Южная Корея, Сингапур» [410, с. 1].

Во внешней политике Казахстан с самого начала придерживался многовекторности и стремился задействовать все доступные внешнеполитические ресурсы для целей национального развития. В 1992 г. Казахстан отказался от ядерного арсенала и пошёл на демонтаж своей ядерной инфраструктуры: в феврале 1994 г. в Россию были перемещены стратегические бомбардировщики,

а в мае 1995 г. «всё ядерное оружие, находившееся на территории Казахстана с советской эпохи, уничтожено или перевезено в Россию» [389, с. 7]. Казахстан стал также одним из авторов инициативы по созданию ЗСЯО – Зоны свободной от ядерного оружия в Центральной Азии (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан) [389, с. 7].

Официальные лица Казахстана неоднократно заявляли о том, что «вопреки известной формуле об отсутствии вечных друзей и наличии вечных интересов Казахстан и Россия – страны, которым самой историей суждено быть вечными друзьями [394, с. 6]». «По мере возрастания международного авторитета Казахстана и его роли в мировых делах усиливается и внешнеполитическая связка Москвы и Астаны» [394, с. 6].

О евразийских пристрастиях в свое время много писал в своих книгах первый президент Казахстана (1991–2019) Н.А. Назарбаев [406; 405; 398]. Известно, что именно Казахстан выступил в марте 1994 г. инициатором создания Евразийского союза. Предложенная Н.А. Назарбаевым концепция базировалась на добровольной, равноправной интеграции, совместном политико-экономическом развитии постсоветских государств, общем продвижении стран СНГ на сильные позиции в глобальном мире. Во времена президентства Н.А. Назарбаева Казахстан стремился к тому, «чтобы самый большой материк планеты – Евразия – стал общим пространством мира и взаимопонимания народов» [407]. Назарбаев был «глубоко убеждён, что основанное на равенстве, добровольности и прагматичном интересе Евразийское сообщество может стать глобальным фактором мировой экономики и политики XXI в.» [407].

Чтобы не быть вечным сырьевым придатком мировой экономики, казахский лидер предлагал пойти на серьёзную интеграцию Центрально-Азиатского региона, которая станет дорогой «к стабильности, прогрессу региона, экономической и военно-политической независимости» [399]. Он считал, что «путеводной нитью в процессе всемирной интеграции должны служить равноправные и паритетные отношения со всеми членами мирового сообщества, основанные на добрососедстве, взаимопонимании и доверии» [401]. Анализируя сложившуюся геополитическую обстановку, Н.А. Назарбаев замечает, что «наблюдается конфликт между устоявшимися в Европе системами ценностей и культурой быстро растущих

национальных диаспор. Но не менее острые проблемы возникают и в азиатской части мира. Целая группа молодых независимых государств, которая возникла на стыке двух столетий, изначально была ориентирована на интеграцию в современный мир. Эти молодые государства выбрали путь свободы и демократии» [408, с. 4]. В его представлениях Казахстан – это в будущем процветающее, сильное, самодостаточное государство, успешно решающее глобальные вызовы XXI столетия [400; 403; 402; 397].

Геополитические ориентиры Азербайджана. В своей внешней политике официальный Азербайджан придерживается принципа нейтралитета и многовекторного культурно-экономического сотрудничества. Поэтому Баку заявляет, что ему всё равно, кому продавать газ, поскольку ему одинаково нравятся как проекты, предлагаемые и Россией, и ЕС, и Китаем [232, с. 4].

Официальный Баку придерживается принципа многовекторной политики и стратегии «гибких альянсов». Многовекторность – «это возможность иметь гибкий курс, не примыкая ни к одной из геополитических группировок, но высоко ценить отношения с дружественными соседями и более далёкими друзьями» [610, с. 10]. Азербайджанские аналитики отмечают, что внешняя политика их государства при И. Алиеве стала «своеобразным эталоном выстраивания отношений нового типа в период нынешнего пересмотра регионального сотрудничества в масштабах СНГ. Внешнеполитическая парадигма самого И. Алиева звучит так: «Никто из нас, соседей в регионе, никуда не сможет из региона перейти. И если бы все имели такие соседские отношения, как Россия и Азербайджан, не было бы не только конфликтов, но и вообще недоразумений» [610, с. 10].

Перед азербайджанской элитой стоят 5 важных геополитических вопросов: Нагорный Карабах, Южный Азербайджан, демократизация, нефтепроводы и раздел Каспийского моря. Последняя задача была решена в рамках «каспийской пятерки» в 2018 г. Две первые проблемы носят фундаментальный характер и, как нам кажется, решению в обозримом будущем не подлежат. Две остальные проблемы решаются в рамках геостратегических планов, которые тоже требуют и времени, и наличия определенных ресурсов. Но если нефтепроводы – проблема, упирающаяся в экономические и технологические возможности, то демократизация

носит гуманитарный и политический характер. Так, например, официальный Баку неоднократно заявлял о своём желании интегрироваться в Европу и евроатлантические структуры, объявляя его своим национальным государственным интересом [361, с. 6]. Азербайджанские идеологи предлагают проводить «грань между демократической трансформацией и геополитическим веянием Запада» [388, с. 4].

Азербайджанская политическая элита прекрасно понимает, что на особый характер Каспийского региона колоссальное влияние оказывает его т.н. пограничный культурно-политический характер, поскольку народы этих стран причисляют себя к нескольким культурно-религиозным и политическим системам. Именно это, по мнению официального Баку, и предопределяет многовекторный характер его внешней политики и склонность к диалогу культур [514; 518]. К этому следует также еще добавить то, что Азербайджан подключается к процессам глобализации и старается следовать в русле его новейших трендов [383; 443].

Таким образом, у Азербайджана и России обнаруживается схожесть в позиции многовекторной внешней политики. В сфере их общих интересов входят вопросы безопасности, экономического и культурного сотрудничества. Тенденции к сближению с обеих сторон являются долгосрочными и предполагают в будущем значительное их расширение [434].

Геополитические ориентиры Туркменистана. Во внешней политике Туркменистан чётко придерживался политики «позитивного нейтралитета» – не вмешиваться ни в какие дела и не комментировать никакие события. Туркменистан так существует на мировой арене, как будто бы его там и нет. Свой нейтральный статус Туркменистан пытается строить на принципах других нейтральных стран. Он является членом ООН с 1995 г. [578, с. 1].

Во внешней политике официальный Ашхабад придерживается принципа многовекторности [267; 148, с. 66]. Первый президент Туркменистана (1991–2006) Туркменбаши («глава туркмен») Сапармурат Ниязов (1940–2006) утверждал, что «каждая страна имеет право выбирать свой политический курс, самостоятельно решать внутренние проблемы и противоречия [42, с. 5]». По мнению самих туркменских аналитиков, нейтралитет в современных условиях является наиболее приемлемой моделью реализации национальных интересов,

отвечает историческим, геополитическим, этнокультурным реалиям страны. Нейтральный статус предусматривает соблюдение нескольких основополагающих принципов: 1) он должен быть признан мировым сообществом; 2) по форме должен носить постоянный характер, то есть не ограниченным во времени и действующим как в военное, так и в мирное время; 3) по содержанию – позитивным или конструктивным, что подразумевает активную позицию государства в вопросах поддержки мира и стабильности, развития отношений дружбы и сотрудничества между государствами, это цель и средство вхождения в мировое сообщество путем согласия и партнерства [42].

Для соблюдения статуса нейтральной страны необходимо придерживаться как минимум двух принципов – иметь стабильно мирные границы со всеми соседями и проводить политику «открытых дверей» [42]. Политические элиты Туркменистана ставят перед собой стратегическую цель – превратить Ашхабад в миротворческий центр Центральной Азии. Для этого Туркменистану необходимо вовлечь в свои экономические проекты (в частности, строительство газопроводов) соседние государства. Поэтому в определении своей внешней политики власти Туркменистана на первое место ставят всегда приоритет экономических отношений. «Нейтралитет Туркменистана – с экономико-правовой точки зрения – способствует привлечению иностранных инвестиций в разработку важнейших проектов XXI века по освоению недр Каспийского моря, выводу энергоносителей на мировые рынки» [42].

Если можно сформулировать главный принцип внешнеполитической стратегии Туркменистана, то он может звучать следующим образом: посредством своего статуса нейтрального государства обеспечить себе суверенитет и не попасть под геополитическое влияние других более сильных международных игроков. Для достижения поставленной цели (цели выживания в достаточно агрессивном внешнем мире) элиты Туркменистана пошли на усиление роли государства и формирования суперсильной президентской власти. Последнее привело к тому, что по оценкам мировых экспертов, в стране сложился тоталитарный политический режим, со всеми вытекающими отсюда последствиями [102, с. 200–206].

Дополнительно к этим рассмотренным геополитическим стратегиям стран Большого Каспия мы должны также остановиться на геополитических конструкциях Евросоюза, Китая, Индии и активизировавшейся в последние годы на международной арене Турции.

Геополитическая модель Евросоюза. Согласно общей военной доктрине Европейского Союза, ее сила заключается в военно-политическом союзе с США. Отметим, что свои военные доктрины есть у всех ведущих стран Евросоюза (Германии, Франции и до недавнего времени и Великобритании) [126, с. 16–22; 186, с. 16–20; 641, с. 19–26]. Чаще всего такие доктринальные документы содержат комплекс мероприятий по адаптации военных организаций стран к существующим и перспективным «рискам и вызовам» в сфере безопасности и защиты национальных интересов [186, с. 16–20]. Главным военным инструментом, гарантирующим безопасность ЕС, по-прежнему остается организация Североатлантического альянса (НАТО), которая в свою очередь является рычагом давления на них со стороны США. Именно по этому поводу в свое время Е.М. Примаков замечал, что США играют роль не просто «первой скрипки», но дирижируют всем натовским оркестром [479, с. 196].

В Стратегической концепции НАТО 2010 г. говорилось, что «расширение НАТО делает существенный вклад в безопасность союзников... Дверь к членству в НАТО остается полностью открытой для всех европейских демократий» [669]. Но обеспечение собственной безопасности делалось за счет интересов России. Стратегия провозглашала развитие партнерства с Украиной и Грузией: «продолжение и развитие партнерства с Украиной и Грузией в рамках Комиссий Украина – НАТО и Грузия – НАТО, учитывая евроатлантические ориентации каждой из этих стран» [669]. При этом сам Североатлантический альянс считает военную доктрину России враждебной по отношению к блоку [111]. В военных доктринах России (2010 и 2014 гг.) действительно деятельность НАТО упомянута в качестве внешней военной опасности [132]. Но военная доктрина России носит сугубо оборонительный, а не наступательный характер.

Явной проблемой НАТО в 2010-е гг. стала мнимая российская военная угроза и в разы выросшая на этой почве махровая русофобия [321]. Руководство НАТО все больше погружалось в решение мифических проблем. В этой связи

в ноябре 2019 г. президент Франции Э. Макрон был вынужден даже заявить о «смерти мозга» НАТО из-за полного отсутствия координации по стратегическим решениям между США и союзниками по альянсу [352]. Иногда в жертву политической целесообразности приносится экономическая выгода, и европейцы несут колоссальные финансовые потери ради пресловутой трансатлантической солидарности [730, р. 2].

В 2010-е гг. в ЕС возникла проблема с самоидентификацией, что в итоге в 2016 г. привело Европейский союз к Brexit, к росту сепаратистских настроений в ряде стран Центральной Европы. Проблема безопасности ЕС действительно существует, но исходит она не со стороны России. В ЕС оказывается масса нерешенных внутренних проблем. Среди реальных угроз называется проблема борьбы с терроризмом, ростом незаконной миграции, наркотрафиком и подъемом национализма [26; 113].

В августе 2019 г. президент Франции Э. Макрон неожиданно для многих заявил, что Россия – это глубоко европейская страна и что он верит в Европу от Лиссабона до Владивостока [353]. Он также поведал о трех возможных сценариях развития России: 1) возможность России восстановить статус сверхдержавы, опираясь исключительно на собственные силы (реализовать этот сценарий мешает недостаток экономической мощи и численности населения); 2) «евразийская модель» и 3) предусматривает нахождение новой сбалансированной модели отношений с Европой. Французский лидер выразил мнение, что сейчас Москва воспринимает Евросоюз как вассала США из-за того, что НАТО приблизилось к границам России. Но в будущем, по его мнению, эта позиция может быть пересмотрена [352].

Геополитическая модель Китая. Китайская геополитика – это достаточно специфическая область знаний, существенно отличающаяся от англо-американской geopolitics, немецкой Geopolitik и французской geopolitique [153]. Выше мы уже отмечали главные внешнеполитические цели (проекты) Китая, когда он предлагает мировому евразийскому сообществу свои услуги по политико-экономической интеграции [62; 178; 498]. По мнению российских экспертов, Китай сознательно ограничивал свою внешнеполитическую активность ради накопления сил и последующего рывка вперед [547].

Одной из проблем в развитии современного Китая можно назвать разрыв между темпами роста экономического потенциала и политического влияния Пекина в мире. О необходимости синхронизировать эти два вектора развития Китая говорят многие аналитики в мире. В 2010 г. появились все признаки формирования т.н. «Большого Китая» (или Китайского общего рынка), куда войдут Китай, Тайвань, Сянган (Гонконг), Аомэнь (Макао) и Сингапур.

В начале XXI в. в своей военной доктрине Китай пошел по пути Британской империи и начал формировать свою систему военно-экономической безопасности. Для этого Пекин заменил морскую доктрину «желтой воды» на доктрину «голубой воды» и начал формировать вокруг Евразии и главного морского пути из АТР в Европу военные базы, образующие «нить жемчуга». Новые опорные пункты создаются вдоль Великого морского шёлкового пути, включая Малаккский пролив, чтобы обеспечить безопасность бесперебойной транспортировки энергоресурсов и сырья для китайской экономики [176].

Еще больше настораживает мир энергетическая политика Китая и его геэкономические амбиции [430]. Под финансовый контроль Китая попадают целые отрасли экономик развивающихся стран. Пекин ведет хорошо продуманную и далеко идущую инвестиционную политику. По заявлениям председателя КНР Си Цзиньпина, объем китайских инвестиций в экономику других стран к 2020 г. превысит \$500 млрд. По его мнению, «китайская экономика вступила в новую стадию развития, что будет на пользу всем странам мира» [293]. Влияние Китая на международную политику начинает подрывать монополию США. Штаты давно вынашивали планы ослабления своего главного экономического конкурента, и в 2018–2019 гг. между Вашингтоном и Пекином регулярно происходили торговые войны [199]. «Поднебесная шаг за шагом усиливает свой вес в Центральной Азии и зоне своих южных вод. Незримо идет борьба за восстановление древнего торгово-политического влияния Китая в окружающих его землях. Пекин декларирует не всегда то, что реально делает» [301]. По оценкам аналитиков, Пекин в стратегическом планировании опережает аналогичные процессы в США. «Китай перерос американских партнеров и переигрывает их во множестве малых партий, что может привести его к крупному успеху в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Единственным

способом для США ограничить роль Китая могло бы быть отдаление от него России при предоставлении ее капиталу самых широких прав, но произошло ровно обратное» [301].

США прямо называют одной из главных геополитических проблем ирано-китайские нефтяные контракты, которые помогают Тегерану обходить санкции [703]. При этом Вашингтон забывает о том, что именно Китай помог во многом Штатам справиться с мировым финансово-экономическим кризисом 2008 г., когда экспортировал свою продукцию на рынки США на гигантскую сумму в 117 млрд долларов [312, с. 236].

По мнению американских аналитиков, Москва и Пекин украли у Вашингтона геополитическую стратегию и сами на практике реализовали ее в 1996 г. в виде созданной ими Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В ШОС вошли почти все те страны, применительно к которым и разрабатывалась американская концепция Большой Центральной Азии (БЦА) [824, р. 33].

Ещё Бжезинский был вынужден в свое время констатировать: «Несомненно, Россия и Китай относятся к числу держав, болезненно воспринимающих гегемонию Америки» [77, с. 35]. США и Великобритания рассматривают «геостратегическое сотрудничество» с Китаем в качестве эффективного инструмента установления контроля над всем материком Евразия, решения глобальных финансово-экономических проблем [76]. И одновременно с этим они разжигают конфликтные ситуации вокруг самого Китая [172].

Геополитическая модель Индии. Основа индийской внешнеполитической стратегии держится на т.н. «геополитическом коде» Дж. Неру (1889–1964) [754, р. 30–43]: 1) политика «позитивного нейтралитета», направленная на борьбу за мир, международное сотрудничество, против угрозы войны; 2) разработка концепции «Панча шила» (принципы межгосударственных отношений): а) взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета; б) ненападение; в) невмешательство во внутренние дела друг друга; г) равенство и взаимная выгода; д) мирное сосуществование.

Существовавший при Д. Неру пропагандистский лозунг «Индийцы и китайцы – братья» (Хинди чини бхай бхай) был нарушен китайско-индийской пограничной войной 1962 г. [820].

Еще с 1960-х гг. индийская военная доктрина предусматривала строительство обороны на два фронта – против Пакистана и Китая [757, р. 9]. В 2003 г. свет увидело «Введение в действие ядерной доктрины Индии», в котором было четко заявлено, что Дели будет использовать ядерное оружие в случае применения против индийских войск химического или биологического оружия (даже если их войска будут находиться за пределами индийской территории) [757, р. 13].

Индийская дипломатия рассматривает РИК (Россия – Индия – Китай) как полезное для выработки региональных подходов решение проблем, связанных с борьбой с глобальными бедствиями, наркотрафиком, терроризмом, киберпреступностью и др. [784, р. 37]. Индия является участником целого ряда важных международных организаций: 1) она стала полноправным членом ШОС в 2017 г., что открыло ей возможность для более активного участия в жизни стран Центральной Азии [683, р. 174]; 2) Индия является одним из главных участников Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) с момента его учреждения [708]; 3) четырехсторонний диалог по безопасности (Quad), включающий Индию, Австралию, Японию и США (ее цель – через «динамическое слияние» Тихого и Индийского океанов сформировать политико-экономическую систему «Большой Азии») [705].

Среди первоочередных задач внешней политики Индии можно выделить две: 1) Индии нужно продолжать «прорываться» в Совбез ООН и 2) активизировать свое участие в БРИКС, участие в котором дает Индии дополнительные шансы стать более влиятельным глобальным игроком.

Геополитические ориентиры Турции. Согласно оценкам российских аналитиков, «Турция – мощная региональная держава, пребывающая в ситуации перманентного геополитического выбора. Фундаментальной аксиомой геополитики является факт принадлежности Турции к «береговой зоне». Этот факт исторически возник в ходе драматической истории всего XX века» [194]. Стремление к лидерству культивируется самими культурно-идеологическими традициями турецкой истории. Так, еще Ататюрк пришел к выводу о том, что

«нации нужны вожди, обладающие духовным величием, честностью и целеустремленностью» [58]. Именно на основе таких традиций и выстраивается внешнеполитическая стратегия современной Анкары.

Свои геополитические устремления Турция пыталась сформировать через различные теоретические конструкции, оправдывающие ее уникальное евразийское положение (на стыке Европы и Азии), а также стремление играть роль регионального лидера [329]. Новые геополитические претензии Турции в 1990-е гг. характеризовались излишними амбициями и их явным несоответствием реальным возможностям. Особенно это касалось продвижения их планов по пантюркизму в страны Средней Азии и Кавказа [517, с. 4]. Одной из политических идеологем, влияющих на формирование турецкой геополитической стратегии, является также и неоосманизм (неооттоманизм), содержание которой заключается в наращивании политического влияния Турции в странах, ранее входивших в состав Османской империи, преемником которой рассматривается современная Турция [275, с. 202–203]. На основе этого выдвигаются и внешнеполитические притязания на исключительную роль Турции в политических процессах стран очерченного историей региона.

По оценкам российских специалистов, Турция обладает самой большой и технически обеспеченной армией в регионе. Но и ее возможности ограничены экономическими ресурсами самой Турции. Они могут действовать более или менее самостоятельно только при наличии надежных союзников – в прошлом это были США, в настоящее время – это Россия [260]. Вашингтон всегда поддерживал Анкару деньгами; Москва чаще всего оказывала моральную поддержку. Как показывает практика международных отношений, турецкие вооруженные силы могут участвовать лишь в одном вооруженном конфликте за пределами своей страны и только в том случае, если у них нет обострения внутреннего конфликта с курдами.

Власти Турции всегда стоят в ситуации срыва политического диалога с курдами, что наносит их геополитическим амбициям серьезный удар изнутри [297]. События конца 2010-х гг. показали, что США являются ненадежным союзником Турции и что сама Анкара умеет договариваться и с Москвой, и с Тегераном. Российские аналитики отмечали крайне неустойчивую и весьма

противоречивую геополитическую позицию турецких элит во главе с Р. Эрдоганом, которого часто кидает из стороны в сторону [260].

Официальная Анкара стремится уйти из-под жесткого давления (доходящего порой до откровенного шантажа) со стороны США. Особенно обострились отношения после неудачной попытки государственного переворота в Турции (14 июля 2016 г.) и выявления связей путчистов с командованием НАТО и ЦРУ.

Поняв всю бесперспективность своего вхождения в Европейский Союз, турецкое руководство в 2010-х гг. повернулось лицом к евразийскому интеграционному сотрудничеству. В поисках новых партнеров и союзников Анкара пошла на сближение позиций с некоторыми ведущими странами Евразии, в том числе и с Россией. На примере Турции мы видим, как формирующаяся геополитическая стратегия отражается на судьбах не только одних политических лидеров и их элитах, но и на судьбах рядовых граждан.

Турецкая сторона извлекает свою выгоду из сотрудничества с Россией. Это не только совместные проекты в сфере энергетики (строительство газового «Южного потока» и атомная энергетика), но и продвижение Турции через Россию в ее евразийские проекты.

Евразийское пространство было и остается зоной соперничества ведущих мировых держав, которые понимают, что именно здесь решаются судьбы мира и устанавливаются новые мировые порядки. В начале XXI в. активизировалась роль стран, входящих в так называемый Каспийский регион, который и раньше считался своего рода «Осевым регионом» Евразии. По мнению премьер-министра России (2012–2020) Д.А. Медведева, «Каспийский регион всегда был точкой пересечения геополитических и экономических интересов многих государств» [313]. В последнее время Каспий превратился в узловой регион в современной геополитике, в том числе из-за своего природного богатства: вместе со странами Персидского залива формирует так называемый энергетический эллипс с 70% мировых запасов нефти и 40% газа. Именно энергетика Каспия в будущем станет основой динамичного развития экономики всех стран этого региона [313]. Роль России в этом регионе велика.

По мнению Н. Злобина, для США «вопрос о сотрудничестве с Россией, являющейся «главной евразийской страной», которая имеет «вечные» интересы

в регионе, не подвергается сомнению. Проблема лишь в том, как строить эти отношения, ибо Москва не без оснований считает, что постсоветские страны являются сферой ее глубоких национальных интересов, как минимум в области безопасности, социального управления, транспортировки энергоресурсов и т.д. Думается, что сегодня ни Москва, ни Вашингтон не в состоянии предложить друг другу модель сотрудничества» [420]. Более того, в 2010-е гг. отношения Москвы и Вашингтона были вообще заморожены и приобрели характер продолжающейся холодной войны. Поэтому ожидать в этом вопросе каких-либо конструктивных подвижек в ближайшем будущем не представляется возможным.

Цели и задачи внешней политики государств Евразии, и в частности стран Большого Каспия, наглядно проявляются в осуществляемых ими геополитических стратегиях. Геополитические евразийские контуры могут быть определены и описаны посредством анализа этих стратегий, которые содержат в себе основы представлений их политических элит и лидеров относительно сущности проводимой ими внешней политики. Для России важным является не только создание своей собственной адекватной геополитической стратегии, но и постоянный учет позиций и мнений своих основных партнеров по этому процессу. Этого подхода требует от Кремля проводимая им многовекторная внешняя политика, направленная, прежде всего, на отстаивание своих национальных интересов и обеспечение национальной безопасности. Именно из этого должны исходить власти России, предлагая евразийскому мировому сообществу свой вариант комплексной коллективной безопасности.

В последние годы в дискурсе внешней политики России в евразийском пространстве все чаще начинает возникать тема Каспийского региона как осевого региона Евразии. Геополитические контуры Евразии до последнего времени определяются двумя геостратегиями – США и России. На примере геополитических выводов З. Бжезинского и Е.М. Примакова можно установить, как лидеры этих стран воспринимали и оценивали большую политику на Евразийском континенте и какие ими вынашивались планы.

Подчеркнем, что Каспийский регион – это один из сложных регионов, требующий к себе особого внимания. Каспийский регион играет роль осевого региона

Евразии [781, с. 162–169], вокруг которого так или иначе выстраиваются по разным векторам и осям геополитические конструкции ведущих мировых держав.

Глобальное видение США. Переломным моментом в мировой политической истории стал распад СССР. Даже сами американские геополитики были вынуждены признать, что это стало для них полной неожиданностью. Так, известный дипломат и эксперт в области международных отношений, бывший госсекретарь США Г. Киссинджер в те годы отмечал, что «никогда еще в истории международных отношений составляющие компоненты мирового порядка, цели международных отношений не менялись так глубоко, с такой скоростью и так глобально» [763, р. 73]. В работах тех лет западные (прежде всего американские) геополитики (З. Бжезинский, С. Хантингтон и др.) пытались сконструировать и оправдать модель однополярного мира, доказывая, что могущество США неоспоримо, как и их политическое первенство [595]. По заверению американских идеологов, весь мир начинает подражать и копировать США, особенно среди их «союзников» [77, с. 40].

Согласно американской доктрине однополярного господства, только у одних США цель их геополитики высокая и благая. Все остальные морально и материально уступают США. Бжезинский прямо утверждает, что «главный геополитический приз для Америки – Евразия. Половину тысячелетия преобладающее влияние в мировых делах имели евразийские государства и народы, которые боролись друг с другом за региональное господство и пытались добиться глобальной власти. Сегодня (т.е. 1990–2000-е гг.) в Евразии руководящую роль играет неевразийское государство и глобальное первенство Америки непосредственно зависит от того, насколько долго и эффективно будет сохраняться ее превосходство на Евразийском континенте» [77, с. 43].

Бжезинский следует англосаксонской традиции «Большой игры», рассматривая субъектов Евразии в качестве неких абстрактных фигур в своей геополитической стратегии. Вытеснение США из Евразии рассматривается Бжезинским как самая серьезная угроза их национальной безопасности. И угроза может исходить из возникших здесь союзов местных держав против США. Второй евразийской угрозой для США может стать «германо-российский сговор», который США никак не должны допустить [77, с. 72–73].

Именно в 1990-е гг. Каспийский регион в рамках общего евразийского контекста впервые попадает в зону национальных интересов США. Объявляя Каспий зоной своих национальных интересов, администрация Б. Клинтона рассчитывала на будущую успешную разработку углеводородного богатства этого региона. Россия и Иран, проявляя второстепенный интерес к этой проблеме, тем самым на время «заморозили» его актуальность, несмотря на все старания трех остальных субъектов этого региона актуализировать его значение.

В целом американский подход (в лице З. Бжезинского) к проблемам Евразии следует признать безнадежно устаревшим и не выдержавшим экзамена на практике. Данный проект носил декларативный характер и идеологически пытался закрепить установившийся после распада СССР монополярный мир во главе с США. Однако в настоящее время многие его заявления и постулаты оцениваются и рассматриваются как демагогические попытки придать гегемонии США некие внешние признаки осмысленного доминирования в мире. США пытаются по-прежнему следовать своим имперским амбициям, но в реальности все чаще наталкиваются на непреодолимые для себя обстоятельства, которые делают их политику малоэффективной.

Итак, в начале XXI столетия геополитические контуры евразийского вектора внешней политики России претерпели значительные изменения. Из пассивного наблюдателя за политическими событиями в этом регионе Россия превратилась в полноценного и активного участника, пытающегося формировать свою самостоятельную повестку дня. Сделанные в 1990-х гг. геополитические прогнозы американских аналитиков (в частности З. Бжезинского) устарели и не оправдали себя на практике. Напротив, предложенный Е.М. Примаковым план создания многополярного мира и принятие на вооружение стратегии многовекторной российской внешней политики начали приносить положительные для Москвы результаты. Мы видим, что если для США в евразийском регионе главной является стратегия управляемого хаоса, то для России приоритетной является политика управляемой стабильности. И чем быстрее национальные политические элиты этих государств поймут, что хаос не в их интересах, тем скорее закончится господство заокеанского гегемона на Евразийском континенте.

Наиболее наглядно концепция многовекторной внешней политики России проявилась на примере взаимодействия стран Каспийского региона. Каспийской пятерке удалось договориться о консенсусе, столь редком для политического ландшафта Евразийского континента. Пример их конструктивного сотрудничества (несмотря на всю разность подходов и политических систем) может быть использован и для других региональных отношений. Все предшествующие десятилетия для мирового сообщества привлекательность Каспийского региона определялась уровнем прогноза запасов его энергоресурсов и решением их транспортировки. Каспийский регион будет находиться в тени Большого Востока до тех пор, пока каспийские углеводородные богатства не станут главным фактором на рынке энергетических ресурсов, что может произойти в случае крупномасштабного конфликта вокруг борьбы за нефть и газ зоны Персидского залива. Дестабилизация этого региона может привести к усилению энергетической роли государств Прикаспия. Многое будет зависеть от способности политических элит этих стран вести конструктивный диалог по самым острым проблемам и не выходить за рамки существующих здесь много столетий традиций добрососедства и взаимопонимания.

4.4. Современная Центральноазиатская зона как евразийская геополитическая дуга нестабильности на пространстве Большого Каспия

2022 год можно признать историческим для современного этапа мирового развития. Происходит геополитическое противостояние коллективного Запада и России, которое переросло в формат открытого противоборства «старого света» и нарождающейся демократии стран нового мирохозяйственного уклада. Конфронтация носит планетарный характер и расширяется как по всему периметру границ Российской Федерации, так и на других континентах в ареале развивающихся государств мира.

Особый интерес представляет, т.н. Центральноазиатская дуга макронапряженности и неустойчивости [366, с. 156], состав и статус стран, а также международных организаций, которые представлены в таблице 7.

Таблица 7. Состав и статус стран и международных организаций, расположенных в ареале постсоветского мезорегиона Большого Каспия

Содружество Независимых Государств	Центрально- Азиатские страны	Страны Прикаспийского региона	Организация тюркских государств (ОТГ)	
			государства- участники	государства- наблюдатели
Россия		Россия		
Казахстан	Казахстан	Казахстан	Казахстан	
Кыргызстан	Кыргызстан		Кыргызстан	
Узбекистан	Узбекистан		Узбекистан	
Таджикистан	Таджикистан			
Азербайджан		Азербайджан	Азербайджан	
Туркменистан	Туркменистан	Туркменистан		Туркменистан
		Иран		
			Турция	
	Афганистан*			
	Пакистан**			

Источник: авторский.

В геополитологическом плане Центральная Азия представлена рядом постсоветских государств, расположенных восточнее Каспийского моря и западнее Китая, а в геофизическом – также и Синьцзян-Уйгурским районом Китая, Афганистаном и Монголей [464, с. 9]. По другим исследованиям, в ее состав включается север Пакистана и северо-восточная часть Ирана.

Центрально-Азиатский регион рассматривается на евразийском пространстве в качестве «моста» между регионами Юга и Севера, Востока и Запада [24]. Указанная связанность обеспечивается развитием международных транспортно-логистических коридоров «Восток – Запад» и «Север – Юг», ростом

товарооборота между Китаем и Россией. По нашему мнению, геополитический диалог между КНР и РФ на Большом евразийском пространстве должен формироваться в рамках общей идеи сопряжения в различных сферах деятельности¹.

Экономическая значимость Центрально-Азиатского региона оценивается потенциальными возможностями его развития и привлечения прямых иностранных инвестиций в течение ближайших 10 лет в объеме порядка 170 млрд. долл. [243, с. 5]. По оценкам экспертов, партнерство стран, основанное на принципах соразмерности геополитического и экономического развития, способствует процессу региональной интеграции стран Центральной Азии [320, с. 52].

В регионе существуют традиционные группировки и союзы стран, также создаются новые образования. Разновекторные интересы государств под влиянием внешних акторов формируют современные национальные предпочтения и ориентиры. Традиционно представлены государства постсоветского пространства в виде международных организаций – СНГ, ЕАЭС и страны Прикаспийского региона, которые функционируют в рамках неформализованной организации.

Население Центрально-Азиатского региона превышает 75 млн чел. Консолидированный объем ВВП стран и внешнеторговый оборот имеют неустойчивую динамику, позитивный тренд внешней торговли с Россией (131,1%) отмечается в 2021 г. относительно допандемийного периода (таблица 8).

По итогам 2021 г. государства не смогли восстановить доковидный уровень экономического развития (ВВП по ППС), а по объемам общего внешнеторгового оборота – только приблизились к 2019 г.

В структуре товарооборота доля российской экономики остается невысокой: в доковидный период (2019 г.) – 16,8%, в 2021 г. она выросла до 22,1% и связана с ростом экспортных поставок из РФ для поддержания стабильности социально-экономического развития республик Центральной Азии.

---

¹ Об этом подробнее см.: Маркелов К.А., Головина Е.Е. Сопряжение как новое политико-экономическое понятие: теоретико-практический аспект // Астраполис. 2019–2020. Вып. 9–10. С. 12.

**Таблица 8. Экономические показатели развития стран
Центральной Азии**

Страны	ВВП ППС по годам, млрд долл.		Внешнеторговый оборот, млрд долл.			
			Всего		в т.ч. с РФ	
	2019	2021	2019	2021	2019	2021
Казахстан	181,7	170,5	96,1	101,5	19,6	25,6
Узбекистан	57,9	50,5	41,8	37,8	5,1	6,9
Туркменистан	46,8	40,8	13,9	15,1	0,7	0,9
Кыргызстан	8,5	8,1	6,9	7,3	1,9	2,5
Таджикистан	8,3	7,5	4,5	6,3	1,0	1,2
Итого	303,2	277,4	168,2	168,0	28,3	37,1

Источники: [21; 30; 262; 543].

Во внешнеторговом обороте доминируют Казахстан – 60,4% и Узбекистан – 22,5%. В обороте с Россией Казахстан занимает 69,0%, а Узбекистан – 18,6%. Торговые отношения с другими странами региона остаются менее значимыми.

В геоэкономическом контексте наиболее значимыми являются показатели внешнеторговых отношений со странами СНГ и с другими государствами дальнего зарубежья (таблица 9).

Аналитические показатели свидетельствуют, что торговые отношения стран региона сориентированы на «дальнее зарубежье». В общем внешнеторговом обороте торговля с другими странами занимает: по экспорту – 76,5%, по импорту – 52,2%. Только Казахстан и Туркменистан имеют положительное сальдо за счет экспорта энергетических ресурсов.

Доля стран региона во внешней торговле России не превышает 5,0%, однако наблюдаются высокие экспортные поставки в страны региона на 33,3 млрд долларов (64,6–31,3), превышающие взаимный импорт и позволяющие констатировать, что Российская Федерация является экономическим донором государств ЦАС. Несмотря на эти преференции, экономико-политическая ориентация стран Центрально-Азиатского региона на «запад» очевидна.

**Таблица 9. Внешнеторговый оборот стран Центральной Азии
в 2021 г., млрд долл.**

Государства	Взаимная торговля стран СНГ		Торговля с другими странами мира		Всего внешне-торговый оборот	
	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
Казахстан	12,4	20,4	47,9	20,8	60,3	41,2
Узбекистан	4,3	9,8	9,8	13,9	14,1	23,7
Кыргызстан	1,1	3,0	0,6	2,6	1,7	5,6
Таджикистан	0,6	2,5	1,5	1,7	2,1	4,2
Итого (без Туркменистана)	18,4	35,7	59,8	39,0	78,2	74,7
Туркменистан	н/д	н/д	н/д	н/д	8,9	6,2
Всего (с Туркменистаном)	–	–	–	–	87,1	80,9
Справочно.						
Россия	64,6	31,3	427,0	262,1	491,6	293,4

Источники: [19; 303].

Следовательно, можно полагать, что существующие экономические отношения России со странами постсоветского пространства и республиками Центральной Азии нельзя отнести к статусу приоритетных. Достаточно учесть, что практически 73,0% разведанных ресурсов Казахстана контролируется западными нефтяными компаниями [725].

30-летний период становления государственности в странах Центральной Азии сопровождается нарастанием «национального суверенитета» и разновекторной ориентацией. Сформировались устойчивые группы западноориентированных политических и экономических элит, деструктивно влияющих на интеграционные процессы. Между странами СНГ накопились многочисленные проблемы, связанные с низкой эффективностью межгосударственных отношений, слабым уровнем кооперации и интеграционного развития, что отражается на состоянии инвестиционного климата и внешнеторговых оборотах.

На полях Алма-Атинского саммита СНГ «Центральная Азия и Россия» 14 октября 2022 г. президент Таджикистана Э. Рахмон высказал, вероятно, консолидированную позицию региональных стран. По его мнению, слышно много слов о центральноазиатской пятерке и ее форматах, однако отсутствует внимание к малым республикам, как и сейчас, не учитываются традиции и обычаи, не оказывалась помощь и поддержка в развитии. Учитывая уважительное отношение «к интересам России», хочется взаимного уважения, «чтобы РФ не относилась к странам Центральной Азии так, как в бывшем Советском Союзе» [492].

В качестве альтернативы Э. Рахмон предложил инновационный подход к формированию современной модели экономического сотрудничества – международный проект «превентивная экономика», призванный объединить усилия сторон в противостоянии внешним угрозам [650].

Со стороны третьих стран реальной силой и «угрозой» можно признать Организацию тюркских государств (ОТГ), которая, в определенном смысле, противостоит российскому миру (см. таблица 9). Активно реализуемый турецкий проект Великого Турана через т.н. тюркский фактор – общность тюркоговорящих народов Кавказа и Центральной Азии – приобретает реальные очертания и значимость. Достаточно отметить, что Туркменистан, соблюдающий с 1995 г. статус нейтрального государства, впервые получил статус государства-наблюдателя в Организации тюркских государств.

Противостояние интересов различных стран в Центральной Азии посредством воздействия «мягкой силы» на мировоззрение граждан является традиционным и осуществляется главным образом в гуманитарной и образовательных сферах [366, с. 158]. Влияние внешних акторов также осуществляется посредством западных инвестиций в т.н. «человеческий капитал» и финансирование через систему НКО и «цветных революций», которые пытаются реализовать национальные идеи многих стран – «американский миф» экспорта демократии. Выделяют демократический транзит как длительный трансформационный период с формальным сохранением национального

суверенитета [46, с. 20]. В качестве наглядного примера можно привести исторический экскурс в украинские политические реалии.

Применительно к геополитической стратегии Тегерана выделяют экспорт исламской революции по иранскому образцу в другие страны. Очевидно, что указанные процессы будут сопровождаться нарастанием общественно-политических, конфессиональных и иных социально-экономических проблем в регионе.

В настоящее время на пространстве Центральной Азии в зоне прямого политического и экономического воздействия «противостоят» интересы России, Турции, Китая и инициированные ими региональные международные организации.

К сожалению, в Концепции внешней политики РФ продекларирована основная позиция страны, согласно которой она только «работает над дальнейшей реализацией потенциала СНГ» (статья 53)¹. Геоэкономические реалии (см. таблицу 9) свидетельствуют, что действенных шагов в реализации внешнеполитической концепции не было достигнуто, внешнеэкономические отношения также не претерпели существенной позитивной динамики развития.

Не случайно Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (2021) с достаточной определенностью сформулировала национальные интересы страны и стратегические национальные приоритеты в целях устойчивого социально-экономического развития страны, укрепление национальной безопасности, упрочение позиций России в современном мире. Фактически это консолидированный документ, объединяющий совокупность известных доктринальных положений ранее принятых российских стратегий развития по отдельным направлениям и секторам экономики.

Центральноазиатская дуга макронапряженности и неустойчивости приобретает важнейшую геостратегическую значимость, в ареале которой формируется южная буферная зона безопасности в развитии нового мирохозяйственного уклада.

С одной стороны, это широтная граница современного мироустройства. Потеря РФ лидерства и союзников на приоритетных территориальных

---

¹ Указ Президента РФ от 30.11.2016 № 640.

и политико-экономических южных пространствах (Грузия, Молдова, Болгария, Украина) стимулировали искать новые и укреплять имеющиеся «пространственные факторы» от Китая до Сирии и Египта.

Здесь происходит сопряжение мусульманского и русского миров. Ислам, как известно, исповедует четверть населения Земли (около 1,5 млрд чел.). Цивилизационная основа позволяет вести речь об исламском мире, общепризнанными центрами которого выступают Иран и Саудовская Аравия, их идеология по религиозным канонам (шииты и сунниты) является несовместимой. Однако культурно-политические традиции и самоидентификация мусульманских общин выступают основными целеполаганиями этого мира [412, с. 31]. Организация исламского сотрудничества (ОИС), основанная в 1969 г., является наиболее влиятельной в мусульманском мире. Ее постоянными членами являются все мусульманские страны СНГ.

Русский мир как культурно-цивилизационная, геополитическая и религиозная концепция [48] представлен порядка 300 млн. человек. По оценкам известного политического и государственного деятеля В.А. Никонова, Русский мир – глобальный феномен, который представлен Россией и русским зарубежьем, а также теми, кто осознаёт свою вовлеченность в Русский мир как принадлежность к нему (самоощущение и самоидентичность). Мир – это и вселенная, и община, и глобальная общность, и отсутствие вражды. Русский мир – это цивилизация, которая хочет жить в согласии с собой и со всем остальным миром [421].

Очевидно, что близкая культурно-цивилизационная основа и геополитические условия формирования современного миропорядка сближают эти миры (мусульманский и русский), объединяя совместные усилия в достижении «нового интегрального мирохозяйственного уклада» [137, с. 8]. Соответственно, в настоящее время созданы предпосылки единения различных «миров» с учетом культурно-исторического и цивилизационного подхода.

С другой стороны, российская политическая реальность состоит в необходимости поиска и укрепления союзов с ведущими игроками на этом пространстве, в первую очередь, с КНР, Турцией, Ираном, Афганистаном

и Пакистаном. Особое внимание уделяется сотрудничеству с Турецкой Республикой как зоной стабильности и экономического бизнес-партнерства между Россией и «внешним западным миром». Эти отношения, по сути, носят компромиссный и взаимоуступчивый характер по отдельным политическим вопросам, хотя попытки усиления турецких экономических «преференций» находят реальное воплощение (газовые, энергетические, зерновые и иные предпочтения). Российские военно-политические достижения и политико-экономическая значимость Китая объективно выступают связывающим эти державы фактором на основе развития стратегического партнерства и сопряжения в реализации совместных проектов и программ. По мнению академика РАН С.Ю. Глазьева, в современных условиях «стратегическое партнерство с КНР наполняется реальным содержанием» как в технологическом, так и в экономическом направлениях [139, с. 258].

Существующая реальность позволяет оценить современное место и роль Большого Каспия, геополитические и энергетические интересы ведущих экономик с учетом формируемого многополярного мира (таблица 10).

Таблица 10. Геополитические и энергетические интересы стран на пространстве Большого Каспийского региона

Критерии интересов	Государства	Поставленные цели
Прикаспийская пятерка	Азербайджан, Иран, Казахстан, Россия, Туркменистан	Геополитическое влияние в части укрепления партнерских отношений со странами региона и дружественными государствами. Расширение возможностей в решении экономических задач по экспорту энергоресурсов на мировые рынки
Государства транзита	Армения, Болгария, Грузия, Иран, Китай, Россия, Румыния, Турция, Украина	Расширение внешнеторговых отношений в целях диверсификации экономики и направлений развития. Получение дополнительных политических и экономических эффектов от транспортировки энергоресурсов

Традиционные игроки	Иран, Китай, Россия, Турция	Укрепление стратегических и экономических позиций на пространстве Каспийского региона
Ведущие экономики мира	Китай, США, Россия, страны Европейского союза	Рассмотрение Большого Каспия как геополитического элемента борьбы за установление контроля над важнейшими регионами мира

Источник: авторский с использованием данных [316, с. 82; 371, с. 20].

Аналитические параметры свидетельствуют о том, что на пространстве Большого Каспийского региона интересы игроков «нового миропорядка» (Россия, Китай, Иран, Турция) находятся в остром противоречии с заинтересованностью коллективного Запада (США, ЕС и др.) в сохранении своего глобального доминирования.

Наличие значительных запасов углеводородных ресурсов и активизация их освоения в Каспийском регионе ставит перед прибрежными странами глобальную задачу по разработке эффективных транспортно-логистических и антисанкционных маршрутов их доставки на международные рынки, обеспечивая максимальное получение добавленной стоимости в целях развития национальных экономик. При этом сохраняется опосредованное влияние коллективного Запада на экономику государств Прикаспия. По экспертным оценкам, англо-американские корпорации контролируют до 27% нефтяных и 40% газовых запасов Каспия [725].

В процессе детализации исследований пространства Большого Каспия (Большая Каспийская пятерка и Прикаспийская пятерка) [144, с. 167] оценим динамику развития этих пространств за период после распада СССР с 1992 г. по 2020 г. (таблица 11).

Аналитические данные показывают, что страны Большой Каспийской пятерки, в первую очередь, Китай и Индия развивались более динамично. Их экономика выросла более чем в 2,0 раза, обеспечивая 31,3% мирового объема ВВП по ППС, в то время как доля США в мире снизилась с 19,7 до 16,1%. Соответственно группа государств Большой Каспийской пятерки опережает

потенциал США: по численности населения – в 9,4 раза, а по объему экономического развития – в 1,9 раза. Экспертные оценки ООН позволяют констатировать опережающее развитие стран Большой Каспийской пятерки в среднесрочной и долгосрочной перспективе [458]. Некоторые структурные изменения численности населения связаны с бурным развитием стран Африканского континента.

Таблица 11. Экономические показатели развития экономик на пространстве Большого Каспия

Государства	Доля по годам,%		Доля по годам,%		Государства
	1992	2020	1992	2020	
Валовой внутренний продукт по ППС,%					
Большая Каспийская пятерка			Прикаспийская пятерка		
Иран	1,47	0,84	1,5	0,8	Иран
Россия	4,85	3,14	4,8	3,1	Россия
Турция	1,36	1,95	0,4	0,4	Казахстан
Индия	3,28	6,84	0,1	0,1	Туркменистан
Китай	4,39	18,5	0,1	0,1	Азербайджан
Итого	15,35	31,27	6,9	4,5	Итого
Мир (всего)	100,0	100,0	100,0	100,0	Мир (всего)
В том числе:					
США	19,7	16,1	-	-	

Источники: составлено по данным [97; 143, с. 169; 458].

Следовательно, в современных условиях следует ожидать обострение противоречий между группировками стран Большой Каспийской пятерки – основных представителей «нового миропорядка» и коллективного Запада в лице США. Учитывая пространственно-географическое превосходство стран азиатского вектора, факторы, сдерживающие их развитие, будут нейтрализованы и получают естественное преимущество и успех в противостоянии «миров». В результате трансформационных процессов на геополитическом пространстве континента формируется евразийский пентум как неформальный союз ведущих

экономик, призванных создать новые мирохозяйственные и технологические отношения.

Афганистан – потенциальная угроза Центрально-Азиатскому региону. Современные геополитические реалии, включая афганские события 2021 г. и поспешный вывод вооруженных сил США, тиражированный в прессе как «бегство» сверхдержавы, позволяют вести речь об Афганском разломе и Афганской геополитической дуге.

Специальная военная операция на Украине является ярким тому подтверждением. По некоторым экспертным оценкам можно предполагать, что вывод американских ВС – это предвестник украинских событий. Это можно считать спецоперацией, предпринятой для обострения взрывоопасной ситуации по всему периметру Российской Федерации, включая Центральную Азию.

Президент США Джо Байден, выступая на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (22.09.2021) провозгласил «новую эру неослабной дипломатии» [5], выразив государственную позицию о разработке новой стратегии НАТО и возрождении «наших альянсов».

В контексте его речи уже 15.09.2021 г. США, Англия и Австралия объявили о создании англосаксонского военно-политического союза AUKUS для обслуживания своих интересов в Индо-Тихоокеанском регионе. Очевидно, что стратегическая цель данного союза состоит в попытке блокирования экономического развития стран восточной части Евразийского континента и Юго-Восточной Азии для сохранения собственного доминирования на международной арене. Первый этап проекта АУКУС – это известная военно-политическая технология, реализуемая на Украине.

Изменение стратегии коллективного Запада в отношении остального мира состоит в новом формате перехода «мягкой силы» от холодной войны к коалиционной, в связке с сателлитами как формы «коллективного союзничества» с самосохранением своей гегемонии. Искусственно созданная напряжённость вокруг Афганистана и стран Центральной Азии является долгосрочным курсом США, направленным на сдерживание развития России и Китая.

Очевидно, что в качестве отработанного инструмента будет «насаждаться» экспорт демократии через институты «цветных революций», дополненные незаконной санкционной политикой, экономическими, политическими и внеэкономическими мерами воздействия и принуждения. Поэтому в современном динамично развивающемся мире факторы неопределенности и риска (равно как вызовов и угроз национальной безопасности) приобретают доминирующее значение в системе развития международных отношений.

Таким образом, наблюдается «атака хаосом», которая согласно теории управляемого хаоса направлена на сохранение коллективным Западом своего доминирования в мире [388, с. 70]. По отношению к современной России и постсоветским государствам указанная модель была направлена на культурно-мировоззренческое расслоение общества. Согласно теоретическим предпочтениям бывшего государственного секретаря США А. Даллеса, для развала Советского Союза «нужно внушить его народам, что они могут обойтись без знания русского языка». В результате нарушения исторически-культурных и экономических связей «государство перестанет существовать» [593].

В Центрально-Азиатском регионе ключевая роль в этих процессах отводится Афганистану. В настоящее время это: а) беднейшая страна мира по уровню жизни, но богатейшая по запасам природных ресурсов; в) динамично развивающаяся страна в демографическом отношении (при среднем возрасте населения в 17,3 года, более 62% граждан находятся в возрастной зоне до 24 лет; при общей численности населения в 40,7 млн. чел. рождаемость превышает 1 млн чел. в год), что свидетельствует о высоком трудовом потенциале и низкой доле экономически активного населения (около 54%).

Роль Афганистана на геополитическом поле можно оценивать с учетом триады взаимосвязанных факторных категорий:

1) Геополитические факторы:

- Афганистан является «сердцем» (ядром) Центральной Азии и геополитическим «перекрестком» Евразии;

- заинтересованность Китая в многополярности на афганском пространстве как важнейшей части территории проекта «Один путь – один пояс»;
- нарастание геополитических вызовов и угроз для России;
- заинтересованность США в сохранении нестабильности в Центральной Азии, нейтрализации и ослаблении влияния России, насаждение экспорта демократии через т.н. процесс «цветных революций» в данном регионе.

2) Геостратегические факторы:

- центр сопряжения торговых путей и транспортных коридоров Евразийского континента;
- близость к странам Центральной Азии и Аравийского моря, Ирану и России, располагающих крупнейшими запасами полезных ископаемых, главным образом, нефти и газа;
- территория Афганистана, в первую очередь, горы являются местами естественной концентрации энергии и богатых ресурсов полезных ископаемых;
- потенциальный центр международных торговых и транспортных коридоров, стимулирующих развитие коммуникационных систем и внешнеэкономических связей в регионе.

3) Геоэкономические факторы:

- зависимость экономики и ее кланов от потока наркотрафика;
- высокий природно-ресурсный потенциал, который оценивается министерством горной промышленности Афганистана в 3 трлн. долл.;
- возможности интернационализации производственных связей на основе иностранных инвестиций в горнодобывающие отрасли и металлургию;
- способность участия в формировании новых международных механизмов накопления и движения капиталов;
- существенный потенциал участия страны позволяет сформировать на территории Афганистана важнейшие сегменты глобальных рынков движения товаров, транспортных сетей и коридоров.

По прогнозным оценкам специалистов, при благоприятных условиях развития Афганистан через несколько лет может стать богатым государством – «литиевыми эмиратами», «литиевой Саудовской Аравией» [618].

В настоящее время в Афганистане наблюдается социально-экономический и гуманитарный кризис, спровоцированный действиями американской администрации, которая «заморозила» резервные активы страны на сумму 9,4 млрд долларов США [841].

Политико-экономическую значимость Афганистана трудно переоценить. Высокий природно-ресурсный и трудовой потенциал сочетается с нищетой и массовой безработицей населения. Совокупность данных факторов вызывает нестабильность и непредсказуемый разворот национальной политики в цивилизационное или экстремистское направление развития. Поэтому Президент России В.В. Путин призывает мировое сообщество поддержать Афганистан в экономическом восстановлении и нормализации ситуации [25].

Россия ведет политический диалог с действующим правительством Афганистана и призывает страны ШОС и СНГ к оказанию содействия в восстановлении ее экономики. Российская Федерация со своей стороны создала институт спецпредставителя Президента России по Афганистану, в целях расширения торгово-экономических связей РФ подписала и приступила к реализации соглашения на поставки топливно-энергетических ресурсов и продовольственных товаров [466]. Проводятся переговоры о возможных направлениях инвестиционного и производственно-технического сотрудничества.

Афганские события обострили вопросы национальной безопасности в странах региона. Несмотря на миролюбивую риторику, сохраняется напряженность с Исламской Республикой Пакистан относительно наличия террористических формирований, перемирия с пакистанскими талибами, трансграничной миграцией и др. Исламабад рассматривает Афганистан как «ворота в Центральную Азию», возможность реализации крупных инвестиционных и инфраструктурных проектов (газопровод ТАПИ, транспортные коридоры), интенсификации внешнеторговых отношений [379].

Глобальные геополитические факторы коллективной безопасности на пространстве Большого Каспия. Евразийское сотрудничество имеет более широкие пространственные военно-политические и социально-экономические измерения. Их актуальность возрастает в рамках реализации глобальных многомерных мегапроектов Китая и России, которые озвучены в Совместном заявлении РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути (08.05.2015).

В рамках стратегий национальной безопасности государства Большой Каспийской пятёрки, равно как и малые страны региона, реализуют различные концепции предотвращения внешних вызовов и угроз.

1. Приоритетными направлениями России являются формирование южной буферной зоны безопасности развития нового мирохозяйственного уклада:

- укрепление сотрудничества со странами постсоветского пространства; в качестве всеобъемлющего плана мероприятий предлагается использовать положения Совместного заявления глав государств по итогам встречи Центральная Азия – Россия от 14.10.2022 г. [27], которым предусмотрены важнейшие направления сопряжения потенциалов стран региона и консолидация усилий в единении Евразии;

- охрана и развитие южной буферной зоны Евразии как важнейшего энергетического и торгово-транспортного пространства и отдельных коридоров;

- возможности создания единых военно-морских сил Прикаспийских государств под руководством Каспийской флотилии и расширение их потенциала в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ);

- укрепление группировки Вооружённых сил Российской Федерации в Сирии может предусматривать: а) обеспечение оперативно-стратегического контроля над Черноморско-Средиземноморской и Центрально-Западной частью Атлантического пространства; б) осуществление контроля за сухопутным пространством, транспортными и энергетическими коридорами; в) обеспечение безопасности строящейся Российской Федерацией АЭС в Эд-Даба (Египет, 130 км

к северо-западу от Каира); г) организация оперативно-стратегического контроля РФ над Суэцким каналом и прилегающим пространством.

2. Геополитические и геоэкономические интересы Китая на Евразийском пространстве во многом совпадают с российскими приоритетами, однако имеют свои особенности:

- мегапроект «Один пояс – один путь» и его сухопутная часть – «Экономический пояс Шёлкового пути» нуждаются в привлечении инвестиций и природно-ресурсного потенциала сопредельных государств;

- развитие пространственной инфраструктуры потребует обеспечения ее безопасности (не исключено, что за счет вооруженных сил КНР);

- ползучая экономическая «аннексия» территорий стран Центральной Азии (передача месторождений в счет погашения внешних долгов; участие в акционерном капитале и др.) выступают важными факторами «завтрашнего будущего» государств;

- скрытая форма пространственного разделения мирового геополитического и природно-географического и экономического пространства Евразии – по южной буферной зоне безопасности – широтного направления (Восток – Запад) обеспечивают занятие Китаем доминирующего положения в данном векторе развития;

- ограничение сотрудничества Индии и России, сжатие их конкурентных преимуществ как на основе двустороннего сотрудничества, так и в формате РИК повышают политическую и экономическую конкурентоспособность КНР.

В результате только трансграничный маршрут (МТК «Север – Юг») меридионального направления, который еще остается второстепенным, обеспечивает неконкурентные преимущества торгово-экономических отношений России с Ираном и Индией.

3. В современном геополитическом пространстве и противостоянии ведущие экономики пытаются ограничить Россию возможностями геополитического и экономического маневра и пространственного развития.

Одновременно наблюдается процесс геополитического сжатия российского пространства Большого Каспия, которое осуществляется под влиянием стран

международных региональных организаций (ШОС; СНГ; ЕАЭС; ОТГ) и процессом «широтного разлома»: а) восточного вектора – центр КНР и экономически взаимозависимые от него страны Центральной Азии; б) западный вектор – центр Турция и зависимые государства Закавказья и Центральной Азии тюркский идентичности.

4. Турецкий фактор в региональной безопасности Каспийского региона.

Политическая дилемма Р. Эрдогана о создании «платформы шести» (Россия, Турция, Азербайджан, Иран, Грузия и Армения) в целях развития сотрудничества и устранения напряженности в регионе [189] не получила одобрения у предлагаемых участников.

По нашему мнению, представляется целесообразным оценить перспективы формирования «двух платформ» (по принципу три плюс два):

1) Россия – Китай – Иран;

2) Россия – Турция – Иран, внутри которой можно сформировать площадку малого каспийского треугольника (Россия – Азербайджан – Иран), что позволит обеспечить создание механизма сдерживания (маховик противовеса) этнических азербайджанцев в этих странах.

Сторонники первой платформы обеспокоены проблемой распространения пантюркизма и противостоят (открыто или сдержанно) ее расширению. Соответственно, возможно секторальное разделение пространства Большого Каспия по «вертикали и горизонтали», что позволит укрепить союзы РФ и КНР; КНР и Ирана, а также между: а) Востоком и Западом по меридиональному направлению Север – Юг, сотрудничество в котором будет развиваться в рамках треугольника России – Индия – Иран, обеспечивая развитие МТК «Север – Юг»; б) закавказскими и центральноазиатскими странами, сглаживая влияние и распространение негативных элементов влияния пантюркизма за счет государств «русского мира».

События последнего времени свидетельствуют, что сопряжение национальных интересов осуществляется и расширяется в формате предлагаемых двух основных евразийских платформ.

Геополитические направления обеспечения коллективной безопасности и развития Большого Каспийского региона. Важнейшие геополитические события 2022 г. можно признать эпохальными. В странах Центральной Азии прошли масштабные саммиты, определившие новые векторы развития Евразийского пространства.

Прошедший в Астане VI Саммит по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА, 13.10.2022), приуроченный к 30-летию инициативы его создания, является поистине эпохальным международным событием. Вклад Казахстана и предстоящие перспективы развития СВМДА явились приоритетным основанием избрания Республики на новый срок председательства в 2022–2024 гг.

Астанинское заявление о трансформации СВМДА в региональную международную многофункциональную организацию по укреплению мер доверия, безопасности и сотрудничеству на Евразийском континенте открывает новую эпоху формирования современного мироустройства. Для достижения указанных приоритетов предложен инновационный этап институционального развития, обеспечения экологической и продовольственной безопасности, а также создания ведущей диалоговой площадки планеты.

Значимость создаваемой организации определяется не только важностью поставленных целей и задач по укреплению сотрудничества, направленного на обеспечение мира, безопасности и стабильности в Азии, но и составом стран. В настоящее время членами СВМДА являются 28 государств Евразийского континента, Ближнего Востока, Аравийского полуострова, Африки. В рамках данной организации возможно создание миротворческих сил на Азиатском континенте. Имея высокое представительство в мире, статус миротворческих сил может быть существенно повышен до уровня миротворческой деятельности ООН.

На полях прошедшего саммита СВМДА состоялись: первая встреча глав государств в формате «Центральная Азия – Россия» и заседание Совета глав государств-участников СНГ. Обсуждение важнейших вопросов современности направлено на использование потенциала региональной экономической кооперации; развитие торгово-экономических отношений и гуманитарного партнерства, обеспечения безопасности и межгосударственного сотрудничества [24].

По поручению Президентов России и Казахстана указанные инициативы находятся на стадии реализации. 18.10.2022 г. Национальным институтом им. Е.М. Примакова (РФ) и Казахстанским институтом при Президенте РК проведен первый экспертный форум «Россия – Центральная Азия: повестка совместного развития». В ходе форума рассмотрены проблемы и перспективы сотрудничества по ключевым вопросам повестки многосторонних экономических, гуманитарных и социальных связей, а также общим проблемам безопасности в новых международно-политических условиях.

По нашему мнению, новый формат системного общения является востребованным и направлен на координацию совместных действий как по наращиванию союзничества и стратегического партнёрства, так и по повышению устойчивости экономик стран постсоветского пространства.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), объединяющая ведущие страны Евразийского континента, выступает локомотивом роста мировой экономики и лидером формирования нового мирохозяйственного и технологического укладов. Результатами Самаркандского саммита ШОС (15–16.09.2022) является координация политики организации в сфере долгосрочного добрососедства, дружбы и сотрудничества государств-членов ШОС. Указанные решения закреплены в 44-х подписанных документах, включая комплексный план действий на 2023–2027 гг.; концепцию по развитию взаимосвязанности и созданию эффективных транспортных коридоров и др.

Важным результатом саммита являются решения о получении Ираном статуса государства-члена ШОС и предоставлении статуса партнера по диалогу ШОС Мальдивской Республике, Бахрейну, Объединённым Арабским Эмиратам, Республике Союз Мьянма и Государству Кувейт.

Судьбоносным событием современности является сопряжение стран СВМДА и ШОС на геополитическом пространстве, в результате которого формируется крупнейшее Евразийское сообщество организаций (таблица 12).

Таблица 12. Состав и статус стран ШОС и СВМДА

ШОС		СВМДА		
Государства-члены	Страны-партнеры по диалогу	Государства-члены		Государства-наблюдатели
1. Индия	1. Азербайджан	1. Афганистан	15. Кувейт	1. Беларусь
2. Иран	2. Армения	2. Азербайджан	16. Монголия	2. Индонезия
3. Казахстан	3. Египет	3. Бахрейн	17. Пакистан	3. Япония
4. Кыргызстан	4. Катар	4. Бангладеш	18. Палестина	4. Лаос
5. Китай	5. Камбоджа	5. Камбоджа	19. Катар	5. Малайзия
6. Пакистан	6. Непал	6. Китай	20. Россия	6. Филиппины
7. Россия	7. Саудовская Аравия	7. Египет	21. Республика Корея	7. Туркменистан
8. Таджикистан	8. Турция	8. Индия	22. Шри-Ланка	8. Украина
9. Узбекистан	9. Шри-Ланка	9. Иран	23. Таджикистан	9. США
В процессе получения статуса партнёра по диалогу	Государства-наблюдатели	10. Ирак	24. Таиланд	
1. Бахрейн	1. Афганистан	11. Израиль	25. Турция	
2. Кувейт	2. Беларусь	12. Иордания	26. ОАЭ	
3. Мальдивы	3. Монголия	13. Казахстан	27. Узбекистан	
4. Мьянма		14. Кыргызстан	28. Вьетнам	
5. ОАЭ				

Источник: авторский.

Особенность данного сообщества и его значимость состоят:

- в единении миров, не только в рамках сопряжения мусульманского и русского миров, к ним присоединяется арабский мир; совокупная численность триады миров уже превышает 2,2 млрд человек; это поистине огромный потенциал формирования нового мирохозяйственного порядка;
- в объединении ряда мировых нефтегазовых стран-экспортеров, на основе которых де-факто может быть создан своеобразный «Евразийский

ОПЕК», существенно повысив статус международного «союза»; его геополитическая значимость состоит в консолидации стран нового мировоззренческого взгляда на современное мироустройство; некоторая противоречивость данного вывода связана с присутствием в «сообществе» отдельных недружественных к России государств мира.

Сопряжение стран ШОС и СВМДА (см. таблица 12) представляет собой не только состав и статус стран, но и новое геополитическое пространство (рисунок 12).

**Рисунок 12. Модель сопряжения стран ШОС и СВМДА
на геополитическом пространстве**

(источник: авторский)

Представленная модель наглядно показывает, что идет процесс формирования крупнейшего Евразийского сообщества организаций, в которое входят многие страны, изъявившие желание активизировать свое участие в БРИКС и фактически участвующие в организации нового мирохозяйственного уклада.

Большое значение для дальнейшего развития содружества в Центрально-Азиатском регионе сыграла IV Консультативная встреча глав государств

(21.07.2022). В выступлении Президента Казахстана К.К. Токаева сформулирована важнейшая миссия Центральной Азии, которая состоит в наведении мостов между конкурирующими полюсами глобальной политики и экономики [6]. Важное достижение форума – подписание тремя странами Соглашения о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в целях развития Центральной Азии в XXI в., а также ряд документов, включая концепцию взаимодействия государств региона в рамках многосторонних форматов (Таджикистан и Туркменистан на данной встрече воздержались от его подписания). Указанный саммит может стать важной вехой в развитии регионального и международного сотрудничества в регионе, т.к. фактически речь идет о создании нового регионального объединения на пространстве Центральной Азии.

Особое место в объединении Евразийского пространства занимает Первый Евразийский экономический форум, на котором Президент России В.В. Путин предложил «сформировать комплексную стратегию развития Большого Евразийского партнерства», определив его как «большой цивилизационный проект», призванный «изменить политическую и экономическую архитектуру» мира [17].

Таким образом, формирование циклических моделей «многомерных пространств» Большой Евразии осуществляется на принципах однородности сопряжения соответствующих государств, их экономик и культурно-мировоззренческого общественного воззрения.

В этих условиях актуализируются вопросы расширения гуманитарного сотрудничества, которые являются приоритетными во взаимодействии государств СНГ, предложивших объявить 2023 г. Годом русского языка как языка межнационального общения и создать под эгидой СНГ международную организацию по продвижению русского языка [12].

4.5. Актуальные проблемы современной российской геополитики: каспийский вектор

Переживаемые в настоящее время титанические изменения в сфере международных отношений все чаще получают название новой геополитической революции. Как отмечал в свое время еще Х. Маккиндер, географическая «революция, начатая великими мореплавателями поколения Колумба, наделила христианский мир чрезвычайно широкой мобильностью, а Мировой океан, окружающий разделенные и островные земли, стал географическим условием высокой концентрации талассократической мощи» [351, с. 167]. Политическая история человечества постоянно переживает подобного рода революционные потрясения, которые меняют мировую геополитическую палитру.

Так сложилось, что понятие «геополитическая революция» (А. Тойнби, И. Валлестайн, К. Вайтсос) используется параллельно с понятием «геоэкономическая революция и понимается как способ «конституирования планетарного дуализма как основного противоречия и движущей силы развития современной мировой системы... [Подобного рода «революции»] были естественными способами смены мироустройства, основанного на доминирующем способе захвата и раздела земли» [640, с. 259]. Именно подобного рода смену мы и наблюдаем в настоящее время в мире – на смену монополярному миру приходит многополярное мироустройство. При этом сам термин «революция» понимается здесь как некое качественное преобразование, прежде всего преобразование в сфере культуры и идеологии [638, с. 242].

О своем выборе исторического пути развития Россия заявляла неоднократно устами своих политических лидеров. Так, еще 16 мая 2003 г. в Послании Федеральному Собранию В.В. Путин заявил о широком «сближении и реальной интеграции в Европу. ... это – наш с вами исторический выбор. Он сделан... он последовательно реализуется» [18, с. 112]. Но затем была его знаменитая мюнхенская речь 2007 г., затем была «русская весна» 2014 г., затем последовала и СВО 24 февраля 2022 г. Планы выбора постоянно корректировались

в зависимости от международной политической обстановки вокруг России. Но внешняя политика России была реакцией на проводимую коллективным Западом политику продвижения НАТО на Восток. Запад много обещал, но ничего не делал. Он фактически обманывал Россию, и в 2022 г. российское руководство было вынуждено открыто это признать.

Запад привык действовать в соответствии со своей логикой, когда «победитель получит все». Он сам кроит геополитическое пространство по своему усмотрению. При этом тактика «победителя» сводится к ослаблению «первой культуры», «определяющей перспективы и идеалы какого-либо отдельного региона», и созданию условий для доминирования «второй культуры», «которая является глобальной» и способствует «установлению подлинного мирового порядка» [288, с. 484]. Ошибка Запада (прежде всего самих США) заключается в том, что они после 1991 г. посчитали Россию своей «законной добычей». В этой связи можно вспомнить Г. Киссинджера, который утверждал, что итогом всякой политики является не ослабление своего конкурента, а «полное обращение противника в свою веру» [290, с. 104]. Речь идет о переподчинении противника своей воле. И в первую очередь такому воздействию подвергаются правящие элиты противника.

Еще в 2017 г. В.В. Путин признался, что чрезмерное доверие Европе является главной ошибкой российского руководства во внешней политике за последние 15 лет. Президент был вынужден признать, что самая главная ошибка России в отношении Запада в том, что Кремль слишком ему доверял [487]. В декабре 2022 г. президент России заявил, что разочарован речами западных политиков относительно Минских соглашений, которые заставили его вновь задуматься о доверии к Западу. Доверие оказалось почти на нуле. Но, в конечном счете, договариваться все равно придется, однако Россия задумалась о том, с кем она имеет дело [627].

По оценкам большинства экспертов, мир кардинально изменился после начала СВО на Украине 24 февраля 2022 г. Россия тогда взяла решение проблемы безопасности в свои собственные руки и решила эту проблему в соответствии со своими национальными интересами. В 2022 г. противостояние США и России

приняло откровенно экзистенциальный характер. Некоторые даже заговорили о начале Третьей мировой войны.

Диагноз своего времени весьма точно поставил президент России В.В. Путин, по мнению которого происходящие в настоящее время события, связанные со специальной военной операцией на Украине, являются абсолютно вынужденной мерой. В этом смысле западные провокаторы добились своего. У России не осталось никакого другого выбора, она была вынуждена пойти на те действия, которые привели к 24 февраля 2022 г. Россия действовала в логике защиты своих людей на Донбассе, которые ощущают себя частью русского народа, частью русской культуры. В этом смысле США добились «победы», они достигли искомых результатов. Именно в этом смысле Россия потерпела фиаско. СВО была вынужденной для России мерой. Запад упорно толкал ее к этой опасной черте. России просто больше некуда отступать [1]. Все это, по его мнению, заставило прийти к выводу о том, что Россия подверглась агрессии со стороны коллективного Запада. На Украине Россия фактически воюет с военной мощью НАТО. И эта ситуация начала складываться еще с 2014 г., когда в Киеве произошел государственный переворот, который был организован при участии тех же Штатов [1].

Отметим, что еще И.А. Ильин в своей работе «О сопротивлении злу силой» (1925 г.) затрагивает проблему справедливой и священной войны. Эта одна из самых жестких его книг направлена на встряхивание сознания, где раскрывается тема справедливой войны. В отличие от западной философии, где священная война в католической версии – это правильная война, у Ильина меч, при помощи которого мы останавливаем зло, избавляет от порабощения настоящего зла. Экзистенциальная война решает вопрос «To be, or not to be». Поэтому это также еще и этическое противостояние с Западом [238].

Обострение конфликта России с Западом актуализировали ранее отодвинутые в сторону проекты, среди которых оказался и проект МТК «Север – Юг». В июне 2022 г. президент России В.В. Путин напомнил, что углубление евразийской кооперации требует введения альтернативной и независимой

платёжной системы, которая выводит эти страны из-под западного финансового давления. И в этой связи параллельно с финансовой интеграцией (направленной на суверенизацию национальных валют) необходимо развивать также альтернативные логистические кооперационные проекты, связанные с развитием транспортных коридоров. Ахиллесовой пятой этих проектов всегда были ограничения с пропускной способностью железных дорог, портовых мощностей, ограничений в страховой сфере и банковском секторе. По мнению Президента, развитие коридора «Север – Юг» направлено на обеспечение устойчивых каналов коммуникаций Каспийского бассейна со странами Ближнего Востока и Южной Азией [20]. Экспертами признается, что осуществление проекта МТК «Север – Юг» станет приятным сюрпризом для мировой логистической системы англосаксов, которые держат под своим контролем мировой рынок перевозок [369].

Происходящие в настоящее время изменения в международных отношениях приводят к корректировке геополитических стратегий. Так, например, в настоящее время в результате системного политико-экономического кризиса резко падает покупательная способность Европы, что отражается на торговле и экономике Китая. Поэтому Поднебесная всячески подчеркивает стремление к мирному решению всех военно-политических конфликтов и восстановлению нормальных торговых и экономических отношений. Параллельно этому мы наблюдаем на Западе процесс десоверенизации таких столпов этого мира, как ФРГ и Франция. Поэтому договариваться с западными политиками практически не о чем.

В русле умиротворения проводит свою политику в регионе Южного Кавказа и Россия. Позиция России в Закавказье выражается в мирном урегулировании азербайджано-армянского конфликта. Ввод российских миротворцев в район карабахского конфликта стал конструктивным фактором примирения Баку и Еревана. Деструктивность исходит с Запада, который стремится всячески разжигать конфликт, разрушая общеевразийский консенсус. Для Москвы очевидно, что все конфликты в Евразии инспирированы англосаксами, по-прежнему проводящими свою колониальную политику «разделяй и властвуй». Политика коллективного Запада зиждется на обмане. «Империя лжи» (США)

по-другому решать международные вопросы не может. Запад обманывал Россию, пользуясь ее слабостью. Но время «слабой России», по мнению В.В. Путина, уже прошло [1]. Время «сильной России» – это время продвижения и решения амбициозных и важных для политической системы проектов. Это перехват инициативы у «западных агрессоров» и продвижение своих национальных интересов.

Фактическая борьба России с Западом есть борьба с неокOLONиализмом. Но для победы в этой борьбе России необходимо обрести полный суверенитет в сфере экономики, политики, культуры. Запад фактически сам обрывает все цепочки, связывавшие Россию с мировой экономикой. Мрачные прогнозы коллективного Запада относительно разрушения экономики России не сбылись. СВО 2022 г. самым неожиданным образом поддержала экономику России, избавив ее от ненужной нагрузки глобализма. По мнению Д.А. Медведева, 2022 г. стал действительно переломным – он сломал последние иллюзии относительно современного «цветущего» западного мира, который называет себя «золотым миллиардом» [414].

Цель *политической философии В.В. Путина* – достижение и обеспечение единства многонационального русского народа. Фундаментом такого мировоззрения являются философские категории соборности и морального оптимизма. Конкретно речь идет об ирредентизме (от итал. «irredento» – «неискупленный; неосвобожденный»), когда часть разъединенного народа, проживающего на своей исконной земле, но за границей государства, в котором этот народ является титульным. Любой разделенный народ как ртуть пытается воссоединиться. Именно эта идея стала своего рода смыслом 2022 г. Это вызывает «дикую истерику» в «недружественных» странах, но президент России отмечал, что это единство требуется только самому русскому народу, тогда как «другим» (особенно «чужим») такое единство нежелательно [414]. Задача гибридной войны – добиться политического поражения противника, разрушив его изнутри. Именно к этому и стремится коллективный Запад, поставляя Украине вооружения и финансовую помощь.

Использование т.н. «мягкой силы» во внешней политике России чаще всего связывается с ее просветительской миссией, которая выражается в продвижении русского языка и русской культуры, а также качественного образования и достижений науки. Как базовая часть «мягкой силы» культура предлагает свой особый инструментарий культурного взаимодействия: программы, проекты, мероприятия [91].

Именно в регионе Большого Каспия экспорт российского образовательного контента имеет естественную востребованность и реальную конкурентоспособность с другими ведущими мировыми системами образования. Речь идет о привлекательности и конкурентоспособности интеллектуального экспорта РФ. И этот экспорт становится важнейшей компонентой в геополитической стратегии Кремля. Не все, правда, на практике реализуется так, как задумывается. Сказывается острая конкурентная борьба с мягкой силой Запада, Турции, Китая. У России в этой связи есть определенные перспективы в рамках стран, входящих в СНГ, БРИКС, ШОС. И в этой связи использование академической мобильности и грантов для студентов и ППС становится одним из весьма эффективных механизмов публичной и народной дипломатии. Многие из таких начинаний сталкиваются с механизмом их реализации. И в этом плане исключительно важная роль отводится Россотрудничеству.

Следует указать и на ряд критических моментов. Так, например, в действиях российской стороны не всегда хватает конкретики. Многие концептуальные российские документы, касающиеся этой проблемы, носят описательный характер [33]. Они декларируют необходимость развития исторических связей, культурных скрепов, делают отсылку к прошлому (тогда как, например, аналогичные документы США, как правило, акцентируют внимание на мессианских ценностях, говорят о возможностях, перспективах, самореализации и будущем). Поэтому часто выбор делается не в пользу прошлого, а в сторону перспективы будущего.

Не прописанными чаще всего остаются технические вопросы, что открывает возможности их невыполнения или коррупционного

злоупотребления. Так, в указе Президента РФ от 5 сентября 2022 г. № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» вопросы материально-технического и финансового обеспечения остались за скобками данного документа, что затруднило формирование четких ориентиров стратегического планирования.

Как осевой регион Евразии Большой Каспийский регион выступает в роли некой геополитической платформы, на которой отрабатываются различные концептуальные модели интеграции и культурного взаимодействия. И в этом плане *формирование единого научно-образовательного евразийского пространства* станет еще одной интеграционной скрепой этих стран. Развитие интеграционных процессов целесообразно связывать с модернизацией научно-образовательной системы, повышением человеческого и интеллектуального капитала. На Евразийском пространстве реализуются инновационные образовательные проекты (Сетевого университета СНГ, Сетевого университета БРИКС, Университета ШОС). 26 мая 2022 г. подписан Меморандум о взаимопонимании по созданию Евразийского сетевого университета. В современных условиях такое научно-образовательное пространство необходимо рассматривать как совокупность партнерских консорциумов, функционирующих и развивающихся как по горизонтали, так и по вертикали. До настоящего времени отсутствуют координационные начала между сетевыми университетами по приоритетным направлениям международного научно-исследовательского и гуманитарного сотрудничества. Накопились многочисленные проблемы подготовки инженерных кадров и IT-специалистов; научно-исследовательских и научно-педагогических кадров. Указанные и иные приоритетные направления формирования единого евразийского научно-образовательного пространства целесообразно предусмотреть в разрабатываемой комплексной стратегии развития Большого евразийского партнерства.

В качестве иллюстрации можно привести пример развития образовательного и научного потенциала Астраханского государственного университета имени В.Н. Татищева. Университет приобрёл статус

инновационного образовательного и научно-исследовательского центра, реализующего образовательные программы подготовки специалистов для естественнонаучной, технической, гуманитарной, сельскохозяйственной, педагогической и иных сфер деятельности. Общий контингент обучающихся постоянно возрастает, наши выпускники востребованы во многих отраслях российской экономики и за рубежом, в органах власти и управления всех уровней.

В рамках укрепления Единого информационного пространства расширяется ареал участия АГУ имени В.Н. Татищева:

- в Ассоциации государственных университетов и научно-исследовательских центров Прикаспийских стран;
- в Университете Шанхайской организации сотрудничества;
- в Сети университетов Черноморского региона BSUN;
- в Консорциуме высших учебных заведений Прикаспийского региона в транспортно-логистической сфере;
- в Ассоциации содействия многостороннему сотрудничеству в сфере науки и образования в Черноморском регионе и др.

На эту же тему и проект создания *Каспийского открытого университета*. Проект направлен на создание межрегионального промышленно-исследовательского парка и активное привлечение иностранных студентов из стран Каспийского региона. По оценкам Минобрнауки РФ, у Астраханского госуниверситета есть реальный шанс возглавить сетевое объединение университетов Прикаспийских государств и выйти на производство значимого интеллектуального продукта (зам. министра Н. Бочарова, 11.04.2022) [42].

Накопленный потенциал позволил поставить амбициозную цель стать интегратором новых платформенных решений в экосистеме региона и площадкой для объединения государственного, предпринимательского и научного секторов на пространстве Большого Каспия. Формирование на базе АГУ Каспийского открытого университета как новой парадигмы образования стран Прикаспия – мультиуниверситета, объединяющего новые знания, исследовательские школы, научные идеи и технологии, которые находятся в тесной кооперации

с технологическими партнерами и с индустриальным сектором экономики и обеспечивают развитие высокотехнологичного бизнеса.

На полях Евразийского экономического форума в Бишкеке 26 мая 2022 г. ректоры ведущих вузов стран ЕАЭС подписали Меморандум о взаимопонимании по созданию Евразийского сетевого университета (ЕСУ). Университет формируется в рамках реализации новых направлений развития евразийской интеграции в рамках Стратегии развития ЕАЭС – 2025 для поэтапного формирования безбарьерной среды в сфере образования. По мнению ректора МГУ им. М.В. Ломоносова В.А. Садовниченко, «миссией университета может стать выработка и контроль стандартов подготовки кадров, содействие интеграции образовательных систем, поддержка перспективных научно-исследовательских и инновационных проектов» [104].

В плане научного сопровождения развития геополитического проекта Большого Каспийского региона следует уделить более пристальное внимание координации и кооперации работы уже существующих научных центров по изучению проблем этого региона. В настоящее время такими центрами «научной силы» стали как столичные, так и региональные структуры: «Центр евроазиатских исследований МГИМО»¹; «Центр евразийских медиаисследований факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова»²; «Центр стратегических исследований Евразии Астраханского государственного

---

¹ **Центр евроазиатских исследований МГИМО (У)** создан в январе 2021 г. в результате объединения трех центров ИМИ – постсоветских исследований, проблем Кавказа и региональной безопасности, исследований проблем Центральной Азии и Афганистана. Директор Центра ведущий научный сотрудник И.А. Сафранчук. (<https://mgimo.ru/about/structure/ucheb-nauch/imi/>).

² **Центр Евразийских МедиаИсследований** был основан на факультете журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова 18 декабря 2020 г. Основой создания ЦЕАМИ послужила база исследований медиасистем, СМИ и журналистики республик СССР, впоследствии государств постсоветского пространства, на протяжении десятилетий формировавшаяся авторами-сотрудниками факультета. Миссией ЦЕАМИ является объединение интеллектуального потенциала государств-участников с целью активизации взаимодействия ведущих центров журналистского образования стран ЕАЭС в области медиаисследований и профессиональной подготовки квалифицированных кадров, содействие развитию евразийского диалога в СМИ (<https://eurasiansu.ru/category/o-ceami/>).

университета имени В.Н. Татищева»¹ и др. Все эти научные центры в разной степени затрагивают проблемы Большого Каспийского региона, но создаваемый ими научный контент способствует развитию единого научного информационного пространства.

Особо следует отметить роль *Астраханского государственного университета* в деле изучения каспийской проблематики. В начале XXI в. в вузе прошла целая серия специализированных конференций, посвященных каспийской проблематике. Были созданы центры и научные школы, опубликованы монографии и защищено немало диссертаций. С 2002 г. в Астраханском государственном университете стал выходить специализированный журнал *«Каспийский регион: политика, экономика, культура»*², который со временем превратился в научную площадку для обсуждения региональных проблем.

В 2020 г. в Астраханском государственном университете был создан «Институт исследования проблем юга России и Прикаспия». В 2021 г. на базе этого Института был основан еще один научный электронный журнал *«Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности»*³, занимающийся широким спектром проблем посвященных Каспийскому региону.

В ноябре 1998 г. в Швеции в городе Лулео был создан «Институт центральноазиатских и кавказских исследований», который начал выпускать специализированный журнал *«Центральная Азия и Кавказ»*⁴. Целью этого института является изучение и анализ социально-политической ситуации в государствах Центральной Азии и Кавказа, а также интеллектуальная поддержка политических и экономических реформ путем формирования позитивного восприятия либеральных демократических ценностей Запада в государствах Центральной Азии и Кавказа.

---

¹ **Центр стратегических исследований Евразии** Астраханского государственного университета имени В.Н. Татищева был организован в августе 2019 г. как научное подразделение, занимающееся комплексным изучением проблем Каспийского региона и Евразии в целом.

² Каспийский регион: политика, экономика, культура, ISSN 1818-510X.

³ Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности (caspiumsecuritatis.ru).

⁴ Центральная Азия и Кавказ, ISSN 1403-7068 (Print); ISSN 2002-3847 (Online).

Региональными вопросами сельского хозяйства, экономики и финансов занимается ежеквартальный научно-теоретический и практический журнал «Вестник Прикаспия»¹, который является международным изданием ФГБНУ «Прикаспийского НИИ аридного земледелия» (Астраханская область, Черноярский район, Соленое Займище). К специализированным изданиям следует отнести и выходящий с 2008 г. в Издательстве КГУ (Калмыцкий государственный университет) научный журнал «Вестник Прикаспия: археология, история, этнология»².

Имеющийся в настоящее время эмпирический материал позволяет нам сделать некоторые прогнозы. Так, мы вправе предположить, что цель внешней стратегии России на ближайшее время – проведение политики «доктрины Монро наоборот»: вытеснение США с евразийского континента, обнуление западной стратегической инициативы в этом регионе за счет активизации суверенной позиции ведущих стран Евразии. В перспективе демилитаризация Европы и пересмотр границ несостоявшихся государств.

В перспективе Россия должна перехватить у Запада инициативу по созданию и продвижению новых геополитических и геоэкономических концепций, от реализации которых будет зависеть ее собственный образ будущего и образ будущего мира. Именно такая инициатива и позволит вытеснить западный актив из евразийского пространства.

Подводя итоги диссертационного исследования, мы должны еще раз обратить внимание на *главный его посыл* – дать научное сопровождение утверждения стратегической воли России в пространстве Большого Каспийского региона как необходимого шага на пути стабилизации всего евразийского континента и вытеснения из него деструктивных сил, которые ассоциируются здесь с западным (в первую очередь англосаксонским) колониальным негативным влиянием.

---

¹ Вестник Прикаспия, ISSN 2508-4952.

² Вестник Прикаспия: археология, история, этнология, ISSN: 9999-4838.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отвечая на поставленные во Введении к настоящей работе задачи, мы можем следующим образом сформулировать на них свои ответы.

Сам характер работы предусматривает комплексное использование методов и основных принципов научного исследования проблемы политико-экономической интеграции на каспийском пространстве. Наибольший эффект дает междисциплинарный подход. Было установлено, что на современные геополитические процессы большое влияние оказывают такие мировые тренды, как глобализм, интеграция (дезинтеграция), мировой экономический кризис, формирование многополярной модели мира. Именно с учетом всех этих тенденций и для достижения объективности в оценке происходящих в регионе Большого Каспия геополитических процессов автором и были выбраны специальные методы исследования.

Вторым важным моментом работы стал системный анализ особенностей геополитических стратегий основных субъектов региона Большой Каспий, в ходе которого были выявлены наличие в них общей базовой позиции – принадлежности к идеям многовекторной международной политики и ориентации на систему ценностей многополярных отношений. Было также замечено, что западные аналитики и западные СМИ с подачи своих политических элит целенаправленно накачивают этот регион всякого рода негативными характеристиками, стремясь тем самым доказать пагубность самостоятельной политики стран этого региона, отказавшихся от геополитического «покровительства» США и начавших проводить свои независимые внешнеполитические курсы. Особую тревогу коллективного Запада вызывают два государства Каспийского региона (Россия и Иран), попавшие в «черный список» госдепа США. Две другие страны (Китай и Индия) считаются потенциальными мировыми конкурентами западной модели однополярного мира и тоже попадают в зону критики западных СМИ. Политические события 2010-х гг. наглядно показывают «пробуждение Азии», становление Евразии ареной не только

военных столкновений, но и зоной ожесточенной информационной войны и экономической конкуренции соперничающих на этом геополитическом пространстве государств.

В условиях ресурсного эгоизма каспийских государств создание единого Каспийского региона затруднило формирование здесь своих региональных институтов. Каспий как мезорегион является частью Большой Евразии. Он появился после падения СССР вследствие переоценки своего ресурсного потенциала и начала формирования странами Каспийского региона своей национальной идентичности.

Геополитический эгоизм этих государств носил чаще всего региональный (каспийский) характер. Каждое государство Каспийского региона искало и создавало свою каспийскую идентичность. И этот поиск далек еще до своего завершения. Поэтому эгоизм каждого из государств создавал разность их подходов. Общим было достижение коллективной безопасности, где Россия играла первую роль, поскольку имела надлежащие для этого ресурсы.

С точки зрения Москвы, безопасность на Каспии может исходить только от России. С точки зрения Вашингтона, именно от Российской Федерации исходит угроза безопасности национальным интересам США. Поэтому заочный спор Бжезинского и Примакова есть спор двух конкурирующих национальных интересов.

Существующие в настоящее время т.н. метафоры «Большая игра», «Большой Ближний Восток», «Большой Кавказ» и т.д. были выдвинуты западными геополитиками, которые преследовали отстаивание и обоснование притязания конкретных национальных интересов США. Чаще всего эти метафоры носили откровенно пустой (пропагандистский) характер. Между тем сам бренд «Каспий» (или «Большой Каспий») используется тоже в качестве некой «пустой формулы», идеологи которой занимаются геополитическим планированием, выстраиванием своей региональной геополитической геометрии. Известно, что понятия наполняются конкретным содержанием по мере актуализации использования ресурсов (природных, экономических, политических) стран этого

региона. Но одной из конструктивных задач пустых метафор и пустых формул является формирование особого видения этого пространства на будущее. Как показывает опыт политической истории, не всегда такие запущенные проекты имеют позитивный выход. Бывают случаи, когда они порождают политический хаос и приводят к полной дестабилизации региона.

В последние годы в научной литературе появилась тема «Большого Каспия», которая отражает актуализацию этого региона в геополитическом мышлении. Оформление, формирование Большого Каспия как самостоятельного региона – это процесс, связанный с усилением роли политических элит стран Прикаспия. Следует признать, что в настоящий момент внутренняя энергетика этих стран еще недостаточно сильна. Элиты стран Прикаспия еще не научились коллективно использовать ресурсный фактор в своих целях. Поэтому они всегда искали внешней опоры (ЕС, США, КНР и т.д.) и не верили в собственные силы и возможности.

Идея безопасности является одной из базовых для стран региона Большого Каспия. Все попытки установить здесь доминацию третьих стран наталкиваются на весьма стойкое сопротивление имперской традиции местных лидеров, которые постепенно восстанавливают свой международный доминант. Следует признать, что путем многочисленных согласований политическим элитам стран Каспийского региона удалось найти некий *общий алгоритм* их международного сотрудничества, основанный на соблюдении международного права, суверенитета, исторических политических и культурных традиций, а также стойкого желания вопреки всем неблагоприятным международным тенденциям оставаться субъектами международной политики.

Страны данного региона подвергаются давлению не только извне, но и посредством разжигания внутрирегиональной конфронтации. Проводящий политику «разделяй и властвуй» мировой гегемон постоянно провоцирует конфликты вокруг застаревших проблем этого региона с целью ослабления и дезорганизации их совместных проектов. Смягчению внутри региональных конфликтов поможет формирование единой исторической картины мира,

объективно дающей ответы самим народам этого региона на вопрос: кто мы и кто наши ближайшие соседи.

Эффективным средством противодействия проникновению в Каспийский регион глобалистских сил, рассматривающих страны этого региона в качестве объектов своей мировой гегемонии, является тесная и всесторонняя интеграция стран Большого Каспия. Интеграция предусматривает объединение сил и совместных политико-экономических возможностей. В перспективе такое сотрудничество способно дать неоспоримые преимущества странам этого региона в их стремлении быть субъектами мировых отношений. Именно на противодействие этой интеграции и направлены все силы мировых гегемонов (в лице США и ЕС), для которых такое тесное взаимоотношение стран Большого Каспия представляет опасность для их господства.

В своем развитии Большой Каспий проходит через три стадии своего развития: Идеи – Концепции – Практика. Вначале Большой Каспий возникает как идея, затем проходит стадию осмысления и формирования концептуальной основы, и лишь третий этап – этап реализации этой идеи на практике – становится зримой частью реализации этого проекта (для справедливости отметим, что многие вышеупомянутые концепции так и остались на стадии пропаганды в геополитических лабораториях своих создателей). Как мы в настоящее время видим суть данной идеи и концепции? Чем можем их наполнить и раскрыть?

В основе Идеи Большого Каспия лежит утверждение о самобытности, самостоятельности и самодостаточности Каспийского региона в развитии культурного, экономического и политического потенциала стран этого региона. Именно эта самость отвечает за отличительные качества одного региона от другого. И в зависимости от того, насколько они развиты, можно говорить о степени сформированности регионального сообщества, мере его объединения общим самосознанием идеи «региональной исключительности». Сама идея Большого Каспия может формироваться из суммы «вторичных» идей (безопасность, интеграция, культурно-религиозная толерантность, политико-

правовой консенсус и т.д.), которые наполняют ее и разъясняют отличия от других таких же аналогичных региональных идей.

Концепция Большого Каспия исходит из того, что самодостаточность складывается из фактора актуализации роли Прикаспийских государств, которые своим авторитетом, весом (мощью) и активностью притягивают к себе страны из сопредельных регионов и тем самым повышают политические и экономические ставки и статус своего региона. Концепт Большой Каспий формируется как усиление политико-экономической значимости стран этого региона, возросшей геополитической роли в создании самостоятельных политических систем, влияния интересов этого региона на другие региональные сообщества. Основой Большого Каспия является ось Россия – Иран, которая притягивает к себе других субъектов этого региона.

Практика реализации концепции Большого Каспия исходит из принципа интеграции, безопасности и равноправного политического диалога всех стран – участниц этого проекта. И Россия здесь может выступить лидером практической реализации всех этих трех компонентов. Она способна сплотить вокруг себя те силы, которые заинтересованы в развитии конструктивного альянса самодостаточных государств, совместно решающих текущие актуальные проблемы.

В идеале Большой Каспий окончательно сложится как самодостаточный регион лишь тогда, когда никакая третья сила не сможет здесь действовать без коллективного разрешения стран этого региона. Такого состояния уже удалось отчасти достичь в августе 2018 г. Развитие в этом направлении признано наиболее перспективным и следует именно здесь ожидать дальнейших позитивных изменений.

Рассмотренные в настоящем исследовании геополитические процессы в регионе Большого Каспия свидетельствуют о начавшемся в начале XXI в. процессе поэтапного формирования системы экономического сотрудничества и политической безопасности ведущих стран Евразии – тех, кто проявляет наивысшую конструктивную активность в деле продвижения своих

внешнеполитических интересов (экономических, политических, культурных и иных) и отстаивании своих геополитических стратегий.

Странам региона Большого Каспия приходится существовать в условиях глобализации, но и формирования нового политико-экономического уклада. Им приходится совместно решать массу новых вызовов, которые несет с собой данная эпоха. В первую очередь, создавать информационно-аналитическую модель и осуществлять поиск оптимальных решений по управлению интеграционными процессами на Большом Каспии в ситуации новых геополитических вызовов и угроз. Для этого необходимо будет ответить на три вопроса, возникающие по ходу решения поставленной задачи:

1) что собой будет представлять Большой Каспий в системе нового мирохозяйственного и технологического укладов;

2) развитие и упрочение так называемых «геополитических треугольников» как инструмента и механизма развития интеграционных процессов на пространстве Большого Каспия;

3) дать системный анализ моделей и методов оценки сопряжения стран Большого Каспия.

В настоящей работе мы определили основные тренды и методы исследования геополитических процессов в регионе Большого Каспия. На основе изучения теоретических источников были выявлены основные подходы в анализе влияния процессов глобализации на евразийскую интеграцию в геополитических условиях современности. Нами также был дан анализ особенностей геополитических стратегий основных участников региона Большого Каспия и выявлены их перспективные ориентации.

Мы рассматривали регион Большого Каспия как огромную систему, в которой важны все ее отдельно взятые сегменты и элементы. Учитывать приходилось буквально каждый момент, от этнической и культурной самобытности до политической и экономической особенности. Именно при таком комплексном анализе видны все «плюсы» и «минусы» проводимой в этом регионе мировой политики, степень включенности этого региона в глобальные процессы и т.д.

Геополитический проект Большой Каспий есть российский концепт, который является своего рода ответом на американские проекты Большой Ближний Восток, Большая Средняя Азия и т.д. Проект Большой Каспий – это концепт каспийской интеграции. Все проекты находятся на разных стадиях своего развития – какой-то на стадии планирования, какой-то на стадии реализации. Известно, что в каждом большом регионе есть свое ядро и своя периферия. И эти категории определяются тем, какую роль играют и какой вес имеют те или иные государства. Особенность положения России такова, что она всегда претендует на роль лидера, даже если для этого существуют не самые благоприятные международные обстоятельства. Россия всегда была прирожденным лидером.

Геополитический концепт Большого Каспийского региона является российской инициативой по созданию развитой интеграционной системы, направленной на повышение её политического статуса и экономической мощи. Как осевой регион Евразии, Каспий может выстроить вокруг себя особую политико-экономическую систему, способную стать ведущим субъектом геополитических отношений всего Евразийского пространства. И Россия должна в этой системе новых глобальных международных отношений занять лидирующие позиции, гарантируя странам этого региона свои стандарты безопасности и интеграции.

Геополитические процессы вбирают в себя как непосредственно сами политические международные отношения стран участниц, так и их экономические, культурные, социальные и религиозные особенности. Причем процессы эти имеют весьма динамичный характер. Данный динамизм определяется стремительно меняющимися условиями развития, постоянным уточнением сущности национальных интересов, открывшимися или напротив утратившимися ресурсами, а также целым набором различных субъективных факторов (идеологическими или даже мифологическими стереотипами, фобиями и т.д.) профессиональной деятельности национальных элит и их лидеров.

В настоящее время концепт «Большой Каспийский регион» в большей мере все ещё является научной конструкцией, облегчающей наше геополитическое понимание этого региона. Однако в относительно недалеком будущем он имеет все шансы стать эффективным рабочим инструментом, превратиться в объективную политическую реальность. И это станет возможным, если данный научный концепт станет привлекательным для политической практики.

Концепция Большой Каспийский регион согласуется с такой концепцией, как Большая Евразия. Идеальным политико-экономическим состоянием России должно быть состояние самодостаточной, экономически развитой евразийской державы, занимающей центральное положение в этом регионе. Особо подчеркивается, что Россия должна своим авторитетом служить общевразийским гарантом военно-политической и экономической стабильности. Для этого Россия должна ментально быть не периферией Запада или Востока, а сердцем всей Евразии.

Развитие газонефтяного сектора Каспийского региона указывает на то, что в этом отношении срабатывает *закон синтеза суши и моря*, когда т.н. «береговая зона» («*Rimland*») получает более стремительный импульс развития и становится локомотивом экономического развития и роста территории. Насколько эффективно страны этого региона используют это их геополитическое преимущество, вопрос другой. Главное заключается в том, что идет очевидное развитие сырьевой экономики, являющейся основой экономических систем этих стран. Именно «нефтегазовая игра» и становится предметом геополитических комбинаций по отстаиванию своих национальных интересов.

Считаем, что экономический потенциал каспийской пятерки колоссален. Но он так до конца еще не реализован полностью на практике. Существующая статистика не объясняет многие качественные изменения. Поэтому необходимо отделять ценовые параметры сотрудничества от качественных параметров. И не всегда экономическая статистика подтверждает политическую. Как показывает политический опыт, не все начинаемые здесь экономические проекты успешно доводились до конца.

Президент России В.В. Путин неоднократно обращал внимание на противоестественный характер происходящих в мире геополитических и геоэкономических процессов проводимой Западом политики: «Цель наших геополитических оппонентов и противников понятна – ограничить доходы российского бюджета, но мы не теряем ничего от этого потолка. Потерь для российского ТЭКа и для экономики бюджета нет – никаких потерь нет, потому что мы по этим ценам и продаём. Но дело совершенно не в этом, а дело в том, что на мировую энергетику, в мировую экономику стараются ввинтить новые, абсолютно не присущие рыночной экономике инструменты. Потребитель-покупатель старается внедрить в сознание и в практику всего мира новые совершенно, не присущие рыночной экономике инструменты, нерыночное регулирование» [1]. Именно выход Запада за рамки рыночной экономики разрушает весь экономический миропорядок. Запад сам идет на осознанное нарушение своих базовых положений, которые ранее являлись для него «священными догмами».

Президент России В.В. Путин в качестве основных приоритетов на 2023 г. назвал «развитие инфраструктуры [2]. В связи с этим актуализация проекта МТК «Север – Юг» связана именно с событиями СВО на Украине 2022 г.

В условиях СВО-2022 г. БКР становится не просто «задним двором» России, но и выступает в роли альтернативного логистического коридора, связывающего Россию со странами Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока. Со странами этого региона у России нет тех проблем, которые ей навязал коллективный Запад. 2022 г. фактически стал годом окончательного разворота России на Восток. Именно здесь у России наибольшее число союзников и единомышленников, тогда как на Западе их практически уже не осталось. Запад окончательно перешел в лагерь русофобов и проводит в отношении России откровенно враждебную политику.

Судя по логике развивающихся в БКР политических процессов, здесь складываются не иерархические, а сетевые структурные механизмы архитектуры международных отношений, что предполагает наличие не одного, а множества

центров принятия решений. Эти центры обладают различным объемом компетенций, разной ресурсной базой, но не считаются с ними и тем более игнорировать их уже практически невозможно. Это набирающие геополитическую мощь и экономический вес державы, которые своей политикой будут определять лицо международных отношений в XXI в.

Любые успешно реализованные на практике геоэкономические проекты имеют тот самый позитивный политический эффект, который постепенно создает и геополитическое превосходство, реализацию могущества страны, претендующей на лидерские позиции. И любые позитивные отношения стран этого региона нарушают логику США по выдавливанию России из этого региона. Усиление позиции России на Ближнем и Среднем Востоке (нормализация отношений с Ираном и Саудовской Аравией) стало неприятной новостью для Запада, нацеленного на разделение этого мира и разжигание и поддержание конфликта (теория хаоса, разрушение всех интеграционных связей). Длительное время Евразия была «кормовой базой» для западной цивилизации. Поэтому для США крахом всей их политики будет являться складывание Большого Каспийского региона и успешная реализация им интеграционных проектов.

Список использованных источников и литературы

Источники

1. Владимир Путин ответил на вопросы журналистов [Электронный ресурс]. – 22.12.2022. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70170> (дата обращения: 23.12.2022).
2. Военная доктрина Российской Федерации [Электронный ресурс] // Российская газета. – 30.12.2014. – URL: <https://rg.ru/documents/2014/12/30/doktrina-dok.html> (дата обращения: 12.02.2021).
3. Владимир Путин принял участие в Пятом каспийском саммите, состоявшемся в Республике Казахстан [Электронный ресурс]. – 12.08.2018. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58296> (дата обращения: 05.06.2021).
4. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова по итогам переговоров с заместителем Председателя Кабинета министров, Министром иностранных дел Туркменистана Р. О. Мередовым, Ашхабад, 28 января 2016 года [Электронный ресурс]. – 28.01.2016. – URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1521677/ (дата обращения: 23.09.2022).
5. Выступление президента Байдена на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс]. – 22.09.2021. – URL: <https://inosmi.ru/20210922/250551749.html> (дата обращения: 19.10.2021).
6. Выступление Президента К. К. Токаева на IV Консультативной встрече глав государств Центральной Азии [Электронный ресурс]. – 21.07.2022. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-na-iv-konsultativnoy-vstreche-glav-gosudarstv-centralnoy-azii-2163148> (дата обращения: 23.07.2022).
7. Гюлистанский Договор [Электронный ресурс]. – URL: http://www.hrono.ru/dokum/1800dok/18131012ru_per.php (дата обращения: 08.01.2021).

8. Договор между СССР и Ираном от 27 августа 1935 г. «О поселении, торговле и мореплавании» // Документы внешней политики СССР. – Москва : Политиздат, 1973. – Т. 18: 1 января – 31 декабря 1935 г. – 786 с.

9. Договор о торговле и мореплавании между СССР и Ираном от 25 марта 1940 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Москва : Госполитиздат, 1955. – Вып. 10: Между 1 января 1937 года и 21 июня 1941 года. – С. 56–77.

10. Евразийская экономическая интеграция 2019. Доклад № 52 [Электронный ресурс] / Евразийский банк развития. – Москва : Центр интеграционных исследований, 2019. – 142 с. – URL: https://eabr.org/upload/iblock/c69/EDB_Centre_Report_52_Eurasian_Economic_Integration_2019_rus.pdf (дата обращения: 03.10.2021).

11. Евразийский экономический союз. Вопросы и ответы. Цифры и факты / Евразийская экономическая комиссия. – Москва, 2016. – 190 с.

12. Заседание Совета глав государств СНГ [Электронный ресурс]. – 14.10.2022. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69595> (дата обращения: 23.11.2021).

13. Ильхам Алиев высказался по статусу Каспия [Электронный ресурс]. – 05.04.2018. – URL: <https://tass.ru/interviews/5036000> (дата обращения: 09.07.2021).

14. Итоги деятельности Федерального агентства по рыболовству в 2017 году и задачи на 2018 год [Электронный ресурс] // Материалы к заседанию коллегии. – Москва, 2018. – 131 с. – URL: http://fish.gov.ru/files/documents/ob_agentstve/kollegiya/itogi_2017_zadachi_2018.pdf (дата обращения: 23.12.2022).

15. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря от 12 августа 2018 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5328> (дата обращения: 08.07.2021).

16. Лавров: нужно установить постзападный мировой порядок [Электронный ресурс]. – 18.02.2017. – URL: <http://rus.postimees.ee/4019535/lavrov-nuzhno-ustanovit-postzapadnyu-mirovoy-poryadok> (дата обращения: 08.07.2021).

17. Первый Евразийский экономический форум. Владимир Путин в режиме видеоконференции выступил на пленарной сессии I Евразийского экономического форума [Электронный ресурс]. – 26.05.2022. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68484> (дата обращения: 27.05.2022).

18. Послание Президента РФ Федеральному Собранию 16 мая 2003 // Путин В. В. Прямая речь : в 3 т. – Москва : Звонница-МГ: Новый ключ, 2016. – Т. 1: Послания Федеральному Собранию. – 412 с.

19. Пресс-релиз Межгосударственного статистического комитета СНГ от 17.03.2022. Внешняя торговля стран Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cisstat.com/rus/relis2022-03-05.pdf> (дата обращения: 13.05.2022).

20. Путин, В. В. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума [Электронный ресурс] / В. В. Путин. – 16.06.2022. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68669> (дата обращения: 17.06.2022).

21. Рейтинг экономик мира в 2021–2022 по данным ООН [Электронный ресурс]. – 26.04.2022. – URL: <https://visasam.ru/emigration/vybor/ekonomika-stran-mira-2.html> (дата обращения: 27.04.2022).

22. Сайт Федерального бюджетного учреждения «Администрация Волго-Донского бассейна внутренних водных путей» [Электронный ресурс]. – <http://www.vdgbu.ru/index.php/ff> (дата обращения: 17.01.2021).

23. Сайт Федерального государственного бюджетного учреждения «Администрация морских портов Каспийского моря» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ampastra.ru/> (дата обращения: 17.01.2021).

24. Саммит Россия – Центральная Азия. Владимир Путин принял участие во встрече глав государств – участников первого саммита Россия – Центральная Азия [Электронный ресурс]. – 14.10.2022. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69598> (дата обращения: 14.10.2022).

25. Саммит Сопредседания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) [Электронный ресурс]. – 13.10.2022. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69587> (дата обращения: 13.10.2022).

26. СИПРИ 2000. Вооружение, разоружение и международная безопасность. СИПРИ и ИМЭМО РАН при содействии Женевского центра демократического контроля над вооруженными силами. – Москва : Наука, 2000. – 873 с.

27. Совместное заявление глав государств Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан, Туркменистана и Республики Узбекистан по итогам встречи Центральная Азия – Россия [Электронный ресурс]. – 14.10.2022. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5857> (дата обращения: 21.10.2022).

28. Стратегия развития морской портовой инфраструктуры России до 2030 года [Электронный ресурс] : [одобрена на совещании членов Морской коллегии при Правительстве Российской Федерации 28 сентября 2012 года]. – Москва, 2015. – 284 с. – URL: http://www.rosmorport.ru/media/File/seastrategy/strategy_150430.pdf (дата обращения: 20.01.2021).

29. Стратегия развития российских морских портов в Каспийском бассейне, железнодорожных и автомобильных подходов к ним в период до 2030 года [Электронный ресурс] : [утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 08.11.2017 № 2469-р]. – Москва, 2017. – 34 с. – URL: <http://static.government.ru/media/files/zACqKSgh6AdU2bWZahEb92qpLifBzJlr.pdf> (дата обращения: 20.01.2021).

30. Таможенная статистика. Внешняя торговля Российской Федерации. Итоги внешней торговли с основными странами [Электронный ресурс]. – URL: <https://customs.gov.ru/folder/511> (дата обращения: 07.07.2021).

31. Указ Президента Республики Казахстан от 6 марта 2020 года № 280 «О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы» [Электронный ресурс]. – URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000280> (дата обращения: 03.03.2021).

32. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 03.08.2021).

33. Указ Президента РФ от 5 сентября 2022 г. № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» [Электронный ресурс]. – 06.09.2022. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405140851/> (дата обращения: 07.09.2022).

34. Экономическая небезопасность Евразийского союза [Электронный ресурс]. – 07.06.2017. – URL: <https://eurasia.expert/ekonomicheskaya-nebezopasnost-evraziyskogo-soyuza/> (дата обращения: 07.07.2021).

Литература

35. 44% государственного бюджета Казахстана формирует нефтегазовый сектор [Электронный ресурс] // Forbes.Kazakhstan. – 04.02.2020. – URL: https://forbes.kz/process/energetics/44_gosudarstvennogo_byudjeta_kazahstana_formiruet_neftegazovyy_sektor/ (дата обращения: 23.11.2022).

36. Абалов, А. Бесконечная империя: Россия в поисках себя / А. Абалов, В. Иноземцев. – Москва : Альпина Паблишер, 2021. – 426 с.

37. Абгарян, С. Р. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве: основные теоретико-методологические подходы : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01 / Абгарян Самвел Рубикович. – Санкт-Петербург, 2011. – 146 с.

38. Абрамов, Ю. Глобальная регионализация: к обоснованию понятия / Ю. Абрамов // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – № 1. – С. 242–250.

39. Аватков, В. Турция и Азербайджан: одна нация – одно государство? / В. Аватков // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66, № 2. – С. 90–100.

40. Авербух, М. Последние ископаемые. Сразу после карантина нефтяную отрасль ждет новый шок [Электронный ресурс] / М. Авербух // Новая газета. – 2020, 12 июня. – URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/06/12/85819-poslednie-iskopaemye/> (дата обращения: 12.12.2021).

41. Агаев, С. А. Рухама Хомейни / С. А. Агаев // Вопросы истории. – 1989. – № 6. – С. 83.

42. Агамамедова, З. Нейтралитет Туркменистана [Электронный ресурс] / З. Агамамедова // Международные процессы. – 2003, сентябрь – декабрь. – Т. 1, № 3. – URL: <http://www.intertrends.ru/old/three/012.htm> (дата обращения: 16.08.2021).

43. АГУ имеет все перспективы стать крупным сетевым университетом на прикаспийском пространстве [Электронный ресурс]. – 11.04.2022. – URL: <https://astrahan.bezformata.com/listnews/setevim-universitetom-na-prikaspiyskom/104431511/> (дата обращения: 12.04.2022).

44. Адиев, А. З. Геополитический анализ некоторых аспектов безопасности России в Черноморско-Каспийском регионе [Электронный ресурс] / А. З. Адиев, В. А. Колосов, Р. Ф. Патеев // Научная мысль Кавказа. – 2010. – № 1 (61). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskiy-analiz-nekotoryh-aspektov-bezopasnosti-rossii-v-chernomorsko-kaspiyskom-regione> (дата обращения: 23.01.2021).

45. Азербайджан может ударить по Мецаморской АЭС в ответ на угрозу Мингячевирскому водохранилищу – жесткое заявление [Электронный ресурс] // Day.Az. – 2020.16.07. – URL: </news.day.az/politics/1268145.html> (дата обращения: 23.01.2021).

46. Акишин, М. О. Демократический режим, экспорт и транзит демократии [Электронный ресурс] / М. О. Акишин // Ленинградский юридический журнал. – 2019. – № 1 (55). – С. 10–26. – URL: https://www.elibrary.ru/ip_restricted.asp?rpage=https%3A%2F%2Fwww%2Eelibrary%2Eru%2Fcontents%2Easp%3Fid%3D44155884 (дата обращения: 23.01.2021).

47. Акматалиева, А. М. «Один пояс – один путь» и «Экономический пояс Шёлкового пути» КНР для Центральной Азии: стратегия господства и изменения мирового порядка / А. М. Акматалиева // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество : мат-лы конф. – Чита : Забайкальский гос. ун-т, 2021. – С. 139–141.

48. Алейникова, С. М. Русский мир: белорусский взгляд / С. М. Алейникова. – Минск : РИВШ, 2017. – 240 с.

49. Алиев, Ш. М. Кавказско-Каспийский регион: новая евразийская реальность [Электронный ресурс] / Ш. М. Алиев, А. И. Магомедова // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Естественные и точные науки. – 2017. – Т. 11, № 2. – С. 50–57. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kavkazsko-kaspiyskiy-region-novaya-evraziyskaya-realnost> (дата обращения: 05.05.2021).

50. Алклычев, А. М. Взаимодействие прикаспийских государств в нефтегазовой области [Электронный ресурс] / А. М. Алклычев // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2009. – №. 4 (21). – С. 116–121. – URL: <http://www.rppe.ru/wp-content/uploads/2011/05/alklychev-am.pdf> (дата обращения: 05.05.2021).

51. Алмонд, Г. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон ; сокр. пер. с англ. А. С. Богдановского, Л. А. Галкиной ; под ред. М. В. Ильина, А. Ю. Мельвиля. – Москва : Аспект Пресс, 2002. – 537 с.

52. Американский проект «Большой Каспийский регион» [Электронный ресурс]. – URL: <http://casp-geo.ru/amerikanskiy-proekt-bolshoj-kaspijskiy-region/> (дата обращения: 04.05.2021).

53. Ансари, Х. Имам Хомейни. Политическая борьба от рождения до кончины / Х. Ансари. – Москва : Палея, 1999. – 472 с.

54. Арпова, Е. Я. Морской Шелковый путь XXI века против Северного морского пути: угрозы и возможности / Е. Я. Арпова // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2014. – № 4. – С. 84–93.

55. Асмус, Р. Евро-атлантическое Причерноморье [Электронный ресурс] / Р. Асмус // Россия в глобальной политике. – 2007, Май – Июнь. – № 3. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/evro-atlanticheskoe-prichernomore/> (дата обращения: 04.05.2021).

56. Астапенко, М. С. Теории и концепции пространственной экономики: сущностные аспекты и эволюция подходов [Электронный ресурс] /

М. С. Астапенко // Вестник евразийской науки. – 2018. – № 1, т. 10. – URL: <https://esj.today/PDF/50ECVN118.pdf> (дата обращения: 04.05.2021).

57. Атаев, Т. Грузино-осетинский конфликт на фоне битвы гигантов за трубопроводы [Электронный ресурс] / Т. Атаев // Ислам.ру. – 2008, 27 ноября. – URL: <http://www.islam.ru/pressclub/analitika/isunerus/> (дата обращения: 05.05.2021).

58. Ататюрк, М. К. Путь новой Турции. 1919–1927 : [в 4 т.] / Мустафа Кемаль Ататюрк ; предисл.: В. Гурко-Кряжин. – [Москва] : Литиздат НКВД, 1929–1934. – Т. 4: Победа новой Турции 1921–1927. – 570 с.

59. Афолина, Е. Как поделить море. Рассказываем про документ, призванный положить конец спорам на Каспии [Электронный ресурс] / Е. Афолина // ТАСС. – 01.10.2019. – URL: <https://tass.ru/politika/6949435> (дата обращения: 03.05.2021).

60. Ахмеров, В. Партнерские связи регионов двух стран становятся все активнее [Электронный ресурс] / В. Ахмеров // Российская газета. – 18.12.2019. – URL: <https://rg.ru/2019/12/18/partnerskie-sviazi-regionov-iaponii-i-rf-stanut-eshche-aktivnee-v-2020-m.html> (дата обращения: 06.05.2021).

61. Бабак В. Нефть Каспия в отношениях Казахстана с Россией / В. Бабак // Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – № 1. – С. 9–18.

62. Бабаян, Д. Геополитика Китая на современном этапе: некоторые направления и формы / Д. Бабаян. – Ереван : Де-Факто, 2010. – 350 с.

63. Бабурин, С. Российский путь : утраты и обретения / С. Бабурин. – Москва : РГТЭУ, 1997.

64. Базаров, В. Б. Евразийские центральноазиатские логистические проекты XXI столетия / В. Б. Базаров, А. А. Атанов // Власть. – 2017. – № 08. – С. 137–142.

65. Базаров, В. Б. Центральноазиатские логистические проекты XI века и Новый Шелковый путь / В. Б. Базаров // Наука и образование сегодня. – 2018. – № 12 (35). – С. 112–115.

66. Баранов, Н. А. Лекции по геополитике [Электронный ресурс] / Н. А. Баранов. – URL: <https://nicbar.ru/politology/study/kurs-geopolitika/197-tema-3-geopoliticheskie-protsessy-xv-xx-vv> (дата обращения: 22.01.2021).
67. Барабанов, О. Н. Политика США в Центральной Азии и Закавказье // О. Н. Барабанов // Южный фланг СНГ: Центральная Азия – Каспий – Кавказ: возможности и вызовы для России / под ред. М. Наринского, А. Мальгина. – Москва : Логос, 2003. – 371 с.
68. Бардаль, А. Б. Новый Шелковый путь: возможности и угрозы для транспортного комплекса Дальнего Востока России / А. Б. Бардаль // ЭКО. – 2016. – № 7. – С. 69–91.
69. Барков, А. В. Проблемы гармонизации в Евразийском экономическом сообществе / А. В. Барков // Журнал российского права. – 2003. – № 8. – С. 137–144.
70. Барсегов, Ю. Г. Каспий в международном праве и мировой политике / Ю. Г. Барсегов. – Москва : ИМЭМО РАН, 1998. – 212 с.
71. Басов, А. В. Персидский коридор / А. В. Басов, Г. И. Гутенмахер // Военно-исторический журнал. – 1991. – № 1. – С. 88–96.
72. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Москва : Искусство, 1986. – 445 с.
73. Беза, Ж.-М. Нефть: власть теперь в других руках [Электронный ресурс] / Жан-Мишель Беза // Le Monde. – 2008, 19 May. – URL: <https://inosmi.ru/20080520/241464.html> (дата обращения: 27.04.2021).
74. Бек, У. Что такое интеграция? / У Бек ; пер. с нем. А. Григорьева и В. Седелникова ; общ. ред. и послесл. А. Филиппова. – Москва : Прогресс – традиция, 2006. – С. 29–32.

75. Белый, А. В. Россия и Западная Европы: геополитические интересы в Кавказско-Каспийском регионе / А. В. Белый, Э. Ремакль // Европа и Россия: проблема южного направления. Средиземноморье – Черноморье – Каспий / РАН. Ин-т Европы и др. ; редкол.: В. В. Журкин и др. – Москва : Интердиалект, 1999. – 659 с.

76. Бжезинский, З. «Двойка», способная изменить мир. Каков же сегодня геостратегический характер американо-китайских отношений? [Электронный ресурс] / З. Бжезинский // The Financial Times. – 2009, 14 January. – URL: <http://www.inosmi.ru/world/20090114/246645.html> (дата обращения: 10.02.2021).

77. Бжезинский, З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы) / З. Бжезинский ; пер. О. Ю. Уральской. – Москва : Международные отношения, 1998. – 254 с.

78. Бжезинский, З. Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис / З. Бжезинский. – Москва : АСТ, 2015. – 288 с.

79. Библер, В. С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры / В. С. Библер. – Москва : Прогресс : Гнозис, 1991. – 169 с.

80. Библер, В. С. На гранях логики культуры. Книга избранных очерков / В. С. Библер. – Москва : Русское феноменологическое общество, 1997. – 440 с.

81. Библер, В. С. От наукоучения – к логике культуры : Два философских введения в двадцать первый век / В. С. Библер. – Москва : Политиздат, 1991. – 412 с.

82. Битяк, Ю. П. Проект «Междуморье»: геополитический анализ [Электронный ресурс] / Ю. П. Битяк, И. В. Яковюк, С. С. Шестопал // Балтийский гуманитарный журнал. – 2017. – № 4 (21). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-mezhdumorie-geopoliticheskiy-analiz> (дата обращения: 21.01.2021).

83. Ближний Восток: Политика и идентичность : колл. монография / под ред. И. Д. Звягельской ; ИМЭМО РАН. – Москва : Аспект Пресс, 2020. – 336 с.

84. Блок, М. Апология истории или ремесло историка [Электронный ресурс] / М. Блок. – 2-е изд., доп. – Москва : Наука, 1986. – 178 с. – URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/145328/> (дата обращения: 22.02.2021).
85. Богатуров, А. Д. Синдром косы и камня / А. Д. Богатуров // НГ-Дипкурьер. – 2007. – 10 декабря.
86. Бодрийяр, Ж. Америка / Жан Бодрийяр ; пер. с фр. Д. Калугин. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2000. – 203 с.
87. Борисов, Д. В. Стабильность и безопасность Каспийского региона в контексте ядерной программы Ирана : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / Борисов Дмитрий Валерьевич ; [место защиты: Дипломат. акад. МИД РФ]. – Москва, 2007. – 26 с.
88. Брумштейн, Ю. М. ИКТ-компетентность стран, регионов, организаций и физических лиц: системный анализ целей, направлений и методов оценки / Ю. М. Брумштейн, А. Б. Кузьмина // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. – 2014. – № 2. – С. 47–63.
89. Булатова, А. А. НАТО на рубеже XX–XXI вв.: эволюция внешнеполитической стратегии и механизмы сотрудничества : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Булатова Анастасия Александровна. – Москва, 2005. – 146 с.
90. Бурк, А. Стратегия США в районе Каспийского моря / А. Бурк // Вестник Каспия. – 2000. – № 2. – С. 24–35.
91. Бурлинова, Н. Политический манифест о том, кто мы есть [Электронный ресурс] / Н. Бурлинова / Российский совет по международным делам. – 09.09.2022. . – URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/columns/riacdigest/politicheskiy-manifest-o-tom-kto-my-est/> (дата обращения: 10.09.2022).
92. Бурнашев, Р. Вооруженные силы Туркменистана: проблемы и направления развития / Р. Бурнашев, И. Черных // Центральная Азия и Кавказ. – 2003. – № 4. – С. 71–79.
93. Бурцев С. Н. Роль Каспийского региона в мировой политике / С. Н. Бурцев // Вестник Российского государственного гуманитарного

университета. Серия: Международные отношения. Регионоведение. – 2014. – № 7 (129). – С. 74–84.

94. Бусыгина, И. М. Евросоюз: от частного к общему [Электронный ресурс] / И. М. Бусыгина, М. Г. Филиппов // Россия в глобальной политике. – 2010, январь – февраль. – № 1. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/evrosoyuz-ot-chastnogo-k-obshhemu/> (дата обращения: 10.02.2021).

95. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и синтез в современном мире [Электронный ресурс] / И. Валлерстайн ; пер. с англ. П. М. Кудюкина ; под ред. канд. полит. наук Б. Ю. Кагарлицкий. – Санкт-Петербург : Университетская книга, 2001. – 416 с. – URL: https://socioline.ru/files/5/48/vallerstain_i__analiz_mirovyh_sistem_i_situaciya_v_sovremennom_mire_-_2001.pdf (дата обращения: 09.02.2021).

96. Валлерстайн, И. Закат империи США: Кризисы и конфликты [Электронный ресурс] / И. Валлерстайн, С. Амин, С. Джордж и др. ; предисл. Б. Кагарлицкого ; Ин-т глобализации и социальных движений. – Москва : МАКС Пресс, 2013. – 248 с. – URL: https://conflictmanagement.ru/wp-content/uploads/2014/02/Vallerstayn-I.-Amin-S.-Dzhordzh-S.-Zakat-imperii-SSHA.-Krizisy-i-konfliktyi-Initsiativa-Postglobalizatsiya_-predstavlyaet-2013.pdf (дата обращения: 09.02.2021).

97. ВВП стран мира в 1990–2020 гг. (Всемирный банк; ППС, млрд долл.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://svspb.net/danmark/vvp-stran-wb.php> (дата обращения: 14.01.2021).

98. Вандам (Едрихин), А. Е. Геополитика и геостратегия / А. Е. Вандам (Едрихин) ; сост., вступ. ст. и коммент. И. Образцова ; заключ. ст. И. Даниленко. – Жуковский ; Москва : Кучково поле, 2002. – 272 с. – (Серия «Геополитический ракурс»).

99. Васильева, Н. А. Глобальный Евразийский регион: опыт теоретического осмысления социально-политической интеграции / Н. А. Васильева, М. Л. Лагутина. – Санкт-Петербург : Политехнический ун-т, 2012. – 424 с.

100. Васильева, Н. А. Концепт «Евразийский экономический союз» как новая интеграционная парадигма / Н. А. Васильева, М. Л. Лагутина // Управленческое консультирование. – 2013. – № 10. – С. 81.

101. Васильева, Н. А. Формирование Евразийского союза в контексте глобальной регионализации / Н. А. Васильева, М. Л. Лагутина // Евразийская экономическая интеграция. – 2012. – № 3 (16). – С. 19–29.

102. Васильева, О. В. Политические элиты Туркменистана и проблемы национальной идентичности / О. В. Васильева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2018. – № 4 (57). – С. 200–206.

103. Васьковский, Е. Ю. Системный анализ вопросов, связанных с востребованностью информации на web-сайтах / Е. Ю. Васьковский, Ю. М. Брумштейн // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. – 2015. – № 1. – С. 59–74.

104. Ведущие вузы стран ЕАЭС договорились о создании Евразийского сетевого университета [Электронный ресурс] / Евразийская экономическая комиссия. – 31.05.2022. – URL: https://www.alt.ru/ts_news/90359/ (дата обращения: 06.06.2022).

105. Великий Волжский путь : мат-лы второго этапа Международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 05-14.08.2002) : в 3 ч. – Казань, 2003. – 291 с.

106. Великий Волжский путь : третий этап Междунар. науч.-практич. конф. (г. Астрахань, 4–14 августа 2003 г.) // АСТРАПОЛИС. – 2004. – № 1. – С. 27–43.

107. Великий Волжский путь: прошлое, настоящее, будущее : колл. монография / под ред. акад. РАН А. Г. Гранберга. – Казань, 2005. – 640 с.

108. Веретельникова, В. А. Особенности формирования образа политических лидеров России, США и Германии в российских и зарубежных СМИ / В. А. Веретельникова // Кирилло-Мефодиевские чтения в СамГТУ : сб. мат-лов XII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов. – Самара : Самарский гос. тех. ун-т, 2016. – С. 240–243.

109. Верлин, Е. Партнёры, не нужные друг другу / Е. Верлин // Профиль. – 2007, 28 мая. – С. 30–31.
110. Власов, П. Алиев поставил на чёрное / П. Власов // Эксперт. – 1997. – № 30. – С. 62.
111. Военная доктрина России не понравилась НАТО [Электронный ресурс]. – 06.02.2020. – URL: <https://www.infox.ru/news/32/40138-voennaa-doktrina-rossii-ne-ponravilas-nato> (дата обращения: 27.12.2020).
112. Войтоловский, Г. К. Особенности геополитической ситуации в Каспийском регионе / Г. К. Войтоловский, Н. А. Косолапов // Европа и Россия: проблемы южного направления. Средиземноморье – Черноморье – Каспий / РАН. Ин-т Европы и др. ; редкол.: В. В. Журкин и др. – Москва : Интердиалект, 1999. – 659 с.
113. Вооружения, разоружение и международная безопасность : ежегодник СИПРИ 2015 со специальным приложением ИМЭМО РАН : пер. с англ. / редкол.: А. А. Дынкин, А. Г. Арбатов, В. Г. Барановский и др. – Москва : ИМЭМО РАН, 2016. – 962 с.
114. Восток / Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / науч. ред. А. Д. Воскресенский, Н. П. Малетин. – Москва : Московский гос. ин-т международных отношений (Университет), «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 528 с.
115. Вотинов, А. В. Черноморская Стратегия Евросоюза: некоторые основные положения [Электронный ресурс] / А. В. Вотинов // Экспозиция Нефть Газ. – 2012. – № 5 (23). – С. 147–149. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chernomorskaya-strategiya-evrosoyuza-nekotorye-osnovnye-polozheniya> (дата обращения: 15.01.2021).
116. Габиева, З. Правовой статус Каспия [Электронный ресурс] / З. Габиева // Обозреватель – Observer. – 2004. – № 8 (175). – URL: <http://militaryarticle.ru/obozrevatel/2004-obozrevatel/13447-pravovoj-status-kaspija> (дата обращения: 28.01.2021).

117. Гавричев, С. Запасы Северного Каспия: мнения разделились [Электронный ресурс] / С. Гавричев. – URL: www.rusenergy.com/caspianregion (дата обращения: 28.04.2021).

118. Гавричев, С. Туркменистан: без нефти, но с газом. Единственная возможность для Ашхабада изменить положение в стране к лучшему – обеспечить дополнительный рынок сбыта газа [Электронный ресурс] / С. Гавричев // Нефть и капитал. – 02.08.2019. – URL: <https://oilcapital.ru/news/2019-08-02/turkmenistan-bez-nefti-no-s-gazom-1044168> (дата обращения: 15.01.2021).

119. Гаджиев, К. С. «Большая игра» на Кавказе: вчера, сегодня завтра / К. С. Гаджиев. – Москва : Международные отношения, 2010. – 339 с.

120. Гаджиев, К. С. Геополитика Кавказа / К. С. Гаджиев. – Москва : Международные отношения, 2001, 2003. – 463 с.

121. Гаджиев, К. С. Геополитические горизонты России: контуры нового миропорядка / К. С. Гаджиев. – Москва : Экономика, 2007. – 751 с.

122. Гаджиев, К. С. Имидж государства в конфликте идеологий / К. С. Гаджиев. – Москва : Андалус, 2007. – 207 с.

123. Гаджиев, К. С. Кавказский узел в геополитических приоритетах России / К. С. Гаджиев. – Москва : Логос, 2010. – 531 с.

124. Гаджиев, К. С. Кавказско-Каспийский регион и современная геополитика [Электронный ресурс] / К. С. Гаджиев // Власть. – 2011. – № 10. – С. 169–176. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kavkazsko-kaspiyskiy-region-v-sovremennoy-geopolitike-zaochnyu-kruglyu-stol/viewer> (дата обращения: 15.01.2021).

125. Гаджиев, К. С. Этнонациональная и геополитическая идентичность Кавказа / К. С. Гаджиев. – Saarbrücken : VDM Publ., 2011. – 531 с.

126. Галин, Д. Основные положения и принципы военной доктрины Великобритании / Д. Галин // Зарубежное военное обозрение. – 2012. – № 6. – С. 16–22.

127. Ганиев, Т. А. Большой Ближний Восток: геополитическая регионалистика конфликтогенного центра мировой цивилизации [Электронный ресурс] / Т. А. Ганиев, В. В. Карякин // Архонт. – 2018. – № 4 (7). – С. 15–28. –

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolshoy-blizhniy-vostok-geopoliticheskaya-regionalistika-konfliktogennogo-tsentra-mirovoy-tsivilizatsii> (дата обращения: 23.04.2021).

128. Гегель, Г. В. Ф. Философия религии : в 2 т. / Г. В. Ф. Гегель. – Москва : Мысль, 1977. – Т. 2. – 573 с.

129. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук / Г. В. Ф. Гегель. – Москва : Мысль, 1974. – Т. 2. – 550 с.

130. Гейден, Г. Критика немецкой геополитики / Г. Гейден. – Москва : Изд-во иностранной литературы, 1960. – 312 с.

131. Геллнер, Э. Нации и национализм / Э. Геллнер ; пер. с англ. Т. В. Бредниковой, М. К. Тюнькиной ; ред. и послесл. И. И. Крупника. – Москва : Прогресс, 1991. – 322 с.

132. Гельперович, Д. Российская военная доктрина как продолжение политики [Электронный ресурс] / Д. Гельперович. – 27.12.2014. – URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/russia-military-doctrine/2575951.html> (дата обращения: 09.02.2021).

133. Гидденс, Э. Непokoйный и могущественный континент. Что ждет Европу в будущем? / Этнони Гидденс ; пер. с англ. А. Матвеевко при участии М. Бендет ; Российская акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Российской Федерации. – Москва : Дело, 2015. – 237 с.

134. Гладкий, Ю. Н. «Геополитическая конструкция» и «геополитический потенциал» – основные понятия геополитики / Ю. Н. Гладкий, С. В. Писаренко // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2013. – № 154. – С. 129–137.

135. Глазьев, С. Ю. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии / С. Ю. Глазьев // Экономика и математические методы. – 2016. – Т. 52, № 2. – С. 3–29.

136. Глазьев, С. Ю. Описание научной гипотезы в области общественных наук (Закономерность смены мирохозяйственных укладов в развитии мировой

экономической системы и связанных с ними политических изменений)
С. Ю. Глазьев // Наука. Культура. Общество. – 2016. – № 3. – С. 5–45.

137. Глазьев, С. Ю. Последняя мировая война. США начинают и проигрывают / С. Ю. Глазьев. – Москва : Книжный мир, 2016. – 253 с.

138. Глазьев, С. Ю. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах («Коллекция Изборского клуба») / С. Ю. Глазьев. – Москва : Книжный мир, 2018. – 768 с.

139. Глазьев, С. Ю. «Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах» [Электронный ресурс]. – URL: https://xn--c1angbpdf.xn--p1ai/reading_room/218467/ (дата обращения: 12.01.2021).

140. Глобализация и развитие законодательства: очерки / отв. ред. В. А. Тихомиров, А. С. Пиголкин. – Москва : Городец, 2006. – С. 253.

141. Голль, Ш. де. Военные мемуары. Призыв 1940–1942 / Шарль де Голль ; пер. с фр. А. А. Анфилофьева, Ю. Б. Арзуманова, В. Г. Гак и др. – Москва : АСТ: Астрель, 2003. – 814 с.

142. Головин, В. Г. Имперские амбиции современных транснациональных корпораций / В. Г. Головин, Е. Е. Головина // Вопросы элитологии. – 2021. – Т. 2, № 3. – С. 156–189.

143. Головина, Е. Е. Геополитический и экономический потенциал пространства Евразийского экономического союза и стран Прикаспийского региона / Е. Е. Головина // Современная наука и инновации. – 2022. – № 2 (38). – С. 165–177.

144. Голуб, Ю. Г. 1941: иранский поход Красной Армии. Взгляд сквозь годы / Ю. Г. Голуб // Отечественная история. – 2004. – № 3. – С. 24–31.

145. Голубов, Б. Н. Аномальный подъём уровня Каспийского моря и катастрофическое обмеление Аральского моря как результат дренирования Арала под плато Устюрт и в Каспий вследствие техногенных возмущений недр [Электронный ресурс] / Б. Н. Голубов // Пространство и Время. – 2018. – Т. 16, вып. 1–2. – 14 с. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anomalnyu-podyom-urovnyu->

kaspiyskogo-morya-i-katastroficheskoe-obmelenie-aralskogo-morya-kak-rezultat-drenirovaniya-arala-pod-plato/viewer (дата обращения: 09.02.2021).

146. Гольцов, А. Г. Региональный геополитический проект «Междуморье»: перспективы реализации [Электронный ресурс] / А. Г. Гольцов // Сравнительная политика. – 2016. – № 4 (26). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnyy-geopoliticheskiy-proekt-mezhdumorie-perspektivy-realizatsii> (дата обращения: 10.01.2021).

147. Гончаренко, С. Н. Черноморское экономическое сотрудничество: первые 25 лет – Black Sea Economic Cooperation: the First 25 Years / С. Н. Гончаренко. – Москва : Ин-т Европы РАН, 2018. – 114 с.

148. Горак, С. Туркменистан после Туркменбаши: к вопросу о трансформации режимов личной власти / С. Горак // ПОЛИТЭКС. – 2007. – № 3. – С. 62-78.

149. Горелова, Г. В. Разработка когнитивных моделей геополитических систем (Черноморско-Каспийский регион) [Электронный ресурс] / Г. В. Горелова, В. Н. Рябцев // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2014. – № 6 (155). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-kognitivnyh-modeley-geopoliticheskikh-sistem-chernomorsko-kaspiyskiy-region> (дата обращения: 10.02.2021).

150. Гранин, Ю. Д. «Глобализация» или «вестернизация»? / Ю. Д. Гранин // Вопросы философии. – 2008. – № 2. – С. 51–64.

151. Гранин, Ю. Д. Россия и альянсы Евразии: Поворот на Восток перед лицом вызовов Запада / Ю. Д. Гранин // Свободная мысль. – 2021. – № 5. – С. 91–104.

152. Грачев, М. Н. Геополитическое моделирование как разновидность структурно-функционального анализа мировой политики / М. Н. Грачев // Современные геополитические процессы: новые вызовы и поиски решений : в 2 т. – Санкт-Петербург : БГТУ, 2011. – Т. 1. – С. 12–19.

153. Грачиков, Е. Н. Геополитика Китая: эгоцентризм и пространство сетей / Е. Н. Грачиков. – Москва : RuScience, 2017. – 233 с. – DOI: 10.15216/978-5-4365-0419-3.

154. Гриб, Н. Туркмения нашла газ в обход России. Заветы Туркменбаши прошли международный аудит / Н. Гриб, Н. Скорлыгина // Коммерсант. – 2008, 15 октября. – № 187 (4004).
155. Гриневицкий, С. Р. Геополитическое казино Причерноморья / С. Р. Гриневицкий, С. С. Жильцов, И. С. Зонн. – Москва : Восток – Запад, 2009. – 352 с.
156. Гринин, Л. Е. Глобализация и национальный суверенитет / Л. Е. Гринин // История и современность. – 2005. – № 1. – С. 6–31.
157. Громыко, А. А. Новая «великая игра». Каспий стал средоточием геополитических интересов государств региона [Электронный ресурс] / А. А. Громыко // Независимая газета. – 20.08.1998. – № 152 (1723). – С. 3–4. – URL: http://www.neweurasia.info/archives/september/RP7_16html (дата обращения: 09.02.2021).
158. Гумилев, Л. Древняя Русь и Великая степь / Лев Гумилев. – Москва : Айрис-Пресс, 2005 (ОАО Можайский полигр. комб.). – 763 с.
159. Гумилев, Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия / Л. Н. Гумилев. – Москва : Мишель и Ко, 1993. – 336 с.
160. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – Ленинград : Гидрометеиздат, 1990. – 528 с.
161. Гурова, И. П. О многомерной модели российской экономической интеграции / И. П. Гурова // Пространственная экономика. – 2016. – № 1. – С. 14–29.
162. Гусейнов, В. Большой Ближний Восток: стимулы и предварительные итоги / В. Гусейнов, А. Денисов, Н. Савкин, С. Демиденко. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 592 с.
163. Гусейнов, В. Каспийская нефть: экономика и геополитика / В. Гусейнов. – Москва : OLMA-PRESS, 2002. – 316 с.
164. Гусейнов, Г. Сталинградец Лавров о постзападном мире [Электронный ресурс] / Г. Гусейнов. – 18.02.2017. – URL:

<http://ru.rfi.fr/rossiya/20170219-stalingradets-lavrov-o-post-zapadnom-mire> (дата обращения: 10.02.2021).

165. Гушер, А. И. Современные геополитические процессы и их влияние на состояние международной безопасности [Электронный ресурс] / А. И. Гушер // Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. – URL: <https://nic-pnb.ru/analytics/sovremennye-geopoliticheskie-protsessy/> (дата обращения: 10.02.2021).

166. Даалдер, А. Глобальный альянс. НАТО предстоит отказаться от регионального статуса / А. Даалдер, Дж. Голдгайдер // Коммерсантъ-Мнения. – 2006, 31 августа. – № 161. – С. 9.

167. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – Москва : Книга, 1991. – 574 с.

168. Дарабади, П. Геоистория Каспийского региона и геополитика современности / П. Дарабади. – Баку : Элм, 2002. – 191 с.

169. Дарабади, П. Кавказско-Каспийский регион в системе геополитических отношений XVIII – начала XIX веков [Электронный ресурс] / П. Дарабади // Кавказ и глобализация. – 2008. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kavkazsko-kaspiyskiy-region-v-sisteme-geopoliticheskikh-otnosheniy-xviii-nachala-xix-vekov> (дата обращения: 10.03.2021).

170. Дарендорф, Р. Элементы теории социального конфликта [Электронный ресурс] / Р. Дарендорф // Социологические исследования. – 2005. – № 5. – С. 14–147. – URL: <http://read.virmk.ru/d/Darendorf.htm> (дата обращения: 10.03.2021).

171. Дацюк, С. Зіткнення інтересів ЄС, Росії та США в Чорномурі в інфраструктурній політиці [Электронный ресурс] / С. Дацюк. – URL: http://dialogs.org.ua/dialog.php?id=58&op_id=992#992 (дата обращения: 09.09.2022).

172. Девятов, А. Практическое китаеведение [Электронный ресурс] / А. Девятов. – Москва : Восточная книга, 2007. – URL: https://vk.com/wall-32304974_1170 (дата обращения: 09.09.2022).

173. Деловарова, Л. Ф. Некоторые теоретические аспекты многовекторности / Л. Ф. Деловарова // Вестник КазНУ. Серия международные отношения и международное право. – 2017. – № 4–5. – С. 42.

174. Демкин, Д. В. Военная безопасность как фактор обеспечения национальной безопасности России в начале XXI века : дисс. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Демкин Дмитрий Владимирович ; [Место защиты: Моск. гос. обл. ун-т]. – Москва, 2012. – 191 с.

175. Дергачев, В. А. Геоэкономический словарь-справочник / В. А. Дергачев. – Одесса : ИПРЭЭИ НАНУ, 2004. – 177 с.

176. Дергачев, В. Геополитика «Жемчужного ожерелья». Южно-Китайское море. Приоритеты Поднебесной [Электронный ресурс] / В. Дергачев. – URL: <http://xn--o1abes.xn--p1ai/index.php/novosti-smi/rossijskie-novosti/1155-geopolitika-zhemchuzhnogo-ozherelya-yuzhno-kitajskoe-more-prioritety-podnebesnoj> (дата обращения: 09.09.2022).

177. Дергачев, В. Геоэкономика / В. Дергачев. – Киев : Вира-Р, 2002. – 512 с.

178. Дергачев, В. Особенности китайской геополитики [Электронный ресурс] / В. Дергачев // Вестник аналитики. – 2008. – № 2. – URL: <https://dergachev.org/analit/9.html> (дата обращения: 09.02.2021).

179. Дергачев, В. Цивилизационная геополитика (геофилософия) / В. Дергачев. – Киев : Вира-Р, 2004. – 672 с.

180. Джакупов, Т. Центральная Азия во внешнеполитической концепции Турции / Т. Джакупов // Постсоветское исследование. – 2018. – Т. 1.- № 5. – С. 437.

181. Джалилова, А. Канадский о'кей [Электронный ресурс] / А. Джалилова // Центральная Азия. – 31.10.2005. – URL: <https://centrasia.org/news.php?st=1130707560> (дата обращения: 09.03.2021).

182. Джалилова, А. Чисто прозрачно / А. Джалилова // Новое поколение. – 2006, 31 марта. – С. 2.

183. Динамика развития морских портов России [Электронный ресурс] / ИА REX. – 28.01.2018. – URL: <http://www.iarex.ru/articles/55388.html> (дата обращения: 09.03.2021).
184. Дмитриев, А. В. Геополитика Каспийского региона. Взгляд из России / А. В. Дмитриев, П. Л. Карабущенко, Р. Х. Усманов. – Астрахань : Астраханский университет, 2004. – 317 с.
185. Дмитриев, А. В. Миграция. Конфликтное измерение / А. В. Дмитриев. – Москва : Альфа-М, 2006. – 432 с.
186. Дмитриев, А. Военная доктрина Германии России / А. Дмитриев // Зарубежное военное обозрение. – 2014. – № 12. – С. 16–20.
187. Дмитриева, М. А. Технологии манипулирования информацией в контексте формирования имиджа политика / М. А. Дмитриева // Актуальные вопросы науки. – 2018. – № 41. – С. 138–140.
188. До, Минь Као. Энергетическая дипломатия Китая и ее влияние в сопредельных регионах / До Минь Као // Проблемы Дальнего Востока. – 2013. – № 4. – С. 98–105.
189. Довлатов, А. Эрдоган предложил создать «платформу шести стран» в Закавказье [Электронный ресурс] / А. Довлатов. – 10.12.2020. – URL: <https://dailystorm.ru/news/erdogan-predlozhl-sozdat-platformu-shesti-stran-v-zakavkaze> (дата обращения: 14.01.2021).
190. Дойч, М. Разрешение конфликта – конструктивный и деструктивный процессы [Электронный ресурс] / М. Дойч // Социально-политический журнал. – 2001. – № 1. – С. 202–212. – URL: <http://read.virmk.ru/d/Doich.htm> (дата обращения: 10.03.2021).
191. Дробкова, О. С. Факторы и потенциал устойчивого развития мегарегиона / О. С. Дробкова // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2018. – № 3. – С. 94–100.
192. Дронишинец, Н. П. Применение гарантий МАГАТЭ в связи с ДНЯО в КНДР / Н. П. Дронишинец, Н. А. Носырев // Актуальные вопросы науки,

техники и образования : тр. IX регион. науч.-практич. конф. – Новоуральск : НТИ НИЯУ МИФИ, 2016. – С. 262.

193. Дубинина, Н. А. Управление логистическими процессами как фактор повышения конкурентных позиций предприятий судостроительного кластера Астраханской области / Н. А. Дубинина // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2017. – № 1 (63). – С. 104–113.

194. Дугин, А. Г. Евразийский реванш России / А. Г. Дугин. – Москва : Алгоритм, 2014. – 256 с.

195. Дугин, А. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века / А. Дугин. – Санкт-Петербург : Амфора, 2007. – 382 с.

196. Дугин, А. Основы геополитики / А. Дугин. – Москва : АРКТОГЕЯ-центр, 1997. – Кн. 1: Геополитическое будущее России. – 608 с.

197. Дугин, А. Основы геополитики / А. Дугин. – Москва : АРКТОГЕЯ-центр, 2000. – Кн. 2: Мыслить пространством. – 928 с.

198. Дудайти, А. К. Большой Кавказ в мировой геополитике (состояние и перспективы развития политических процессов в Кавказском районе) / А. К. Дудайти // Вестник Владикавказского научного центра. – 2013. – Т. 13, № 2. – С. 2–14.

199. Дунец, И. Торговая война США и Китая: причины, последствия, ход игры, новые соглашения [Электронный ресурс] / И. Дунец. – 18.10.2019. – URL: <https://promdevelop.ru/torgovaya-vojna-ssha-i-kitaya-prichiny-posledstviya-hod-igry-novye-soglasheniya> (дата обращения: 12.01.2021).

200. Европейские страны СНГ: место в «Большой Европе» / МГИМО(У) МИД РФ ; Фонд Розы Люксембург ; редкол.: В. Грабовски, А. В. Мальгин, М. М. Наринский. – Москва : Международные отношения, 2005. – 307 с.

201. Евсеев, В. В. Китайско-иранские отношения на современном этапе [Электронный ресурс] / В. В. Евсеев // Институт Ближнего Востока. – 14.03.2014. – URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/14-03-10.htm> (дата обращения: 12.01.2021).

202. Евсеев, В. В. Концепция «Большой Ближний Восток» под углом национальной безопасности / В. В. Евсеев // Национальная безопасность. – 2013. – № 4. – С. 620–828.
203. Евстифеев, Д. По Сирии ударили «Дагестаном» [Электронный ресурс] / Д. Евстифеев, В. Ващенко, В. Дергачев, А. Громов // Газета.ru. – 2015, 7 октября. – URL: <http://www.gazeta.ru/social/2015/10/07/7808867.html> (дата обращения: 03.03.2021).
204. Егищянц, С. А. Тупики глобализации: торжество прогресса или игры сатанистов? / С. А. Егищянц. – Москва : Вече, 2004. – 448 с.
205. Ежегодник СИПРИ 2015 «Вооружения, разоружение и международная безопасность» со Специальным приложением ИМЭМО РАН : пер. с англ. / редкол.: А. А. Дынкин, А. Г. Арбатов, В. Г. Барановский и др. – Москва : ИМЭМО РАН, 2016. – 962 с.
206. Ержанова, Ж. Астана отзывает свою нефть из Батуми / Ж. Ержанова // Независимая газета. – 12.08.2008. – С. 5.
207. Ефременко, Д. В. Новый этап в развитии Шанхайской Организации сотрудничества [Электронный ресурс] / Д. В. Ефременко // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2019. – № 24. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyyu-etap-v-razvitii-shanhayskooy-organizatsii-sotrudnichestva> (дата обращения: 16.02.2021).
208. Жаде, З. А. Векторы геополитической идентичности / З. А. Жаде. – Майкоп : Качество, 2007. – 335 с.
209. Жан, К. Геоэкономика: господство экон. Пространства : пер. с ит. / К. Жан, П. Савона. – Москва : ad Marginem, 1997. – 207 с.
210. Жданов, Н. В. Исламская концепция миропорядка / Н. В. Жданов. – Москва : Междунар. отношения, 2003. – 563 с.
211. Жильцов, С. С. Геополитика Каспийского региона / С. С. Жильцов, И. С. Зонн, А. М. Ушков. – Москва : Международные отношения, 2003. – 76 с.
212. Жильцов, С. С. Каспийская трубопроводная геополитика / С. С. Жильцов, И. С. Зонн. – Москва : Восток – Запад, 2011. – 317 с.

213. Жильцов, С. С. Каспийский регион как геополитическая проблема современных международных отношений: 90-е годы XX века : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.04 / Жильцов Сергей Сергеевич. – Москва, 2004. – 43 с.

214. Жильцов, С. С. Каспийский регион: новые энергетические потоки и новые вызовы / С. С. Жильцов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – № 3 (44). – С. 64–72.

215. Жильцов, С. С. Основные направления политики Китая в Каспийском регионе [Электронный ресурс] / С. С. Жильцов, И. С. Зонн // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2015. – № 2 (13). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-politiki-kitaya-v-kaspiyskom-regione> (дата обращения: 09.03.2021).

216. Жильцов, С. С. Политика России в Каспийском регионе / С. С. Жильцов. – Москва : Аспект Пресс, 2016. – 240 с.

217. Жильцов, С. С. Политика США в Каспийском регионе: основные итоги и тенденции (после сентября 2001 г.) / С. С. Жильцов, А. М. Ушков // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. – 2003. – № 4. – С. 76–81.

218. Жильцов, С. С. США в погоне за Каспием / С. С. Жильцов, И. С. Зонн. – Москва : Международные отношения, 2009. – 200 с.

219. Жириновский, В. В. Россия – Европа: история непонимания / В. В. Жириновский, С. А. Воронин. – Москва : ЛДПР, 2019. – 86 с.

220. Журавлёв, В. Е. Геополитические аспекты евразийской интеграции [Электронный ресурс] / В. Е. Журавлёв // Вестник науки и образования. – 2015. – № 10 (12). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskie-aspekty-evraziyskoj-integratsii> (дата обращения: 17.08.2021).

221. Зажигаев Б. Лимитрофная территория глобального мира (трансформации государств Балто-Черноморского региона в XXI в.). Часть I [Электронный ресурс] / Б. Зажигаев // Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – № 4–5 (6465). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/limitrofnaya-territoriya-globalnogo>

mira-transformatsii-gosudarstv-balto-chernomorskogo-regiona-v-xxi-v-chast-i (дата обращения: 09.09.2022).

222. Замятин, Д. Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов / Д. Н. Замятин. – Санкт-Петербург : Алтейя, 2003. – 331 с.

223. Замятин, Д. Н. Моделирование геополитических ситуаций (на примере Центральной Азии во второй половине XIX века) / Д. Н. Замятин // Полис. Политические исследования. – 1998. – № 2. – С. 64–76.

224. Захарова, М. В. Фейковая информация и имидж политика: эффекты, модели противодействия (опыт Франции) / М. В. Захарова // Век информации. – 2018. – Т. 2, № 2. – С. 98.

225. Зиновьев, А. А. Запад / А. А. Зиновьев. – Москва : Алгоритм, Эксмо, 2007. – 512 с.

226. Зиновьев, А. Глобальное сверхобщество и Россия / А. Зиновьев. – Минск : Харвест ; Москва : АСТ, 2000. – 128 с.

227. Злобин, Н. Сегодня ни Россия, ни США не в состоянии предложить друг другу модель сотрудничества в Евразии [Электронный ресурс] / Н. Злобин. – 24.10.2007. – URL: [https:// regnum.ru/news/polit/904600.html](https://regnum.ru/news/polit/904600.html) (дата обращения: 13.07.2022).

228. Злобин, Н. США и Россия на постсоветском пространстве – взаимное выдавливание или сотрудничество? [Электронный ресурс] / Н. Злобин // Центральная Азия. – 31.10.2007. – URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1193786580> (дата обращения: 10.03.2021).

229. Зонн, И. С. «Большая игра – 2». Стратегия США в Каспийском регионе / И. С. Зонн, С. С. Жильцов. – Москва : Эдель-М, 2003. – 196 с.

230. Зонн, И. С. Каспийская энциклопедия Каспийская энциклопедия / авт. и сост. И. С. Зонн ; под ред. А. Н. Косарева ; Инженер. науч.-произв. центр по вод. хоз-ву, мелиорации и экологии «Союзводпроект». – Москва : Международные отношения, 2004. – 461 с.

231. Зонн, И. С. Новый Каспий. География, экономика, политика / И. С. Зонн, С. С. Жильцов. – Москва : Восток-Запад, 2008. – 544 с.
232. Зыгарь, М. Трубы веером: Азербайджан готов торговать газом с кем угодно / М. Зыгарь, Н. Гриб // Коммерсант. – 05.06.2009. – С. 4.
233. Зюганов, Г. Глобальное порабощение России, или Глобализация по-американски / Г. Зюганов. – Москва : Эксмо, 2011. – 352 с.
234. Зюзин, Ю. А. Государственная политика России по обеспечению стратегических интересов в Прикаспийском регионе на рубеже XX–XXI вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Зюзин Юрий Анатольевич. – Астрахань, 2007. – 20 с.
235. Идрисов, Е. А. Контуры казахстанской дипломатии до 2020 года / Е. А. Идрисов // Казахстанская правда. – 2014, 31 января.
236. Илларионов, А. Как готовилась война. Исследование Андрея Илларионова о том, что предшествовало августовским событиям 2008 года. Окончание / А. Илларионов // Новая газета. – 01.07.2009. – № 69 (1483). – С. 10–11.
237. Илларионов, А. Как готовилась война. Исследование Андрея Илларионова о том, что предшествовало августовским событиям 2008 года. Послесловие / А. Илларионов // Новая газета. – 14.08.2009. – № 88. – С. 4.
238. Ильин, И. А. О сопротивлении злу силою / И. А. Ильин // Pro et Contra : полемика вокруг идей И. А. Ильина о сопротивлении злу силою. – Москва : Айрис-пресс, 2007. – 573 с.
239. Ильин, М. В. Балто-Черноморье в двойной системе Европа – Евразия [Электронный ресурс] / М. В. Ильин, Е. Ю. Мелешкина // Балтийский регион. – 2012. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/balto-chernomorie-v-dvoynoy-sisteme-evropa-evraziya> (дата обращения: 03.03.2021).
240. Ильин, М. В. Геохронополитика Балто-Черноморья [Электронный ресурс] / М. В. Ильин // Вестник МГИМО. – 2009. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geohronopolitika-balto-chernomorya> (дата обращения: 03.03.2021).

241. Имам Хомейни: путь к свободе. Речи и завещание / ред. Е. Д. Громова. – Москва : Палея, 1999. – 419 с.
242. Имидж политика: проблемы формирования, продвижения и исследования : колл. монография / [под ред. В. Н. Васильевой, Г. В. Жигуновой]. – Мурманск : Мурманский арктический гос. ун-т, 2016. – 183 с.
243. Инвестиции в Центральную Азию: один регион – множество возможностей [Электронный ресурс] / Л. Абдымомунова, В. Бутенко, Р. Нуриев, С. Перापечка, М. Раджи, Э. Руэда-Сабатер, В. Соколова, А. Тюрпиц, В. Чин. – BCG, 2018. – 66 p. – URL: https://web-assets.bcg.com/img-src/BCG-Investing-In-Central-Asia-report-RUS_tcm9-247777.pdf (дата обращения: 10.07.2022).
244. Иншаков, О. В. Мегарегионы: проблемы измерения динамики и структуры процессов глобализации / О. В. Иншаков, Е. И. Иншакова // Экономика развития региона: проблемы, поиски, перспективы. – 2008. – № 9. – С. 206–217.
245. Иншакова, Е. И. Формирование мегарегионов в мировой и национальной экономике [Электронные данные] / Е. И. Иншакова. – URL: <http://www.econorus.org/consp/files/teqq.doc> (дата обращения: 09.09.2022).
246. Иншакова, Е. И. Экономическая интеграция в СНГ: методология, стратегия, механизм / Е. И. Иншакова. – Волгоград : Волгоградское науч. изд-во, 2005. – 372 с.
247. Инь, С. Место и роль личного образа Си Цзиньпина в публичной дипломатии Китая / С. Инь, Н. А. Цветкова // Дипломатическая служба. – 2018. – № 4. – С. 44–48.
248. Ипполитов, И. В. Китайско-туркменские отношения: от взаимной выгоды к неравному партнёрству? / И. В. Ипполитов // Проблемы национальной стратегии. – 2017. – № 3 (42). – С. 107–110.
249. Ирхин, А. А. «Мир больше пяти»: становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России / А. А. Ирхин, О. А. Москаленко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2021. – Т. 21, № 1. – С. 91–107.

250. Ирхин, А. А. Большие пространства Евразии: типология, виды модернизации, моделирование будущего развития // Гілея (науковий вісник) : зб. наук. праць / гол. ред. В. М. Вашкевич. – 2011. – Вип. 43 (1). – С. 659–665.

251. Ирхин, А. А. Геополитические циклы Евразии и национальные интересы Украины / А. А. Ирхин. – Севастополь : Рибэст, 2011. – 294 с.

252. Ирхин, А. А. Большие пространства Евразии: типология, виды модернизации, моделирование будущего развития [Электронный ресурс] / А. А. Ирхин. – URL: <http://rusprostranstvo.com/article/view/350> 29 (дата обращения: 09.02.2021).

253. Ирхин, А. А. Имперские системы Европы, России и Китая: типология, циклы развития и взгляд в будущее [Электронный ресурс] / А. А. Ирхин. – 01.11.2014. – URL: <https://cont.ws/@alex/61723> (дата обращения: 16.03.2021).

254. Ирхин, А. А. Постсоветское пространство: геополитические параметры и методология моделирования интеграционных процессов / А. А. Ирхин // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». – 2009. – Т. 22 (61), № 1. – С. 77–85.

255. Ирхин, А. А. Россия в поисках новой идентичности: исторический опыт и конкуренция цивилизационных проектов в XXI веке / А. А. Ирхин, О. А. Москаленко, Л. П. Нелина, Н. Э. Демешко // Парадигмы истории и общественного развития. – 2020. – № 17–18. – С. 114–119.

256. Исаченко, Т. В. Эволюция российской интеграции: перспективы и риски / Т. В. Исаченко // Мосты: Аналитика и новости о торговле и устойчивом развитии. – 2015. – № 8 (1). – С. 20–23.

257. Исмаилов, Э. О. О геополитических предпосылках экономической интеграции Центрального Кавказа / Э. О. Исмаилов // Известия АН Грузии. Серия экономическая. – 2002. – Т. 10, № 3–4. – С. 123–148.

258. Исмаилов, Э. Центральная Евразия: геополитическое переосмысление / Э. Исмаилов, В. Папава. – Стокгольм : SA&CC Press®, 2010. – 168 с.

259. Иштаев, А. И. Военно-политическая ситуация в Каспийском регионе / А. И. Иштаев // Каспийский регион на современном этапе: проблемы, тенденции, перспективы : сб. мат-лов конф. – Алматы : КИСИ при Президенте Республики Казахстан, 2003. – С. 80–88.

260. Ищенко, В. Растяжка Эрдогана [Электронный ресурс] / В. Ищенко. – 06.02.2020. – URL: <https://ishchenko.info/articles/153-geopolitika/76526-rastjazhka-jerdogana> (дата обращения: 29.01.2021).

261. Кагарлицкий, Б. Ю. Периферийная империя: циклы русской истории / Б. Ю. Кагарлицкий. – Москва : Алгоритм, Эксмо, 2009. – 576 с.

262. Казанцев, А. Центральная Азия: тенденции регионального развития [Электронный ресурс] / А. Казанцев. – URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2091#top-content (дата обращения: 30.01.2021).

263. Казахстанская нефтегазовая отрасль: обстоятельства не помеха [Электронный ресурс] // Национальная Ассоциация нефтегазового сервиса. – 07.10.2019. – URL: <https://nangs.org/news/world/kazahstanskaya-neftegazovaya-otrasly-obstoyatelystva-ne-pomeha> (дата обращения: 13.06.2022).

264. Казахстану необходимо предпринять меры по диверсификации экономики в условиях стагнации производительности [Электронный ресурс] : пресс-релиз // Всемирный банк. – 29.11.2018. – URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2018/11/29/kazakhstan-economic-update-fall-2018> (дата обращения: 19.10.2021).

265. Как Китай укрепляет свои позиции на Каспии [Электронный ресурс]. – 01.11.2017. – URL: <http://casp-geo.ru/kak-kitaj-ukreplyaet-svoi-pozitsii-na-ka/> (дата обращения: 05.07.2021).

266. Каламанов, В. А. Матрица миропорядка – 2050: Политологический прогноз будущей системы международных отношений / В. А. Каламанов. – Москва : URSS, 2021. – 304 с.

267. Каменев, С. Н. Внешняя политика Туркменистана [Электронный ресурс] / С. Н. Каменев // Центральная Азия и Кавказ. – 2002. – № 4 (22). – URL:

https://ca-c.org.ru/journal/2002/journal_rus/cac-04/10.kamru.shtml (дата обращения: 28.03.2022).

268. Канинская Г. Н. История западноевропейской интеграции : учеб. пособие / Г. Н. Канинская. Н. Н. Наумова. – Ярославль : Ярославский гос. ун-т, 1998. – 66 с.

269. Капицын, В. М. Сравнительный анализ потенциала интеграционной политики государств на «Новом Шёлковом пути» [Электронный ресурс] / В. М. Капицын // Политическая наука. – 2015. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-potentsiala-> (дата обращения: 25.03.2021).

270. Карабущенко, П. Л. Геополитика «черных дыр» и «белые пятна» политической элитологии / П. Л. Карабущенко // Астраханские Петровские чтения : мат-лы Междунар. науч. конф. «Россия – Астрахань – Восток: интегральное взаимодействие (к 300-летию образования Астраханской губернии)» (г. Астрахань, 26–28 октября 2017 г.) / сост.: А. П. Романова, Е. Г. Тимофеева, А. О. Тюрин. – Астрахань : Астраханский университет, 2017. – 270 с.

271. Карабущенко, П. Л. Идея «империи» в контексте всемирной истории / П. Л. Карабущенко // Вопросы элитологии. – 2021. – Т. 2, № 3. – С. 10–29.

272. Карабущенко, П. Л. Осевой регион геополитической истории Евразии / П. Л. Карабущенко // Каспийская безопасность. – 2021. – Т. 1, № 1. – С. 35–54.

273. Карабущенко, П. Л. Политическая культура евразийских элит: от частного к общему / П. Л. Карабущенко // Вопросы элитологии. – 2021. – Т. 2, № 4. – С. 63–84.

274. Карабущенко, П. Л. Политическая фальсификация истории стран Прикаспийского региона / П. Л. Карабущенко // Сохранение культурного наследия и проблемы фальсификации истории : мат-лы Всерос. молодежной конф. в рамках фестиваля науки (г. Астрахань, 19–21 сентября 2012 г.) : в 2 т. / под ред. проф. П. Л. Карабущенко. – Астрахань : Астраханский университет, 2012. – Т. 2. – С. 120–144.

275. Карабущенко, П. Л. Политические элиты Большого Кавказа (современная элитологическая компаративистика) : монография / П. Л. Карабущенко, А. А. Вартумян, Т. А. Шебзухова. – Пятигорск : ПФ СКФУ, 2019. – 244 с.

276. Карабущенко, П. Л. Политические элиты и проблемы национальной безопасности / П. Л. Карабущенко // Государственное и муниципальное управление. – 2015. – № 3. – С. 91–97.

277. Карабущенко, П. Л. Современные китайские элиты перед лицом глобальных вызовов истории / П. Л. Карабущенко // Вопросы элитологии: философия, культура, политика. – 2018. – Т. 16. – С. 98–112.

278. Карабущенко, П. Л. Экспертные оценки современных политических элит: элиты в контексте информационного общества / П. Л. Карабущенко, Е. В. Гайнутдинова // Journal of Philosophy, Culture and Political Science. – 2019. – № 2 (68). – С. 214–219.

279. Карабущенко, П. Л. Элиты и этноконфликты в геополитическом пространстве «великого Каспийского региона» / П. Л. Карабущенко // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2009. – № 3. – С. 17–22.

280. Караганов, С. Куда идти и с кем идти. Внешняя политика на пороге нового десятилетия / С. Караганов // Российская газета. – 26.12.2019. – С. 11.

281. Кара-Мурза, А. А. Кризис идентичности в современной России: возможности преодоления / А. А. Кара-Мурза // Реформаторские идеи в социальном развитии России. – Москва : ИФ РАН, 1998. – С. 122–128.

282. Каримова, Н. И. Интернет как информационно-коммуникационный инструмент конструирования имиджа политика / Н. И. Каримова // Экономика и управление. – 2012. – № 2 (106). – С. 114–116.

283. Каспий подготовили к разделу. Страны региона готовятся к подписанию Конвенции по статусу водоема [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 28.12.2017. – URL: http://www.ng.ru/cis/2017-12-28/5_7146_caspia.html (дата обращения: 09.02.2021).

284. Кефели, И. Ф. Большая Евразия: цивилизационное пространство и проектирование будущего / И. Ф. Кефели // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2018. – № 3. – С. 60–68.

285. Кефели, И. Ф. Геополитическая экспертиза проекта «Большая Евразия»: теоретико-методологические аспекты [Электронный ресурс] / И. Ф. Кефели // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. – 2018. – № 1–1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskaya-ekspertiza-proekta-bolshaya-evraziya-teoretiko-metodologicheskie-aspekty> (дата обращения: 13.02.2021).

286. Кефели, И. Ф. Философия геополитики / И. Ф. Кефели. – Санкт-Петербург : Петрополис, 2007. – 208 с.

287. Киссинджер, Г. Дипломатия / Г. Киссинджер. – Москва : Ладомир, 1997. – 848 с.

288. Киссинджер, Г. Мировой порядок / Генри Киссинджер ; [пер. с англ. В. Желнинова, А. Милюкова]. – Москва : АСТ. 2015. – 511 с.

289. Киссинджер, Г. Нужна ли Америке внешняя политика? / Г. Киссинджер. – Москва : Ладомир, 2002. – 352 с.

290. Киссинджер, Г. Понять Путина. Политика здравого смысла / Г. Киссинджер. – Москва : Алгоритм, 2015. – 175 с.

291. Киссинджер, Г. Пределы универсализма. О консерватизме Берка [Электронный ресурс] / Г. Киссинджер // Россия в глобальной политике. – 2012. – № 4. – URL: <http://gefter.ru/archive/5434> (дата обращения: 23.07.2021).

292. Китай и Азербайджан: новые возможности для инвестиций, торговли и реализации совместных проектов в третьих странах (Интервью) [Электронный ресурс]. – 14.08.2018. – URL: <https://www.trend.az/business/economy/2940276.html> (дата обращения: 10.10.2022).

293. Китай увеличит инвестиции в другие страны до \$ 500 млрд [Электронный ресурс]. – 30.03.2015. – URL: <https://ubr.ua/ukraine-and-world/world/kitai-velichit-investicii-v-drugie-strany-do-500-mlrd-333881> (дата обращения: 10.02.2021).

294. Клепач, А. Нефтегазовые доходы не восстановятся раньше 2024–2025 годов. Коронавирус и принятые меры по самоизоляции влияют на ВВП и доходы населения гораздо существеннее, чем падение цен на нефть [Электронный ресурс] / А. Клепач // Нефть и капитал. – 14.05.2020. – URL: <https://oilcapital.ru/article/general/14-05-2020/andrey-klepach-neftegazovye-dohody-ne-vozstanovyatsya-ranshe-2024-2025-godov> (дата обращения: 16.04.2022).

295. Клинтон, Х. Расплата за национальную безопасность. Как Вашингтон должен думать о власти [Электронный ресурс] / Х. Клинтон // Foreign Affairs. – Ноябрь/декабрь, 2000. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-10-09/hillary-clinton-national-security-reckoning> (дата обращения: 16.04.2021).

296. Кловвер, Ч. Чёрный ветер, белый снег / Ч. Кловвер. – Москва : Прогресс, 2017. – 496 с.

297. Князев, А. Геополитика Турции и мозаика американского проекта «Большого Ближнего Востока» [Электронный ресурс] / А. Князев // Фонд Стратегической культуры. – 03.04.2011. – URL: <https://www.fondsk.ru/news/2011/04/03/geopolitika-turcii-i-mozaika-amerikanskogo-proekta-bbv-2713.html> (дата обращения: 09.02.2021).

298. Ковалев, В. В. Геологические аспекты современных изменений уровня Каспийского моря / В. В. Ковалев, С. Г. Парада // Вестник Южного научного центра. – 2013. – Т. 9, № 2. – С. 38–46.

299. Кокшаров, А. В. Африку за нефтью / А. В. Кокшаров // Эксперт. – 2002, 18 ноября. – № 43. – С. 60–61.

300. Коллингвуд, Р. Идея истории. Автобиография / Р. Коллингвуд. – Москва : Наука, 1980. – 488 с.

301. Колташов, В. США против Китая: торговая война неминуема [Электронный ресурс] / В. Колташов. – 28.03.2018. – URL: <https://eurasia.expert/ssha-protiv-kitaya-torgovaya-voyna-neminuema/> (дата обращения: 10.02.2021).

302. Концепция «Новый шелковый путь» и политика США в «Большой Центральной Азии» [Электронный ресурс] / И. Сафранчук // Международная жизнь. – 2017. – № 2. – С. 75–81. – URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/903> (дата обращения: 25.05.2021).

303. Королёв, С. Поглощение пространства. Геополитическая утопия как жанр исторического действия / С. Королёв // Дружба народов. – 1997. – № 12. – С. 86–99.

304. Кортуннов, С. В. Имперские амбиции и национальные интересы: новые измерения внешней политики России / С. В. Кортуннов. – Москва : Московский общественный научный фонд, 1998. – 252 с.

305. Косов, Г. В. Каспийский регион в системе международных регионов / Г. В. Косов, О. М. Литвишко // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. – 2015. – № 6 (36). – С. 111–117.

306. Косов, Г. В. Каспийско-Кавказский регион: проблемы политической стабильности в контексте современных геополитических трансформаций / Г. В. Косов, Е. В. Косова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2011. – № 4 (29). – С. 377–382.

307. Косов, Г. В. Международный транспортный коридор «Север – Юг»: переосмысление ландшафта Евразии (кейс Азербайджана) / Г. В. Косов, А. В. Гукасов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2019. – № 3 (60). – С. 212–217.

308. Котилко, В. В. Сценарии создания организации каспийского экономического сотрудничества / В. В. Котилко // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2011. – № 11 (104). – С. 19–33.

309. Кочетов, Э. Геоэкономика (Освоение мирового экономического пространства) / Э. Кочетов. – Москва : Норма, 1993. – 528 с.

310. Кривицкий, С. В. Заносимость отдельных участков Волго-Каспийского морского судоходного канала / С. В. Кривицкий, Б. В. Архипов, В. В. Солбаков, М. Б. Соловьев // Вестник Московского государственного строительного университета. – 2013. – № 6. – С. 177–188.

311. Кривошей, В. А. Сравнительный анализ преимуществ второй ветки Волго-Донского водного пути / В. А. Кривошей // Использование и охрана природных ресурсов в России. – 2009. – № 4 (106). – С. 13–18.
312. Крупянко, М. И. США и Восточная Азия. Борьба за «новый порядок» / М. И. Крупянко, Л. Г. Арешидзе. – Москва : Междунар. отношения, 2010. – 448 с.
313. Кузьмин, В. Морем едины. Страны Каспийского региона провели первый экономический форум / В. Кузьмин // Российская газета. – 12.08.2019. – С. 8.
314. Кузьмина, Е. М. Геополитика Центральной Азии / Е. М. Кузьмина ; Ин-т экономики РАН. – Москва : Наука, 2007. – 151 с.
315. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. – Москва : Московская школа политических исследований, 2002. – 320 с.
316. Курамшин, Д. Р. Оценка запасов углеводородного сырья стран Каспийского региона / Д. Р. Курамшин // Вестник университета. – 2016. – № 7–8. – С. 82–87.
317. Курило, И. В. Основные этапы развития Евразийской интеграции: препятствия, текущее состояние и перспективы / И. В. Курило, С. В. Андросова, Т. Ю. Коломиец, А. Е. Румянцева // Молодой ученый. – 2017. – № 52. – С. 101–104.
318. Куркемова, Э. С. Стратегии формирования и трансляции имиджа политиков в сети Интернет / Э. С. Куркемова // Астраполис: Астраханские политические исследования. – Астрахань : Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2018 – С. 130–134.
319. Куртов, А. Каспийское море: непоследовательность России наносит ущерб национальным интересам [Электронный ресурс] / А. Куртов // Обозреватель. – 2008. – № 4. – URL: http://www.nasled.ru/prensa/obozrev/N04_00/04_08.htm (дата обращения: 30.09.2021).
320. Кучинская, Т. Н. Китайский новый регионализм в мировых интеграционных процессах: вопросы теории и практики (на примере ЕАЭС) /

Т. Н. Кучинская, Т. В. Колпакова // Российско-китайские исследования. – 2017. – № 1. – С. 50–62.

321. Къеза, Д. Русофобия 2.0: болезнь или оружие Запада? / Д. Къеза. – Москва : Эксмо, 2016. – 288 с.

322. Лавров, С. Статус Каспийского моря должны определять только прибрежные государства [Электронный ресурс] / С. Лавров. – 21.11.2013. – URL: <https://kazaktmo.livejournal.com/571662.html> (дата обращения: 09.02.2021).

323. Лакийчук П. Региональная система безопасности на Каспии. Между Caspianguard и CASFOR [Электронный ресурс] / П. Лакийчук. – URL: <http://nomos.com.ua/content/view/126/69/> (дата обращения: 27.06.2021).

324. Лакоба, С. Грузино-абхазские отношения в контексте российской политики на Кавказе / Аспекты грузино-абхазского конфликта / С. Лакоба // Гражданское общество, беженцы, государственное устройство : мат-лы грузино-абхазской конференции (г. Москва, 25–27 марта 2000 г.). – Irvine : University of California Press, 2000. – Вып. 4. – С. 120.

325. Ланда, К. Г. К вопросу о геополитических интересах России в Каспийском регионе [Электронный ресурс] / К. Г. Ланда // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2010. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-geopoliticheskikh-interesah-rossii-v-kaspiyskom-regione> (дата обращения: 09.02.2021).

326. Ланда, К. Г. Центральноазиатское направление российской геополитики : [монография] / К. Г. Ланда ; Российская акад. гос. службы при Президенте Российской Федерации. – Москва : RIZO PRESS, 2006. – 264 с.

327. Лаумулин, М. Интересы и политика Европейского Союза в Центральной Азии и Каспийском регионе / М. Лаумулин, Т. Сейфуллина. – URL: <http://www.kisi.kz>.

328. Лаумулин, М. Т. Многовекторность внешней политики Казахстана – плюсов больше, чем минусов [Электронный ресурс] / М. Т. Лаумулин //

Континент. – URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1078126740> (дата обращения: 14.03.2021).

329. Леванов, К. А. Новые геополитические ориентиры современной Турции [Электронный ресурс] / К. А. Леванов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-geopoliticheskie-orientiry-sovremennoy-turtsii/viewer> (дата обращения: 09.02.2021).

330. Левашов, В. К. Большая Евразия: цивилизационные и национальные императивы устойчивого развития / В. К. Левашов // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество : ежегодник. / отв. ред. В. И. Герасимов. – Москва : ИНИОН РАН, 2021. – Вып. 4, ч. 1. – С. 189–195.

331. Лейн, Д. Цивилизация и капиталистическая глобализация [Электронный ресурс] / Д. Лейн // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 4. – С. 58–75. – URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.06> (дата обращения: 04.01.2022).

332. Лейченко, О. Ф. Политическое лидерство в России на рубеже XX–XXI вв. : региональный аспект : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Лейченко Ольга Федоровна ; [Место защиты: Дальневост. федер. ун-т]. – Владивосток, 2010. – 195 с.

333. Лексина, Е. А. Ирано-китайские отношения в геополитическом треугольнике США-Иран-КНР: противоречия и перспективы [Электронный ресурс] / Е. А. Лексина // Актуальные проблемы современных международных отношений. – 2015. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/irano-kitayskie-otnosheniya-v-geopoliticheskom-treugolnike-ssha-iran-knr-protivorechiya-i-perspektivy> (дата обращения: 09.02.2021).

334. Лепсая, А. Ситуация в Абхазии как модель замкнутого общества при наличии внешнего конфликта. Факторы, влияющие на урегулирование/ Аспекты грузино-абхазского конфликта / А. Лепсая // Гражданское общество, беженцы, государственное устройство : мат-лы грузино-абхазской конференции (г. Москва,

25–27 марта 2000 г.). – Irvine : University of California Press, 2000. – Вып. 4. – С. 60–87.

335. Лубский, А. В. Геопространственный подход и геоисторическая парадигма евразийских исследований [Электронный ресурс] / А. В. Лубский, В. В. Ковалев // Философия права. – 2018. – № 1 (84). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geoprostranstvennyu-podhod-i-geoistoricheskaya-paradigma-evraziyskih-issledovaniy> (дата обращения: 14.02.2021).

336. Лузянин, С. Г. Россия и Китай в Евразии : международно-региональные измерения российско-китайского партнерства / С. Г. Лузянин ; Российская акад. наук, Ин-т Дальнего Востока. – Москва : Форум, 2009. – 287 с.

337. Лузянин, С. Классический Шелковый путь через Азербайджан наиболее перспективен [Электронный ресурс] / С. Лузянин. – URL: <https://azertag.az/ru/xeber/1061689> (дата обращения: 09.02.2021).

338. Лукашевич, Н. В. Автоматический анализ тональности текстов по отношению к заданному объекту и его характеристикам / Н. В. Лукашевич // Электронные библиотеки. – 2015. – Т. 18, № 3–4. – С. 88–119.

339. Лукин, А. Евразийская интеграция и развитие азиатской России / А. Лукин, В. Якун // Журнал евразийских исследований. – 2018. – № 9. – С. 100–113.

340. Лукъянцев, А. С. Электронные СМИ и интернет в реализации политических имиджевых технологий / А. С. Лукъянцев // Наука и современность. – 2014. – № 33. – С. 96–100.

341. Лю, Сяньвэнь (刘向文), 纸罗斯人看世界[北京:法律出版社] [Электронный ресурс] / Лю Сяньвэнь. – 2015. – URL: <http://www5.zzu.edu.cn/calaw/info/1008/1096.htm> (дата обращения: 30.03.2021).

342. Лю, Цзайци. Внешняя политика КНР и перспективы китайско-российских отношений / Лю Цзайци // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 9. – С. 96.

343. Магомедов, А. К. Большой Каспий. Энергетическая геополитика и транзитные войны на этапах посткоммунизма / А. К. Магомедов, Р. Н. Никеров. – Ульяновск : Ульяновский гос. тех. ун-т, 2010. – 259 с.

344. Магомедов, А. К. Каспий – Кавказ – Причерноморье: пути нефти, пути торговли, пути войны (история и современность) / А. К. Магомедов. – Ульяновск : Ульяновский гос. ун-т, 2018. – 250 с.

345. Магомедов, А. К. Каспий на геополитических трассах Северной Евразии: энергополитическое и транспортное измерение на рубеже 20–21 столетий / А. К. Магомедов. – Ульяновск : Ульяновский гос. ун-т, 2018. – 242 с.

346. Магомедов, А. К. От Большого Каспия до Сахалина. Характер и рубежи борьбы за энергоресурсы Северной Евразии на этапах посткоммунизма / А. К. Магомедов, Р. Н. Никеров. – Ульяновск : Ульяновский гос. ун-т, 2011. – 350 с.

347. Магомедов, А. К. Постсоветский Каспий как геополитическая единица. Проблемы описания и контуры новой исследовательской парадигмы / А. К. Магомедов // Известия Саратовский университет. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2022. – Т. 22, вып. 3. – С. 349–354.

348. Магомедов, А. К. Энергетический и транспортный аспекты геополитической идентификации Каспийского региона в постсоветский период / А. К. Магомедов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 1 (38). – С. 40–45.

349. Магомедов, А. К. Югоосетинский конфликт и рубежи борьбы за энергоресурсы Большого Каспия / А. К. Магомедов // Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – Т. 62, № 2. – С. 36–50.

350. Макаров, И. А. Сопряжение евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути: возможности для России / И. А. Макаров, А. К. Соколова // Вестник международных организаций. – 2016. – Т. 11, № 2. – С. 46–47.

351. Маккиндер, Х. Дж. Географическая ось истории / Х. Дж. Маккиндер // Полис. Политические исследования. – 1995. – № 4. – С. 162–169. = MacKinder,

Halford J. The Scope and Methods of Geography and the Geographical Pivot of History / Н. J. MacKinder. – London, 1951. – P. 30–44.

352. Макрон о вариантах развития России [Электронный ресурс]. – 08.11.2019. – URL: <https://brodv.ru/2019/11/08/makron-o-variantax-razvitiya-rossii/> (дата обращения: 09.02.2021).

353. Макрон по-русски написал о России [Электронный ресурс]. – 20.08.2019. – URL: <https://iz.ru/912132/2019-08-20/makron-po-russki-napisal-o-rossii> (дата обращения: 09.02.2021).

354. Максименко, В. Центральная Азия и Кавказ: основание геополитического единства [Электронный ресурс] / В. Максименко // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 3. – С. 71–80. – URL: <https://ca-c.org/journal/cac-09-2000/08.Maksimien.shtml> (дата обращения: 29.03.2021).

355. Максимова, А. Ю. Твиттер как инструмент продвижения имиджа политика / А. Ю. Максимова // Мировая журналистика: единство многообразия : сб. науч. ст. : в 2 т. – Москва : Российский университет дружбы народов, 2018. – С. 14–18.

356. Малышева, Д. Б. Постсоветская Центральная Азия и Афганистан как сфера пересечения интересов крупных азиатских государств / Д. Б. Малышева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2018. – Т. 18, № 2. – С. 259.

357. Малышева, Д. Конфликты в Каспийском регионе и меняющаяся Россия [Электронный ресурс] / Д. Малышева // Вестник Евразии. – 2002. – № 2. – С. 75–99. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konflikty-v-kaspiyskom-regione-i-menyayuscha-yasya-rossiya/viewer> (дата обращения: 30.06.2022).

358. Малышева, Д. Проблемы безопасности Юга России: региональный и глобальный аспекты [Электронный ресурс] / Д. Малышева // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – № 2. – С. 30–39. – URL: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2001-2-30-39> (дата обращения: 03.02.2021).

359. Мамедов, И. Б. Влияние транснациональных корпораций на формирование энергетической политики стран Каспийского региона : дис. ...

канд. полит. наук : 23.00.04 / Мамедов Интигам Байрам оглы ; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. – Москва, 2017. – 200 с.

360. Мамедов, И. Б. Политическая активность зарубежных ТНК в Каспийском регионе: сравнительный анализ / И. Б. Мамедов // Политическая наука. – 2015. – № 4. – С. 222–239.

361. Мамедов, С. Хлеб-соль для Ильхама Алиева / С. Мамедов // Независимая газета. – 11.10.2006. – С. 6.

362. Мамедова, Н. М. Тенденции демократизации во внутривосточной жизни Исламской Республики Иран / Н. М. Мамедова // Иран: ислам и власть / отв. ред.: Н. М. Мамедова и Мехди Санаи. – МОСКВА : Институт востоковедения РАН ; Крафт+, 2001. – С. 55.

363. Маркелов, К. А. Стратегические приоритеты развития российского транспортного узла Каспийского бассейна [Электронный ресурс] / К. А. Маркелов // Российский экономический интернет-журнал. – 2018. – № 3. – URL: <https://docplayer.com/112108323-Strategicheskie-prioritety-razvitiya-rossiyskogo-transportnogo-uzla-kaspiyskogo-basseyna.html> (дата обращения: 03.02.2021).

364. Маркелов, К. А. Economic security: geopolitical and regional aspects / К. А. Маркелов // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2015. – Т. 3, № 12. – С. 6–11.

365. Маркелов, К. А. Актуальные проблемы политико-экономической безопасности стран Каспийского региона в начале XXI века : монография / К. А. Маркелов. – Москва : Ин-т междунар. социально-гуманитарных связей, 2011. – 167 с.

366. Маркелов, К. А. Большой Каспий в геополитическом измерении : монография / К. А. Маркелов. – Москва : Экон-Информ, 2020. – 198 с.

367. Маркелов, К. А. Большой Каспий в системе нового мирохозяйственного уклада [Электронный ресурс] / К. А. Маркелов // Каспийский Вестник. – 11.07.2020. – URL: <http://casp-geo.ru/bolshoj-kaspij-v-sisteme-novogo-mirohozyajstvennogo-uklada/> (дата обращения: 15.01.2021).

368. Маркелов, К. А. Большой Каспий в современных геополитических условиях / К. А. Маркелов // Современная наука и инновации. – 2022. – № 2 (38). – С. 152–164.

369. Маркелов, К. А. Евразийский вектор внешней политики России (позиция российских элит по вопросу коллективной безопасности) / К. А. Маркелов // Вопросы элитологии. – 2022. – Т. 3, № 3. – URL: <https://doi.org/10.46539/elit.v3i3.119> (дата обращения: 29.11.2022).

370. Маркелов, К. А. Изменение правового статуса Каспийского моря в условиях геополитической и экономической интеграции региона [Электронный ресурс] / К. А. Маркелов, В. Г. Головин, Р. Х. Усманов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2018. – № 3 (56). – С. 58–73. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmenenie-pravovogo-statusa-kaspiyskogo-morya-v-usloviyah-geopoliticheskoy-i-ekonomicheskoy-integratsii-regiona> (дата обращения: 05.01.2021).

371. Маркелов, К. А. Каспийское геополитическое пространство в системе региональной безопасности / К. А. Маркелов // Caspium Securitatis. – 2021. – № 1. – С. 11–34.

372. Маркелов, К. А. Место и роль России и прикаспийских стран в энергетике и экономике мира / К. А. Маркелов, В. П. Зволинский. – Астрахань : Астраханский университет, 2017. – 249 с.

373. Маркелов, К. А. Новые имперские тенденции Евразии: политические элиты в поисках своего лидерства / К. А. Маркелов // Вопросы элитологии. – 2021. – Т. 2, № 3. – С. 140–155.

374. Маркелов, К. А. Образы политических лидеров ведущих зарубежных стран в сознании российских граждан: общий анализ вопросов управления / К. А. Маркелов, И. А. Мартынов, Ю. М. Брумштейн // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2020. – № 2 (63). – С. 147–156.

375. Маркелов, К. А. Развитие концепта «Большой Каспий» и современные геополитические отношения Северо-Кавказского региона / К. А. Маркелов // Современная наука и инновации. – 2021. – № 3 (35). – С. 231–242.

376. Маркелов, К. А. Современные геостратегические концепции политических элит прикаспийских государств [Электронный ресурс] / К. А. Маркелов // Вопросы элитологии. – 2020. – № 1. – С. 147–170. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-geostrategicheskie-kontseptsii-politicheskikh-ELIT-prikaspiyskikh-gosudarstv> (дата обращения: 05.01.2021).

377. Маркелов, К. А. Социально-политические вызовы и угрозы в Каспийском геополитическом пространстве начала XXI в. / К. А. Маркелов // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2011. – № 7. – С. 88–93.

378. Мартынов, И. А. Формирование образов политических лидеров зарубежных стран в сознании российских граждан: характеристика информационных процессов и методов управления ими / И. А. Мартынов, К. А. Маркелов, Ю. М. Брумштейн // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2020. – № 3 (64). – С. 153–160.

379. Махлаюк, А. Позиция Пакистана по Афганистану: детерминированная реальность или адаптация? [Электронный ресурс] / А. Махлаюк. – 14.03.2022. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/pozitsiya-pakistana-po-afganistanu-determinirovannaya-realnost-ili-adaptatsiya/> (дата обращения: 16.04.2022).

380. Медведев, А. И. Как «Газпром» «выполняет поручение» Госдепа США [Электронный ресурс] / А. И. Медведев // Международная жизнь. – 2008. – № 8–9. – URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1565> (дата обращения: 09.02.2021).

381. Мельвиль, А. Ю. Демократические транзиты / А. Ю. Мельвиль // Политология: Лексикон / под ред. А. И. Соловьева. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – С. 123–134.

382. Мехтиев, Р. Мы уже не та страна, которая была лет десять назад. Мы изменились и меняем отношение к себе / Р. Мехтиев // Известия. – 19.03.2009. – С. 4.

383. Мехтиев, Р. Э. Азербайджан: вызовы глобализации: уроки прошлого, реалии настоящего и перспективы будущего / Р. Э. Мехтиев. – Баку : XXI-UNE, 2005. – 464 с.

384. МИД Франции удивила мюнхенская речь Лаврова о «постзападном» мире [Электронный ресурс]. – 20.02.2017. – URL: <http://nepravda.in.ua/mid-francii-udivila-munhenskaia-rech-lavrova-o-postzapadnom-mire/> (дата обращения: 28.02.2021).

385. Миллер, Н. Н. Каспийская региональная система политических отношений и перспективы политики России : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Миллер Николай Николаевич. – Пятигорск, 2004. – 204 с.

386. Миллер, Н. Н. Каспийский регион как геополитическая конструкция [Электронный ресурс] / Н. Н. Миллер – 07.02.2012. – URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=2109 (дата обращения: 28.02.2021).

387. Минобороны Азербайджана пригрозило ракетным ударом по АЭС в Армении [Электронный ресурс] // Interfax.ru. – 16.07.2020. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/07/2020/5f104f1d9a7947d06ad17bfd> (дата обращения: 15.01.2021).

388. Митрошенков, О. А. Теория управляемого хаоса: использовать себе во благо / О. А. Митрошенков // Власть. – 2017. – № 8. – С. 64–73.

389. Михайлов, В. Безъядерная зона в Евразии / В. Михайлов // Независимое военное обозрение. – 17–23.04.2009. – С. 7.

390. Михайлов, Т. А. Эволюция геополитических идей / Т. А. Михайлов. – Москва : Весь мир, 1999. – 179 с.

391. Многополярный мир как глобальная альтернатива: Взгляд России / науч. ред. В. Д. Перевалов. – Екатеринбург : Уральская гос. юр. акад., 2012.

392. Морозов, Ю. В. Стратегические проекты Китая, России и Соединенных Штатов для Евразии [Электронный ресурс] / Ю. В. Морозов // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2016. – № 11–3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskie-proekty-kitaya-rossii-i-soedinennyh-shtatov-dlya-evrazii-1> (дата обращения: 16.02.2021).

393. Моррисон, А. Центральная Азия: «Великий Шелковый путь» и «Большая игра» – лишь мифы, далекие от реальности [Электронный ресурс] / А. Моррисон // EurasiaNet. USA. – 2017, 26 July. – URL: <https://russian.eurasianet.org/node/64596> (дата обращения: 15.02.2021).

394. Муртаев, В. Лучше поздно, чем никогда / В. Муртаев // Независимая газета. – 19.11.2009. – С. 6.

395. Мэхен, А. Влияние морской мощи на историю. 1660–1783 / А. Мэхен. – Москва – Ленинград, 1941. = Москва : АСТ ; Санкт-Петербург : Terra Fantastica, 2002. – 634 с.

396. На границе Азербайджана и Армении произошло столкновение [Электронный ресурс]. – 12.07.2020. – URL: <https://news.mail.ru/politics/42544324/?frommail=1> (дата обращения: 15.01.2021).

397. Назарбаев, Н. А. В потоке истории / Н. А. Назарбаев. – Алматы : Атамұра, 1999, 2003. – 286 с.

398. Назарбаев, Н. А. В сердце Евразии / Н. А. Назарбаев. – Алматы : Атамұра, 2005. – 192 с.

399. Назарбаев, Н. А. Казахстан на пути ускоренной экономической, социальной и политической модернизации / Н. А. Назарбаев // Казахстанская правда. – 18.02.2005.

400. Назарбаев, Н. А. Казахстанский путь / Н. А. Назарбаев. – Караганда, 2006. – 372 с.

401. Назарбаев, Н. А. Критическое десятилетие / Н. А. Назарбаев. Алматы, 2003.

402. Назарбаев, Н. А. На пороге XXI века / Н. А. Назарбаев. – Алма-Ата, 1996. – 285 с.

403. Назарбаев, Н. А. Стальной профиль Казахстана / Н. А. Назарбаев. – Алма-Ата, Казахстан, 1985. – 196 с.

404. Назарбаев, Н. А. Стратегия трансформации общества и возрождение евразийской цивилизации / Н. А. Назарбаев. – Москва : Экономика, 2002. – 512 с.

405. Назарбаев, Н. А. Эпицентр мира / Н. А. Назарбаев. – Астана : Елорда, 2001. – 294 с.
406. Назарбаев, Н. Евразийский союз: Идеи, практика, перспективы. 1994–1997 / Н. Назарбаев. – Москва : Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997. – 480 с.
407. Назарбаев, Н. Евразийский экономический союз: теория или реальность / Н. Назарбаев // Известия. – 19.03.2009. – С. 7.
408. Назарбаев, Н. Судьба и перспективы ОБСЕ / Н. Назарбаев // Известия. – 28.01.2010. – С. 4.
409. Назарбаева, Д. Н. Содружество Евразия / Д. Н. Назарбаева. – [Алматы] : Евразийский центр стратег. исслед., 2000. – 423 с.
410. Назарбаева, Д. Специфика и перспективы политического развития Казахстана / Д. Назарбаева // Бюллетень № 3. Международный институт современной политики (International Institute for Modern Politics). – 2004. – С. 1.
411. Нарышкин, С. Е. О перспективах Евразийской экономической интеграции / С. Е. Нарышкин // Проблемы современной экономики. – 2013. – № 3 (47). – С. 15–29.
412. Наумкин, В. В. Исламский мир и исламские организации в современной мирополитической системе / В. В. Наумкин, В. А. Кузнецов // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 2013. – № 4. – С. 30–56.
413. Наумкин, В. В. Современный конвергентный арабский национализм в зеркале исторической памяти [Электронный ресурс] / В. В. Наумкин // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 6. – С. 42–59. – URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.04> (дата обращения: 03.01.2022).
414. «Наши люди, наша земля, наша правда»: заместитель председателя Совета безопасности РФ Дмитрий Медведев об итогах 2022 года, который изменил миропорядок [Электронный ресурс] // Российская газета. – 25.12.2022. – № 292 (8940). – URL: <https://rg.ru/2022/12/25/nashi-liudi-nasha-zemlia-nasha-pravda.html> (дата обращения: 28.12.2022).

415. Неизвестный Примаков : документы / Торгово-пром. палата Российской Федерации, Центр междунар. торговли ; [сост. Л. С. Гагагова, Е. С. Сапрыкина]. – Москва : Российская газета : АИРО-XXI, 2016. – 553 с.

416. Неизвестный Примаков. Воспоминания : [сборник] / ред. совет: В. И. Матвиенко, С. Е. Нарышкин, С. Н. Катырин ; [рабочая группа (концепция, сост., предисл.): А. М. Рыбаков (рук.) и др.]. – Москва : АИРО-XXI, 2016. – 487 с.

417. Неклесса, А. И. Цивилизация как процесс: мультиплицированные субъекты Постмодерна [Электронный ресурс] / А. И. Неклесса // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 5. – С. 39–55. – URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.04> (дата обращения: 23.06.2021).

418. Никифоров, А. Р. Черноморский регион: пространство и время / А. Р. Никифоров // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Сер. Философия. Политология. Культурология. – 2016. – Т. 2 (68), № 4. – С. 78–87.

419. Никифоров, О. Каспийский «ключ» / О. Никифоров // Независимая газета. Энергия. – 09.12.2008. – С. 4.

420. Николай Злобин: Сегодня ни Россия, ни США не в состоянии предложить друг другу модель сотрудничества в Евразии [Электронный ресурс]. – 24.10.2007. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/904600.html> (дата обращения: 28.02.2021).

421. Никонов, В. Русский мир – это цивилизация, которая хочет жить в согласии с собой и остальным миром [Электронный ресурс] / В. Никонов. – 23.11.2018. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/interview/vyacheslav-nikonov-russkiy-mir-eto-tsivilizatsiya-kotoraya-khochet-zhit-v-soglasii-s-soboy-i-ostalny/> (дата обращения: 15.02.2021).

422. Ниязов, С. Дружить в ущерб себе не желает никто / С. Ниязов // Общая газета. – 06–12.12.2001. – С. 5.

423. Новейшая политическая история: Прикаспийская «геополитическая ось» (1991–2011 гг.) : учеб. пособие / под ред. П. Л. Карабущенко. – Москва : ИНФРА-М, 2019. – 358 с.

424. Новикова, Е. В. Правовые проблемы природопользования в Каспийском регионе / Е. В. Новикова // Государство и право. – 2001. – № 11. – С. 76–81.
425. Новосельцева, А. В. Современные методы атак деанонимизации на сеть TOR / А. В. Новосельцева, С. Г. Ключев // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. – 2020. – № 1. – С. 155–161.
426. Носонов, А. М. Теории пространственного развития в социально-экономической географии / А. М. Носонов // Псковский регионологический журнал. – 2011. – № 11. – С. 3–16.
427. Нурша, А. Прикаспийский регион: стратегическое значение пространства и нефти [Электронный ресурс] / А. Нурша // Центральная Азия и Кавказ. – URL: https://ca-c.org.ru/journal/2001/journal_rus/cac-02/09.nursru.shtml.
428. Нухаев, Х.-А. Инвестиции погасят конфликты... или создадут экономический каркас сепаратизма / Х.-А. Нухаев, В. Кожевников // Российские вести. – 20.02.1998. – № 32 (1442). – С. 2.
429. Обзор международной санкционной политики (январь 2020) – Новые санкции США против Ирана [Электронный ресурс] // РСМД. – 03.02.2020. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sanctions/obzor-mezhdunarodnoy-sanktsionnoy-politiki-yanvar-2020/> (дата обращения: 30.03.2021).
430. Огутчу, М. Энергетическая геополитика. Китай и Центральная Азия [Электронный ресурс] / М. Огутчу // KAZAKHSTAN. – 2007. – № 3. – URL: <http://investkz.com/journals/52/498.html> (дата обращения: 28.02.2021).
431. Орлов, А. Персидский залив в Каспийском море / А. Орлов // Итоги. – 1997. – № 36. – С. 12–14.
432. Орлов, Д. Новый русский век и суверенная демократия [Электронный ресурс] / Д. Орлов // Независимая газета. – 13.07.2007. – № 139 (4094). – URL: https://www.ng.ru/ideas/2007-07-13/7_newcentury.html (дата обращения: 28.02.2021).
433. Островский, А. В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР / А. В. Островский. – Москва : Крымский мост, 2011. – 864 с.

434. «Ось Москва – Баку»: В Москве призвали интенсивнее сотрудничать с Азербайджаном [Электронный ресурс] // Российская газета. – 14.09.2017. – С. 11. – URL: <https://rg.ru/2017/09/14/os-moskva-baku-v-moskve-prizvali-intensivnee-sotrudnichat-s-azerbajdzhanom.html> (дата обращения: 28.02.2021).

435. Оськина, О. И. Имперская идея в системе международных отношений / О. И. Оськина, Е. В. Кудряшова, М. Ш. Джанталеева // Вопросы элитологии. – 2021. – Т. 2, № 4. – С. 22–35.

436. Пабст, А. Цивилизация и либеральная демократия [Электронный ресурс] / А. Пабст // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 4. – С. 26–42. – URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.04> (дата обращения: 18.01.2021).

437. Павленко, В. Б. Геополитические и геоэкономические аспекты развития, взаимодействия и сотрудничества стран Большой Евразии [Электронный ресурс] / В. Б. Павленко // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. – 2018. – № 11. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskie-i-geoekonomicheskie-aspekty-razvitiya-vzaimodeystviya-i-sotrudnichestva-stran-bolshoy-evrazii> (дата обращения: 15.01.2021).

438. Палохин, А. Американский проект «Большой Центральной Азии» в действии [Электронный ресурс] / А. Палохин // Фонд стратегической культуры. – 18.03.2019. – URL: <https://www.fondsk.ru/news/2019/03/18/amerikanskij-proekt-bolshoj-centralnoj-azii-v-dejstvii-47811.html> (дата обращения: 16.07.2022).

439. Панарин, А. В каком мире нам предстоит жить? Геополитический прогноз / А. Панарин // Москва. – 1997. – № 10. – С. 143.

440. Панарин, А. Вызов (Геополитический пессимизм против цивилизационного оптимизма) / А. Панарин // Знамя. – 1994. – № 6. – С. 149–160.

441. Панарин, А. С. «Вторая Европа» или «Третий Рим»? : избр. соц.-филос. публицистика / А. С. Панарин ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – Москва : ИФРАН, 1996. – 153 с.

442. Панарин, А. С. «Имперская республика» на пути к мировому господству / А. С. Панарин // *Общественные науки и современность*. – 1999. – № 4. – С. 146–157.
443. Панарин, А. С. Глобальное политическое прогнозирование / А. С. Панарин. – Москва : Алгоритм, 2000. – 352 с.
444. Панарин, А. С. Искушение глобализмом / А. С. Панарин. – Москва : ЭКСМО : Алгоритм, 2003. – 415 с.
445. Панарин, А. С. Между атлантизмом и евразийством / А. С. Панарин // *Свободная мысль*. – 1993. – № 11. – С. 3–15.
446. Панарин, А. С. На рубеже тысячелетий: Россия в поисках цивилизационного и геополитического равновесия / А. С. Панарин // *Цивилизации и культуры*. – Москва : Ин-т востоковедения РАН, 1995. – Вып. 3. – С. 9–55.
447. Панарин, А. С. Православная цивилизация / А. С. Панарин ; сост., предисл. В. Н. Расторгуев ; отв. ред. О. А. Платонов. – Москва : Институт русской цивилизации, 2014. – 1248 с.
448. Панарин, А. С. Православная цивилизация в глобальном мире / А. С. Панарин. – Москва : ЭКСМО : Алгоритм, 2003. – 541 с.
449. Панарин, А. С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством) / А. С. Панарин. – Москва : ИФ РАН, 1994. – 262 с.
450. Панарин, А. С. Россия в циклах мировой истории / А. С. Панарин. – Москва : Московский гос. ун-т, 2000. – 288 с.
451. Панарин, А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке / А. С. Панарин. – Москва : Алгоритм, 2003. – 558 с.
452. Панфилов И., *Мировая экономика и международные экономические отношения : учеб. пособие* / И. Д. Панфилов, А. В. Стрыгин ; Российская акад. соц. наук. – Коломна : Инлайт, 2011. – 227 с.
453. Панюгина, Е. В. ЕАЭС и Экономический пояс Шелкового пути: сравнительный анализ евразийских интеграционных проектов / Е. В. Панюгина // *Политическая наука*. – 2015. – № 4. – С. 99–115.

454. Папава, В. «Центральная Кавказия» вместо «Центральной Евразии» [Электронный ресурс] / В. Папава // Центральная Азия и Кавказ. – 2008. – № 2 (56). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsentralnaya-kavkaziya-vmesto-tsentralnoy-evrazii> (дата обращения: 15.01.2021).

455. Парамонов, В. Внешняя политика Китая в Центральной Азии [Электронный ресурс] / В. Парамонов, А. Строков, О. Столповский // Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-politika-kitaya-v-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 28.02.2021).

456. Парахонский, Б. Черноморско-Каспийский регион в европейском контексте: новые ориентиры безопасности и сотрудничества [Электронный ресурс] / Б. Парахонский. – URL: https://ca-c.org.ru/journal/2003/journal_rus/cac-02/20.parrus.shtml (дата обращения: 13.08.2022).

457. Перестрелки между Арменией и Азербайджаном: мирное население напугано [Электронный ресурс]. – 15.07.2020. – URL: <https://news.mail.ru/politics/42570435/?frommail=1> (дата обращения: 30.09.2021).

458. Перспективы народонаселения мира 2019. Ред. 1 [Электронный ресурс] / Организация Объединенных Наций, Департамент по экономическим и социальным вопросам, Отдел народонаселения. – URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population> (дата обращения: 30.03.2021).

459. Печуров, С. Л. Доктринальные взгляды НАТО на характер войн и обеспечение безопасности / С. Л. Печуров // Военная мысль. – 2007. – № 4. – С. 21–27.

460. Пинюгина, Е. В. ЕАЭС и «Экономический пояс Шёлкового пути»: сравнительный анализ евразийских интеграционных проектов [Электронный ресурс] / Е. В. Пинюгина // Политическая наука. – 2015. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eaes-i-ekonomicheskii-poyas-shyolkovogo-puti-sravnitelnyu-analiz-evraziyskih-integratsionnyh-proektov> (дата обращения: 17.02.2021).

461. Писарев, В. Д. Политика США в Каспийском регионе / В. Д. Писарев // Европа и Россия: проблемы Южного направления. Средиземноморье

Черноморье Каспий / РАН. Ин-т Европы и др. ; редкол.: В. В. Журкин и др. – Москва : Интердиалект, 1999. – 659 с.

462. Платон. Собрание сочинений : в 4 т. : пер. с древнегреч. / Платон ; общ. ред. А. Ф. Лосева и др. ; авт. вступ. ст. А. Ф. Лосев ; прим. А. А. Тахо-Годи. – Москва : Мысль, 1990–1994. – Т. 1. – 1990. – 860 с. ; Т. 2. – 1993. – 528 с. ; Т. 3. – 1994. – 654 с. ; Т. 4. – 1994. – 830 с.

463. Платонов, О. Почему погибнет Америка: взгляд с Востока и Запада / О. Платонов, Г. Райзеггер. – Москва : Эксмо : Алгоритм, 2005. – 442 с.

464. Плотников, Д. С. Центральная Азия в контексте мировой политики [Электронный ресурс] / Д. С. Плотников. – Пермь : Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2020. – 94 с. – URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnieposobiya/plotnikov-centralnaya-asia-v-kontekste-mirovoj-politiki.pdf> (дата обращения: 28.02.2021).

465. Поздняков, Э. А. Геополитика / Э. А. Поздняков. – Москва : Прогресс, Культура, 1995. – 95 с.

466. Поляков, Д. «Крупнейшая сделка»: Россия расширяет экономическое сотрудничество с талибами [Электронный ресурс] / Д. Поляков. – 02.10.2022. – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/10/02/krupneyshaya-sdelka-rossiya-rasshiryayet-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-s-talibami> (дата обращения: 18.10.2022).

467. Попова, В. Геополитические причины ирано-американского кризиса и Большая Евразия [Электронный ресурс] / В. Попова. – 08.01.2020. – URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2020-01-08--geopoliticheskie-prichiny-irano-amerikanskogo-krizisa-i-bolshaja-evrazija-46848> (дата обращения: 15.01.2021).

468. Поппер, К. Ницета историцизма / К. Поппер. – Москва : Прогресс, 1993. – 138 с.

469. Портяков, В. Я. Партнерство как инструмент современной внешней политики КНР / В. Я. Портяков // Общество и государство в Китае : ХLI науч. конф. – Москва : Изд-во восточной литературы, 2011. – С. 204-208.

470. Постников, В. В. Рубежи истории АТР: Тихий океан в европейской политике и мировоззрении эпохи нового времени [Электронный ресурс] /

В. В. Постников // Известия Восточного института. – 2014. – № 1 (23). – С. 57–71. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rubezhi-istorii-atr-tihiy-ocean-v-evropeyskoj-politike-i-mirovozzrenii-epohi-novogo-vremeni/viewer> (дата обращения: 17.01.2021).

471. Премьер-министр Британии заявил о провале политики мультикультурного общества [Электронный ресурс]. – URL: <http://korrespondent.net/world/1182769-premer-ministr-britanii-priznal-politiku-multikulturnogo-obshchestva-provalnoj> (дата обращения: 17.01.2021).

472. Примаков, Е. М. Ближний Восток на сцене и за кулисами. Конфиденциально» / Е. М. Примаков. – Москва : Центрполиграф, 2016. – 415 с.

473. Примаков, Е. М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами / Е. М. Примаков. – Москва : Российская газета, 2006. – 384 с.

474. Примаков, Е. М. Минное поле политики / Е. М. Примаков. – Москва : Молодая гвардия, 2007. – 368 с.

475. Примаков, Е. М. Мир без России? К чему ведёт политическая близорукость / Е. М. Примаков. – Москва : Российская газета, 2009. – 242 с.

476. Примаков, Е. М. Мысли вслух / Е. М. Примаков. – Москва : Российская газета, 2011. – 207 с.

477. Примаков, Е. М. Россия. Надежды и тревоги / Е. М. Примаков. – Москва : Центрполиграф, 2015. – 224 с.

478. Примаков, Е. М. Собрание сочинений : в 10 т. / Е. М. Примаков. – Москва : ТПП РФ : Российская. Газета, 2016. – Т. 3: Годы в большой политике / ред.: В. И. Матвиенко, С. Е. Нарышкин, С. Н. Катырин. – 592 с.

479. Примаков, Е. М. Собрание сочинений : в 10 т. / Е. М. Примаков. – Москва : ТПП РФ : Российская. Газета, 2016. – Т. 4: Восемь месяцев плюс... Мир после 11 сентября / ред.: В. И. Матвиенко, С. Е. Нарышкин. – 542 с.

480. Примаков, Е. М. Собрание сочинений : в 10 т. / Е. М. Примаков. – Москва : ТПП РФ : Российская. Газета, 2016. – Т. 5: Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами [вторая половина XX – начало XXI века] / ред.: В. И. Матвиенко, С. Е. Нарышкин. – 608 с.

481. Примаков, Е. М. Собрание сочинений : в 10 т. / Е. М. Примаков. – Москва : ТПП РФ : Российская Газета, 2016. – Т. 6: Минное поле политики. Мир без России? / ред.: В. И. Матвиенко, С. Е. Нарышкин, С. Н. Катырин. – 800 с.

482. Притчин, С. А. Проблема международно-правового статуса Каспийского моря и стратегические интересы России в регионе в 1991–2011 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15 / Притчин Станислав Александрович. – Москва, 2012. 24 с.

483. Геополитические вызовы и внешнеполитическая деятельность России : [монография] / [О. Д. Абрамова, Ю. Н. Гаврилов, Г. Г. Гольдин и др.] ; под общ. ред. С. А. Проскурина ; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – Москва : РАГС, 2002. – 278 с.

484. Проценко, Н. Азербайджан в нефтяной ловушке: новый кризис при слабом барреле неизбежен [Электронный ресурс] / Н. Проценко. – 13.03.2020. – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/03/13/azerbaydzhan-v-neftyanyoy-lovushke-novyyu-krizis-pri-slabom-barrele-neizbezhen> (дата обращения: 18.06.2021).

485. Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности : колл. монография / под общ. ред. Л. П. Репиной. – Москва : Аквилон, 2020. – 464 с.

486. «Прошу на меня не сердиться»: Путин анонсировал рост зарплат [Электронный ресурс]. – 10.12.2020. – URL: https://superomsk.ru/news/96143-proshu_na_menya_ne_serditsya_putin_nazval_na_skolk/ (дата обращения: 28.02.2021).

487. Путин считает чрезмерное доверие Западу главной ошибкой РФ последних лет [Электронный ресурс]. – 19.10.2017. – URL: <https://tass.ru/politika/4661624> (дата обращения: 28.02.2021).

488. Путин, Владимир. Россия и меняющийся мир [Электронный ресурс] / Владимир Путин // Московские новости. – 27.02.2012. – URL: <https://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения: 28.02.2021).

489. Ратцель, Ф. Земля и жизнь. Сравнительное земледоведение / Ф. Ратцель. – Санкт-Петербург : Брокгауз-Ефрон, 1905–1906. – Т. 2. – 730 с. – (Библиотека Естествознания под редакцией проф. П. И. Броунова и В. А. Фаусека).

490. Ратцель, Ф. Народоведение / Ф. Ратцель. – Санкт-Петербург : Просвещение, 1900–1901. – Т. 1. – 764 с. ; Т. 2. – 877 с.
491. Ратцель, Ф. Человечество как жизненное явление на земле / Ф. Ратцель. – Москва : Книжное дело, 1901 – 58 с.; Москва : Либроком, 2011. – 58 с.
492. «Хотим, чтобы нас уважали». Президент Таджикистана обратился к Путину [Электронный ресурс]. – 15.10.2022. – URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/10/15/15627241.shtml> (дата обращения: 15.10.2022).
493. Рекута, А. Л. Военно-дипломатическая деятельность Российской Федерации по обеспечению безопасности Центрально-Азиатского региона : в конце XX – начале XXI века : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Рекута Александр Леонидович. – Москва, 2006. – 223 с.
494. Римашевская, Н. М. Население и глобализация / Н. М. Римашевская, А. А. Галецкий, А. А. Овсянников. – Москва : Наука, 2004. – 322 с.
495. Рифкин, Дж. Если нефти больше нет. Кто возглавит мировую энергетическую революции? Дж. Рифкин. – Москва : Секрет фирмы, 2006. – 416 с.
496. Розин, М. Д. Черноморско-Каспийский регион как поле «Большой игры»: классификационный системный анализ [Электронный ресурс] / М. Д. Розин, В. Н. Рябцев, В. П. Свечкарев // Инженерный вестник Дона. – 2016. – № 3 (42). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chernomorsko-kaspiyskiy-region-kak-pole-bolshoy-igry-klassifikatsionnyu-sistemnyu-analiz> (дата обращения: 15.01.2021).
497. Российско-китайское сотрудничество в рамках проекта «Один пояс, один путь» [Электронный ресурс]. – 25.06.2017. – URL: <https://inosmi.ru/politic/20170625/239662895.html> (дата обращения: 28.02.2021).
498. Россия – Китай и США – Китай: отношения нового типа : научный доклад [Электронный ресурс] / авт. колл.: В. Б. Амиров, В. В. Михеев, М. А. Потапов. – Москва : ИМЭМО РАН, 2010. – 31 с. – URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2010/10058.pdf> (дата обращения: 15.08.2021).
499. Россия и Китай в Евразийской интеграции: сотрудничество или соперничество / отв. ред. Д. А. Савкин. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2015. – 350 с.

500. Россия и Китай в Центральной Азии. Почему нет конкуренции? [Электронный ресурс] // Каспийский вестник. – URL: <http://casp-geo.ru/rossiya-i-kitaj-v-tsentralnoj-azii-pochemu-net-konkurentsii> (дата обращения: 28.02.2021).

501. Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития : колл. монография по мат-лам Юбилейных международных Панаринских чтений, посвященных 75-летию со дня рождения А. С. Панарина / отв. ред.: В. Н. Расторгуев ; науч. ред. А. В. Никандров. – Москва : Институт наследия, 2016. – 316 с.

502. Россия меняет мир. Константин Косачев о 20-летию внешней политики Владимира Путина // Российская газета. – 27.12.2019. – С. 11.

503. Россия: Опыт национально-государственной идеологии / В. В. Ильин, А. С. Панарин, А. В. Рябов ; под ред. В. В. Ильина. – Москва : Московский гос. ун-т, 1994. – 229 с.

504. Рубан, Л. С. Геополитическая ситуация и проблема безопасности в бассейне Каспийского моря / Л. С. Рубан // Безопасность Евразии. – 2003. – № 2. – С. 301–329.

505. Рубан, Л. С. Каспий – море проблем / Л. С. Рубан ; Российская акад. Наук ; Ин-т социально-политических исследований ; Российская акад. гос. службы при Президенте РФ. – Москва : Наука, 2003. – 279 с.

506. и Грузия создают маршрут перевозок от Каспия к Черному морю [Электронный ресурс]. – 05.03.2019. – URL: <https://www.hronikatm.com/2019/03/cargo-route/> (дата обращения: 03.06.2022).

507. Рыжов, И. В. Проблемы обеспечения безопасности Каспийского региона в контексте конфликтов на Ближнем Востоке (2003–2016 гг.) / И. В. Рыжов, В. В. Толкачев // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2017. – № 2. – С. 75–81.

508. Рябцев, В. Н. Геополитические и геочивилизационные особенности Черноморско-Каспийского региона в свете концепции Великого Лимитрофа (современный контекст вопроса) [Электронный ресурс] / В. Н. Рябцев // Инженерный вестник Дона. – 2013. – № 4 (27). – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskie-i-geotsivilizatsionnye-osobennosti-chernomorsko-kaspiyskogo-regiona-v-svete-kontseptsii-velikogo-limitrofa> (дата обращения: 15.09.2021).

509. Савин, Л. О новых направлениях внешней политики Эрдогана [Электронный ресурс] / Л. Савин. – 08.12.2017. – URL: <https://www.geopolitica.ru/article/o-novyh-napravleniyah-vneshney-politiki-erdogana> (дата обращения: 02.09.2022).

510. Савицкий, П. Н. Континент Евразия / П. Н. Савицкий. – Москва : АГРАФ, 1997. – 464 с.

511. Сажин, В. Судьбоносная веха в истории Каспия (К предстоящему подписанию Конвенции о правовом статусе Каспийского моря) [Электронный ресурс] / В. Сажин // Международная жизнь. – 23.07.2018. – URL: <https://interaffairs.ru/author/show/262> (дата обращения: 18.02.2021).

512. Сазонов, С. Л. Россия и Китай в Евразийском транспортном коридоре / С. Л. Сазонов // Азия и Африка сегодня. – 2014. – № 8. – С. 12–18.

513. Салимов, С. ЮКОСизация по Назарбаеву / С. Салимов // Независимая газета. – 16.02.2006. – С. 5.

514. Самедов, А. Азербайджан в современной системе международных отношений (1993–2003 гг.) / А. Самедов. – Баку : Абилов, Зейналов и сыновья, 2004. – 120 с.

515. Самойленко, В. В. Профессиональные секреты дипломата / В. В. Самойленко. – Москва : Аспект-пресс, 2016. – 272 с.

516. Сапрыкина, М. Ф. Невербальные составляющие имиджа политика в телевизионных сюжетах / М. Ф. Сапрыкина // Студент и наука (гуманитарный цикл) – 2018 : мат-лы Междунар. студ. науч.-практич. конф. – Москва : Высшая школа экономики, 2018. – С. 457–461.

517. Саранц А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе / А. Саранц. – Москва : Акад. гуманитарных исследований, 2002. – 599 с.

518. Саядов, С. XX век: Азербайджан и мир в системе международной интеграции: СССР, Европа, Азия, Африка, Америка (1945–1990 годы) / С. Саядов. – Баку : Элм, 2006. – 284 с.

519. Свитич, А. Л. Визуализация образа политического деятеля в графической иллюстрации (российский и зарубежный опыт печатных СМИ) / А. Л. Свитич // Медиа Альманах. – 2019. – № 4 (93). – С. 30–44.

520. Свиточ, А. А. Большой Каспий: строение и история развития / А. А. Свиточ. – Москва : Московский гос. ун-т, 2014. – 272 с.

521. Свиточ, А. А. Регрессивные эпохи Большого Каспия / А. А. Свиточ // Водные ресурсы. – 2016. – Т. 43, № 2. – С. 134–148.

522. Севастьянов, С. Интеграционные проекты Китая в АТР и Евразии / С. Севастьянов // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – № 4. – С. 8–9.

523. Сеидбейли, М. Азербайджанская диаспора в России: Особенности и тенденции формирования и развития (1988–2007 гг.) / М. Сеидбейли. – Баку : Элм, 2009. – 396 с.

524. Селищева, Т. А. Сопряжение ЕАЭС и проекта «Экономический пояс Шелкового пути» как новая модель евразийской интеграции [Электронный ресурс] / Т. А. Селищева // Проблемы современной экономики. – 2017. – № 4 (64). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sopryazhenie-eaes-i-proekta-ekonomicheskiiy-poyas-shelkovogo-puti-kak-novaya-model-evraziyskoy-integratsii> (дата обращения: 17.03.2021).

525. Сенюшкина, Т. А. Цивилизационная идентичность: социокультурный феномен или геополитический конструкт? / Т. А. Сенюшкина // Проблемы цивилизационного развития. – 2021. – Т. 3, № 2. – С. 70–82.

526. Сенюшкина, Т. А. Стратегическое положение России на оси «Восток – Запад» / Т. А. Сенюшкина // Политическое пространство и социальное время: Власть символов и память поколений : сб. науч. тр. XXXVIII Междунар. Харакского форума (г. Ялта, 2–5 ноября 2021 г.) / под общ. ред. Т. А. Сенюшкиной ;

[науч. ред.: Е. А. Сенюшкин, Л. Н. Гарас]. – Симферополь : АРИАЛ, 2022. – С. 272–277.

527. Сергеева, Д. С. Формирование имиджа политика в современном информационном пространстве (на материале данных соцсети «Твиттер») / Д. С. Сергеева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 4. – С. 124–131.

528. Сергунин, А. А. «Восточное партнерство» и «Большой Каспийский регион»: проблемы и перспективы / А. А. Сергунин, В. Г. Тихонов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2009. – № 3 (20). – С. 30–38.

529. Сибирь как мегарегион. Круглый стол // Идеи и Идеалы. – 2016. – № 1 (27). – С. 167–181.

530. Сидорова, Е. А. Гарантии безопасности государствам, не обладающим ядерным оружием / Е. А. Сидорова // Современное право. – 2010. – № 6. – С. 124.

531. Силаев, Н. Ю. Испытание русских геополитиков: внешняя политика России в перспективе геополитических теорий [Электронный ресурс] / Н. Ю. Силаев // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 1. – С. 125–141. – URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.01.09> (дата обращения: 28.02.2021).

532. Симонова, Т. Обзор грузооборота морских портов России. Итоги 2017 года [Электронный ресурс] / Т. Симонова. – URL: <https://aftershock.news/?q=node/611093&full> (дата обращения: 26.12.2021).

533. Синеокая, Н. А. Имидж политика, формируемый в современных электронных СМИ (на примере женщин-политиков Германии) / Н. А. Синеокая // Филология и просветительство: научное, педагогическое, краеведческое наследие Н. М. Лебедева : мат-лы конф. – Тверь : Тверской гос. ун-т, 2017. – С. 235–242.

534. Скребец, Е. В. Имперский дискурс в политико-правовой науке США [Электронный ресурс] / Е. В. Скребец, А. А. Чемшит, О. С. Стаценко, Д. А. Чемшит // Образование и право. – 2022. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imperskiy-diskurs-v-politiko-pravovoy-nauke-ssha> (дата обращения: 09.09.2022).

535. Скребец, Е. В. Российская имперская идея и имперская политическая форма в современной западной политической мысли / Е. В. Скребец // Гуманитарное знание XXI века: новое осмысление в новой эпохе : монография. – Петрозаводск : Новая Наука, 2019. – С. 4–35.
536. Смирнов, А. Израильский след [Электронный ресурс] / А. Смирнов // Новые известия. – 23.09.2008. – URL: <http://www.newiz.ru/news/world/23-09-2008/98491-izrailskij-sled?id=1&page=1&show-dt=1/> (дата обращения: 27.10.2021).
537. Смирнова, Е. С. Проблема определения границ Евразии как геополитического региона на современном историческом этапе / Е. С. Смирнова // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2015. – № 1 (53). – С. 155–161.
538. Смитиенко, Б. М. Международные экономические отношения / Б. М. Смитиенко. – Москва : Инфра-М, 2007. – С. 510.
539. Сморгунов, Л. В. Событийное политическое знание и его значение для современной сравнительной политологии / Л. В. Сморгунов // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 1. – С. 122–133.
540. Сморгунов, Л. В. Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентаций: значат ли что-либо идеи для объяснения политики? / Л. В. Сморгунов // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 1. – С. 118–129.
541. Сокут, С. Флот учится защищать «Лукойл» / С. Сокут // Независимая газета. – 12.08.2002. – С. 5.
542. Соловьев, В. Лишь бы не было трубы / В. Соловьев // Коммерсантъ-Власть. – 11.08.2008. – № 31 (785). – С. 40.
543. Состояние и перспективы экономического сотрудничества стран Центральной и Южной Азии [Электронный ресурс]. – 12.07.2021. – URL: <https://e-cis.info/news/566/93329/> (дата обращения: 28.07.2021).
544. Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение / под ред. чл.-корр. РАН М. К. Горшкова. – Москва : Новый хронограф, 2010. – 256 с.

545. Спиридонова, В. И. Формирование имперского сознания в США / В. И. Спиридонова // Вестник РУДН. Сер.: Политология. – 2019. – Т. 21, № 2. – С. 268–281.

546. Станецкий, В. Шелковый путь, который мы потеряли [Электронный ресурс] / В. Станецкий // Южный Китай. – 06.08.2015. – URL: <http://south-invest.com/node/1778> (дата обращения: 17.11.2021).

547. Стариков, И. Единая Евразия или Шелковый путь? Нет, и Северный и Южный! [Электронный ресурс] / И. Стариков. – 29.11.2018. – URL: <https://kvedomosti.ru/news/kommentarij-edinaya-evraziya-ili-shelkovyj-put-net-i-severnyj-i-yuzhnyj.html> (дата обращения: 31.05.2022).

548. Старр, Ф. В защиту «Большой Центральной Азии». Ч. 1 [Электронный ресурс] / Ф. Старр // Геополитика. США в Центральной Азии : сб. ст. – Ч. 1. – 29.01.2009. – URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1233207720> (дата обращения: 28.02.2021).

549. Старр, Ф. Новый Шелковый Путь: торговля и транспорт в Большой Центральной Азии / Ф. Старр = Starr, S. F. The New Silk Roads: Transport and Trade in Greater Central Asia / S. Frederick Starr. – Johns Hopkins University-SAIS, 2007. – 512 p.

550. Старр, Ф. Партнерство для Центральной Азии / Ф. Старр // Россия в глобальной политике. – 2005. – № 4, июль / август. – С. 72–87.

551. Старр, Ф. Расширенное партнерство в Центральной Азии для Афганистана и его соседей / Ф. Старр. – Вашингтон : Институт Центральной Азии и Кавказа, 2005. = Starr, S. F. Expanded Partnership in Central Asia for Afghanistan and its Neighbors / S. Frederick Starr. – Uppsala : Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program, 2005. – 36 p.

552. Старр, Ф. Стабилизация Евразии / Ф. Старр // Foreign Affairs. – 1996. – № 1 (75). – P. 80–92.

553. Старр, Ф. Утраченное просвещение: золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана : пер. с англ. / Ф. Старр. – Москва : Альпина Паблицер, 2017. – 574 с.

554. Стратегии национальной безопасности США [Электронный ресурс] / сост. Д. В. Кузнецов. – Б. м. : Б. и., 2018. – 680 с. – URL: http://kuznetsov.ucoz.org/books/strategii_nacionalnoj_bezopasnosti_ssha.pdf (дата обращения: 15.11.2021).

555. Сулима, Е. Геоистория как парадигма осмысления международных отношений [Электронный ресурс] / Е. Сулима, М. Шепелев // Международные процессы. – 2018. – Т. 16. – С. 49–59. – URL: <http://www.intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/1999/dkNByEMa6N.pdf> (дата обращения: 15.11.2021).

556. Супрун, В. И. Сибирь как мегарегион: концепция и реальность / В. И. Супрун // Идеи и Идеалы. – 2016. – № 1 (27). – Т. 1. – С. 124–134.

557. Сченснович, В. Н. Геополитика в Каспийском регионе (обзор) [Электронный ресурс] / В. Н. Сченснович // Россия и мусульманский мир. – 2018. – № 3 (309). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopolitika-v-kaspiyskom-regione-obzor> (дата обращения: 02.01.2022).

558. США ввели полное эмбарго на нефть Ирана [Электронный ресурс] // Ведомости. – 22.04.2019. – URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/04/22/799826-mozhet-li-ssha-vvesti-polnoe-embargo> (дата обращения: 19.06.2021).

559. Сыздыков, М. З. Принцип многовекторности во внешней политике Казахстана: факторный анализ [Электронный ресурс] / М. З. Сыздыков. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_24806566_13269479.pdf (дата обращения: 17.12.2022).

560. Сыроежкин, К. Интересы Китая в геополитическом регионе Центральной Азии и Каспия / К. Сыроежкин // Центральная Азия и Кавказ. – 2007. – № 3 (51). – С. 47–61.

561. Сыроежкин, К. Казахстан и Китай: торгово-экономическое сотрудничество / К. Сыроежкин // Analytic (Казахстан). – 2009. – № 1. – С. 42–48.

562. Сыроежкин, К. Л. Проект «Экономический пояс Шёлкового пути» в сложном пространстве Центральной Азии / К. Л. Сыроежкин // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2016. – Т. 9, № 6. – С. 104–122.

563. Сыроежкин, К. Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП / К. Сыроежкин // Россия и новые государства Евразии. – 2016. – № 2. – С. 37–55.

564. Сяосин, Д. Евразийский союз и ШОС / Д. Сяосин // Регион Центральной Азии: состояние, проблемы и перспективы российско-китайского взаимодействия : сб. докл. / под ред. Е. В. Супониной, Б. М. Волхонского. – Москва : РИСИ, 2013. – С. 18–19.

565. Тавровский, Ю. В. Новый Шелковый путь / Ю. В. Тавровский. – Москва : Эксмо, 2017. – 368 с.

566. Тастенов, А. Геополитика Каспия: ключевые моменты [Электронный ресурс] / А. Тастенов // Kazenergy. – 2012. – № 5 (55). – URL: <http://www.kazenergy.com/ru/5-55-2012/7465-2013-01-03-11-58-30.html> (дата обращения: 07.02.2021).

567. Теперь и Саркози признал, что политика мультикультурализма провалилась [Электронный ресурс]. – 11.02.2011. – URL: <https://inosmi.ru/europe/20110211/166444540.html> (дата обращения: 03.01.2021).

568. Тешке, Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений [Электронный ресурс] / Б. Тешке. – Москва : ГУ ВШЭ, 2011. – 416 с. – URL: <https://id.hse.ru/data/2011/11/01/1269558787/01.pdf> (дата обращения: 03.01.2021).

569. Тихонова, Н. Е. Культурная динамика в постсоветских странах: проблемы модернизации и сохранения цивилизационной специфики (на примере России) / Н. Е. Тихонова, С. В. Мареева // Цивилизация и модернизация : Российско-китайская конф. (г. Москва, 29–31 мая 2012 г.) / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; редкол.: Н. И. Лапин, Чуаньци Хэ и др. – Москва : ИФРАН, 2013. – С. 32–36.

570. Тойнби, А. Дж. Постижение истории : сб. / А. Дж. Тойнби ; пер. с англ. Е. Д. Жаркова. – Москва : Рольф, 2001. – 640 с.

571. Толкачев, В. В. Перспективы развития интеграционных объединений на постсоветском пространстве: опыт таможенного союза России, Беларуси,

Казахстана / В. В. Толкачев, А. А. Чалбаева // Молодой ученый. – 2015. – № 2. – С. 428.

572. Транснациональный газопровод Туркменистан – Китай – успешная реализация международного энергетического партнерства [Электронный ресурс] // Центр новостей ООН. – Москва, 2010. – URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=12888#.UuTMFRDHnIU> (дата обращения: 20.07.2021).

573. Трельч, Э. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории / Э. Трельч. – Москва : Юрист, 1994. – 719 с.

574. Тренин, Д. В. Post-Imperium: евразийская история [Электронный ресурс] / Д. В. Тренин. – Москва : Московский центр Карнеги, РОССПЭН, 2012. – 326 с. – URL: https://carnegieendowment.org/files/Postimperium_Blok_Russ_web1.pdf (дата обращения: 11.02.2021).

575. Тренин, Д. В. Мир безусловный. Евро-Атлантика XXI века как сообщество безопасности / Д. В. Тренин. – Москва : РОССПЭН, 2013. – 245 с.

576. Тулепбергенова, Г. Проект Большой Центральной Азии: анализ состояния и эволюция [Электронный ресурс] / Г. Тулепбергенова // Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – № 1 (61). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-bolshoy-tsentralnoy-azii-analiz-sostoyaniya-i-evolyutsiya> (дата обращения: 23.03.2021).

577. Турарбекова, Р. Евразийский экономический союз: интеграция между идеальным и реальным [Электронный ресурс] : экспертный доклад / Р. Турарбекова, Е. Семак, Е. Довгань / Минский диалог : конф. – Минск, 2020. – С. 5. – URL: https://minskdialogue.by/research/reports/evraziiskii-ekonomicheskii-soiuz-integratsiia-mezhdu-idealnym-i-realnym_ (дата обращения: 08.04.2021).

578. Концепция внешней политики Туркменистана как нейтрального государства [Электронный ресурс]. – 14.12.1995. – С. 1. – URL: <https://ir.rudn.ru/books/b1/p5/66.pdf> (дата обращения: 08.04.2021).

579. Тюренкова, К. А. Этапы становления международно-правового регулирования статуса Каспийского моря / К. А. Тюренкова // Молодой ученый. – 2015. – № 17. – С. 381–384.

580. Тянь Вэйлинь (田文林) 哈梅内伊的执政理念及政策主 [Электронный ресурс]. – 2016. – URL: <https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show> (дата обращения: 12.01.2022).

581. Улюян, А. «Большая Центральная Азия»: Геополитический проект или внешнеполитический инструмент? [Электронный ресурс] / А. Улюян // Геополитика. – 13.10.2012. – URL: <http://www.geopolitics.ru/2012/10/bolshaya-centralnaya-aziya-geopoliticheskij-proekt-ili-vneshnepoliticheskij-instrument/> (дата обращения: 09.11.2021).

582. Улюян, А. А. Новая политическая география. Переформатируя Евразию. Историзированные зарубежные геоконцепты. Конец XX – начало XXI в. / А. А. Улюян. – Москва : ИВИ РАН, 2009. – 303 с.

583. Усманов, Р. Х. Вызовы и угрозы геополитической стабильности государств Прикаспия в эпоху глобализации (на примере регионов Юга России) / Р. Х. Усманов // Ученые записки Бакинского славянского университета. Серия общественно-политических наук. – 2013. – № 1. – С. 13–26.

584. Усманов, Р. Х. Международное взаимодействие и перспективы Каспийского региона – предварительный анализ итогов Астраханского саммита / Р. Х. Усманов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 4. – С. 93–102.

585. Устьян, А. Р. Концептуальные основы внешнеполитической стратегии России в начале XXI века: Геополитический аспект : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. / Устьян Артут Рустамович. – Москва, 2001. – 177 с.

586. Уянаев, С. В. Китайский проект «Один пояс – один путь»: концепция, план, сотрудничество с Россией / С. В. Уянаев // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – № 4. – С. 8–21.

587. Федоренко, Н. М. Политика внерегиональных стран в зоне Каспийского региона / Н. М. Федоренко, Е. Е. Баврина / Европа и Россия: проблемы южного направления = Europe and Russia: problems of the south :

Средиземноморье – Черноморье – Каспий / [ред. совет: В. В. Журкин и др.]. – Москва : Интердиалект+, 1999. – 658 с.

588. Федоров, Ю. Е. Каспийская нефть и международная безопасность : в 2 вып. / Ю. Е. Федоров. – Москва : Федерация мира и согласия, 1996. – Вып. 1. – 138 с.

589. Философия геополитики / Б. А. Исаев // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2018. – № 3. – С. 75–99.

590. Фокин, С. В. Российско-иранские отношения из прошлого состояния к современной реальности / С. В. Фокин. – Москва : РАГС, 2007. – С. 235.

591. Фрагменты ранних греческих философов / сост. и пер. А. В. Лебедев. Москва : Наука, 1989. – Часть 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. – 576 с.

592. Фурман, Д. Е. Движение по спирали: Политическая система России в ряду других систем / Д. Е. Фурман. – Москва : Весь мир, 2010. – С. 118–119.

593. Халеева, И. И. Лингвистическая безопасность России / И. И. Халеева // Вестник Российской академии наук. – 2006. – Т. 76, № 2. – С. 104–111.

594. Хантингтон, С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон ; пер. с англ. А. Башкирова. – Москва : АСТ: Транзиткнига, 2004. – 635 с.

595. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон ; пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – Москва : АСТ, 2005. – 603 с. = Samuel P. Huntington. The clash of civilizations and the remaking of world order. – Simon & Schuster, 1996. – 359 p.

596. Хантингтон, С. Третья волна: Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон = The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. – Москва : РОССПЭН, 2003. – 368 с.

597. Хантингтон, С. Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон. – Москва : Прогресс-Традиция, 2004. – 579 с.

598. Харви, Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение / Д. Харви. – Москва : Поколение, 2007. – 285 с.

599. Харин, А. Н. Межцивилизационные пространства: Промежуточный регион или великий лимитроф? [Электронный ресурс] / А. Н. Харин // Власть. – 2014. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhtsivilizatsionnye-prostranstva-promezhutochnyy-region-ili-velikiy-limitrof> (дата обращения: 09.01.2021).
600. Харламов, В. Забрать и не делить. Власти Казахстана стремятся усилить влияние на нефтяной сектор республики / В. Харламов // НГ-Дипкурьер. – 24.10.2005. – С. 11.
601. Хатунцев, С. В. Запад и «Евразийская квадрига» (Россия, Китай, Индия, Иран) [Электронный ресурс] / С. В. Хатунцев // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 6. – С. 45–52. – URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.06.07> (дата обращения: 17.12.2022).
602. Хаусхофер, К. Границы в их географическом и политическом значении / К. Хаусхофер // Классики геополитики XX века / сост. К. Королев. – Москва : АСТ, 2003. – С. 227–598.
603. Хаусхофер, К. О геополитике. Работы разных лет / К. Хаусхофер. – Москва : Мысль, 2001. – 426 с.
604. Хидоятзода, К. Д. Влияние России и Китая на формирование нового миропорядка на примере Центральной Азии (важнейшего региона для России) [Электронный ресурс] / К. Д. Хидоятзода // Русская политология. – 2018. – № 3 (8). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-rossii-i-kitaya-na-formirovanie-novogo-miroporyadka-na-primere-tsentralnoy-azii-vazhneyshego-regiona-dlya-rossii> (дата обращения: 18.03.2021).
605. Хлопов, О. А. Меняющаяся геополитика энергетической инфраструктуры Каспийского региона: / О. А. Хлопов // Вопросы международных отношений. – 2021. – Т. 10, вып. 2 (36). – С. 125–136.
606. Хомейни, Рухолла Мусави. Завещание / Великий Аятолла Имам Хомейни. – Москва : Тавхид, [1992?]. – 56 с.
607. Цена стабильности. Китай строит Казахстан на свои деньги. Что он потребует взамен? [Электронный ресурс]. – URL: https://lenta.ru/articles/2019/06/18/money_money/ (дата обращения: 05.01.2021).

608. Цкриалашвили, А. Д. Имидж в интернете: профиль в социальной сети как лицо политика / А. Д. Цкриалашвили // *Nauka.me.* – 2018. – № 2. – С. 6.
609. Цыганков, П. А. Российская идентичность и европейский порядок // *Социально-политический журнал.* – 1996. – № 6. – С. 34–42.
610. Цыганов, О. В. Ильхам Алиев: прорыв в XXI век / О. В. Цыганов // *Известия.* – 25.09.2008. – С. 10.
611. Цымбурский, В. Л. «Остров Россия» за пять лет, или Приключения одной геополитической концепции / В. Л. Цымбурский // *Россия и мир: политические реалии и перспективы : инф.-аналитич. сб.* – Москва : Автодидакт, 1998. – № 10. – С. 282–298.
612. Цымбурский, В. Л. Борьба за евразийскую Атлантиду: геоэкономика и геостратегия / В. Л. Цымбурский. – Москва : Ин-т экономических стратегий, 2000. – 42 с.
613. Цымбурский, В. Л. Геополитика как мировоззрение и род занятий [Электронный ресурс] / В. Л. Цымбурский // *Полис.* – 1999. – № 4. – С. 7–28. – URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=polis&jn=polis&jid=2602 (дата обращения: 03.02.2021).
614. Цымбурский, В. Л. Идентичность геополитическая / В. Л. Цымбурский // *Новая философская энциклопедия : в 4 т.* – Москва : Мысль, 2001. – Т. 1 – С. 79.
615. Цымбурский, В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006 / В. Л. Цымбурский. – Москва : РОССПЭН, 2007. – 543 с.
616. Цымбурский, В. Л. Россия – Земля за Великим Лемитрофом: цивилизация и ее геополитика / В. Л. Цымбурский. – Москва : Эдиториал УРСС, 2000. – 332 с.
617. Чанг, Сяонюнь (強晓云), *丝绸之路经济带与中* [Электронный ресурс] / Чанг Сяонюнь. – URL: <https://xueshu.baidu.com/usercenter/>

paper/showpaperid=881768b2f907f862b0047058e10727c7&site=xueshu (дата обращения: 17.12.2022).

618. Чем богата страна Афганистан. Полезные ископаемые Афганистана [Электронный ресурс]. – 26.05.2022. – URL: <https://zabor-61.ru/stroitelstvo/chem-bogata-strana-afganistan.html> (дата обращения: 27.06.2022).

619. Чен, Хунцзе. Экономический пояс Шелкового пути и «Морской путь 21 века» с точки зрения экспертов КНР / Чен Хунцзе // Наука и мир. – 2015. – № 7.

620. Чжао, Хуа Шэнь (赵华胜),上海合作组织:评析和展[北京:时事出版社 [Электронный ресурс] / Чжао Хуа Шэнь. – 2017 – URL: <https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/showpaperid> (дата обращения: 06.07.2021).

621. Чжоу, Цзюнь. Значение государств Центральной Азии в мировой политической системе / Чжоу Цзюнь // Управленческое консультирование. – 2017. – № 3. – С. 164–171.

622. Чистякова, Е. А. ЕАЭС – Китай: новый этап сотрудничества / Е. А. Чистякова, О. Ю. Соколова, С. В. Захарова // Общественные науки. Экономика. – 2018. – № 4 (48). – С. 141–149.

623. Что собой представляет экономика Туркмении [Электронный ресурс]. – 20.05.2019. – URL: <https://moneymakerfactory.ru/biznes-idei/ekonomika-turkmenii/> (дата обращения: 06.01.2021).

624. Чумаков, А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира : монография / А. Н. Чумаков. – Москва : Проспект, 2017. – 186 с.

625. Чумалов, М. Ю. Каспийская нефть и межнациональные отношения / М. Ю. Чумалов. – Москва : ЦИМО, 2000. – 268 с.

626. Чунг, М. Политика Китая в отношении стран Центральной Азии: становление Китая как державы с глобальными интересами и регионального лидера / М. Чунг // Теории и проблемы политических исследований. – 2017. – Т. 6, № 3А. – С. 297–306.

627. Шакиров, А. Путин раскритиковал Меркель за слова о Минских соглашениях [Электронный ресурс] / А. Шакиров. – 09.12.2022. – URL: <https://www.kp.ru/online/news/5049286> (дата обращения: 11.12.2022).

628. Шарипов, У. З. Концепция «Большого Ближнего Востока» в действии / У. З. Шарипов. – Москва : Ин-т востоковедения РАН, 2013. – 376 с.

629. Шарыгин, М. Д. Тенденции становления отечественной общественной географии: теоретико-методологические аспекты / М. Д. Шарыгин, В. А. Столбов // Географический вестник. – 2006. – № 2. – С. 4–10.

630. Шафраник, Ю. К. Россия и ресурсный национализм. Что преобладает – общее или особенное? [Электронный ресурс] / Ю. К. Шафраник. – URL: www.energystrategy.ru/ab_ins/source/Shافر_Oxford-25.11.09ppt (дата обращения: 17.12.2021).

631. Швецова, А. В. Внешние вызовы для российского пространства и формирование цивилизационного ответа / А. В. Швецова // Общественные науки и современность. – 2021. – № 3. – С. 19–29.

632. Швецова, А. В. Национальная идентичность как социокультурный феномен [Электронный ресурс] / А. В. Швецова // Обсерватория культуры. – 2017. – № 14 (6). – С. 653–661. – URL: <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2017-14-6-653-661> (дата обращения: 03.01.2021).

633. Швецова, А. В. Национальный характер как предмет культурологического осмысления [Электронный ресурс] / А. В. Швецова // Вестник культурологии. – 2018. – № 3 (86). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-v-shvetsova-natsionalnyy-harakter-kak-predmet-kulturologicheskogo-osmysleniya> (дата обращения: 13.02.2021).

634. Шевцова, Л. Одинокая держава. Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом / Л. Шевцова. – Москва : РОССПЭН, 2010. – С. 136.

635. Шевченко, В. Н. Цивилизация и общество как категории социальной философии / В. Н. Шевченко // Проблемы цивилизационного развития. – 2021. – Т. 3, № 1. – С. 57–80.

636. Шемятников, В. Г. Европейская интеграция : учеб. пособие / В. Г. Шемятников. – Москва : Междунар. отношения, 2003. – 398 с.
637. Шепелев, М. А. Глобалистика : учеб. пособие / М. А. Шепелев. – Днепропетровск : Днепропетровский нац. ун-т, 2001. – Ч. 1. – 144 с.
638. Шепелев, М. А. Кризис ультрамодерна и перспективы новой геополитической революции / М. А. Шепелев // Образование и право. – 2019. – № 1. – С. 241–249.
639. Шепелев, М. А. Цивилизация ультрамодерна и ее кризис / М. А. Шепелев // Междисциплинарные проблемы международных отношений в глобальном контексте : монография / науч. ред.: А. У. Альбеков, А. М. Старостин. – Ростов-на-Дону, 2019. – С. 89–94.
640. Шепелев, М. А. Четвертая геополитическая революция: контроль космоса как ключ к мировому господству / М. А. Шепелев // Современная наука и инновация. – 2017. – № 4 (20). – С. 259–264.
641. Шиповалов, А. Основные положения военной доктрины Франции. Ч. 1 / А. Шиповалов // Зарубежное военное обозрение. – 2018. – № 4. – С. 19–26.
642. Шлямин, Б. А. Каспийское море [Электронный ресурс] / Б. А. Шлямин. – Москва : Географгиз, 1954. – 128 с. – URL: <http://stepnoy-sledopyt.narod.ru/geologia/kmore/geol.htm> (дата обращения: 03.01.2021).
643. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории : пер. с нем. / О. М. Шпенглер. – Москва : Мысль, 1998. – Т. 1: Гештальт и действительность. – 663 с.
644. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории : пер. с нем. / О. М. Шпенглер. – Минск : Попурри, 1999. – Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. – 720 с.
645. Шувалов: сопряжение развития ЕАЭС и «Экономического пояса Шелкового пути» очень важно [Электронный ресурс]. – 24.06.2016. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/339643> (дата обращения: 22.01.2022).
646. Эдельштейн К. К. Структурная гидрология суши / К. К. Эдельштейн. – Москва : ГЕОС, 2005. – 316 с.

647. Эжиев, И. Б. Геополитика Каспийского региона / И. Б. Эжиев. – Москва : Андалус, 2007. – 208 с.
648. Экономический пояс Шелкового пути: риски и возможности для России // Международная торговля и торговая политика. – 2015. – № 4 (4). – С. 18–29.
649. Экономический пояс Шелковый путь [Электронный ресурс]. – 02.02.2015. – URL: <http://aprcenter.ru/component/k2/328.html> (дата обращения: 19.11.2021).
650. Эмомали Рахмон: Центральной Азии и России необходимо создать проект «превентивной экономики» [Электронный ресурс]. – 15.10.2022. – URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20221015/rahmon-tsentralnoi-azii-i-rossii-neobhodimo-sozdat-proekt-preventivnoi-ekonomiki> (дата обращения: 17.10.2022).
651. Энгдаль У. Ф. Священные войны Западного мира / У. Ф. Энгдаль. – Москва : Селадо. 2016. – 336 с.
652. Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / под общ. ред. и рук. А. В. Торкунова. – Москва : Ун-т МГИМО, 2007. – 1039 с.
653. Этнические и региональные конфликты в Евразии : в 3 кн. – Москва : Весь мир, 1997. – Кн. 1: Центральная Азия и Кавказ / общ. ред.: А. Малашенко, Б. Коппитерс, Д. Тренин. – 203 с.
654. Этнические и региональные конфликты в Евразии : в 3 кн. – Москва : Весь мир, 1997. – Кн. 2: Россия. Украина. Белоруссия / общ. ред. А. Зверев, Б. Коппитерс, Д. Тренин. – 224 с.
655. Этнические и региональные конфликты в Евразии : в 3 кн. – Москва : Весь мир, 1997. – Кн. 3: Международный опыт разрешения этнических конфликтов / общ. ред. Б. Коппитерс, Э. Ремакль, А. Зверев. – 304 с.
656. «Этот проект – идея страны»: академики обсудили «Единую Евразию». На заседании президиума РАН обсудили «Единую Евразию» [Электронный ресурс] // Indicator. Гуманитарные науки. – 15.10.2019. – URL:

<https://indicator.ru/humanitarian-science/edinaya-evraziya.htm> (дата обращения: 27.01.2021).

657. Ю, Чжан. Перспективы стратегического партнерства Китая и России / Ю Чжан // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2018. – № 1. – С. 160–161.

658. Юй, Чжочао. Политика Китая в отношении Центральной Азии / Юй Чжочао, А. В. Грозин. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2018. – 320 с.

659. Юнцюань, Ли. Более широкое евразийское партнерство и Инициатива «Пояс и дорога»: могут ли они быть связаны? / Юнцюань Ли // Журнал евразийских исследований. – 2018. – № 9. – С. 98.

660. Юрганов, Д. Игра пошла по-крупному: Катар создает огромный флот танкеров-газовозов [Электронный ресурс] / Д. Юрганов // Завтра. – 09.06.2020. – URL: [/https://zavtra.ru/events/igraposhlapokrupnomukatarsozdayotogromnijflottankerovgazovozov](https://zavtra.ru/events/igraposhlapokrupnomukatarsozdayotogromnijflottankerovgazovozov) (дата обращения: 17.10.2021).

661. Юрьева, Т. А. Политика НАТО в отношении Центральной Азии и Закавказья / Т. А. Юрьева // Южный фланг СНГ. Центральная Азия, Каспий, Кавказ: возможности и вызовы для России. – Москва : Логос, 2003. – С. 351.

662. Якупов, В. Военно-доктринальные взгляды руководства Исламской республики Иран / В. Якупов, И. Смирнов // Зарубежное военное обозрение. – 2016. – № 10. – С. 8–16.

663. Яровой, Г. Европейский союз для регионов: что можно и нужно знать российским регионам о ЕС / Г. Яровой, Е. Белокурова. – Санкт-Петербург : Норма, 2012. – 368 с.

664. Яшлавский, А. Китайские эксперты оценили воздействие коронавируса на отношения с Россией [Электронный ресурс] / А. Яшлавский. – 07.05.2020. – URL: <https://www.mk.ru/politics/2020/05/07/kitayskie-eksperty-ocenili-vozdeystvie-koronavirusa-na-otnosheniya-s-rossiey.html> (дата обращения: 04.01.2021).

665. 伙伴关系 [Электронный ресурс]. – 伙伴关系 – URL: <https://baike.baidu.com/item/2021956> (дата обращения: 17.12.2022).

666. 创新合作模式共同建设”丝绸之路经济带” [Электронный ресурс]. – URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2013/0907/c164113-22840646.html> (дата обращения: 17.12.2022).
667. 新疆莎车县：新丝绸之路经济带上的新跨越 [Электронный ресурс]. – 2014年10月14日. – URL: http://sd.ifeng.com/liaocheng/caijingzixun/detail_2014_10/14/3012104_0.shtml (дата обращения: 17.12.2022).
668. Abilov, Sh. The “New Great Game” Over the Caspian Region: Russia, the USA, and China in the Same Melting Pot [Электронный ресурс] / Sh. Abilov // Khazar Journal of Humanities and Social Sciences. – URL: https://www.academia.edu/6863072/The_New_Great_Game_Over_the_Caspian_Region_Russia_the_USA_and_China_in_the_Same_Melting_Pot (дата обращения: 11.03.2021).
669. Active Engagement, Modern Defence. Stratégie Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organisation adopted by Heads of State and Government in Lisbon [Электронный ресурс]. – 19.11.2020. – URL: https://www.nato.int/cps/th/natohq/official_texts_68580.htm (дата обращения: 05.05.2021).
670. Adler, N. J. International Dimensions of Organizational Behavior / N. J. Adler, A. Gundersen. – 5th ed. – Thomson : South-Western, 2008. – 398 p.
671. Afanasyeva, A. Kazakhstan to divert some oil flows from Europe to China [Электронный ресурс] / A. Afanasyeva // Reuters. – 03.07.2019. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-kazakhstan-china-oil-idUSKCN1TY1W6> (дата обращения: 23.01.2021).
672. Agreement on the exploration, development and production sharing for the Shah Deniz prospective area in the Azerbaijan sector of the Caspian sea between the state oil company of the Azerbaijan republic and Socar commercial affiliate, BP exploration (Azerbaijan) limited, elf petroleum Azerbaijan B.V. Lukoil international ltd, oil industries engineering and construction, Statoil Azerbaijan A.S, and Turkish petroleum overseas company limited [Электронный ресурс]. –

URL: http://www.bp.com/content/dam/bp-country/en_az/pdf/legalagreements/PSAs/SD-PSA.pdf (дата обращения: 17.12.2022).

673. Aladin, N. V. How changing of the Caspian Sea level makes influence on biodiversity of fishes and free-living aquatic invertebrates / N. V. Aladin, I. S. Plotnikov // 4th International Conference of UNESCO programme 481. Dating Caspian Sea Level Change. Aktau, Mangistau District, Kazakhstan 20–23 May, 2006: Materials of a Conference. – Aktau, 2002. – P. 15–16.

674. Aliyev, K. Security in the Caucasus: Caspian Crossroads Interview with US Lt. Gen. William E. Odom / Kenan Aliyev // Caspian Crossroads Magazine. – Winter 1999. – Vol. 4, iss. 2.

675. Amineh, M. P. Globalization, Geopolitics and Energy Security in Central Eurasia and the Caspian Region / M. P. Amineh. – Hague : Clingendael International Energy Program, 2003. – P. 209.

676. Analysis: Five Nations Railway Corridor Project: Increasing Connectivity and Chinese dominance in Afghanistan [Электронный ресурс] / Haldar Prasad Routray & Sayantan, Bibhu // Mantraya Analysis. – 2018, 27 April. – № 24. – URL: <http://mantraya.org/analysis-five-nations-railway-corridor-project-increasing-connectivity-and-chinese-dominance-in-afghanistan/> (дата обращения: 17.01.2021).

677. Anker, M. The Caspian Sea Region Towards 2025. Caspia Inc., National Giants or Trade and Transit? / M. Anker, P. Baev, B. Brunstad, I. Overland, S. Torjensen. – Delfi, Netherlands : Eburon Acad. Publ., 2010. – 153 p.

678. Arezki, Rabah. Shifting commodity markets in a globalized world [Электронный ресурс] / Arezki Rabah, Akito Matsumoto. – 15.11.2017. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/Books/Issues/2018/02/09/Shifting-Commodity-Markets-in-a-Globalized-World-45095> (дата обращения: 08.01.2021).

679. Arzumanlı, V. Azərbaycan diasporu: reallıqlar, narahatlıqlar, problemlər / V. Arzumanlı, A. Hüseyinov. – Bakı : Qartal, 2001. – 800 s.

680. Atal, S. The New Greatgame / S. Atal. – Fall : The National Interest, 2005. – P. 101–105.

681. At NATO, Trump says Germany is 'totally controlled by Russia' [Электронный ресурс]. – 11.07.2018. – URL: <https://crooksandliars.com/2018/07/trump-nato-summit-germany-totally> (дата обращения: 17.11.2021).

682. Aydin, M. Oil. Pipelines and Security: The Geopolitics of the Caspian Region / M. Aydin // The Caspian Region / ed. Grammer Moshe. – Routledge, 2004. – Vol. 1: A Re-Emerging Region. – P. 3.

683. Ayres, A. Our Time Has Come: How India is Making Its Place in the World / A. Ayres. – New York : Oxford University Press, 2018. – P. 174.

684. Azakov, S. I. Contribution of Azerbaijan to the energy security of the European Union [Электронный ресурс] / S. I. Azakov // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. – 2018. – № 459. – 14 p. – URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1757-899X/459/1/012011> (дата обращения: 13.06.2021).

685. Azerbaijan almost doubles gas exports [Электронный ресурс] // Oil & Gas Materials. – 2019, 2 July. – URL: <https://en.trend.az/business/energy/3084169.html> (дата обращения: 17.12.2022).

686. Azerbaijan may earn billions from SGC project annually [Электронный ресурс] // Azernews. – 2019, 21 February. – URL: https://www.azernews.az/oil_and_gas/146083.html (дата обращения: 17.12.2022).

687. Azərbaycan diasporuna dövlət qayğısı. – Bakı : Çarşıoğlu, 2003. – 304 s.

688. Baran, Zeyno. The Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline: Implications for Turkey / Baran Zeyno // The Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline: Oil Window to the West. – The Central Asia-Caucasus Institute, Silk Road Studies Program, 2005. – P. 106.

689. Bevir, M. Interpreting British Governance / M. Bevir, R. A. W. Rhodes // British Journal of Politics and International Relations. – 2004. – Vol. 6, № 2.

690. Bhadrakumar, M. K. US Standing in Caspian Drips Away / M. K. Bhadrakumar // Asia Times. – 2008. – № 11, October, 5.

691. Bisenov, N. Kazakhstan to double gas exports to China in 2019 [Электронный ресурс] / Naubet Bisenov // Nikkei Asian Review. – 2018, October

28. – URL: <https://asia.nikkei.com/Business/Markets/Commodities/Kazakhstan-to-double-gas-exports-to-China-in-2019> (дата обращения: 09.01.2022).

692. Blank, S. New Military Trends in the Caspian / S. Blank // Central Asia – Caucasus Analyst [Электронный ресурс]. – 01.06.2005, – P. 11–13. – URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/9969-analytical-articles-caci-analyst-2005-6-1-art-9969.html> (дата обращения: 19.09.2021).

693. Blank, S. Reconstructing Inner Asia [Электронный ресурс] / S. Blank. – London : Conflict Studies Research Centre, August 2002. – URL: https://www.files.ethz.ch/isn/92597/02_Aug.pdf (дата обращения: 28.11.2021).

694. Blank, S. The Great Game Goes to Sea: Naval Rivalries in the Caspian [Электронный ресурс] / S. Blank // Central Asia – Caucasus Analyst. – 2006, January 11. – P. 64–66. – URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/10563-analytical-articles-caci-analyst-2006-1-11-art-10563.html> (дата обращения: 16.06.2021).

695. Blank, S. Whither the New Great Game in Central Asia / S. Blank // Journal of Eurasian Studies. – 2012. – № 3 (3). – P. 147–160.

696. BP Statistical Review of World Energy June 2016 [Электронный ресурс]. – URL: <http://large.stanford.edu/courses/2016/ph240/stanchi2/docs/bp-2016.pdf>; <https://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2016/bp-statistical-review-of-world-energy-2016-full-report.pdf> (дата обращения: 17.12.2022).

697. Bricmont, J. Humanitarian Imperialism. Using Human Rights to Sell the War / J. Bricmont. – New York : Monthly Review Press, 2006. – 176 p.

698. Brzezinski, Z. Conversations / Zbigniew Brzezinski // PBS Newshour. – 08.02.2012.

699. Brzezinski, Z. Strategic Vision. America and the Crisis of Global Power / Zbigniew Brzezinski. – New York : Basic Books, 2012. – 208 p.

700. Canfield, R. L. Restructuring in Greater Central Asia: changing political configurations [Электронный ресурс] / R. L. Canfield // Asian Survey. – 1992, 1 Oct. – Vol. 32, iss. 10. – P. 875–887. – URL: <https://online.ucpress.edu/as/article->

abstract/32/10/875/22908/Restructuring-in-Greater-Central-Asia-Changing?redirectedFrom=fulltext (дата обращения: 24.04.2021).

701. Central Asian Security: the New International Context / ed. by Roy Allison and Lena Jonson. – London, 2001.

702. Chazan, G. War Threatens Key Pipeline for Crude Oil / G. Chazan, B. Faucon // The Wall Street Journal. – 2008, August 12. – P. A10.

703. China signs two billion dollars Iran oil deal [Электронный ресурс] // Al Jazeera. – 11.12.2007. – URL: <http://english.aljazeera.net/business/2007/12/2008525124927856237.html> (дата обращения: 17.12.2021).

704. China's Massive 'One Road' Project Largely Bypasses Russia, But Moscow Still On Board [Электронный ресурс]. – 30.06.2017. – URL: <https://www.rferl.org/a/russia-china-one-belt-one-road-project-putinxi/28579849.html> (дата обращения: 22.12.2021).

705. Choong, W. The Revived 'Quad' – and an Opportunity for the US [Электронный ресурс] / W. Choong // International Institute for Strategic Studies. – 2018, January 10. – URL: <https://www.iiss.org/en/iiss%20voices/blogsections/iiss-voices-2018-623/january-c361/the-revived-quad-opportunity-for-the-us-ab39> (дата обращения: 13.08.2021).

706. Choquet, S. Identité nationale et multiculturalisme: Deux notions antagonistes? / S. Choquet. – Paris : Classique Garnier, 2015. – 455 p.

707. Chossudovsky, M. The War on Lebanon and the Battle for Oil [Электронный ресурс] / M. Chssudovsky // Global Research. – 26.07.2006. – URL: <http://globalresearch.ca/index.php?context=viewArticle&code/> (дата обращения: 17.01.2021).

708. Chunshan, M. What is CICA (and Why Does China Care About It)? [Электронный ресурс] / M. Chunshan // The Diplomat. – 17.05.2014. – URL: <https://thediplomat.com/2014/05/what-is-cica-and-why-does-china-care-about-it/> (дата обращения: 17.03.2021).

709. CNPC overtakes Total share in Iran gas project [Электронный ресурс] // trend.az. – 11.08.2018. – URL: <https://en.trend.az/iran/business/2939593.html> (дата обращения: 22.01.2021).

710. Coker, Ch. The Rise of the Civilizational State / Christopher Coker. – Cambridge : Polity, 2019. – 224 p.

711. Collier, D. The Comparative Method. In Ada W. Finifter, ed. Political Sciences: The State of the Discipline II / D. Collier. – Washington, DC : American Science Association, 1993. – P. 105–119.

712. Croissant, C. Azerbaijan, Oil and Geopolitics / C. Croissant. – Commack, N.Y. : Nova Science Publ., Inc., 1998. – 117 p.

713. Crippled America: How to Make America Great Again by Donald J. Trump. – New York : Threshold Ed., 2015. – 208 p.

714. Cutler, R. Third time lucky for Trans-Caspian Gas Pipeline? [Электронный ресурс] / R. Cutler // Petroleum Economist. – 06.06.2019. – URL: <https://pemedianetwork.com/petroleum-economist/articles/geopolitics/2019/third-time-lucky-for-trans-caspian-gas-pipeline/> (дата обращения: 24.03.2021).

715. Davis, J. K. Central Asia in U.S. Strategy and Operational Planning: Where do we go from here? / J. K. Davis, M. J. Sweeney. – Washington : The Institute for Foreign Policy Analysis, 2004.

716. Deng Xiaoping. 选集 / [Deng Xiaoping] 3. 北京。1993 音重 3 页291. = Дэн Сяопин. Избранное : в 3 т. – Пекин : Изд-во иностранной литературы, 1994–1995. – Т. 3. – 539 с.

717. Deutsch, K. W. Political community and the North Atlantic area: International Organization in the Light of Historical Experience / K. W. Deutsch et al. – Princeton : Princeton University Press, 1957. – 228 p.

718. Deutsch, N. The constructive and destructive processes / N. Deutsch. – New Haven and London, 1973. – S. 13–17.

719. Dimitrov, P. Wider Black Sea and the New Frontiers of European Geopolitical Space [Электронный ресурс] / P. Dimitrov. – URL: <http://www.aiprg>.

net/UserFiles/File/black_sea_conf_papers/Plamen_Dimitrov_paper.pdf (дата обращения: 17.12.2022).

720. Dougherty, J. Contending Theories of International Relations. A Comprehensive Survey / J. Dougherty, R. L. Pfaltzgraff. – New York, 1990. – 592 p.

721. Edwards, M. The New Great Game: Disciples of Kipling and McKinder [Электронный ресурс] / M. Edwards // Central Asia Survey. – 2003. № 1 (22). – P. 83–102. – URL: https://www.iwp.edu/wp-content/uploads/2019/05/20131022_EdwardsKiplingandMackinder.pdf (дата обращения: 03.03.2021).

722. Edwards, M. The New Great Game and the new great gamers: disciples of Kipling and Mackinder [Электронный ресурс] / M. Edwards // Central Asian Survey. – 2003, March. – № 22 (1). – P. 83–103. – URL: https://www.researchgate.net/publication/233164187_The_New_Great_Game_and_the_new_great_gamers_Disciples_of_Kipling_and_Mackinder (дата обращения: 03.03.2021).

723. Əliyev, Z. Beynəlxalq münasibətlərdə diasporun rolu / Z. Əliyev. – Bakı : Nurlan nəşriyyatı, 2001. – 150 s.

724. Engdahl, W. The Emerging Russian Giant Plays its Cards Strategically [Электронный ресурс] / W. Engdahl // Global Research. Canada. – 2006, 19 October. – URL: <http://www.engdahl.oilgeopolitics.net/print/Russian%20Giant.html> (дата обращения: 30.03.2021).

725. Europe's Black Sea Dimension / Terry D. Adams, Michael Emerson, Laurence David Mee and Marius Vahl. – Athens – Brussels : Centre for European Policy Studies, 2002. – 13 p.

726. Fadeev, A. The Caspian – an inland sea of the USA? [Электронный ресурс] / A. Fadeev // Information-analytical edition “Internet against TV screen”. – 2003. – URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1057486860> (дата обращения: 17.06.2022).

727. Feffer, J. Russia and Georgia: All About Oil [Электронный ресурс] / J. Feffer, M. Klare // Foreign Policy in Focus. – 2008, August 13. – URL: https://fpif.org/Russia_and_georgia__all_about_oil/ (дата обращения: 11.01.2021).

728. Feuerbach, L. Ein Bericht von der Tagung „Energie und Rohstoffe. Sicherheitspolitische Risiken künftiger Versorgungssicherheit“ [Электронный ресурс] / L. Feuerbach // Zeitschrift für Außen- und Sicherheitspolitik. – 2011. – № 4. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs12399-011-0179-6> (дата обращения: 23.06.2021).

729. Final Report Task 2 – IAP Feasibility. – London : Economic Consulting Associates, 2018. – 133 p.

730. Foreign Trade 2014. Ranking of Germany's Trading Partners in Foreign Trade. – Wiesbaden : Federal Statistical Office, 2015. – 6 p.

731. Fouche, G. Statoil exits Shah Deniz gas project with stake sale to Petronas [Электронный ресурс] / Fouche, Gwladys and Terje Solsvik // Reuters. – 2014, October 13. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-statoil-petronas-shahdeniz-idUSKCN0I209020141013> (дата обращения: 17.12.2021).

732. Freedom House: Россия подает недемократический пример странам Евразии [Электронный ресурс]. – 13.06.2014. – URL: <http://maxpark.com/community/politic/content/2797073> (дата обращения: 13.03.2021).

733. Fu, Jen-kun. Reassessing a “New Great Game” between India and China in Central Asia // China and Eurasia Forum Quarterly / Fu Jen-kun // Spring. – 2010. – Vol. 8, № 1. – P. 19.

734. Global Politics of Regionalism: Theory and Practice / eds.: M. Farrell, B. Hettne, L. Van Langenhove. – London : Pluto Press, 2005. – 336 p.

735. Godehardt, N. Sicherheitspolitische Herausforderungen der Regierung Obama in Asien / N. Godehardt, M. Hanif, R. Sakaeda // GIGA (German Institute of Global and Area Studies). – 2004. – № 1. – S. 5.

736. Gökçe, M. Now and Then: The Future of Gas Infrastructure in the EU [Электронный ресурс] / M. Gökçe // Energy, Climate and the Environment. – 2019. – P. 139–197. – URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-3-030-32614-2_5 (дата обращения: 09.01.2022).

737. Goltz, T. Back to Baku: Watching a Boom Go Bust / T. Goltz // The Washington Quarterly. – 1999. – Vol. 22 (3). – P. 67–87.

738. Guliyev, F. Caspian Energy Producers in the 'New Oil Order': Neglected by the West, Looking East [Электронный ресурс] / F. Guliyev // *Caucasus Analytical Digest*. – 2019, November. – № 112. – P. 2–7. – URL: <https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/CAD112.pdf>. – DOI: 10.3929/ethz-b-000380568 (дата обращения: 09.01.2022).

739. Hampson, F. O. The "New" Multilateralism of the Twenty-First Century / F. O. Hampson, P. Heinbecker // *Global Governance*. – 2011. – Vol. 17, № 3 'Emerging Powers and Multilateralism in the Twenty-First Century'. – P. 299–310.

740. Harley, B. Maps, knowledge and power / B. Harley // *The Iconography of Landscape. Essays on the Symbolic Representations, Design and Use of Past Environments* / ed. D. Cosgrove, St. Daniels. – Cambridge : Cambridge University Press, 1988. – P. 277–312.

741. Haushofer, K. Grundlagen und Ziele der Geopolitik / K. Haushofer // *Bausteine zur Geopolitik von der Herausgebern der Zeitschrift fuer Geopolitik* / Karl Haushofer, Erich Obst, Hermann Lautensach, Otto Maull. – Berlin, 1928. – 349 S.

742. Hayens, J. Twenty Years after Huntington's 'Clash of Civilizations' [Электронный ресурс] / Jeffrey Hayens // *E-International Relations*. – 10.02.2013. – URL: <https://www.e-ir.info/2013/02/10/twenty-years-after-huntingtons-clash-of-civilisations> (дата обращения: 28.08.2021).

743. Heinrich, A. Mixing geopolitics and business: How ruling elites in the Caspian states justify their choice of export pipelines / A. Heinrich, H. Pleines // *Journal of Eurasian Studies*. – 2015. – Vol. 26 (2). – P. 112. – DOI: 10.1016/j.euras.2015.03.003.

744. Hemmer, Ch. Why Is There No NATO in Asia: Collective Identity, Regionalism, and the Origins of Multilateralism / Ch. Hemmer, P. Katzenstein // *International Organization*. – 2005. – Vol. 56 (03). – P. 575–607. – DOI: 10.1162/0020818027601998.

745. Hoagland, R. E. The greater Caspian region: competition and cooperation [Электронный ресурс] / R. E. Hoagland // *Caspian Magazine affairs*. – 2019, January –

February. – P. 10–22. – URL: <https://www.caspianpolicy.org/wp-content/uploads/2019/10/Caspian-Affairs-Magazine-January-Issue-2019-1.pdf>; Caspian Affairs. – URL: <http://www.caspianaffairs.com/> (дата обращения: 17.12.2022).

746. Hoagland, R. E. The Greater Caspian region: competition and cooperation (abbreviated for prototype) / E. Richard Hoagland // Caspian Affairs. – 2019, January – February. – P. 16–18.

747. Hoagland, R. E. The Greater Caspian region: competition and cooperation (abbreviated for prototype) [Электронный ресурс] / Richard E. Hoagland // Caspian Affairs. – 2019, January – February. – P. 20. – URL: <https://www.caspianpolicy.org/wp-content/uploads/2019/10/Caspian-Affairs-Magazine-January-Issue-2019-1.pdf> (дата обращения: 13.03.2021).

748. Hurrell, A. Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics / A. Hurrell // Review of International Studies. – 1995. – Vol. 21, № 4. – DOI: 10.1017/S0260210500117954.

749. Ieda, O. Regional Identities and Meso-Mega Area Dynamics in Slavic Eurasia. Focused on Eastern Europe / O. Ieda // Emerging Meso-Areas in the Former Socialist Countries: Histories Reviewed or Improvised? / ed. by K. Matsuzato. – Sapporo : SRC, 2005. – P. 57–75.

750. Imani M. Caspian Basin Energy Resources and Iran's Foreign Relations with India and Pakistan / M. Imani // International Politics. – 2009, Winter – Spring. – Vol. 2, № 3. – P. 60–75.

751. Imhoff, B. von. 1,2 Milliarden Euro für Aserbaidshan / Benedikt von. Imhoff [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. – 2018. – URL: <https://www.dw.com/de/12-milliarden-euro-für-aserbaidshan/a-42839662> (дата обращения: 17.08.2021).

752. Introduction: Rethinking geopolitics: Towards a critical geopolitics // Rethinking geopolitics / ed. G. O'Tuathail, S. Dalby. – London ; New York : Routledge, 1998. – P. 1–15.

753. Ionian Adriatic pipeline. Project description [Электронный ресурс] // The Energy Community. – URL: <https://www.energy-community.org/regionalinitiatives/infrastructure/PLIMA/Gas16.html> (дата обращения: 26.04.2021).
754. Jawaharlal Nehru's Speeches. – Delhi, 1968. – Vol. 7. – P. 30–43.
755. Jin, X. Eutrophication of Lakes in China / X. Jin, H. Liu, Q. Tu, Z. Zhang, X. Zhu. – Beijing : China Environmental Science Press, 1990. – 614 p.
756. Jin, X. Eutrophication of the Lake and Its Trend / X. Jin // Lakes in China: Research of Their Environment. – Beijing : China Ocean Press, 1995. – Vol. 2. – P. 135–141.
757. Jones, R. W. Conventional Military Imbalance and Strategic Stability in South Asia / Rodney W. Jones // SASSU Research Paper. – 2005, March. – № 1. – P. 9.
758. Jonson, L. The New Geopolitical Situation in the Caspian Region [Электронный ресурс] / L. Jonson // The Security of the Caspian Sea Region / ed. by G. Chufrin. – New York, 2001. – P. 11–32. – URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/books/SIPRI01Chufrin/SIPRI01Chufrin02.pdf> (дата обращения: 17.01.2021).
759. Katzenstein, P. A. World of Regions: Asia and Europe in the American Imperium / P. A. Katzenstein. – Ithaca : Cornell University Press, 2005. – P. 37–43.
760. Kemp, G. Energy Superbowl. Strategic Politics and the Persian Gulf and Caspian Basin / Geoffrey Kemp. – Washington : Nixon Center for Peace and Freedom, 1997. – 97 p.
761. Keohane, R. O. Multilateralism: An Agenda for Research / R. O. Keohane // International Journal. – 1990. – №. 45. – P. 731–764. – DOI: 10.1177/002070209004500401.
762. Kim, Y. The New Great Game in Central Asia post-2014: the US “New Silk Road” Strategy and Sino-Russian Rivalry / Y. Kim, F. Indeo // Communist and Post-Communist Studies. – 2013. – № 2 (46). – P. 275–286.
763. Kissinger, H. How to Achieve the New World Order / H. Kissinger // Time. – 1994, March, 14. – P. 73.

764. Klare, M. Blood and Oil: The Dangers and Consequences of America's Growing Dependency on Imported Petroleum / M. Klare. – New York : Owls Book, 2004. – 265 p.
765. Kleveman, L. The New Great Game: Blood and Oil in Central Asia / L. Kleveman. – New York : Grove Press, 2004. – 287 p.
766. Krivonogov, S. Chapter 4. Changes of the Aral Sea level / S. Krivonogov // The Aral Sea: The Devastation and Partial Rehabilitation of a Great lakeeds. P. Micklin, N. Aladin, I. Plotnikov. – Heidelberg, 2014. – P. 77–111. – DOI: 10.1007/978-3-642-02356-9_4.
767. Kubicek, P. Energy Politics and Geopolitical Competition in the Caspian Basin / P. Kubicek // Journal of Eurasian Studies. – 2013. – № 2 (4). – P. 171–180.
768. Kumar, P. The Unrealized Dream of Caspian Oil / P. Kumar // International Politics. – 2009, Summer – Autumn. – Vol. 2, № 4. – P. 9.
769. Kurlantzick J. The Boston Globe: “State Incorporated” [Электронный ресурс] / J. Kurlantzick. – 17.03.2008. – URL: https://akipress.com/news:4956:The_Boston_Globe__State_Incorporated_/ (дата обращения: 21.12.2021).
770. Lamar, H. Comparative Frontier History / H. Lamar, L. Thompson // The Frontier in History: North America and Southern Africa compared / ed. Howard Lamar and Leonard Thompson. – New Haven : Yale University Press, 1981. – P. 3–14.
771. Landau, J. M. Pan-Turkism: From Irredentism to Cooperation / Jacob M. Landau. – Bloomington : Indiana University Press, 1995. – 261 p.
772. Laruelle, M. China and India in Central Asia. A New “Great Game”? / M. Laruelle, J. Huchet, S. Peyrouse, B. Balci. – Basingstoke : Palgrave MacMillan, 2010. – 254 p.
773. Laruelle, M. Globalizing Central Asia: Geopolitics and the Challenge of Economic Development / M. Laruelle, S. Peyrouse. – Armonk, N.Y. : Sharpe, 2013. – 376 p.
774. Laruelle, M. The Militarization of the Caspian Sea: “Great Games” and “Small Games” over the Caspian Fleets / M. Laruelle, S. Peyrouse // China and Eurasia Forum Quarterly. – 2009. – Vol. 7, № 2. – P. 29.

775. Lavrov, S. Why Russia's Responce to Georgia Was Right [Электронный ресурс] / S. Lavrov // The Financial Times. – 2008, August 13. – URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/7863e71a-689e-11dd-a4e5-0000779fd18c.html> (дата обращения: 07.08.2021).

776. Lemke, D. Regions of War and Peace [Электронный ресурс] / D. Lemke. – New York : Cambridge University Press, 2002. – P. 49–52. – URL: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511491511> (дата обращения: 27.12.2020).

777. Letter from President Trump to President Aliyev on the 26th anniversary of the Caspian oil and gas show [Электронный ресурс]. – 30.05.2019. – URL: <https://president.az/en/articles/view/33318> (дата обращения: 03.02.2021).

778. Liberal idea has failed': Putin speaks to the Financial Times [Электронный ресурс] // The Financial Times. – 28.06.2019 = Интервью газете The Financial Times / В. В. Путин. – 27.06.2019. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60836> (дата обращения: 11.04.2021).

779. MacKinder, H. J. Democratic Ideals and Reality: A study in the Politics of Reconstruction [Электронный ресурс] / H. J. MacKinder. – London : The London School of Economics and Political Science, 1919. – URL: https://www.files.ethz.ch/isn/139619/1942_democratic_ideals_reality.pdf (дата обращения: 30.01.2021).

780. MacKinder, H. J. The Geographical Pivor of History / H. J. MacKinder // Geographical Journal. – 1904. – Vol. 23. – P. 298–321.

781. MacKinder, H. J. The Geographical Pivot of History / H. J. MacKinder // The Geographical Journal. – 1904, Apr. – Vol. 23. – P. 421–437. = Маккиндер, Х. Дж. Географическая ось истории / Х. Дж. Маккиндер // Полис. – 1995. – № 4. – С. 162–169.

782. MacKinder, H. J. The Round World and the Winning of Peace / H. J. MacKinder // Foreign Affairs. – 1943. – Vol. 12, № 4.

783. MacKinder, H. J. The Scope and Methods of Geography and the Geographical Pivot of History / H. J. MacKinder. – London : J. Murray, 1951. – 44 p.

784. Malhotra, A. India – Russia – China: Is there a Case for Strategic Partnership? / A. Malhotra. – New Delhi : Vij Books, 2015. – 44 p.

785. Mann, S. R. The Reaction to Chaos / Steven R. Mann // Complexity, Global Politics, and National Security / ed. by David S. Alberts, Thomas J. Czerwinski. – Washington, D. C. : National Defense University, 1998.

786. Markelov, K. Caspian Basin in the System of Post-Soviet International Relations: Revaluation of Transport and Communication Factors / K. Markelov, G. Kosov, A. Magomedov // Business 4.0 as a Subject of the Digital Economy. Advances in Science, Technology & Innovation / ed. E. G. Popkova. – 2022. – DOI: 10.1007/978-3-030-90324-4.

787. Meienreis D. Obama. Afghanistan und das neue “Große Spiel” [Электронный ресурс] / Meienreis D. Obama. – 10.01.2010. – URL: <http://marx21.de/content/view/926/32/> (дата обращения: 07.08.2021).

788. Micklin, P. Chapter 2. Introduction to the Aral Sea and Its Region / P. Micklin // The Aral Sea: The Devastation and Partial Rehabilitation of a Great lake / eds. P. Micklin, N. Aladin, I. Plotnikov. – Heidelberg, 2014. – P. 15–40.

789. Micklin, P. The past, present, and future Aral Sea / P. Micklin // Lakes & Reservoirs: Research and Management. – 2010. – Vol. 15. – P. 193–213.

790. Mill J. S. Collected Works / J. S. Mill. – Liberty Fund; New edition, 1996. – Vol. IIА. Principles of Political Economy, with Some of Their Applications to Social Philosophy / ed. by J. M. Robson. – 548 p.

791. Mitchell, T. Carbon democracy: Political power in the age of oil / T. Mitchell. – London : New York: Verso Books, 2011. – 288 p.

792. Mitra, D. Consultations on Asia, Illegal Drug Trade and Cyber Security: Key Takeaways from Russia-India-China Summit [Электронный ресурс] / D. Mitra // The Wire. – 2016, April 20. – URL: <https://thewire.in/diplomacy/consultations-on-asia-illegal-drug-trade-and-cyber-security-key-takeaways-from-russia-india-china-summit> (дата обращения: 23.05.2021).

793. Molchanov, M. Regime Building as a Prime Mover of Technological Progress: The Energy Sector in the Central Asia – Caspian region / M. Molchanov,

Y. Yevdokimova // *Perspectives on Global Development and Technology*. – 2004. – № 4 (3). – P. 417–435.

794. Morgenthau, H. J. *Dilemmas of Politics* / Hans J. Morgenthau. – Chicago : The University of Chicago Press, 1958. – 390 p.

795. Mukherjee, R. *From High Ground to High Table: The Evolution of Indian Multilateralism* / R. Mukherjee, D. M. Malone // *Global Governance*. – 2011. – Vol. 17, № 3 ‘Emerging Powers and Multilateralism in the Twenty-First Century’. – P. 311–329.

796. Mullerson, R. *Central Asia: A Chessboard and Player in the New Great Game* / R. Mullerson. – Columbia University Press, 2012. – 385 p.

797. *National Security Strategy of the United States of America*. Dec. [Электронный ресурс] // White House Government: Official Website. – 18.12.2017. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905-2.pdf> (дата обращения: 17.01.2021).

798. *Near Abroad: Putin, the West, and the Contest over Ukraine and the Caucasus* / Gerard Toal. – Oxford University Press, 2017. – 408 p.

799. Nourzhanov, K. *Caspian oil: geopolitical dreams and real issues* / K. Nourzhanov // *Australian Journal of International Affairs*. – 2006. – Т. 60, № 1. – P. 59.

800. Nye, J. S., Jr. *Bound to Lead. The Changing Nature of American Power* / J. S. Nye Jr. – New York : Basic Books, 1990. – 336 p.

801. O’Byrne, D. *European Investment Bank approves \$1 billion funding for TANAP gas pipeline* [Электронный ресурс] / D. O’Byrne // Eurasianet. – 2018, March 16. – URL: <https://eurasianet.org/european-investment-bank-approves-1-billion-funding-for-tanap-gas-pipeline> (дата обращения: 27.02.2021).

802. *European Investment Bank approves \$1 billion funding for TANAP gas pipeline* [Электронный ресурс]. – 06.02.2016. – URL: https://azertag.az/en/xeber/European_Investment_Bank_pledges_1_billion_euros_for_TANAP-924908 (дата обращения: 17.10.2021).

803. O'Tuathail, G. A strategic sign: The geopolitical significance of Bosnia in US foreign policy / G. O'Tuathail // *Environment and planning D: Society and space*. – London, 1997. – Vol. 7. – P. 513–533.

804. O'Tuathail, G. Russia's Kosovo: A Critical Geopolitics of the August 2008 War Over South Ossetia / G. O'Tuathail // *Eurasian Geography and Economics*. – 2008. – Vol. 49, iss. 6. – P. 677. – DOI: 10.2747/1539-7216.49.6.670.

805. O'Tuathail, G. Understanding critical geopolitics: Geopolitics and risk society / G. O'Tuathail // *Journal of strategic studies*. – Florence, 1999. – Vol. 22, № 2/3. – P. 107–124.

806. O'Tuathail, G. The postmodern geopolitical condition: States, statecraft and security at the millennium / G. O'Tuathail // *Annals of the association of American geographers*. – New York, 2000. – Vol. 90, № 1. – P. 166–178.

807. Ohmae, K. The Rise of the Region State / K. Ohmae // *International Affairs*. – 1993. – Vol. 72, № 2. – P. 78–87.

808. Osborn, Andrew. Kremlin accuses Trump of trying to bully Europe into buying U.S. LNG [Электронный ресурс] / Andrew Osborn // *Reuters*. – 2018, July 12. – URL: <https://www.reuters.com/article/uk-nato-summit-trump-kremlin-idUKKBN1K21AA> (дата обращения: 30.01.2021).

809. Paraskova, T. Azerbaijan, BP extend deal for Caspian oil field until 2050 [Электронный ресурс] / T. Paraskova // *Oilprice.com*. – 2017, September 6. – URL: <https://oilprice.com/Latest-Energy-News/World-News/Azerbaijan-BP-Extend-Deal-For-Caspian-Oil-Field-Until-2050.html> (дата обращения: 09.01.2021).

810. Paul Craig Roberts. How America was Lost. From 9/11 to the Police/Warfare State [Электронный ресурс]. – Clarity Press, 2014. – 465 p. – URL: <https://www.paulcraigroberts.org/pages/books/how-america-was-lost/> (дата обращения: 11.02.2021).

811. Pflüger, F. Perspektiven eines südlichen Energiekorridors [Электронный ресурс] / F. Pflüger // *Zeitschrift für Außen- und Sicherheitspolitik*. – 2015. – № 8. – S. 39–48. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs12399-014-0472-2> (дата обращения: 27.06.2021).

812. Phil, K. A critique of critical geopolitics / K. Phil // *Geopolitics*. – St. Louis, 2006. – Vol. 11, № 1 (spring). – P. 24–53.

813. Pietkiewicz, M. The Military Doctrine of the Russian Federation [Электронный ресурс] / Michał Pietkiewicz // *Polish Political Science Yearbook*. – 2018, September. – Vol. 47 (3). – P. 505–520. – URL: https://www.researchgate.net/publication/330109811_The_Military_Doctrine_of_the_Russian_Federation (дата обращения: 09.04.2021).

814. President Delivers State of the Union Address. The President's State of the Union Address [Электронный ресурс] // *The United States Capitol*. – Washington, D.C. – 29.01.2002. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/01/20020129-11.html> (дата обращения: 29.01.2021).

815. Pries, L. The approach of transnational social spaces / L. Pries // *New Transnational Social Spaces : International Migration and Transnational Companies in the Early 21st Century*. – London : Routledge, 2001. – P. 4–15.

816. Pries, L. The approach of transnational social spaces: responding to new configurations of the social and the spatial / L. Pries. – London : Taylor & Francis, Inc., 2001.

817. Regionalism in Historical Perspective. In *Regionalism in World Politics* / ed. Louise Fawcett, Andrew Hurrell. – Oxford : Oxford University Press, 1995. – 365 p.

818. Risse-Kappen, Th. 'Democratic Peace – Warlike Democracies? A Social Constructivist Interpretation of the Liberal Argument' / Thomas Risse-Kappen // *European Journal of International Relations*. – 1995. – Vol. 1 (4). – DOI: 10.4324/9781315623665-4.

819. Rosamond, B. *Theories of European Integration* / B. Rosamond. – New York : St. Martin's Press, 2000. – 232 p.

820. Rose, Leo E. Conflict in the Himalayas / Leo E. Rose // *Military Review*. – 1963, February. – Vol. 43, № 2.

821. Rosenau, J. *Along the Domestic-Foreign frontier. Exploring Governance in a Turbulent World* [Электронный ресурс] / J. Rosenau. – Cambridge : Cambridge

University Press, 1997. – P. 99–118. – URL: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511549472> (дата обращения: 09.02.2021).

822. Ruggie, J. G. Multilateralism: the anatomy of an institution / J. G. Ruggie // International Organization. – 1992. – Vol. 46, № 3. – P. 561–598.

823. Russia and Asia: the Emerging Security Agenda / ed. by G. Chufirin. – New York : Oxford University Press, 1999. – 534 p.

824. Sachdeva, G. India's Attitude towards China's Growing Influence in Central Asia / G. Sachdeva // China and Eurasia Forum Quarterly. – 2006. – Vol. 4, № 3. – P. 33.

825. Said, E. W. The Clash of Ignorance [Электронный ресурс] / Edward Wadie Said // The Nation. – October 22, 2001. – P. 11–13. – URL: <http://www-personal.umich.edu/~satran/PoliSci%2006/Wk%205-B%20Clash%20of%20Civilizations%20Said.pdf> (дата обращения: 22.02.2021).

826. Sasley, B. The Intersection of Geography and Resources: Geopolitics in the Caspian Sea Basin / B. Sasley // Geopolitics: Global Problems and Regional Concerns / ed. Tchantouridze Lasha. – Winnipeg : Center for Defense and Security Studies, University of Manitoba, 2004. – P. 194.

827. Sayadov, S. XX əsr: Azərbaycan və dünya beynəlxalq inteqrasiya sistemində: SSRİ, Avropa, Asiya, Afrika, Amerika (1945–1990) / S. Sayadov. – Bakı : Qarağac, 2006. – 284 s.

828. Schulz, H. Die Erdgasexporte Turkmenistans Heinrich Schulz Energie- und geopolitische Interessen in der Kaspischen Region / Heinrich Schulz. – Berlin : Springer VS, 2016. – 425 p.

829. Shaban, I. Turkmenistan in crisis / I. Shaban // Caspian Barrel. – 2017. – 27 November. – URL: <http://tiny.cc/m4w1bz>.

830. Sidhu WPS. Why Multilateralism Matters for India [Электронный ресурс] // Brookings. – 2014, July 7. – URL: <https://www.brookings.edu/opinions/why-multilateralism-matters-for-india-2/> (дата обращения: 09.01.2021).

831. Smith, A. An Inquiry into the Causes and the Nature of the Wealth of Nations [Электронный ресурс] / A. Smith. – Oxford : Oxford University Press,

1976. – URL: http://files.libertyfund.org/files/220/0141-02_Bk.pdf (дата обращения: 17.02.2021).

832. Smith, D. Central Asia: A New Great Game? / A. Smith // Asian Affairs. – 1996. – № 3 (23). – P. 147–175.

833. Smith, J. The Great Game, Round Three [Электронный ресурс] / A. Smith // The Journal of International Security Affairs. Fall. – 2009. – № 17. – URL: <http://www.securityaffairs.org/issues/2009/17/smith.php/> (дата обращения: 08.01.2021).

834. Solana, J. A Secure Europe in a Better World / J. Solana // European Council. – Thessaloniki, 20.06.2003.

835. Southern Gas Corridor, CEE Bankwatch [Электронный ресурс]. – URL: <https://bankwatch.org/project/southern-gas-corridor-euro-caspian-mega-pipeline> (дата обращения: 17.10.2021).

836. Starr, S. F. Making Eurasia Stable [Электронный ресурс] / H. Starr // Foreign Affairs. – January/February 1996. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/1996-01-01/making-eurasia-stable/> (дата обращения: 17.10.2021).

837. Starr, H. The Substance and Study of Borders in International Relations Research / H. Starr, B. Mast // International Studies Quarterly. – 1976. – Vol. 20, № 4. – P. 581–620.

838. Starr, S. F. A “Greater Central Asia Partnership” for Afghanistan and Its Neighbors [Электронный ресурс] / S. F. Starr // Silk Road Paper. – Washington, D. C. : Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program – A Joint Transatlantic Research and Policy Center. Johns Hopkins University, 2005. – URL: https://www.silkroadstudies.org/resources/pdf/SilkRoadPapers/2005_starr_a-greater-central-asia-partnership.pdf (дата обращения: 11.05.2021).

839. State Oil Fund of the Republic of Azerbaijan. Investment results for the rst quarter of 2015 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.oilfund.az/uploads/Annual_Report_2015_ENG.pdf (дата обращения: 21.03.2022).

840. Statement by H. E. Mr. Anand Sharma, Minister of Commerce and Industry of India. Secretariat of Conference on Interaction and Confidence Building

Measures in Asia [Электронный ресурс]. – URL: http://www.s-cica.org/page.php?page_id=292&lang=1 (дата обращения: 22.02.2021).

841. Stegen, K. S. Outcomes and strategies in the ‘NewGreat Game’: China and the Caspian states emerge as winners [Электронный ресурс] / K. Smith Stegen, J. Kusznir // *Journal of Eurasian Studies*. – 2015. – Vol. 6. – P. 91–106. – URL: https://www.jacobs-university.de/sites/default/files/downloads/outcomes_and_strategies_in_the_new_great_game_2015_journal_of_eurasian_studies_smith_stegen_and_kusznir.pdf (дата обращения: 14.05.2021).

842. Stein, J. Biden administration freezes billions of dollars in Afghan reserves, depriving Taliban of cash [Электронный ресурс] / Jeff Stein. – 17.08.2021. – URL: <https://www.washingtonpost.com/us-policy/2021/08/17/treasury-taliban-money-afghanistan/> (дата обращения: 09.08.2021).

843. Stiglitz, J. E. *Globalization and its Discontents* / Joseph E. Stiglitz. – New York – London : W.W. Norton & Company, 2002. = Стиглиц, Дж. Глобализация: тревожные тенденции / Дж. Стиглиц ; пер. с англ. Г. Г. Пирогова. – Москва : Национальный общественно-научный фонд, 2003. – 304 с.

844. Stiglitz, J. *Making Globalization Work* / J. Stiglitz. – London : Allen Lane, 2006. – 337 p.

845. Swanstrom, N. China and Central Asia: A Great Game or Traditional Vassal Relations / N. Swanstrom // *Journal of Contemporary China*. – 2005. – № 5 (14). – P. 569–584.

846. TANAP Company’s website [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.tanap.com/en/> (дата обращения: 31.03.2021).

847. The American Conservative [Электронный ресурс]. – 12.11.2019. – URL: <https://www.theamericanconservative.com/articles/why-u-s-cyber-sneak-attacks-wont-work-against-iran/> (дата обращения: 10.11.2021).

848. The Future of Gas in Decarbonising European Energy Markets: the need for a new approach [Электронный ресурс] // *The Oxford Institute for Energy Studies*. – 2017. – 37 p. – URL: <https://www.oxfordenergy.org/publications/future-gas->

decarbonising-european-energy-markets-need-new-approach/ (дата обращения: 10.02.2021).

849. The Politics of Eurasianism: identity, popular culture and Russia's foreign policy / eds. Mark Bassin, Gonzalo Pozo. – London : Rowman & Littlefield, 2017. – 384 p.

850. The Security of the Caspian Sea Region / ed. G. Chufrin. – Oxford Univ. Press., 2001. – 334 p.

851. The Strategic Importance of the Caspian Sea // Stratfor. – 30.09.2014. – URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/47588> (дата обращения: 09.02.2021).

852. Thijs, Graaf Van de. Stranded wealth: Rethinking the politics of oil in an age of abundance [Электронный ресурс] / Van de Graaf Thijs and Michael Bradshaw // International Affairs. – 2018. – № 94 (6). – P. 1309–1328. – URL: <https://doi.org/10.1093/ia/iyy197> (дата обращения: 09.02.2021).

853. Toal, G. Problematizing geopolitics: survey, statesmanship and strategy / G. Toal // Blackwell Publishing. Transactions of the institute of British Geographers. New Series. – 1994. – Vol. 19. № 3. – P. 259–272.

854. Trump at NATO summit says Germany is ‘totally controlled by Russia’ [Электронный ресурс] // AlAabia News. – 11.07.2018. – URL: <https://english.alarabiya.net/News/world/2018/07/11/Trump-claims-Germany-controlled-by-Russia-> (дата обращения: 30.04.2021).

855. Trump, D. J. Crippled America: How to Make America Great Again / Donald J. Trump. – New York : Threshold Ed., 2015. – 193 p.

856. Tuathail, G. Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space \ G. Tuathail, G. Toal. – Routledge, 1996. – 314 p.

857. U.S. energy diplomacy / by Tim Voersma and Corey Johnson [Электронный ресурс]. – New York : Columbia Center on Global Energy Policy, 2018, February. – URL: <https://www.energypolicy.columbia.edu/sites/default/files/pictures/CGEPUSEnergyDiplomacy218.pdf> (дата обращения: 17.12.2022).

858. Unjhwala, Y. T. Quad Needs Both Economic & Military Plan for Indo-Pacific [Электронный ресурс] / Y. T. Unjhwala // Economic Times. – 2018, February

23. – URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/quad-needs-both-economic-military-plan-for-indo-pacific/articleshow/63049831.cms> (дата обращения: 11.04.2021).

859. Wallace, W. *The Dynamics of European Integration* / W. Wallace. – London : Pinter Publishers., 1990. – 308 p.

860. Wallerstein, I. *Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World System (Studies in Modern Capitalism)* / I. Wallerstein. – Cambridge : Cambridge University Press, 1991. – 252 p.

861. Waltz, K. N. *Man, the State and War. A Theoretical Analysis* / Kenneth N. Waltz. – New York : Columbia University Press, 1959. – 263 p.

862. White House. *President Donald J. Trump is unleashing American energy dominance* [Электронный ресурс]. – 2019, May 14. – URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/president-donald-j-trump-unleashing-american-energy-dominance/> (дата обращения: 26.04.2021).

863. Wolfe, T. *The Right Stuff* / T. Wolfe. – New York : Farrar, Straus and Giroux (FSG), 1980. – 436 p.

864. Xi Jinping. *Address to the 19th Communist Party Congress* [Электронный ресурс] / Xi Jinping. – 18.10.2017. – URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/19thcpcnationalcongress/2017-10/18/content_33398037.htm (дата обращения: 17.12.2021).

865. Xi Jinping. *Speech at UNESCO Headquarters Paris* [Электронный ресурс] / Xi Jinping. – 2014. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/zyjh_665391/t1142560.shtml (дата обращения: 07.02.2021).

866. *A Conversation with Zbigniew Brzezinski* [Электронный ресурс] // Council on Foreign Relations. – 2012, March 29. – URL: <https://www.cfr.org/event/conversation-zbigniew-brzezinski> (дата обращения: 31.01.2021).

867. Zeinolabedin, Y. *Geopolitics and Environmental Issues in the Caspian Sea* / Y. Zeinolabedin // *Caspian Journal of Environmental Sciences*. – 2009. – Vol. 7, № 2. – P. 116.

868. Zeinolabedin, Y. The Geopolitics of Energy in Caspian Basin / Y. Zeinolabedin // International Journal of Environmental Research. – 2011. – Vol. 5, № 2. – P. 504.

869. Zhongping, F. China's strategic partnership diplomacy: engaging with a changing world [Электронный ресурс] / F. Zhongping, H. Jing – Global partnership series, 2014. – 19 p. – URL: https://www.files.ethz.ch/isn/181324/China's%20strategic%20partnership%20diplomacy_%20engaging%20with%20a%20changing%20world%20.pdf (дата обращения: 12.12.2021).

870. Əliyev, Z. Beynəlxalq münasibətlərdə diasporun rolu / Z. Əliyev. – Bakı : "Nurlan" nəşriyyatı, 2001. – 150 s.

Приложения

Приложение 1

Схема 1. Общая характеристика акватории Каспийского моря

Показатели	Характеристика показателей	Параметры показателей
Общее водное пространство	Часть акватории, расположенная за внешними пределами рыболовных зон и находящаяся в пользовании всех Сторон	
Рыболовная зона	Морской пояс, в котором прибрежное государство обладает исключительным правом на промысел водных биологических ресурсов	10 морских миль
Внешняя граница территориальных вод – государственная граница страны		
Территориальные воды	Морской пояс, на который распространяется суверенитет прибрежного государства	15 морских миль
Внутренние воды	Воды, расположенные в сторону берега от исходных линий	
Прямые исходные линии	Прямые линии, соединяющие соответствующие точки берегов и образующие исходную линию в местах, где береговая линия извилиста или где имеется вдоль берега и в непосредственной близости к нему цепь островов	
Нормальная исходная линия	Линия среднегодового уровня Каспийского моря на отметке минус 28,0 метров	
Исходная линия	Линия, состоящая из нормальных и прямых исходных линий (материковая часть государства)	

Источник: авторский, составлено по данным [93, с. 74–84].

**Характеристика компетенций сторон Конвенции
о правовом статусе Каспийского моря**

№/ №	Содержание компетенций, установленных Конвенцией	Компетенции и интересы сторон		
		Всех сторон	Двусто- ронние	Нацио- нальные
1.	Обеспечение коллективной безопасности (ст. 3)			
1.1.	Обеспечение стабильного баланса вооружений Сторон на Каспийском море, осуществление военного строительства в пределах разумной достаточности с учетом интересов всех Сторон, ненанесение ущерба безопасности друг друга	+	+	+
1.2.	Соблюдение согласованных мер доверия в сфере военной деятельности в духе предсказуемости и транспарентности в соответствии с общими усилиями по упрочению региональной безопасности и стабильности, в том числе в соответствии с заключенными между всеми Сторонами международными договорами	+	+	+
1.3.	Неприсутствие на Каспийском море вооруженных сил, не принадлежащих Сторонам	+	+	+
1.4.	Непредоставление какой-либо Стороной своей территории другим государствам для совершения агрессии и других военных действий против любой из Сторон	+	+	+
1.5.	Свобода мореплавания за внешними пределами территориальных вод каждой Стороны при соблюдении суверенных и исключительных прав прибрежных государств и установленных ими в этой	+	+	+

	связи правил в отношении определенных Сторонами видов деятельности			
1.6.	Право на свободный доступ из Каспийского моря к другим морям, Мировому океану и обратно на основе общепризнанных принципов и норм международного права и договоренностей соответствующих Сторон с учетом законных интересов Стороны транзита в целях расширения международной торговли и экономического развития	+	+	+
1.7.	Осуществление плавания в Каспийском море, прохода в/из него исключительно судами под флагом каждой из Сторон	+	+	+
1.8.	Ответственность Стороны, допускающей загрязнение, за ущерб, причиненный экологической системе Каспийского моря	+	+	+
1.9.	Проведение морских научных исследований за пределами территориальных вод каждой Стороны в соответствии с согласованными Сторонами правовыми нормами при соблюдении суверенных и исключительных прав прибрежных государств, а также установленных ими в этой связи правил в отношении определенных видов исследований	+	+	+
2.	Хозяйственная деятельность в Каспийском море (ст. 4)			
2.1.	Стороны осуществляют деятельность в Каспийском море в соответствии с настоящей Конвенцией, совместимыми с ней отдельными соглашениями Сторон и их национальным законодательством	+	+	+

3.	Суверенитет государств (ст. 6, 7, 9)			
3.1.	Суверенитет каждой Стороны распространяется за пределы ее сухопутной территории и внутренних вод на примыкающий морской пояс, называемый территориальными водами, равно как на его дно и недра, а также на воздушное пространство над ним (ст. 6)	+	+	+
3.2.	Каждая Сторона устанавливает территориальные воды, не превышающие по ширине 15 морских миль, отмеряемых от исходных линий, определенных в соответствии с настоящей Конвенцией (ст. 7)	-	-	+
3.3.	В области рыболовства (ст. 9)			
3.3.1	Каждая Сторона устанавливает рыболовную зону шириной 10 морских миль, прилегающую к территориальным водам	-	-	+
3.3.2	В своей рыболовной зоне каждая Сторона обладает исключительным правом на осуществление промысла водных биологических ресурсов в соответствии с настоящей Конвенцией, принятыми на ее основе отдельными соглашениями Сторон и со своим национальным законодательством	-	-	+
3.3.3	Стороны на основе настоящей Конвенции и международных механизмов совместно определяют общий допустимый улов совместных водных биологических ресурсов в Каспийском море и распределяют его на национальные квоты	+	-	-

3.3.4	Если одна из Сторон не имеет возможности освоить свою квоту в общем допустимом улове, она путем заключения двусторонних соглашений и других договоренностей в соответствии с национальным законодательством может предоставить другим Сторонам доступ к остаткам своей квоты в общем допустимом улове	-	+	+
3.3.5	Порядок и условия промысла совместных водных биологических ресурсов в Каспийском море определяются в соответствии с отдельным соглашением между всеми Сторонами	+	-	-
4.	Свобода мореплавания (ст. 10)			
4.1.	Суда под флагами Сторон пользуются свободой мореплавания за внешними пределами территориальных вод Сторон в соответствии с положениями настоящей Конвенции и совместимыми с ней отдельными соглашениями Сторон без ущерба для суверенных и исключительных прав Сторон	+	+	-
4.2.	Стороны имеют право на свободный доступ из Каспийского моря к другим морям, Мировому океану и от них, свободой транзита через территории Сторон транзита всеми транспортными средствами	+	+	-
4.3.	Стороны транзита в осуществление своего полного суверенитета над своей территорией имеют право принимать все меры, необходимые для обеспечения	-	-	+

	того, чтобы права и возможности, предусмотренные в настоящем пункте для Сторон, никоим образом не ущемляли законных интересов Стороны транзита			
5.	Свобода прохода через территориальные воды (ст. 11)			
5.1.	Суда под флагами Сторон могут осуществлять проход через территориальные воды, включая военные корабли, подводные лодки и другие подводные транспортные средства	+	+	+
5.2.	Военные корабли, подводные лодки и другие подводные транспортные средства не имеют права захода в порты и постановки на якорь в пределах территориальных вод другой Стороны за исключением случаев, когда на это имеется соответствующее разрешение, или это необходимо вследствие непреодолимой силы или бедствия, или для оказания помощи лицам, морским и воздушным судам, терпящим бедствие	+	-	-
5.3.	Подводные лодки и другие подводные транспортные средства одной Стороны в территориальных водах другой Стороны должны следовать на поверхности и поднимать свой флаг.	+	+	+
5.4.	Сторона может принимать в своих территориальных водах меры, необходимые для недопущения прохода через территориальные воды	-	-	+
5.5.	Сторона должным образом публикует все законы и правила, относящиеся к проходу через территориальные воды	-	-	+

5.6.	Право устанавливать или предписывать морские коридоры и схемы разделения движения для регулирования прохода судов через территориальные воды	-	-	+
5.7.	Временно приостанавливать в определенных районах своих территориальных вод осуществление прохода, если такое приостановление существенно важно для обеспечения ее безопасности	-	-	+
5.8.	Сторона флага несет международную ответственность за любой ущерб или убытки, причиненные другой Стороне в результате несоблюдения каким-либо военным кораблем или другим государственным судном, эксплуатируемым в некоммерческих целях	-	-	+
6.	Юрисдикция государств (ст. 12)			
6.1.	Каждая Сторона осуществляет юрисдикцию в отношении судов под своим флагом в акватории Каспийского моря	-	-	+
6.2.	Каждая Сторона в пределах своего сектора осуществляет юрисдикцию в отношении искусственных островов, установок, сооружений, своих подводных кабелей и трубопроводов	-	-	+
6.3.	Каждая Сторона в осуществление своего суверенитета, суверенных прав на недропользование и другую правомерную хозяйственно-экономическую деятельность, связанную с освоением ресурсов дна и недр, исключительных прав на промысел водных биологических ресурсов, а также в целях их сохранения и	-	-	+

	управления ими в своей рыболовной зоне может принимать меры в отношении судов других Сторон, включая досмотр, инспекцию, преследование по горячим следам, задержание, арест и судебное разбирательство, которые могут быть необходимы для обеспечения соблюдения ее законов и правил			
7.	Обеспечение суверенитета государств (ст. 13)			
7.1.	Каждая Сторона в осуществление своего суверенитета имеет исключительное право регулировать, разрешать и проводить морские научные исследования в своих территориальных водах. Суда под флагами Сторон могут проводить морские научные исследования в пределах территориальных вод другой Стороны только с ее письменного разрешения и на установленных ею условиях	-	+	+
7.2.	Каждая Сторона в осуществление своей юрисдикции имеет исключительное право регулировать, разрешать и проводить морские научные исследования в своей рыболовной зоне, связанные с водными биологическими ресурсами, и в своем секторе, связанные с разведкой и разработкой ресурсов дна и недр. Суда под флагами Сторон могут проводить такие исследования в рыболовной зоне и секторе другой Стороны только на основании ее письменного разрешения и на установленных ею условиях.	-	+	+

7.3.	Сторона, проводящая морские научные исследования в соответствии с пунктами 1, 2 настоящей статьи, предоставляет Стороне, разрешившей проведение таких исследований, результаты и заключения после завершения морского научного исследования, а также доступ ко всем данным и образцам, полученным в рамках такого исследования.	-	-	+
7.4.	Сторона имеет право потребовать приостановления или прекращения любой проводимой деятельности по морским научным исследованиям в своих территориальных водах.	-	-	+
7.5.	Двусторонние и многосторонние морские научные исследования проводятся по договоренности заинтересованных Сторон	+	+	+
8.	Прокладка подводных кабелей и трубопроводов (ст. 14)			
8.1.	Стороны могут прокладывать подводные кабели и трубопроводы по дну Каспийского моря	+	+	+
8.2.	Определение трассы для прокладки подводных кабелей и трубопроводов осуществляется по согласованию со Стороной, через сектор дна которой должен быть проведен подводный кабель или трубопровод	+	+	+
9.	Защита и сохранность экологической системы Каспийского моря (ст. 15)			
9.1.	Стороны обязуются защищать и сохранять экологическую систему Каспийского моря и все ее компоненты	+	+	+

9.2.	Стороны самостоятельно или совместно принимают все необходимые меры и сотрудничают в целях сохранения биологического разнообразия, защиты, восстановления, устойчивого и рационального использования биологических ресурсов Каспийского моря, предотвращения, снижения и обеспечения контроля за загрязнением Каспийского моря из любого источника	+	+	+
9.3.	Стороны в соответствии с нормами международного права несут ответственность за ущерб, нанесенный экологической системе Каспийского моря	+	+	+
10.	Взаимодействие и сотрудничество государств (ст. 16 – 21)			
10.1.	Сотрудничество Сторон на Каспийском море с физическими и юридическими лицами государств, не являющихся участниками настоящей Конвенции, а также с международными организациями осуществляется в соответствии с положениями настоящей Конвенции	+	-	-
10.2.	Стороны взаимодействуют в целях противодействия международному терроризму и его финансированию, незаконному обороту оружия, наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, браконьерству, предупреждения и пресечения незаконного ввоза мигрантов по морю, а также иных преступлений на Каспийском море	+	+	+

10.3.	Стороны в целях эффективного выполнения Конвенции и обзора сотрудничества на Каспийском море создают механизм пятисторонних регулярных консультаций высокого уровня под эгидой министерств иностранных дел, которые проводятся, как правило, не реже одного раза в год поочередно в одном из прибрежных государств в соответствии с согласованными правилами процедуры	+	+	+
10.4.	Настоящая Конвенция не затрагивает прав и обязательств Сторон, вытекающих из других международных договоров, участницами которых они являются	+	+	+
10.5.	Разногласия и споры, связанные с толкованием и применением настоящей Конвенции, решаются Сторонами путем консультаций и переговоров	+	+	+
10.6.	Любой спор между Сторонами, касающийся толкования или применения настоящей Конвенции, по которому в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи не удастся достичь согласия, по выбору Сторон может быть передан на урегулирование другими средствами мирного разрешения споров, предусмотренными в международном праве	+	+	+

Источник: авторский, составлено по данным [15; 370].